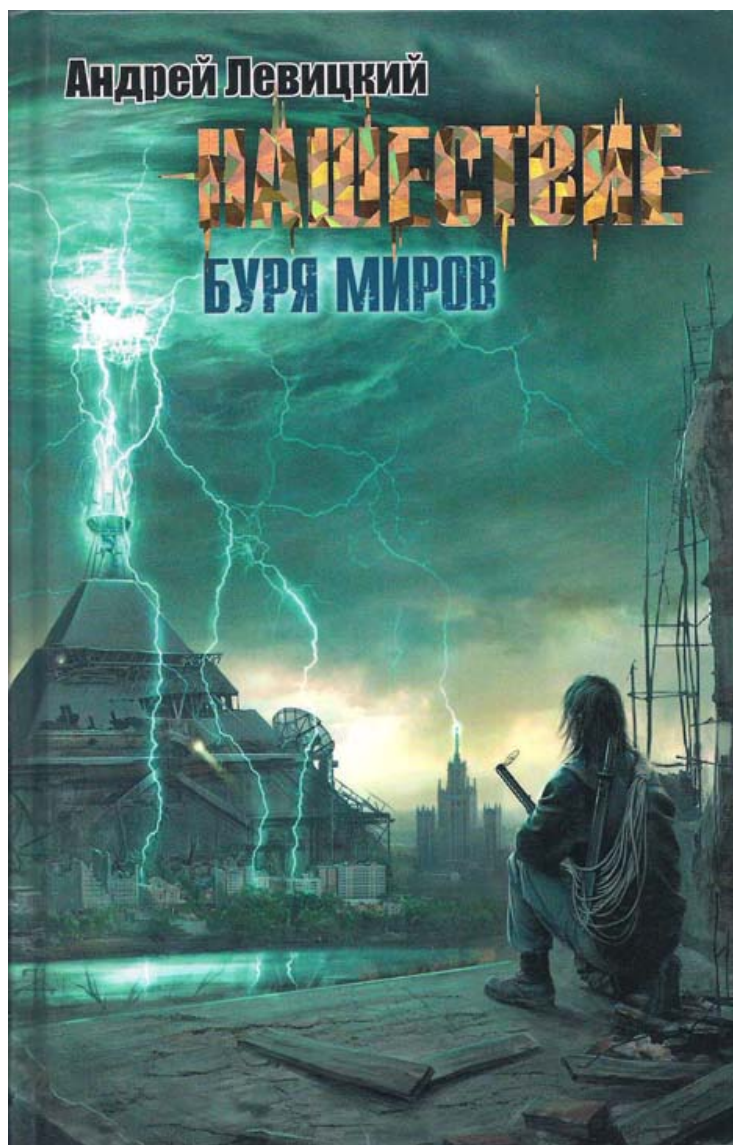

Андрей Левицкий
Нашествие. Буря миров

Нашествие – 2

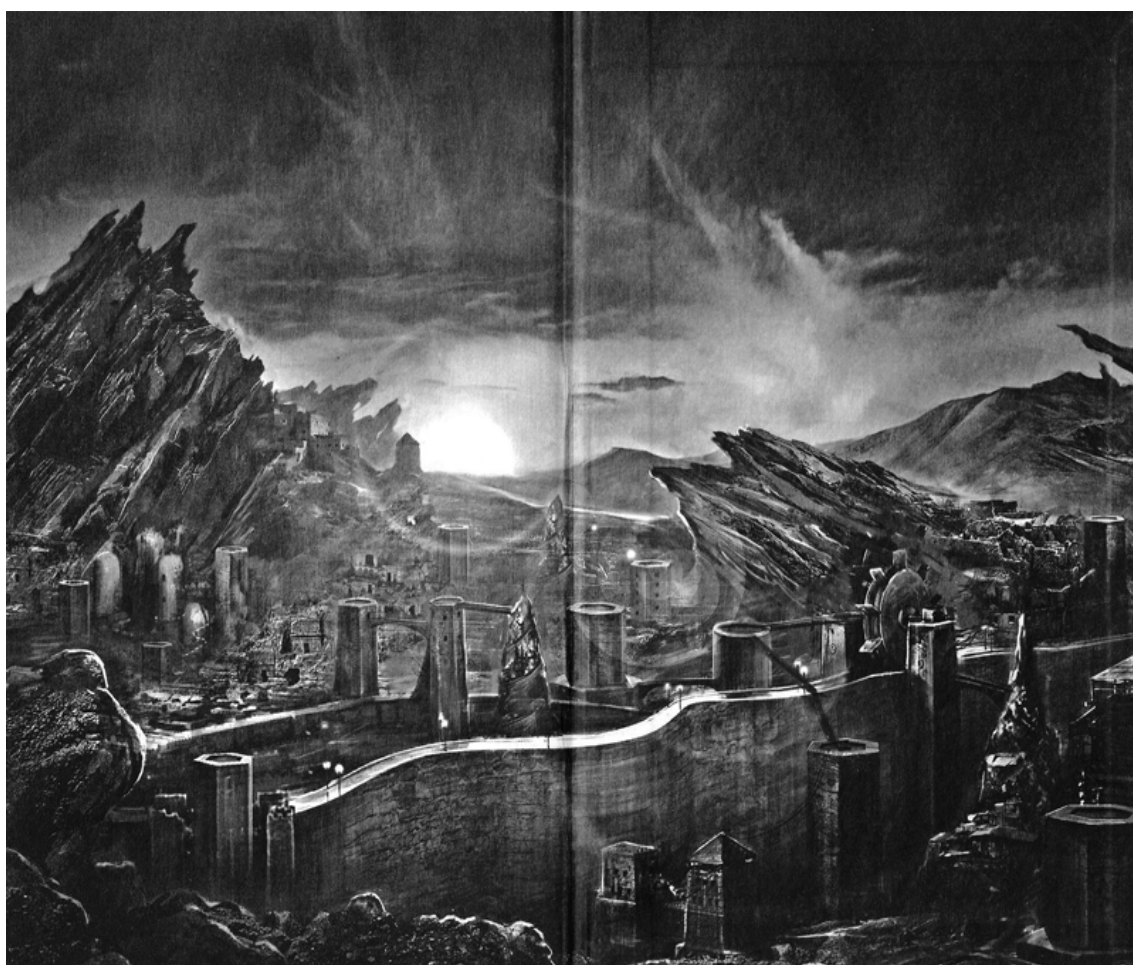
Аннотация

Странное сооружение возводят захватчики в центре оккупированной Москвы. Людей для его строительства согнали со всей столицы. Город покорен, сопротивление подавлено, лишь отдельные группы выживших еще пытаются бороться.

Кажется, что враг непобедим. Но теперь новые силы вступают в бой — на помощь москвичам приходят повстанцы из иной реальности. Чтобы изгнать оккупантов, надо раскрыть их тайны: откуда они, какова их истинная цель? И что будет, когда страшная пасть Главного Портала раскроется над Москвой?

Продолжение бестселлера «Нашествие. Москва-2016»!

Андрей Левицкий
НАШЕСТВИЕ. БУРЯ МИРОВ

ЧАСТЬ I

ЗЕМЛЯ-ТЕРИАНА

ГЛАВА 1

— Пригнись, ботаник!

Сообразив, что кричат ему, Кир присел. Позади румяный здоровяк — один из тех, кого Кирилл впервые увидел в «Старбайте», кажется, его называли Багрянцем, — быстро водил из стороны в сторону стволом АК.

— Не двигаться, у меня автомат заряжен, сразу всех скошу!!!

Зачем он предупредил, что заряжен? Багрянец явно нервничает... это потому, сообразил Кир, что в магазине его оружия так и нет патронов! Еще в «Старбайте» закончились, а потом здоровяк бросился в портал, не успев зарядить. Может, у него и запасного магазина нету.

— Ладно, Павлуха, спокойней давай.

Это сказал Леша, стоящий справа от Кира с «Макаровым» и ножом в руках. А слева покачивался, прижав ладонь ко рту, Денис — и все они находились посреди широкой наклонной мостовой, полого уходящей вверх между каменными башнями. Окна овальные, вместо дверей арочные проемы, а здания приземистые и, кажется, восьмиугольные.

Холодно... Сумрачно... Снег...

Зима.

Выпрямившись, Кир плотнее запахнул куртку. Ему было плохо, тошнило, ноги подгибались. Он вспомнил ощущения после перелета Москва — Бангкок — сейчас было примерно так же, только хуже, будто он преодолел за минуту тысячу часовых поясов.

Судя по лицам остальных землян, они чувствовали себя не лучше.

Рюкзак остался в «Старбайте», с собой у него были только катана на поясе, «Король Джунглей» да мешочек с гайками для рогатки. У Леша — пистолет и нож, у Дениса вообще ничего.

А у стоящих перед ними пятерых людей? Электроружье, большие пистолеты непривычной формы и винтовки с торчащими вбок кривыми рычагами. Троих Кир видел в подвале «Старбайта»: кудрявого мужчину с длинными светлыми усами, старика и накачанного великана с ежиком белых волос, одетого в шаровары и бледно-желтое кожаное пальто до колен. Еще двое — почти наголо обритая женщина с косичкой на затылке и краснолицый толстяк с заплывшими глазками — держались за спинами этих троих, возле машины, смахивающей на трактор. Из передка ее, словно бивни, изгибались две металлические штанги, а сзади был большой кубический выступ.

То ли утро, то ли вечер, не разберешь. Посвистывает ветер, по мостовой стелется поземка. Снежные завихрения проносятся низко над головой, между стенами зданий, сложенных из блоков ноздреватого камня, вроде ракушечника. Темные провалы окон, дыры, трещины, разбитые лестницы, ведущие к проемам без дверей... Сплошь развалины кругом, ни одного целого дома. На некоторых крышах виднеются покосившиеся ветряки, но вращается только один, его широкие лопасти проворачиваются с заунывным скрипом.

И купола над головой нет. Кирилл ожидал его увидеть, думал, что и в этом мире

захваченная варханами территория накрыта испускающим молнии стеклито-зеленым колпаком, но вверху было лишь черное небо и потоки снежной крупы, никаких проблесков зелени.

— Опустит ствол, Павлуха! — повторил Леша. — Эй, парни, по-нашему не понимаете?

— Понимать, — сказал старик. — Плохо понимать. Мало говорить. Где Артемей?

Не получив ответа, он обратился к усачу:

— Айрин апу кара.

Усатый, не опуская оружие с кривым рычагом, ствол которого был направлен на Багрянца, попятился и что-то крикнул толстяку с женщиной возле машины. Ухмыльнувшись, махнул рукой на землян.

— Ботаник, в сторону отвали! — прошипел Багрянец сзади.

— Замолкни, надоел, — не поворачивая головы, бросил Кирилл, внимательно разглядывающий людей перед собой.

— Ты че сказал?!

— Помолчи, Павел, — велел Леша.

Краснолицый толстяк полез в кабину, обрита женщина осталась на месте. Между концами «бивней» проскочил зеленый разряд, похожий на струю маслянистого дыма, набух, свернулся кольцом и лопнул. Посыпались искры, запахло озоном. Кирилл сообразил, что расстояние между концами штанг примерно такое же, как длина портала. С помощью этой штуки терианцы и вытащили их из подвала «Старбайта»?

Терианцы, да? Ведь они на Териане. В мире под названием Териана. В другом мире!

У Кира даже голова закружилась, когда он вдруг ясно и отчетливо понял это: *это другой мир*. Параллельный, перпендикулярный, альтернативный, как ни назови, — ДРУГОЙ МИР. Фантастика вторглась в его жизнь, фантастика была вокруг него... он попал в иную вселенную!

Денис что-то произнес. Кудрявый усач шагнул вперед, опустив оружие, осклабился, сделал энергичный жест и тоже выдал несколько слов. Заговорил старик, потом Денис повторил фразу.

— Ты о чем с ними болтаешь? — продребезжал Леша и закашлялся, схватившись за горло.

— «Мы не будем нападать на вас», — ответил ученый, помедлив. — Надеюсь, что они меня понимают.

Слева стояло трехэтажное здание с просторными арками вместо окон, сквозь которые ветер заносил внутрь потоки снега. К дверному проему вела каменная лестница.

И в проеме этом мигнули два желтых глаза.

— Э... — начал Кирилл, берясь за катану.

Наружу прыгнуло существо, смахивающее на здоровенную, ростом с человека, обезьяну. Горбатую. Усач и Леша со стариком-терианцем повернулись, но быстрее всех отреагировал беловолосый великан. До сих пор он стоял, опустив длинные руки, ветер трепал полы расстегнутого пальто, теребил меховой воротник и короткие волосы. А теперь великан развернулся и выхватил пистолет из кобуры на боку.

Слетев по ступеням, существо метнулось к людям. Грохнул выстрел, картечь ударила в плоскую темную морду. Лапы подогнулись, оно врезалось в Дениса, опрокинув, повалилось сверху. Задержалось. Кирилл рубанул катаной по заросшей черной щетиной шее, схватил тварь за шерсть на затылке и стащил с ученого. Только сейчас он разглядел, что на существе надета набедренная повязка, а на шее висит ожерелье из камешков.

Денис сел. Лицо его было отрешенным, взгляд сосредоточенным, а по лбу медленно стекала капля пота. Указательным пальцем ученый поправил очки, потер щеку, забрызганную чужой кровью, посмотрел на свою ладонь и встал.

Беловолосый перезаряжал пистолет, наблюдая за зданием, откуда появилась тварь. Старик с усачом повернулись к противоположной стороне улицы, выставив стволы. Леша двумя руками поднял «Макаров», а Багрянец растерянно топтался на одном месте, вертя

головой.

Зарокотал двигатель «трактора», оставшаяся снаружи женщина запрыгнула на подножку. Усач произнес несколько слов, и Денис перевел:

— Отсюда надо уходить.

— Ехать, — поправил старик. — Ехать быстро. Магулы — много, опасно. Ехать!

На русском он говорил с сильным непривычным акцентом, но быстрее, увереннее, чем Явсен.

— В этой штуке? — спросил Багрянец. — Слушайте, есть у кого-то рожок? Я пустой...

— Держи, Павло, — Леша достал из подсумка автоматный магазин. — Но без спросу не стрелять, понял? И Кирюху не задирай.

— Магул, — показал усач на тварь, лежащую у ног Дениса и Кирилла. — Магул руота данга.

— Злое животное, — перевел ученый.

Старик сказал несколько фраз, дважды повторив слово «айрин», и усатый поспешил к узкому просвету между зданиями справа.

В верхней части улицы из снежной пелены появились обезьяньи силуэты. Трактор, постепенно разгоняясь, ехал вниз. Толстяк рулил, а женщина забралась на кабину и открыла огонь по тварям.

— Артемай? — громко спросил старик. — Ат Артемай?

— Интересуется, где шеф, — перевел Денис. — Бет, э... бет Артемий.

Старик воззрился на него:

— Бет варт?!

— Варт.

Около десятка магулов длинными скачками приближались к ним, и Багрянец, не выдержав, дал длинную очередь из автомата. Две твари упали, остальные бросились к башням, мгновенно исчезнув в окнах и дверях.

Великан-терианец оживился. Одобрительно ухнув, вытащил из кобуры второй пистолет — револьвер, как у лысого офицера, которого в лагере на Красной площади подстрелил Явсен, но черный, а не серебристый и с коротким стволом. Показал на автомат в руке Багрянца, на свое оружие, предлагая то ли поменяться, то ли обсудить достоинства и недостатки стволов.

— Ни хрена не знаю! — отрезал Павел с вызовом.

В просвете, где исчез усач, зажглась желтая фара-полумесяц. Раздалось гудение, и на улицу выкатилась машина: закругленный покатый нос, открытая кабина, загнутые борта и широкие рыжие колеса.

В кабине, небрежно сжимая конец Г-образного рычага, восседал усач. Над головой его торчали стволы пулеметной спарки с ленточным питанием.

— Внутрь! — приказал старик, шагая к машине.

То один, то другой магул выскакивал из домов, делал несколько прыжков вниз по улице и снова прятался, прежде чем люди успевали выстрелить.

В машине оказалось четыре сиденья — водительское, два длинных вдоль бортов и одно, короткое, сзади. Между ними из натянутого кожей днища торчала пулеметная стойка, возле которой встал белокрысы великан. Усач рулил, старик сел на заднюю лавку, Багрянец и Леша у одного борта, Кирилл с Денисом — напротив. Когда машина, пропустив «трактор», покатила следом, старик посмотрел на землян и повторил:

— Бет Артемай?

— Варт бет, — подтвердил Денис.

— Ну, бли-ин, — протянул Багрянец и ладонью стряхнул с волос снежную крупу. Выглядел здоровяк растерянным и злым. — Что это значит, а? «Мертв Артемий?» — «Совсем мертв»?

— Примерно так наши слова и переводятся, — кивнул Денис без тени улыбки.

— Ты лучше скажи: мы куда, на хрен, попали?!

— Не дергайся, Петруха, — Леша хлопнул Багрянца по колену. — Я понимаю, ты без капитана как без головы. Нервничаешь. Не бойся, я командовать буду. И Кирюху с этим вот пареньком ты не задирай.

— Они ж ботаны, — заворчал Багрянец. — Этот с саблей... Сачок бы взял! Саблей пули собрался отбивать? Мы таких в школе били...

— Ну и тупые, — пожал плечами Кирилл.

— Чего сказал?! — Багрянец приподнялся, и тогда Леша гаркнул ему в ухо:

— Курсант, сидеть!

Большое краснощекое лицо задеревенело, Павел плюхнулся на место и попытался сидя принять стойку «смирно».

— Слушаюсь, товарищ полковник!

— Не полковник я уже, — сказал Леша, — в отставке давно. А ты, Павлуха, пойми одну вещь: эти парни умнее тебя. Это не оскорбление, потому что вот ты их сильнее, а они — умнее, у каждого свои достоинства, э? Нам сейчас и мозг, и мышца нужна, так что никаких «ботанов» больше, понял?

— Ладно, — Багрянец отвернулся.

Леша хотел сказать еще что-то, но Киру эта болтовня уже надоела, он повернулся к старику-терианцу, ткнул себя кулаком в грудь и объявил:

— Кир. Я — Кир. — Затем по очереди показал на ученого, Лешу и Багрянца: — Денис. Леша. Мышца... то есть Павлуха.

Багрянец набычился, приподнимаясь, но Леша глянул на него предупреждающе, и курсант снова сел.

Ветер усилился, снег тоже, он сек лицо, падал за шиворот. Все подняли воротники. Кириллу в куртке — и то было холодно, а Денис в своем халате, под которым только белая рубашка да легкие костюмные брюки, уже заметно дрожал.

— Лукан, — старик коснулся пальцем своей груди. Показал на белобрысого у пулемета и на усача: — Батур. Айрин.

Водитель, удерживая рычаг одной рукой, оглянулся и сказал несколько слов, трижды повторив «Айрин» и постучав себя кулаком по груди. Великан стал молча поворачивать пулемет, потому что, когда несколько магулов стали догонять машины, на кабине «трактора» вскочила обритая женщина и подняла оружие.

— Так, малец, — обратился Леша к ученому, — а переведи-ка им...

— Мое имя Денис, — ровным голосом произнес тот.

— Да-да, Деня, так вот, спроси: это они поддерживали связь с Айзенбахом?

Услышав последнее слово, Лукан оживился и что-то спросил у ученого. Тот ответил, а потом голоса заглушила пулеметная очередь: Батур пустил пули над головами сидящих людей. Тусклые багровые вспышки замигали в окутывающем улицу холодном сумраке. С каждым выстрелом ствол, выпустив короткий язык огня, дергался назад. Лязгала, быстрыми рывками уходя в приемник, металлическая лента, с другой стороны конец ее, уже лишенный патронов, свешивался все ниже, пока не стал складываться горкой у ног Батура.

Оставив три тела на мостовой, магулы снова скрылись в окрестных домах. Пулемет смолк. Великан, сдержанно улыбнувшись, похлопал его по стальному боку, присел и поправил ленту.

— Нам надо все прояснить, — сказал Кирилл, поворачиваясь к Денису. — На моем лэптопе была большая программа... В подвале ты сказал: метавирус, который попал к вам с Терианы. Его прислали именно эти люди? И позже, когда их операция сорвалась, они решили вытащить с Земли тех, с кем сотрудничали?

Денис снова обратился к Лукану, и тот, выслушав, кивнул. Что-то сказал, снова кивнул... Кирилл подумал: а может, у них, как у болгар, кивок означает «нет», а покачивание головой — «да»?

— Они знают пеона по имени Явсен? — спросил Кир.

— Явсен! — выкрикнул усатый Айрин и тоже закивал. — Хату инакатри батар Явсен?

Лукан произнес длинную фразу, дважды упомянув Явсена. Денис молча глядел на него. Лукан повторил вопрос медленнее, добавил несколько слов на русском — «гибель», «варханы», «человек», — тогда Денис, показав на Кира, ответил:

— Да, это он. Ори агрианты баста... бастра скерлагос.

— Хадук арея агрианты? — спросил старик. — Плохо? Неудача?

Батур, Айрин, Лукан — все уставились на Кирилла.

— Хадук, — подтвердил Денис. — Арея хадук, неудача.

— Это вы о чем, парни? — спросил Леша.

— Теперь они знают, что именно он носил вирус в лабораторию Бурегого, — пояснил Денис.

— Ходок, стало быть. Так, хорошо, с этим позже разберемся, сейчас задавай вопросы и переводи мне ответы. Мы на Териане?

Денис спросил. Лукан не успел ответить — Айрин, вновь оглянувшись, выкрикнул несколько слов. Лукан сердито заговорил, кажется приказывая ему заткнуться и смотреть на дорогу. Денис подтвердил остальным землянам: это именно Териана, — и тогда Леша начал задавать другие вопросы. Ученый сбивался, пытался сформулировать и так, и этак, когда Лукан отвечал — часто переспрашивал, непонимающе хмурился, шевелил губами, повторяя про себя незнакомые слова... А машины катили между развалинами низких башен, сквозь усиливающуюся пургу, поворачивая то влево, то вправо, и постепенно, слово за словом, земляне начинали понимать происходящее.

Этот город назывался Наргелис, и он был столицей государства Наргал. Единственного государства Терианы. Наргальцы — не коренное население, они пришли сюда «извне», хотя произошло это так давно, что события тех времен превратились в миф. Земли вокруг Наргала населены дикими животными и племенами магулов, среди которых попадаются и звероподобные, и более разумные, хотя все дикари кровожадны и опасны.

Варханы здесь уже долго — много лет, если Денис правильно сумел сопоставить временные отрезки. Когда-то над Наргелисом возник купол, под которым появились порталы, откуда и вышла вражеская армия.

Но купола нет. Что с ним стало?

Оказалось, что терианцы уверены: темники, ученые варханов, способны регулировать размеры купола. Постепенно здесь накапливались все более мощные силы, и когда вражеское командование решило, что Орда готова, — купол увеличили. Подчинив открывшиеся земли, расширили еще, потом еще... в конце концов он накрыл всю страну с частью территорий вокруг нее.

Как варханы управляют куполом?

Через свою машину, купольный генератор.

Откуда они им управляют?

Из места, название которого Денис перевел как «Бастион». Варханы часто называют его и другим словом — «Центаврос», и вслед за ними так это место стали называть и терианцы.

Где находится Бастион-Центаврос?

В другой части города, за рекой. И очень хорошо охраняется.

А где находимся мы?

В Диком городе — заброшенных кварталах Наргелиса. Здесь живут только беженцы да приبلудные магулы.

А за рекой — только варханы? Там есть терианцы?

Да, много. По большей части они работают на фабриках, на полях и в службе. Есть и рабы — полностью бесправные. Есть манкураты — люди с «вычищенным мозгом», как перевел Денис. И добавил: многих здоровых детей варханы забирают в Орду, навсегда разлучая с родителями.

Куда мы едем?

Тут Денис снова затруднился. «Пада» — то есть «место», перевел он. Едем в «место у реки». Какое место? — непонятно.

Последние вопросы задавал Кирилл. Когда исчез купол? Он предположил, что «пробой» туннеля в новый мир автоматически гасит купол в том, из которого этот туннель пробит, но оказалось, что терианский купол пропал всего сутки назад. Это сопровождалось большими... «возмущениями», сказал Денис. А Лукан проронил несколько других слов: «опасность», «беда», «много» и «боль».

Почему купол пропал?

Лукан удивился. Конечно, потому что был открыт проход на Землю. Там — возник, тут — исчез... Кирилл возразил: он тоже так сначала подумал, но на Земле купол появился не сутки назад, гораздо раньше. Старик покачал головой, открыл рот, чтобы ответить, и тут разговор прервался.

Машины остановились на краю большой площади, через которую шли люди в лохмотьях. Зашевелился Батур, Айрин поднял руку и что-то негромко сказал. Согбенные силуэты брели в потоке снега. За их спинами вспыхнули фары, сквозь вой ветра донеслось гудение — и на площадь выехали три тачанки с броневином во главе.

Варханы начали стрелять, оборванцы побежали. «Трактор» попятился, Айрин тоже дал задний ход. Две тачанки повернули следом, Батур и женщина на кабине «трактора» открыли огонь, к ним присоединились Лукан, Багрянец и Леша.

Им повезло — первая тачанка, у которой задымился пробитый пулями «Калашникова» мотор, встала прямо посреди узкого въезда на улицу. Вторая из-за этого тоже остановилась, что позволило машинам повстанцев отъехать назад и свернуть в переулок. После этого они некоторое время петляли в усиливающейся метели, пока Лукан не прокричал сквозь вой ветра, что обязательно надо укрыться, пока не поднялась буря.

Кирилл недоуменно огляделся. Ветер выл, колкие сухие снежинки били в лицо — и это еще не буря? Леша бодрится, но видно, что мерзнет, Багрянец потирает руки и притоптывает о днище машины, а Дениса от холода уже всего трясет...

Отделавшись от варханов, они опять поехали под уклон, и вскоре дома расступились. Впереди лежала река, широкая полоса черной как смоль воды, по которой плыли льдины. В пурге на другом берегу мерцали огни, виднелись силуэты домов и остроконечные горы вдали. Среди них — одна, самая большая, настоящая громада, на склонах которой горели пятна света.

От дальнего берега отходили каменные молы, у некоторых стояли корабли, похожие на те, что плавали по земным рекам в первой трети двадцатого века. Киру показалось даже, что он различает несколько колесных пароходов. Левее, где река плавно поворачивала, исчезая из виду в сплошной стене снега, в воду вдавалась широкая площадка, на которой высились два подъемных крана с длинными «стрелами». Возле порта стояла груженная баржа.

С той стороны была жизнь. А с этой — лишь разбитая мостовая, полузатопленные горы щебня да темные развалины. Покосившиеся каменные постройки торчали прямо из реки в нескольких метрах от берега, течение толкало к ним льдины, они бились о камни, качались, сталкиваясь и треща, образовав возле руин небольшой затор.

Машины встали около глубокой канавы, по которой от реки бежал поток воды. Через канаву вел мост, с другой стороны начиналась каменная кладка, похожая на остатки стены какого-то большого здания.

— Что дальше делаем, парни? — выпрямился Леша.

От порыва ветра машина качнулась, скрипнув рессорами. Старика чуть не сдуло на мостовую, он вцепился в борт и мучительно закашлялся.

У другого берега баржа выпустила из трубы столб дыма и с низким гудением поплыла против течения, расталкивая льдины широким носом.

Раскрылась дверца «трактора», толстый терианец высунулся наружу, спросил что-то, Айрин ответил, замахал руками. Лукан и Батур спрыгнули на камни, когда из-за стены показался человек с синим светильником в руках.

— Тетка, — нахмурился Багрянец. Ему все происходящее явно не нравилось.

На женщине были заправленные в сапоги меховые штаны и длиннополая куртка, на

голове платок, а поверх еще капюшон. Она подняла светильник выше.

— Мариэна! — позвал усач.

Остановившись на краю моста, она бросила несколько слов, развернулась и пошла назад. Машины одна за другой покатили вдоль канала, свернув на мост, проехали через пролом в стене. За ним открылась большая квадратная дыра в земле, над которой наискось торчала железная плита. В синем свете виднелись шестерни поворотного механизма.

Мариэна первой пошла по наклонному настилу, ведущему под землю, за ней Лукан с Батуром, следом поехали машины. Не замедляя шага, женщина перекинула рубильник на стене. Вверху заскрипело, плита быстро опустилась, закрыв путь к отступлению. И сразу впереди зажегся свет.

ГЛАВА 2

В одном Максар бер'Грон был уверен: это не рядовое дело. Если терианские еретики решились отбить ворсиб, мобильную порталную машину, чтобы с ее помощью вытащить с Земли своих пособников, значит, происходит нечто очень важное.

Что?

Заговор против Бер-Хана, Ставки, против всей Орды.

Спрыгнув в пролом, командер очутился в Г-образном помещении. Он достал револьвер, обошел опрокинутый шкаф, хрустя осколками, выглянул из-за угла.

Перевернутая койка и два тела в окровавленных простынях, а дальше... Командер понял: там было Око. Подсказал глаз — тот, невидящий, спрятанный под бинтами. *Дрожь* пространства передалась нерву и через него пульсирующей болью проникла в голову. Око исчезло совсем недавно, это было понятно по едва ощущаемому эху.

Возле противоположной двери припал на одно колено солдат Орды с многострельным оружием, которое аборигены называли автоматом. Он чуть было не выстрелил в мастера-командера, лишь в последний момент понял, кто появился из-за угла. Вскочив, бросился назад, но Максар приказал, широко шагая следом:

— Стоять!

Боец повернулся. Это был берсер — потомственный воин, что сразу стало ясно по его внешности. Поэтому он без боязни смотрел командеру в лицо.

— Видел, кто скрылся в Оке? — осведомился Максар.

Выслушав ответ, он быстро покинул комнату. Пересек зал, обстановку которого составляли длинные столы с приборами, и выглянул на полутемную винтовую лестницу. На верхних ступенях, усыпанных камнями и обломками кирпичей, стояли несколько бойцов. Один пытался приподнять крышку люка, из-за которого доносились выстрелы.

— Что там? — спросил командер.

— Они вышли этим путем и завалили люк сверху, — доложил кто-то.

Ни слова не говоря, Максар развернулся. Снова пересек зал, поднялся по другой лестнице, мимо расступающихся бойцов, мимо вывороченной железной двери, по коридору, поворот — и вот он в одной из комнат нижнего этажа.

Здесь на стуле сидел темник Эйзикил, а возле окна застыли капитан Сафон и сержант.

Максар подошел к ним. За окном мигали вспышки выстрелов, сбоку протянулись желтые лучи фар, освещая площадку, где обитатели этого мира ставили свои самоходные повозки. Там виднелась приземистая будка, кажется, это и был заваленный беглецами выход. Возле будки лежало тело одного из врагов. Плохо, что у них автоматы, а у отряда капитана Сафона — нет. Стоило перевооружить бойцов, и они просто подавили бы противника численным превосходством, подкрепленным огневой мощью. В лагере остался целый арсенал местного оружия и боеприпасов, но времени перед операцией не хватало — получив приказ от Косты, Максар поспешил выехать сюда, чтобы захватить шпиона терианцев.

За спиной заговорил Эйзикил:

— Командер Бер'Грон, не следует ли... — Он осекся, когда снаружи раздалась длинная

очередь.

Максар окинул взглядом своих людей: у Сафона пистолет, а у сержанта — разрядник.
— Ты — за мной! — приказал он сержанту и быстро вышел из помещения.

Командер взбежал на второй этаж, заскочил в одну из комнат и распахнул окно прямо над тем, возле которого внизу остались капитан с темником. Сержант остановился рядом, Максар приказал: «Приготовься стрелять» и сам достал револьвер.

Теперь сверху они лучше видели беглецов, отступающих за трехэтажное здание с большими окнами, — в таких постройках часто располагались местные торговые лавки.

Стоящий за будкой высокий светловолосый человек выкрикивал приказы, и Максар безошибочно определил в нем командира.

Для револьвера расстояние было великовато. Командер ткнул пальцем:

— Стреляй!

Зашуршала свисающая с разрядника бахрома, сержант приставил приклад к плечу. Командер тоже поднял оружие, целясь в одного из вооруженных аборигенов, торопящихся к просвету между домами. Последним из-за будки побежал светловолосый.

Сержант, ведя за ним стволом, вдавил спуск. И одновременно к окну, за которым они стояли, от верхнего этажа магазина протянулась сияющая алым спица разряда.

Она впиалась сержанту в грудь, отбросила назад. Когда разрядник сработал, вархан уже падал, ствол качнулся кверху — и алая молния, вместо того чтобы поразить светловолосого врага, ударила в стену здания, откуда неизвестный выстрелил в сержанта.

Причем воспользовался он для этого оружием Орды!

Максар схватил выпавший из мертвых рук разрядник, вскинул, но прицелиться не успел — светловолосый уже свернул за угол.

Снизу раздался окрик Сафона. Бойцы, раньше медленно пробиравшиеся между чужими машинами, пошли в атаку. Часть побежала к повозкам.

Максар бер'Грон устался на торговые ряды. За разбитым окном верхнего этажа мелькнул и тут же пропал силуэт — стрелок, кто бы он ни был, отступил. Он не должен покинуть здание!

Командер перепрыгнул через тело сержанта и побежал на первый этаж.

* * *

Когда высоко над головой мелькнул алый разряд, Игорь Сотник споткнулся о бордюр и едва не упал.

Молния ударила в стену магазина, к которому он бежал. Но произошло это через мгновение после того, как оттуда выстрелила другая — в сторону «Старбайта».

В здании кто-то есть — союзник! Вот только кто? Мелькнувшая мысль показалась невероятной — неужели?.. Но тут он догнал остальных и забыл о своей догадке.

Костя Гордеев, Лабус, бежал с СВД за спиной и «Макаровым» в руках, а у Алексея Захарова, которого называли «Курортником», на груди был «бизон». Не отставали охранники: круглолицый Миша, молокосос Григоренко, верзила Партизанов и их шеф Лагойда. Второй «бык» по фамилии Манкевич остался лежать, подстреленный в шею, возле будки, через которую они выбрались из подвала.

Впереди всех бежали Яков Афанасьевич с Явсеном.

— На Орлово-Давыдовском влево сворачивайте! — крикнул Игорь.

Они повернули под звуки выстрелов, льющихся сзади, и свист пуль вокруг. Сразу стало темнее: фары чужих машин и синие лампы на шестах больше не светили им в спины.

— Почему влево? — крикнул Лагойда.

— Там наши машины! — вместо Игоря ответил Курортник. — Обойдем через Капельский, по Гиляровского, и снова к ним попадем!

— Какие еще машины?! — возмутился Лагойда. — Вы что задумали? Отсюда уходить надо — подальше и побыстрее!

В разговор вступил Лабус:

— Такие еще машины, которые мы оставили, когда в контору к вам сунулись!

— Они рядом со «Старбайтом»?!

— Ну так и что? Они нам нужны!

— Вам нужны, а нам нет! Надо...

— Вот и беги куда тебе надо, а мы — куда надо нам! — отрезал Лабус.

Они спешили через темные дворы, впереди Яков с Явсеном поворачивали между зданиями, а сзади то стихал, то нарастал гул моторов.

— Григоренко, Партизанов, Миша — за мной! — приказал Лагойда, свернув в сторону Красносельского района, но тут нагнавший его Лабус поставил подножку.

Ростислав Борисович полетел на асфальт, все остановились. Костя, по инерции перескочив через упавшего, крикнул:

— А вот людей своих ты не заберешь! Потому что они теперь не твои люди. Вы трое, за мной! — он быстро шагнул дальше, собираясь бежать.

— А куда вы... — начал Миша.

— Нам лучше не разделяться, — пояснил Игорь, в то время как Лагойда встал на колени, тронул разбитый об асфальт нос и выругался.

— Но куда вы хотите...

Желтый свет фар становился ярче, и все громче гудели моторы. Подняв «бизон», Курортник пояснил:

— У нас спецавтобус, который не заглох из-за купола, и трофейная БМП.

Лагойда встал, положив ладонь на рукоять пистолета в кобуре под мышкой, но не решился достать его. Окинул взглядом людей вокруг. Глаза его блеснули зло, почти с ненавистью.

Далеко впереди раздался крик Якова Афанасьевича:

— Почему встали? Бегом, они едут!

— Он, — Сотник показал на бывшего шефа СБ «Старбайта», — вам теперь не начальник. Теперь есть только мы и враги. А среди нас — военные и гражданские. Эти двое — прапорщики ФСБ, я — капитан военной разведки, еще с нами полковник в отставке. Так что выбирайте.

Он посмотрел в маленькие глазки Партизанова, на Григоренко, на Мишу — и прикинул, что пожилой охранник с круглым хитроватым лицом первый примет решение, а вот Партизанов по тупости своей откажется примкнуть к ним, сохраняя верность боссу... но верзила вдруг шагнул к Игорю и сказал:

— Ну, я с тобой. Ходу, что ли? Вон, едут...

Первые машины преследователей выруливали в их двор.

— Партизанов... — начал Лагойда, но тот, не обращая на бывшего шефа внимания, тяжело потрусил вслед за Яковым и Явсеном, которые, как только тачанки показались во дворе, припустили дальше.

— Я с вами! — выдохнул Григоренко — и тоже побежал.

Круглолицый Миша неуверенно посмотрел на Лагойду:

— Я останусь, Ростислав Борисович, приказывайте.

Тот вдруг широко улыбнулся, тыльной стороной ладони стер натекающую из носа кровь.

— Ладно, вояки, ваша взяла. Надо держаться вместе, так что я пока с вами. Ну, чего встал, бегом!

В этот миг лучи сразу нескольких фар озарили их. Застучали выстрелы, и все сорвались с места.

Вскоре, миновав переулок, улицу Гиляровского и несколько дворов между нею и проспектом Мира, они очутились в узком закутке: с одной стороны гаражи, с другой — заросший кустами огороженный скверик.

Яков с Явсеном уже открывали люк на башне БМП.

— А Кирилл с Лешей? — крикнул Яков. — Они...

И замолчал.

— Нету их, — ответил Сотник, в то время как Лабус с Курортником откатывали стальную плиту передней дверцы автобуса. — Там остались.

— И Павлуха, — Яков сел на краю башни, свесив ноги. — Явсен сказал: там портал появился, в подвале, когда мы убегали. Он... я плохо пока его понимаю, но, по-моему, он говорит, что портал открыли эти, которых Денис, ну, молодой ученый из «Старбайта», назвал «еретиками». То есть вроде как союзники наши. У меня одна надежда: парни спаслись в портале.

Зарокотал двигатель броневика, и голова Явсена показалась из люка.

— Идти! Здесь! Идти, быстро, важно!

— Садимся, — решил Сотник. Он хотел разделить новичков, чтобы не выкинули чего-нибудь под руководством хитрого Лагойды, поэтому приказал: — Партизанов, Миша — в броневик, Лабус, ты тоже давай с ними. Курортник, Лагойда, Григоренко — с нами в автобус. Отъезжаем отсюда подальше, но только тихо!

* * *

Максар бер'Грон приподнялся на лавке и стукнул по плечу капитана Сафона, который вел повозку. Это была обычная машина, разве что борта чуть повыше и усилены дополнительным слоем железа — командер презирал комфорт, никакой мягкой обивки, никаких пружинных спинок, ничего такого. Теперь, когда Бер-Хан стар и немощен, в Ставке гонятся за роскошью, но Максару это чуждо.

Сафон остановил машину. Желтый луч фары озарял движущиеся навстречу повозки и бегущих бойцов. Когда опередивший всех сержант остановился, капитан приказал:

— Докладывай.

— Они исчезли, — тяжело выдохнул сержант. — Потеряли их среди домов.

Максар задумчиво глянул на сидящего позади Эйзикила. Тот перебирал четки из сайдонского янтаря — прозрачные овальные бусины с ярко-белыми «зрачками» внутри. Сайдон, вторая колония, состоял в основном из теплых парных болот и пологих островов, на берегах которых тамошние дикари находили этот янтарь.

— Нам надо поговорить, бер'Грон, — произнес темник.

На пальце старика блеснул перстень, и Максар присмотрелся — раньше командер его не замечал, вообще впервые видел, чтобы темники носили подобное украшение. Выступ на перстне имел форму шестерни, внутри которой была заключена человеческая фигура.

Максар поднял взгляд на лицо Эйзикила. Тот напоминал ящера-трупоеда из сайдонских болот: тощего, гибкого, с гипнотическими глазами... К тому же темник был очень старым ящером. Умным, хитрым и опасным. Интересно, какое место он занимает в Гильдии, какой властью обладает? И скольких людей он сожрал на своем жизненном пути?

— Но не сейчас, позже, — добавил Эйзикил. — Вообще-то я собирался в Центаврос...

Максар возразил:

— Бастион только строится.

— Конечно, и я хочу увидеть это. Возведение нового Центавроса — что может быть более волнующим? Найдется для меня шатер в тамошнем лагере?

— Конечно, но отсюда до центра оккупированной зоны далеко.

— Мы уже подчинили эту территорию, — возразил темник.

Какой бы властью в Гильдии ни обладал старик, здесь командовал Максар, и он не собирался уступать.

— Очаги сопротивления остались. Это не Сайдон и не Териана, у местных мощное оружие.

— То есть, невзирая на количество переброшенных сюда отрядов, ночью в городе все еще опасно?

— Без сомнения. Только что на моих глазах убили сержанта — выстрелили из окна.

Стрелка так и не нашли. — Командер решил, что сейчас честность будет для него лучшей политикой: — Я не боюсь, темник, но я не желаю твоей преждевременной кончины. Мне пока не ясны твои цели. Для чего ты прибыл из терианского Бастиона, причем сразу вышел на меня?

Максар замолчал, мысленно продолжая произнесенные вслух слова: последнее время между Гильдией темников и Ставкой, то есть ближайшим окружением Бер-Хана, усилились трения. Так зачем ты прибыл, темник Эйзикил, что у тебя на уме?

Старик ответил в лучших традициях Гильдии, витиевато и слегка напыщенно:

— Я тоже не боюсь, мастер-командер, ведь все мы — лишь чешуя на теле вечного Бужбароса. И все же, пока миссия моя не завершена, мне, как и тебе, не хочется, чтобы прилетевшая из темноты вражеская пуля оборвала мое существование.

Встречные машины остановились, пешие, окружив повозку командера, молча ждали. Со стороны разрушенного здания, в подвале которого еще недавно прятались беглецы, доносился рокот моторов и голоса.

— Раз мы с тобой понимаем друг друга, то сейчас направимся в Красный лагерь, откуда я прибыл, — сказал Максар. — Переночуем там, а завтра — к Центавросу.

Неторопливо перебирая янтарные четки, каждое звено которых символизировало Око — очередной шаг на великом Пути Орды, — темник Эйзикил кивнул.

* * *

Когда проспект Мира остался далеко позади, броневик приостановился, помигав стоп-сигналами.

За рулем автобуса сидел Курортник, Игорь пристроился на откидном сиденье рядом с ним, Григоренко и Лагойда, держась за поручни, разглядывали салон.

— Почему тормозят? — пробормотал Алексей, в то время как БМП свернула на газон возле жилого дома и медленно покатила дальше.

Откинулся люк на башне, показался Яков. Неловко двигаясь из-за раненого плеча, спустился по скобам, прыгнул на ходу и побежал назад к автобусу.

Алексей перекинул тумблер, и стальная плита передней двери со скрипом откатилась вбок. Встав у проема, Игорь протянул руку, но Яков самостоятельно заскочил внутрь. Дверь за ним закрылась.

— Ну что, парни? — полковник в отставке вновь казался бодрым, деятельным, хотя под глазами его залегли круги, а лицо осунулось — сказывалось ранение. — Как у вас?

— Кто Явсена стережет? — спросил Курортник. — А то одному мы уже поверили.

Яков потрогал раненое плечо:

— Костя за ним следит в оба глаза, пистолет в кобуру не прячет. Никуда пеон не денется. Твоя подозрительность понятна, Алексей, но согласись: пока мы убегали, он много раз мог скрыться. Так вот, что я хочу сказать, слушайте внимательно...

Лагойда и Григоренко с Игорем повернулись к нему, Курортник продолжал смотреть на дорогу. Машины тихо катили по темным дворам, объезжая брошенные автомобили, скамейки и перевернутые мусорные баки.

— Я только что с Явсеном плотно пообщался, — продолжал полковник в отставке. — Я на их языке, какие-то отдельные слова коверкая... ну, вы понимаете. Он на нашем... У него, кстати, с русским получше, чем у меня с лингвейком, так их язык называется, он даже целые фразы может складывать, хотя и неловко. Так вот, Явсен утверждает, что они прибыли сюда из иного... ну... — Яков пошевелил в воздухе пальцами.

— Мира, — подсказал Сотник. — Это давно понятно было.

— Ближе скорее будет слово «реальность». Из другой реальности, я бы сказал — альтернативной. Там тоже люди обитают, ну в смысле — гуманоиды, но...

— Какие гуманоиды, что это значит? — спросил Григоренко.

— Значит, две руки у них, юноша, две ноги, одна голова, в которой мозг. Не слизни

какие-то невероятные и не разумные шары света, а люди, человеки. А это дает надежду, что и психология их нам будет понятна, мотивация, устремления. Так вот: варханы — они не из той реальности, из которой к нам вся эта компания завалилась, а из другой. Она называется Ангулем, то есть сами варханы так ее зовут, а эта, из которой Явсен, — Териана. Она тоже оккупирована.

— Вся? — уточнил Игорь. — Сколько варханских войск там? Снабжение какое? Боеприпасы?

— На Териане тоже купол или нет? — встрял Лагойда.

— Этого не знаю, — покачал головой Яков. — Говорю же, трудно нам еще друг с другом общаться. Я на многие свои вопросы ответов просто не понял. Или Явсен не понял вопросов. Тем более, он эмоциональный такой — торопится, руками размахивает, волнуется... Но одно я точно знаю: у нас есть союзники. И, главное, парни, Явсен что-то еще такое говорит, что-то про скорость... Я никак не могу понять! Но он вот что утверждает: нам очень, подчеркиваю — очень быстро надо действовать. Сейчас каждый день на счету, а может, и час. Еще немного, и варханов будет не остановить. Они что-то собираются сделать... Вот это: «Бум!» — Яков хлопнул ладонями, имитируя жест, который они видели у Явсена. — Какой-то, короче говоря, «бабах!» произойдет — и тогда все, конец.

— Чему конец? — уточнил Лагойда, слушавший с явным недоверием.

— Ну не знаю я! Но Явсен очень этого «бабаха!» боится.

Снаружи донеслось тьяканье. В свете фар за лобовым окном шмыгнула тень, следом вторая, потом еще — стая горбатых гиен пробежала между машинами и канула в темноте.

— Куда они едут все-таки, Яков Афанасьевич? — спросил Курортник, глядя на поворачивающийся броневик.

— Пусть едут, Алексей, там Миша за рулем, он, по его словам, водитель со стажем, и я ему сказал...

— Что сказал? — насторожился Лагойда. — Мы сейчас к Красной площади едем — зачем?

Тон его Игорю не понравился (ему, впрочем, в Ростиславе Борисовиче не нравилось почти все), и он повернулся так, чтобы видеть и Якова, и Лагойду. Тот шагнул ближе — правая рука приподнята, явно для того, чтобы в случае чего побыстрее выхватить пистолет из кобуры.

— Яков Афанасьевич, объяснитесь, — попросил Игорь.

Курортник добавил, притормаживая:

— Только коротко, потому что дальше я не поеду, если не буду знать куда.

— Явсен говорит: на Териане у нас есть союзники, — повторил Яков. — Повстанцы, к ним и попали Леша с Кириллом. Явсен работает на них. Он утверждает, что нам обязательно надо выйти с ними на связь. Немедленно.

— Чтобы спланировать совместные действия? — уточнил Игорь.

— Именно.

Алексей вдавил педаль тормоза. Мигнув фарами броневику впереди, он повернулся на сиденье и спросил:

— Как связаться? Они же в другой реальности.

— Явсен утверждает: в лагере на Красной площади есть передатчик. Устройство связи вроде того, через которое повстанцы вышли на Айзенбаха, а командование Орды — на Бурего. И это устройство мы должны выкрасть. Сейчас, ночью, потому что потом будет поздно.

ГЛАВА 3

Открыв глаза, Кирилл сел на койке и первым делом ухватился за катану, которую оставил на столике рядом.

Буря разыгралась нешуточная — в этом сезоне такие иногда случаются, но, по словам

Лукана, заканчиваются быстро.

Кир поднял руку, разглядывая перстень-часы на указательном пальце, подаренные Батуром. Секунда, минута, час, месяц, год — все эти слова имели сейчас условный смысл, потому что ни Денису, ни ему, ни Леше с Багрянцем до сих пор не удалось четко соотнести местный способ деления времени с земным. Восьмиугольный циферблат, незнакомые значки и три стрелки, движущиеся с разной скоростью... Насколько он сумел понять, терианцы делили сутки на восемь больших отрезков, именуемых *кассеры*. Те, в свою очередь, делились на восемь частей — *тангеры*, а всего таких единиц в исчислении терианцев не то шесть, не то семь, причем крайние — *алки* — совсем короткие, явно меньше секунды. Стрелки на часах показывали кассеры и два промежуточных отрезка, и всё это очень сбивало с толку. Одно Кир уяснил точно: есть три дневных и три ночных кассера, а также один утренний и один вечерний. Хотя, конечно, длина дня меняется в зависимости от времени года... Причем насчитывается восемь сезонов — и сейчас стоит тот, который в земном варианте соответствовал бы, скорее всего, концу зимы.

Он обулся, поправил мятую рубашку. Из-за бури они должны просидеть в укрытии примерно половину кассера. А сколько это времени в земном исчислении — еще предстояло разобраться, потому что все наручные часы землян при переходе через портал остановились и заводиться отказывались.

На столике обнаружился изящный металлический кувшин с напитком, смахивающим на клюквенный морс, и миска с бутербродами — суховатыми хлебцами, смазанными бледно-зеленым маслом, имевшим одновременно травяной и сырный привкус. Прислушиваясь к тихим голосам за дверью, Кирилл взял бутерброд и стал жевать. Местные называли их канюки. Одеваясь, он съел два канюка, запил морсом.

Кроме кровати и столика в маленькой комнате стояли синий светильник и железная корзина с углями. Тепла она уже почти не давала, пришлось размяться, поприседать и помахать руками. Делая зарядку, Кир разглядывал обстановку. Светильник отличался от тех, которыми пользовались варханы на Земле: пониже и на широкой подставке с тремя ножками. Что за труха там светится — не понять, но она разгоралась, если светильник трянуть, и после очень медленно угасала. Стены, пол, потолок — всё из зернистого камня, сохранившего фактуру ракушек. На полу потертый красный ковер с узором из квадратов, треугольников и ромбов. Кровать, столик — самые обычные, только столешница восьмиугольная. А вот корзина... Он присел над ней. Как и кувшин, очень тонкая работа: глубокая «лодочка» на четырех гнутых ножках, в которой тлеют угли, накрытые узорчатой решеткой. Узоры — тоже сплошные геометрические фигуры.

Приоткрыв дверь, Кирилл выглянул. Когда-то это был просто обширный двухуровневый подвал под большим зданием, состоящий из нескольких коридоров и десятка помещений. А теперь он превратился в *место*, то есть в базу повстанцев. Но не основную, в этом он был уверен. Да и Леша сказал то же самое, как только они очутились здесь.

Машины оставили в зале, где уже прятались два терианских автомобиля с длинными кабинами и фарами-полумесяцами. Там хозяйничала парочка механиков. Они тут же занялись «трактором» — и по блеску их глаз можно было догадаться, как давно они ждали встречи с этим устройством.

Кир миновал коридор и перед лестницей свернул налево. Вошел через арочный проем в большое помещение с накрытым столом, длинной лавкой и несколькими стульями.

Ближе к двери на конце лавки медленно раскачивался из стороны в сторону, держась за горло, Леша — остроносый, морщинистый, всклокоченный, похожий на старого больного воробья. Все в той же «горке», которую он впервые надел еще в водонапорной башне, черных ботинках и камуфляжном платке-бандане, расправленном и брошенном на плечи. Дальше сидел Денис, выпрямив спину, положив руки на колени и глядя прямо перед собой. Костюмные брюки, белую рубашку и лабораторный халат он сменил на меховые шаровары и плотную шерстяную рубаху, поверх которой накинул куртку из светлой кожи. За ним, одетый примерно так же, устроился Багрянец со стаканом в руке, а по другую сторону стола

расположились встретившая их возле базы Мариэна и кудрявый усач Айрин.

В углу возле двери исходил жаром железный ящик с углями, рядом высилась оружейная пирамида.

— Кирюха... — тихо продребезжал Леша и закашлялся. — Заходи... Садись вон там... Как спалось?

Он пододвинулся, и Кирилл присел между ним и Денисом.

— Нормально. — Кир кивнул на кувшины: — Это спиртное?

— В одном сухое вино, — пояснил Денис, — в другом субстанция, по вкусовым качествам напоминающая компот.

— Винище у них вроде и слабое, — влез Багрянец, — а в башку так шибает.

— Субстанция, значит, — пробормотал Кир, беря кувшин. После зеленых канюков (а на столе были еще желтые и белые канюки) хотелось пить.

Откинувшись к стене, Багрянец хлебнул из стакана и прикрыл глаза. Денис сидел неподвижно, терианцы рассматривали Кирилла. Леша наконец справился с приступом. Налив себе вина, он сделал глоток, потер ладонью горло.

— Ты знаешь, Кирюха, что оказалось? Шестеро местных погибли, чтобы нас с Земли вытащить. Эти парни, которые нас сюда привезли, — остатки отряда, напавшего на варханов. И напали они, чтобы... как там оно называется, Деня?

— Чтобы отбить маленькую порталную машину, — сказал Денис. — То есть малую. На их языке такое мобильное устройство называется «ворсиб».

Он протянул руку к стоящей перед ним чашке, взял, поднес к губам, отпил, поставил назад... Кирилл искоса наблюдал за молодым ученым. Тот двигался очень сдержанно, точно и скупое, словно не хотел делать ни одного лишнего движения и старался изгнать из своих жестов, выражения лица, интонаций голоса ненужные эмоции. Станный тип... Хотя, подумал Кир, мне вечно всякие чудные личности попадают. Яков с Лешей, что ли, заурядны? Да я и сам, в общем-то...

Он перевел взгляд на Айрина. Усатый ерзал на стуле, постукивал по своей чашке ногтями и хмурился. Под расшитую красными нитями зеленую жилетку он нацепил какую-то невероятную разноцветную рубашку: тут тебе и плавные переливы всех цветов радуги, и правильные геометрические узоры.

Мариэна, одетая в комбинезон с меховым воротником, оказалась гораздо моложе, чем Кир решил поначалу. Не девчонка, но совсем еще молодая женщина. Темные волосы, темные глаза. Лицо осунувшееся и какое-то тусклое. Красавицей вроде не назовешь, но есть в этом лице что-то свое, индивидуальное — а ведь настоящую красоту только индивидуальность и создает. И смотрит так... пристально смотрит. Пронзительно даже — прямо на Кирилла, не отводя глаз.

Что означает ее взгляд, Кир не понял и просто отвернулся от Мариэны.

— Так вот, порталная машина, ворсиб этот, — продолжал Леша. — У наших друзей такой раньше не было, только передатчик, через который они связались с Айзенбахом. Для них, я так понял, невероятная удача заполучить эту машину.

Мариэна задала Айрину вопрос, в котором прозвучали знакомые слова «хадук» и «арея», и, когда усач ответил утвердительно, снова уставилась на Кирилла. Ему это надоело, и он громко спросил, кивнув на девушку:

— Почему она на меня так смотрит?

Повисла тишина, а потом Мариэна резко выпрямилась, едва не опрокинув стул, и заговорила, сверкая темными глазами.

Айрин безуспешно пытался прервать ее, усадить обратно. Доведя свою речь до конца, девушка оттолкнула его и быстро вышла из комнаты.

— Что она хотела? — спросил Кирилл у Дениса. — Ты что-то понял?

— Обвиняла тебя, — ответил ученый.

— В чем?

— Я не совсем... Сейчас. — Денис что-то спросил у Айрина. — В общем, во время

захвата ворсиба погиб ее двоюродный брат. Они даже не смогли привезти сюда его тело.

— Ну... печально. А я тут при чем?

— Ты не сделал свою работу на Земле. А теперь еще брат этой женщины погиб из-за тебя.

— Из-за меня?

— Так она считает. Погиб, спасая нас, и тебя в том числе.

Кирилл устался в стол. В душе шевелилось неприятное чувство, которое посещало уже не раз: все это произошло по его вине. Если бы он тогда проинсталлировал вирус на лабораторные машины...

И что? — мысленно спросил он у себя. — Что произошло бы? У Бурового ничего не вышло, зато технологией завладел бы Айзенбах. Он что, святой? Альтруист? Да куда там! Альтруисты не становятся олигархами. Он бы использовал все это для себя, для контакта с Ордой, для того, чтобы после начала Нашествия стать хозяином оккупированной территории, таким московским наместником. Да и вообще — Кир не спаситель человечества. Ему это не надо, ему и на человечество, в общем, наплевать, и людей он не очень любит. Так чего их спасать — тех, к кому, в лучшем случае, равнодушен?

Но тут в голове заговорил другой голос: ну да, не сильно ты их любишь, и что это значит? Что, желаешь им зла, мучений, смерти? Видел же, сколько в Москве погибло... Хочешь, чтобы и дальше гибли? Чтобы варханы на своих тачанках по знакомым улицам раскатывали, землянам дырки в черепе сверлили, подключали к своим чудовищным машинам?

Нет, не хочу, ответил Кир сам себе.

А хочешь этому помешать?

Хочу, конечно, но... Но не ценой своей жизни.

О цене пока речь не шла, возразил голос. Неизвестно еще, какая будет цена.

— А мы, Кирюха, с Луканом тут уже хорошенько пообщались, — дребезжал Леша. — Он все обстановку на Земле пытался выяснить. Хозяева наши утверждают, что тебе надо побыстрее вернуться.

— Именно мне? — уточнил Кир.

— Тебе, потому что ты «хадук». Как они там выражаются... «Хадук ареля», вот. Как бы перевести, Деня?

— Это многосмысловое слово. Я долго прикидывал и так, и этак, и получалось что-то вроде «вор света». А потом, — Денис скупно улыбнулся, будто отдавая должное самому себе, своему уму, — кажется, понял. У них ведь фотонно-кристаллические компьютеры. Фотоны, а? — он посмотрел на Лешу, на Кирилла, и последний кивнул.

— Ты понял? Фотоны — это свет. В данном случае «хадук ареля» переводится примерно как «хакер». «Вор света» — хакер, работающий с фотонными компьютерами.

— Ну и зачем мне назад на Землю?

— Мне показалось, Лукан и сам затрудняется с четким ответом, — сказал Денис. — У них есть некий человек...

— Омний, — подсказал Леша, и при упоминании этого имени Айрин многозначительно кивнул.

— Да, они называют его Омний, — с легким недовольством из-за того, что его вновь перебили, продолжал ученый, — и у меня сложилось впечатление, что он руководит, скажем так, научными разработками терианцев. Это он создал передатчик, при помощи которого они связались с Айзенбахом.

— А я думал, они этот передатчик они украли у варханов, как и порталную машину, — заметил Кирилл. — Ну хорошо, так где ваш Омний?

— В другом... месте. То есть на другой базе. Основной, и нам срочно надо попасть туда. Почему-то терианцы очень спешат. Утверждают, что срок проведения операции ограничен каким-то важным фактором, а...

— А еще, — снова перебил Леша, и Денис, скривившись, умолк, — этот их Омний

вроде бы давно пытался создать порталную машину, но ничего не выходило. Раньше терианцы могли попасть на Землю только через, как их называют... через мерцающие порталы, которые сами собой возникают в районе купола. Но с ними попробуй угадай, а? То они вспыхивают, то гаснут...

— Закономерность есть, — возразил Денис. — Продолжительность жизни портала прямо пропорциональна его размеру. К тому же на нее влияет количество массы, которая проходит через портал в обе стороны. Мы поняли это еще во время переговоров с терианцами на Земле, до того как все началось. Я даже пытался вывести формулу, но не преуспел, мало данных. А вот место появления мерцающего портала — да, насколько знаю, это предугадать невозможно.

— В общем, теперь у терианцев есть свой ворсиб, — заключил Леша, — и они могут отправить обратно и нас, и своих бойцов. Надо только все спланировать и связаться с нашими парнями, которые остались на Земле.

— Да что спланировать-то? — спросил Кир. — Вы частите оба, перебиваете друг друга, и я не понимаю... В чем план, какая операция? Что они задумали?

Ответом ему был храп Багрянца, который привалился к стене и свесил голову на грудь, но так и не выпустил из руки стакан с вином. Храпел он раскатисто, мощно, с посвистыванием и вибрирующими горловыми всхрипываниями. Некоторое время все слушали, потом Айрин широко улыбнулся и, уважительно кивнув на Павла, что-то сказал. Денис, поджав губы, острым локтем ткнул Багрянца между ребер. Тот всхрапнул, проворчал что-то и затих, но не проснулся.

— Какой план? — повторил Кирилл.

— Да ведь мы и сами пока не знаем, — сказал Леша. — Сейчас две вещи важны: попасть на основную базу и связаться с нашими. Только как? У парней нет передатчика, и вообще, они еще не в курсе того, что мы сейчас узнали.

— У них есть Явсен, — напомнил Денис.

— Ну да, это конечно. Явсен, стало быть, агент повстанцев в Орде. Лукан сказал, что, по их сведениям, где-то на Земле, то есть на строительстве земного Центавроса, действует еще агент, но не с Терианы, а сайдонский. Если бы с ним сойтись... Ладно, сейчас и разберемся, — заключил Леша, когда в помещение быстрым шагом вошел Лукан. Старик сел во главе стола, оглядел присутствующих и спросил:

— Ат Батур? Мариэна?

Айрин ответил. Лукан покачал головой и произнес длинную фразу, перемежая слова из двух языков. Денис перевел:

— Говорит, связался с основной базой и ему сообщили, что на Землю попал отряд терианцев. Через... через один из мерцающих порталов. Они там уже около трех кассеров.

— Ну, не очень-то и много, Деня. А что у них...

— У них неплохое вооружение. Количество оружия... — Денис поднял перед собой руку и стал сгибать пальцы, бормоча: — Унти, акти, мака, крита... пента. Пента — это...

— Пятьдесят стволов? — подсказал Леша.

— Неверно! — отрезал ученый. — У терианцев восьмеричный счет.

Кир на секунду прикрыл глаза:

— Тогда сорок.

Денис еще продолжал шевелить губами. Наконец он сказал:

— Так и есть. Пента — сорок единиц оружия.

— Неплохо для начала, — кивнул Леша. — Еще что?

Ученый заговорил с Луканом, потом ответил:

— Если коротко, он хочет сказать следующее: отряд терианцев вооружен и у них есть опыт военных действий против варханов, но они не знают земных условий. А ваши... то есть наши люди сообразят, что к чему. Им надо встретиться. С отрядом есть связь через передатчики, но вот как свести терианцев с нашими людьми?

— Я никак не могу взять в толк: имеется какой-то нормальный план или нет? —

огрызнулся Кирилл. — Ты говорил, они хотят, чтобы я вернулся на Землю. Я тоже, кстати, хочу. Но какая конечная цель?

— Это все Омний с основной базы может объяснить, как я понимаю. А наше дело пока что, Кирюха, терианский отряд и парней на Земле свести, ну и на основную местную базу попасть. Где она находится, ведаёт только Лукан. У них секретность, на главной базе свой постоянный контингент, на малых — свой. Месторасположение основной знают только командиры вспомогательных.

— Надо Бастион, — произнес Лукан.

Все, за исключением спящего Багрянца, посмотрели на него. Старик пошевелил губами, провел указательным пальцем по лбу, собрав кожу в складку над переносицей, и добавил:

— Надо бить Центаврос. Хадук — внутрь. Скерлагос.

— Это какой Центаврос? — удивился Кир. — Тот, что за рекой?

— Река, — сказал Лукан. — Вода? Нет! Центаврос нельзя. Нет-возможно. Варханы... берсеры. Много-много. Центаврос-Териана — опасный. Надо Центаврос-Земла. Центаврос... — он помолчал. — Готов нет Земла. Нет-готов. Его делать. Надо бить Центаврос, пока его делать, пока он нет-готов. Бох! Айрин — рун!

Усатый, ерзавший и все порывавшийся что-то сказать, выпалил длинную фразу, где перемежались слова «Ангулем», «Сайдон», «Териана», «Земла», «Центаврос», «скерлагос» и «берсеры».

После Айрина снова заговорил Лукан, и потом внимательно слушавший их Денис пояснил:

— Кажется, Центавросы — это во многом ритуальные сооружения...

— Точно! — кивнул Леша. — Якуша с Лексеем умничали про это. У варханов сочетание религии, ритуалов с чем-то чисто практическим. Наверное, и Центавросы их — это и военные бункеры и, ну...

— Зиккураты, — подсказал Кир.

— Вот это самое и есть. Я слово-то знаю, конечно, да забыл — что оно конкретно значит?

Кирилл прикрыл глаза, вспоминая любимый лэптоп, сгинувший в развалинах у Красной площади, представляя, как разгорается «рабочий стол» и среди множества ярлыков на экране один — папка под названием «Кубышка», а в ней вложенная, тоже одна из многих: «Религия_секты», а внутри, среди десятков других, — «Ритуальные_сооружения»...

— Культовое многоярусное здание, так называемое Жилище Богов, в Древней Месопотамии. Имеет квадратный план и пирамидальную ступенчатую форму, — сказал он.

— Ага, Жилище Богов. Стало быть, Центаврос — разом и вот это самый зиккурат, и оборонное сооружение.

— Их возводят над купольным генератором в центре захваченной территории, — продолжал Денис. — Бастионы Сайдона и Терианы стоят давно, очень хорошо укреплены, там базируется... Я не разбираюсь в военных терминах. Взводы, батальоны? Целые полки варханов. Но земной Центаврос только-только начали строить. Его еще можно атаковать и...

— Ну хорошо, хорошо, подождите! — не выдержал Кирилл. — Ну пусть мы объединимся с этими повстанцами, нападём, пусть даже сможем порушить Центаврос. Дальше что? Зачем нам это вообще? У них же есть ворсибы.

— Устройство Бурового, — подсказал Денис, и Кирилл кивнул:

— Центаврос защищает центральное устройство, которое поддерживает купол, так?

— Да. И если генератор разрушить — купол исчезнет.

— Тогда перестанут возникать мерцающие порталы и варханы потеряют возможность в таком темпе наращивать свои силы на Земле, — добавил Леша.

— Но у них еще эти «трактора» с бивнями.

— Наверное, ворсибов в Орде не так много? Не знаю, Кирюха, в чем тут дело, но терианцы считают: надо атаковать недостроенный земной Центаврос. В конце концов, если купол исчезнет, наши военные смогут войти на оккупированную территорию. Да к тому же

электроника в Москве заработает.

— Последнее утверждение представляется мне крайне спорным, — заметил Денис. — К сожалению, энтропийные процессы однонаправлены. Если что-то выходит из строя — хоть по причине электромагнитного импульса, хоть по какой-то другой, — то самопроизвольно оно уже не заработает. С тем же успехом все руины могут собраться обратно в здания или мертвые воскреснуть, а еще мне...

Тут Кирилл понял, почему Леша так часто прерывал Дениса. Ему и самому мучительно захотелось его перебить. И он перебил:

— И все равно разрушение генератора на Земле не решит вопрос кардинально — ведь варханы никуда не денутся.

— Мне категорически неясен один момент, — продолжал нудить Денис. — Техника варханов, их автомобили и вооружение совсем не того уровня, какими они должны быть у цивилизации, способной создавать порталные машины и генераторы для поддержания купола. Если упростить, ситуация такова: их оружие и техника в основном слабее, чем современные земные, но их порталные машины — гораздо сложнее, чем то, что мы можем создать. Первое — технология прошлого, второе — далекого будущего. Я не понимаю, как такое возможно в рамках одной цивилизации.

Кирилл, уже давно размышлявший над этим вопросом, пробормотал: «Да ответ-то прост...» — и замолчал, когда Лукан хлопнул по столу ладонью.

— Скерлагос, — громко произнес он. — Скерлагос Бузбарос!

— Таг! — кивнул Айрин.

Старик выдал еще длинную фразу, мешая русские и чужие слова.

— Запустить яд в тело змея, — перевел Денис. — Если точнее, Мирового Змея.

— Бузбароса, — подтвердил Леша.

— Бузбарос! — гаркнул Айрин, и они с Луканом сделали одинаковый быстрый жест, словно смахивали с плеча нечто гадкое и опасное, скорпиона или ядовитого паука. Потом Айрин возбужденно заговорил, и Денис перевел:

— Надо использовать порталный яд. Последняя возможность, пока он... пока Бузбарос не укусил себя за хвост.

— Земла-Центаврос — бох! — выкрикнул Айрин возбужденно.

Багрянец всхрипнул и проснулся, и сразу забурчал, будто не спал, а следил за разговором:

— Я вот не понимаю, чего они с этим змеем носятся? И раньше мы с капитаном картинки видели — пирамиды там, змеи... откуда это все, почему?

— Ну, Павлуха, ты про крестовые походы слыхал? — заговорил Леша. — Фильмы видел про рыцарей всяких с крестами на плащах?

— Так эти ж не рыцари, а какие-то... монголы. Орда, ёксель!

— Неважно. Рыцари грабили, наживались на своих походах — и в то же время это вытекало из их религии. Религия идеологически, понимаешь ли, оправдывала войны. А у варханов с этим Бузбаросом религия связана. Может, они... змеепоклонники? Считают Бузбароса своим Богом и думают, что их миссия — помочь ему за хвост себя укусить? А для этого им надо другие миры захватить. Ну, я имею в виду, философия религиозная у них и такая...

— Космогоническая, — заключил Денис.

— Какая еще гомоническая? — скривился Багрянец. Тут он обнаружил, что в руке его зажат стакан с остатками вина, заглянул в него — и немедленно выпил. Богатырски зевнув, взял из тарелки зеленый, желтый и белый канюки, сложил в трехэтажный сэндвич и оттяпал большой кусок.

— И все равно, даже если отряд терианцев проник на Землю, — гнул свое Кир, — даже если они соединятся с вашими «спецами»... Сколько варханов охраняет строительство Центавроса? Сотни, а может и тысячи уже. А повстанцев... — он многозначительно огляделся.

— Ты не забывай: мы на вспомогательной базе, — напомнил Леша. — А на основной у них и оружие накоплено, и припасы, и людей больше.

— Это, конечно, воодушевляет, но какой план действий? Угнанная порталная машина дает терианцам, ну и нам, такие возможности, которых раньше не было, правильно? Значит, сейчас кто-то с ее помощью отправится назад на Землю, где как-то встретится со «спецами». И с этим человеком надо отсюда поддерживать связь, чтобы через него привести на встречу и терианский отряд, который уже на земле. Получается, с собой на Землю надо отсюда взять передатчик, так?

— Передатчик межпространственной связи на этой базе только один, — возразил Денис. — Запасные, возможно, есть на основной.

— Что и требовалось доказать: как только буря закончится, отправляемся туда, заодно познакомимся с Омнием, — заключил Леша.

В комнату вошел Батур, двигавшийся на удивление тихо для такого великана. Лукан повернулся и что-то спросил у него — судя по тональности, интересовался, почему великан так долго отсутствовал. Батур улыбнулся в ответ и молча сел возле Айрина. Тот заговорил с ним, но смолк на полуслове, подняв светлые брови, к чему-то прислушиваясь. И вскочил.

Все замолчали.

Приглушенные звуки выстрелов проникли в помещение из коридора. Донесся низкий раскатистый звук, дрогнул пол.

Лукан с Лешей тоже вскочили. Денис, снова воткнув локоть в ребра Багрянца, выпрямился. Задремавший Павел выпустил стакан, который покатился по столу, и пробубнил, недоуменно оглядываясь:

— Чего случилось?

Айрин с Батуром первыми оказались возле двери, схватили стоящее в пирамиде оружие. Усач шагнул наружу, великан за ним. Леша и Багрянец, тоже взяв по ружью с торчащим вбок кривым рычагом, вышли из комнаты, следом выскользнули Кирилл, Денис и Лукан. В коридоре звук выстрелов был громче. Они стали подниматься по лестнице, и почти сразу Айрин впереди начал стрелять. Раздалось твяканье, звук падения.

По ступеням скатился вархан, через него перепрыгнула гиена в шипастом ошейнике. Бросилась на Айрина — не успев перезарядить оружие, тот отпрянул к стене. Батур встретил тварь ударом кулака, но гиена нырнула под ним, скользнула у великана между ног и, прыгнув на Багрянца, вцепилась ему в рукав.

Заорав, он приставил ствол к заросшей темной шерстью спине. Ружье глухо рывкнуло, будто рассерженный бульдог. Гиена обмякла.

Сзади что-то выкрикнул Лукан.

— Назад! — перевел Денис, дав петуха, как мальчишка, у которого ломается голос.

Багрянец ударом ноги отшвырнул гиену с пробитым позвоночником, и они побежали в обратную сторону. Снова коридор, арка-проем без двери, поворот... Сбоку, отстреливаясь, вынырнула обритая женщина с косой на затылке и краснолицый верзила.

Когда они были уже в верхней части другой лестницы, внизу показались несколько варханов, перед которыми бежали гиены на поводках.

Журчала вода, капли стучали о камень, под ногами хлюпало. Стало холоднее, потянуло сквозняком.

Опять зазвучали выстрелы, и приотставший Денис вскрикнул. Кирилл оглянулся, пропуская Лукана. Прыгающий через две ступеньки ученый держался за левое бедро, между пальцами текла кровь. Он споткнулся, едва не упал, Кирилл подхватил его и поволок дальше.

Гулкий плеск достиг ушей. Они очутились на дне неглубокого каменного колодца, из стенки которого на метр выступали железные брусья, образующие ступени крутой лестницы. Айрин с Батуром были уже наверху, и остальные стали подниматься следом. Денис дважды едва не упал, Кирилл с трудом удерживал его на скользких брусьях. Головы им припорошил снег.

Плеск стал громче, он доносился со всех сторон, и Кир припомнил построики, которые

заметил в реке неподалеку от берега. Выпрямившись на краю наклонной черепичной площадки — крыши здания, почти целиком ушедшего в воду, — он сообразил, что каменный колодец был когда-то башенкой, пристроенной к этому дому.

Битая черепица неровными рядами лежала поверх налитанных влагой гниющих досок. У другого края крыши были пришвартованы две посудины: небольшой катер с низкими бортами и кормовым навесом, откуда торчала труба, и весельная лодка. Мариэна, присев на корточки, отвязывала идущую от носа катера веревку. Она выкрикнула что-то и показала на берег. В желтом свете фар среди развалин сновали варханы.

— Плыть! — крикнул Лукан. — Быстро плыть!

Они полезли на катер. Дул сильный ветер, но снега стало меньше, видимость улучшилась. Огни города на другом берегу горели ярче, переливались и радужно посверкивали.

Кирилл присел возле девушки, чтобы помочь отвязать веревку от торчащего из крыши крюка, и, когда случайно коснулся ее запястья, Мариэна отдернула руку. Сердито сказав что-то, снова схватилась за веревку.

Осадка катера заметно увеличилась, когда в нем оказались Батур с Айрином, Леша, Багрянец и Лукан, обритая женщина и толстяк. Первые два сразу нырнули под навес. Зарокотал мотор, посудина мелко затряслась, из трубы плеснулся дым.

— Денис... — Кирилл повернулся. Ученый лежал на краю крыши, одна рука свесилась в воду, покачивалась в быстром течении. Кровь текла по остаткам черепицы. Кир шагнул к нему, присел, ухватив за плечи.

Из каменного колодца донеслись твяканье гиен и разочарованный вой. По брусам твари не поднимутся, но варханы вот-вот будут здесь.

Лукан, поставив одну ногу на борт катера, достал что-то из сумки на ремне. Повернул, щелкнул, — вспыхнул шипящий огонек. Из колодца донесся топот, и старик бросил туда что-то округлое, размером с большое яблоко.

Мариэна, подняв руки, словно балансирующий канатоходец, шагнула с крыши на катер — и тот погрузился в воду еще ниже. Он начал отплывать, сильно качаясь и зачерпывая воду. Лукан попытался ухватить девушку за руку, когда она прыгнула обратно. Старик заговорил, она тоже, отрицательно качнув головой. Кирилл с натугой приподнял Дениса, который начал приходить в себя, и перевалил его с крыши на дно лодки. Ученый сел, обеими руками держась за раненое бедро.

Вспомнив о позабытом в суматохе ноже, Кирилл достал его, полоснул по натянутой веревке. Конец ее упал в воду, и течение потащило лодку вдоль крыши.

Темноту, пронизанную косо летящим снегом, озарила вспышка. Багровое облако, подсвеченное снизу ярко-красным, вырвалось из колодца. Дрогнула крыша под ногами, черепица поползла с нее, посыпалась с края. Сквозь широкую трещину, появившуюся в стенке колодца, вода с хлопотанием устремилась внутрь.

Кир оказался в лодке одновременно с Мариэной. Подняв револьвер, она встала на носу, а он схватил весло и оттолкнулся от крыши. Лодка ударилась о небольшую льдину, та стукнулась о другую, лед закрипел, крошась. Денис отполз к корме, тогда Кирилл смог усесться на лавке и нащупал второе весло. Сунул их в уключины, навалился... Лодка поплыла вслед за бодро рокочущим катером.

Два широких луча ударили им навстречу, и падающий снег вспыхнул мириадами белых искр. Мариэна, вскочив, подняла револьвер. Кирилл прекратил грести, оглянулся. По реке плыли два больших полосатых катера с высокими бортами, на палубах сустились варханы.

Несколько выстрелов раздались одновременно: курки спустили Мариэна, Багрянец, Батур, Леша и варханы на катерах. Замигали вспышки, сухой треск и бульдожье рвяканье разнеслись над рекой, заглушая плеск волн и шум сталкивающихся льдин.

Одна пуля впилась в борт, другая пролетела низко над головами, третья расщепила черепицу... Через борт катера кувыркнулся вархан, упал в черную воду, казавшуюся маслянистой и густой, как машинное масло, и мгновенно исчез из виду, словно проглоченный

ею. На льдину рядом свалилось выпавшее из его рук электроружье.

— Поворачивайте! — задребезжал впереди Леша.

Кирилл опустил одно весло глубже в воду и начал грести вторым. Нос лодки повело в сторону, но слишком медленно. Тогда он вскочил, выдернув весло из уключины, наклонился через борт, крепче упер лопасть в крышу, надавил... Он находился ближе к носовой части, и лодка стала разворачиваться быстрее.

— Слангач! — выкрикнул Мариэна в паузе между выстрелами. — Атоя фамила слангач!

— Обман, — слабо донеслось сзади. — Она говорит... предатель. На базе был предатель.

Варханские посудины неотвратно приближались, катер повстанцев по крутой дуге уходил от них к противоположному берегу — а лодка поворачивала к ближнему. Когда она обратилась кормой к преследователям, черепичная крыша и остатки колодца почти скрыли ее от катеров.

Кира толкнули в бок, он посторонился. Перешагнув через лавку, рядом опустилась Мариэна. Схватила весло, которое он бросил у борта, вставила в уключину. Кирилл взялся за второе, девушка посмотрела на него, кивнула — и они стали грести, лавируя между льдинами, которые течение несло вдоль берегов черной реки.

ГЛАВА 4

— Да поймите вы, не собирался я сам все решать! — повторил Яков. — Как вообще такое самому решить можно, если рисковать жизнью всем? Но в любом случае нам где-то надо было остановиться, не могли же мы всю ночь по Москве кататься? Вот я и надумал остановиться...

— Возле Кремля! — перебил Лагойда. — Возле их главного лагеря!

— Мы не прямо возле Кремля!

Машины поставили во внутреннем дворе гостиницы «Метрополь». Григоренко, Партизанова и Мишу отправили дежурить, все остальные собрались в автобусе. Яков с Явсеном и Лагойдой сидели на койках, Лабус и Курортник стояли по сторонам от небольшого откидного столика под мониторами слежения. Игорь подпирал стенку в конце салона, сложив руки на груди.

— Лагойда, от того, что мы пререкаемся будем, ничего не изменится, — сказал он. — Нам надо решить, что дальше делать. Принципиально решить, вмешиваемся мы во все это или нет.

— Конечно вмешиваемся! — воскликнул Яков. — А какие еще варианты?

— Уехать из Москвы, — отрезал Лагойда. — В область куда-то. Если центр купола в Подольске, а это скорее всего так, потому что именно там включилось устройство Бурового, то у нас получается... — он помедлил. — Купол, значит, территорию примерно до... До Большого кольца накрывает. Есть где спрятаться.

— Спрятаться! — хмыкнул Лабус. — А толку прятаться? Чего ждать?

— Войска сюда придут — вот чего. Или ты всерьез думаешь, что вся земная наука и техника, все лучшие ученые не разберутся с этим куполом, мать его, не смогут сюда пробиться?! Да через туннели хотя бы подземные...

— Это не купол, — сказал Курортник, о чем-то сосредоточенно размышлявший.

Все посмотрели на него, а Лагойда запнулся.

— Не купол? А что?

— Ну точно! — Яков выпрямился. — Вот, мне Явсен...

Услышав свое имя, пеон что-то произнес. Яков похлопал по карманам, нашел блокнот, раскрыл и положил на столик.

— Костя, можно света побольше?

Лабус повернул верньер, и на торчащем из стены кронштейне ярче разгорелась круглая

лампочка. Все подошли к столику. На верхней странице карандашом был нарисован неровный круг, а в центре его — маленький заштрихованный кружок.

— Это пеон твой, что ли, нарисовал? — спросил Лагойда.

— Ну да, да.

— Так это портал их, они его везде...

— Нет, не портал, — возразил Яков. — Портал у них овальный, всегда овальный, заметили? А тут круг. Это когда я про купол у Явсена пытался расспросить, что за штука вообще такая, он мне в ответ нарисовал. Круг, видите? Потому что купол — никакой не купол, он сквозь землю тоже проходит — сфера это! Энергетическая сфера. И никакие туннели тут не помогут.

— А если в резину человека одеть, в скафандр особый? — возразил Лагойда.

— Ну да, и много ты народу в резину оденешь? — хмыкнул Лабус. — И технику всю в резину, танки? Нет, нам самим действовать надо, это ясно, а не по области прятаться. В общем... — он хлопнул ладонью по столу, — я понимаю: отчаянный шаг, но вот если тот пеон, которого Яков Афанасьевич упустил в школе, мне не понравился с самого начала, то Явсен этот, — он окинул взглядом сидящего на койке блондина, — нормальный, в общем, мужик.

— Ты всегда чувствам, а не мозгам доверяешь, — проворчал Курортник.

Лабус дернул себя за ус.

— Э нет! Что значит — чувствам? Я что, расчувствовался сейчас, что ли? Я интуиции своей верю, а интуиция — это те же мозги, только в профиль!

Курортник промолчал, а Лабус продолжал гнуть свое:

— Ну короче, мы сами с таким противником не справимся, это ж смешно: против нас целая армия, и мы не суперсолдаты какие-то. А эти, которые повстанцы, давно варханам сопротивляются, знают их манеру, привычки. Цели, в конце концов. И сейчас повстанцы единственные наши потенциальные союзники. А раз так, то я за то, что с ними надо вступить в контакт. А ты что думаешь, капитан?

— Примерно то же, — согласился Игорь. — Связь нужна, и раз передатчик в лагере, его надо оттуда... изъять. Это логично, что подобное устройство в центральном лагере, я тут Явсену тоже верю.

— Только он говорит, что лагерь возле Кремля не центральный, — заметил Яков. Попятившись, он сел на койку, и все снова повернулись к нему.

— Как не центральный? — удивился Лагойда. — А где же центральный?

— Не знаю, не понял я.

Курортник щелкнул пальцами.

— Возле лаборатории Бурегого!

— А, ну правильно! — кивнул Лабус.

— Прямо сейчас это не самое главное, — сказал Игорь. — Сейчас нам нужна связь. Прибор для этого есть в лагере возле Кремля. Значит, надо напасть на него...

— Забираем передатчик и уматываем! — подхватил Костя. — А, Леха?

— Нет, нужно подготовиться, лагерь осмотреть, разведанные собрать, — возразил Курортник.

— Но вы уже были там неподалеку, — не согласился Яков. — В бинокли все осматривали, расположение шатров и остальное знаете. И Явсен вот тоже мне рисовал, перелистните блокнот — дальше увидите.

Лабус так и сделал. На второй странице был план: кружки и прямоугольники, неровный овал построенной рабами стены, рядом ломаная линия — стена Кремля — и большой квадрат Мавзолея.

— Периметр этот каменный высотой примерно по грудь, — стал рассказывать Костя. — В нем проход со стороны Василия Блаженного, недалеко от Лобного места. И там же такой длинный шатер стоит, прямоугольной формы.

— Ты говорил, в Кремлевской стене пролом? — уточнил Игорь.

— Да, разделяет Спасскую башню и Мавзолей. Пролом они щитами перегородили, за него мусор выбрасывают, ну и по нужде, кажется, туда ходят. Вот здесь, почти напротив Ильинки, навес, под которым, насколько мы с Лехой поняли, у них лазарет. Еще там небольшие шатры, а между навесом и проломом — два больших круглых шатра. Один — командный, из него варханы, которые с полосками на рукавах, постоянно выходили, а под входом всегда двое рядовых дежурили. А возле него другой такой же, круглый, но мы не...

— Вот в нем, по словам Явсена, и находится передатчик, — вставил Яков.

— Полковник, а ведь ты так хочешь все это проверить, потому что твой друг к повстанцам попал, — заметил Лагойда. — Скажешь, нет? Ты с Лешей своим хочешь связаться, это твоя выгода. Но в том, что для нас всех от этого какая-то польза будет, — я лично совсем не уверен.

— Хочу связаться, — кивнул Яков. — И с Кириллом, потому что ответственность за него ощущаю. Но в данном случае мои личные желания совпадают с общей нуждой. Передатчик, если он там, нам необходим.

— Так это если он там.

— А почему бы ему там не быть?

— Да потому что этот пеон, — Лагойда показал на Явсена, который быстро крутил головой, переводя взгляд с одного говорившего на другого, — может быть таким же предателем, как и тот ваш, который сбежал. Вдруг это ловушка? Просто операция варханов, чтобы поймать нас.

— И для этой же операции они послали отряд к «Старбайту», который чуть нас не накрыл? — покачал головой Курортник. — Странно как-то, неказисто слишком. Думаю, Явсен действительно работает на повстанцев, он их агент в армии варханов, также как Айзенбах был агентом повстанцев среди землян.

— Агентом! — хмыкнул Лагойда. — Много вы знаете. Да у шефа сугубо свои соображения имелись, свои выгоды. Думаете, он хотел просто софт на лабораторных машинах стереть? Нет, он по украденной схеме собирался свое устройство сделать. В переговоры со Ставкой вступить и дальше уже по обстоятельствам...

— Что еще за Ставка? — спросил Лабус.

Лагойда махнул рукой:

— Это Денис, младший сотрудник в лаборатории, так перевел. Командование их.

— Кто за то, чтобы выкрасть передатчик? — вдруг спросил Игорь.

И поднял руку. Все удивленно посмотрели на него — принимать решения на основе голосования было для этих людей непривычно. Первым примеру Сотника последовал Яков, за ним Лабус, а после и Курортник. Явсен с любопытством хлопал глазами. Лагойда хмурился.

— Значит, решено, — кивнул Игорь. — А то спорили бы до бесконечности. Тогда следующее: когда начинаем?

— Надо этой ночью, — сказал Яков. Повернул к пеону голову и медленно произнес несколько незнакомых слов.

Явсен взволнованно закивал в ответ, затараторил, запнулся, повторил то же самое медленно, потом вскочил, протягивая руку. Яков дал ему карандаш. Пеон бросился к блокноту, сказал: «Териана» — и провел по бумаге линию. Потом сказал: «Земла» — и провел параллельно другую, но двигая карандашом быстрее. Стал повторять: «Териана-Земла, Териана-Земла», то медленно, то быстро чиркая карандашом по странице, пока не порвал бумагу. Только тогда он затих и положил карандаш.

— Ну и чего? — спросил Лабус. — Кто-то что-то понял?

Все молчали.

— Что бы там ни было, — снова заговорил Яков, — медлить нам нет никакого смысла. Ну что — сутки будем ждать, двое суток, трое? Вокруг Кремля болтаться, рискуя, что патрули нас засекут? А толку? Почему не напасть сегодня, сейчас же?

Яков отдернул левый рукав, глянул на запястье и расстроенно махнул рукой.

— А, я же свои позавчера разбил! Который час?

— Двенадцать, — сказал Игорь.

— Ну вот, двенадцать. Значит, смотрите: у нас две машины на ходу, девять людей. И оружие, пусть не очень много. И, в конце концов, опыт. Сейчас все спланируем...

— Восемь людей, — брюзгливо поправил Лагойда. — Или ты и пеона уже считаешь за бойца?

— Хорошо, восемь, — согласился Яков. — Сейчас планируем, ложимся спать, спим четыре часа и примерно в пять начинаем. В пять еще совсем темно, но для часовых самый сон.

— Такие диверсии лучше в это время начинать, — согласился Игорь. — Хорошо, какие у кого предложения, как спланировать нападение?

Яков ожесточенно почесал лысину.

— Эх, Лешеньку бы сюда! Он спецом по таким делам был, чернокожих в Африке так натаскивал... Ну ладно, сами справимся. Во-первых, надо двумя группами действовать. Во-вторых, смотрите на план...

Все, не считая Явсена и Лагойды, снова встали у столика.

— Вот тут, — ткнул пальцем Яков, — шатер, где лежит передатчик. Круглый шатер, прямо возле штабного — видите, тот тоже круглый? А вот здесь...

Слушая его, Игорь глянул на бывшего начальника СБ «Старбайта», и выражение лица Ростислава Борисовича ему совсем не понравилось.

* * *

— Вот слушай, как тебя... Веня?

— Веня, — кивнул Григоренко, вместе с Партизановым и Мишей разглядывая бутылку в руках Лабуса. Голоса их в отсеке БМП, озаренном тусклым синим светильником, звучали глухо.

— Так вот, Веня, бензин можно с керосином смешать. Или с моторным маслом — три к одному примерно. Фитиль, тряпку обычную то есть, тоже пропитать, жгутом свернуть и вставить в горлышко, но только плотно, чтобы пламя сразу внутрь не попало. Полную бутылку наливать не надо, потому что не бензин сам по себе горит, горят его пары, а если она полная — нет для них места, плохо вспыхивать будет. Далее, бутылку лучше брать с длинным горлышком и из толстого стекла. Вот эти, из-под водки, которые Миша нашел, подойдут, горлышко длинное, хотя стекло так себе, ну да ладно. Как подожжешь — бросаешь сразу, потому что риск большой, что бутылка взорвется прямо у тебя над головой.

— А вот эти? — Партизанов показал в сторону двух бутылок, стоящих на полу броневика.

— А это — так называемые «химические», а не «коктейль Молотова», — пояснил Лабус, беря одну из них.

— Это че значит?

— А то, что там серная кислота — у нас ее было совсем мало, потому сделали только пару, — вступает в реакцию с хлоратом калия, и при этом выделяется куча тепла, — Костя вещал увлеченно и со знанием дела. — Поэтому тут пробка должна быть такая, чтоб выдерживала контакт с серной кислотой. Сначала заливается бензин, потом малыми порциями добавляем серную кислоту. Главное, чтоб оно не загорелось просто от нагрева, из-за смешивания, понимаете? Дальше бутылку снаружи надо помыть, чтоб кислоты не осталось, дать просохнуть и охладить. Для этого мы ее в холодильник поставим, у нас в автобусе есть небольшая камера. Отдельно в миске надо смешать хлорат калия и сахар, чуть-чуть воды добавить...

— Чего за хлорид калия такой?... — начал Партизанов, и Григоренко ткнул его локтем в бок:

— Вот ты необразованный! Не хлорид, а хлорат...

— Ща двину, Венька! — Партизанов поднял огромный кулак, и Григоренко отпрянул.
— Отставить двигать Веньку! — скомандовал Лабус. — Короче, это бертолетова соль. Ну или калиевая, другими словами.

— Ее и дома можно получить! — подхватил Григоренко. — Спички надо в ацетон бросить и...

— Так это оно в миске? — Миша показал на железную посудину с сероватой кашицей, в которой лежала тряпка.

Лабус кивнул.

— Оно. Бертолетова соль, сахар, ну и воды немного добавил. Ткань пропитывается, сейчас мы ее высушим, это тоже недолго, потом рвем на два лоскута и приклеиваем «моментом» к бутылкам. И готово — остается только бросить, чтоб разбилась.

— И оно без огня загорится? — не поверил Партизанов.

— Обязательно. Когда разбивается, бензин с серной кислотой попадает на тряпку, пропитанную солью с сахаром, и оно все загорается. Огонь такой белый и очень горячий. И главное — в чем преимущество, а? — Он оглядел слушателей.

Миша с Партизановым молчали, а Григоренко выпалил:

— Именно в том, что поджигать не надо!

— Правильно. Во-первых, это опасно, во-вторых, ты демаскируешься, когда над головой бутылкой с огнем размахиваешь. А с «химической» этого нет. Вопросы?

— Да, а я вот еще хотел... — начал Григоренко, но тут в люк над их головами сунулся Курортник.

— Что у вас? — спросил он. — Готовы?

— С «химическими» закончим — и все тогда, — ответил Лабус. — Минут пятнадцать еще, пока остынут, надо только в холодильник отнести.

— Ну так несите. Уже четверть пятого, мы все проснулись.

Курортник исчез, и Лабус поднялся с сиденья.

— Миша, Веня, берите каждый по «химической», только аккуратно. «Коктейли» я в подсумок сложу, потом раздам. Ну, пошли.

Вскоре все собрались в автобусе, где Игорь быстро повторил распределение ролей и основной план. После этого, сверив часы, разошлись. Курортнику с Лабусом, Партизанову и Вене выпало ехать в БМП, Игорю, Якову, Мише, Лагойде и Явсену — в автобусе.

Тихо тарахтя двигателем, автобус выкатил из двора «Метрополя». Лабус проводил его взглядом — к этой машине он относился, как к любимой женщине, да к тому же отдал Якову свою СВД, на которую поставил ночную оптику. Костя спустился в броневик, на ходу осмотрев снарядную полку возле пушечного лафета. Снарядов оставалось всего два, а еще в броневике лежала последняя РПГ.

Партизанов, имени которого никто почему-то так и не удосужился спросить, переругивался с Веней в большом отсеке под башней. У обоих были «Макаровы», у верзилы еще АК. Курортник, вооруженный ПМ и «бизоном», сидел возле водительского места, на котором устроился Лабус (ему достался только «Макаров», автоматов больше не было). Когда он взялся за рычаги, Алексей спросил, поправляя титановый шлем на голове:

— Сможешь этим делом рулить?

— Конечно смогу. Меня больше волнует, как они с нашим автобусом...

— Автобус они далеко от лагеря оставят, а мы броневик — нет. Ты точно помнишь, там был пролом в стене со стороны реки?

— Был, — кивнул Костя. — Я его хорошо разглядел. Поменьше, чем тот, что между Мавзолеем и Спасской, но и через него на территорию Кремля они проберутся. Ладно, с богом, что ли?

— С богом, — кивнул Алексей. — Хоть я в него не верю.

— Да и я, в общем-то.

Заведя мотор, Лабус повел БМП за автобусом, но на улице свернул в другую сторону.

ГЛАВА 5

Расчет был простой — что их примут за своих, по крайней мере в первый момент.

С этой целью с Партизанова сняли форменную синюю куртку, рубаху и даже майку. Когда до просвета в стене вокруг лагеря варханов оставалось метров двадцать, он поднялся в башню. В просвете стояли два броневика, немного дальше — тачанка с пулеметом. На мостовой горела пара светильников.

На башне сначала одного, потом второго БМП показались варханы, еще один привстал на тачанке.

— Начинай! — приказал Курортник, переходя в большой отсек.

Голый по пояс Партизанов высунулся из люка, замахал руками и прокричал несколько слов, которым его научил Явсен. Яков объяснил, что они переводятся примерно как «Пустите нас!» и «Мы из соседнего лагеря!»

Один вархан поднял оружие, нацелил на приближающуюся машину, а второй нырнул обратно в люк, и через несколько секунд башня, где он исчез, начала поворачиваться в сторону приближающейся машины.

Алексей, поднявшись по скобам вслед за Партизановым, схватился за рукоять под казенником пушки, толкнул. Хрустнуло, клин-затвор отъехал вниз, открыв ствол. Курортник вогнал в него снаряд и дернул рукоять на себя. Затвор лязгнул.

— Партизанов, вниз! — крикнул он. — Веня, вверх!

Здоровяк спрыгнул в отсек, на его место полез Григоренко, в подsumке на поясе которого лежали три бутылки: «молотовы» и «химическая».

До просвета оставалось метров десять, когда ствол на башне варханской БМП нацелился на их машину. И одновременно Курортник выстрелил, а через секунду после этого Лабус затормозил.

Прямое попадание снаряда разорвало башню, словно консервную банку. По ночной площади прокатился грохот.

— Не зажигается! — крикнул Веня, чиркая дешевой пластмассовой зажигалкой. — Газ есть, но...

Стоя одной ногой на скобе, Алексей выхватил из кармашка на ремне «зиппо», клацнул — фитиль в горлышке бутылки вспыхнул.

Снаружи застучали выстрелы, раздались вопли. Из одной вражеской БМП валил дым, в темноте едва видимый, а вторая, зарокотав мотором, тронулась с места. Распахнутый люк ее начал закрываться — и тут Веня швырнул бутылку.

Он немного не успел — крышка захлопнулась, — зато попал точно в цель. Бутылка лопнула прямо на башне, и огненная пелена растеклась по машине.

— Вторую кидай! — крикнул Курортник.

Разволновавшийся Веня едва не выпустил из рук «химическую». Алексей подхватил ее, высунулся наружу и бросил. Варханская БМП, проехав еще несколько метров, остановилась. Горючие смеси разлились по корпусу, казалось, пылает сама броня машины. Частые вспышки замелькали у периметра лагеря. На Красной площади зазвучали крики, лязг затворов и топот ног.

* * *

Явсена оставили в автобусе, приковав наручниками к железной стойке. Он не возражал — понимал, наверное, что пока не заслужил полного доверия.

Остро пахло мочой, вокруг лежали пустые упаковки, рваная одежда, россыпи гильз, пакеты и мешки. Ветер шелестел целлофаном, в темноте попискивали крысы. Из-за груды мешков с подгнившей травой — наверное, это был испортившийся корм для рогачей — Яков через оптику винтовки наблюдал за проломом в Кремлевской стене. Тот был перегорожен щитами, за ними прогуливались пятеро часовых.

Вернее, столько их было совсем недавно, но после того, как со стороны развалин Василия Блаженного донеслись взрыв и выстрелы, остались только двое — остальные убежали в сторону собора.

— Вперед, Игорек, — сказал Яков, и Сотник по-пластунски быстро пополз вперед.

Он добрался до стены возле пролома, не замеченный охранниками, присел и поднял руку с ножом.

— Ростик, Миша, готовы?

Первый промолчал, второй ответил за двоих:

— Готовы мы.

Яков нащупал прицелом темную голову одного часового, выстрелил — тот исчез за щитом, — перевел СВД на второго, снова выстрелил... и не попал.

Второй охранник бросился к убитому, поэтому Яков, которому много лет не приходилось работать со снайперской винтовкой, и промахнулся.

На такой случай и нужен был Игорь Сотник. Силуэт его мелькнул над щитами. Миг — и уцелевший часовой тоже упал. Сотник выпрямился позади щитов, сделал жест: *чисто, ко мне!*

Лагойда, Миша и Яков бросились вперед, последний закинул СВД за спину, сунул руку в подсумок с «коктейлем».

Когда они достигли щитов, в лагере уже стоял шум. Мимо пробежали варханы, стучали подошвами, орали, бряцали оружием, лязгали затворами. Снова разгорались костры.

Подняв АК, Игорь метнулся к двум круглым шатрам, стоящим почти в центре лагеря неподалеку от навеса-лазарета. Со стороны разрушенного собора доносился частый стук пулемета, там горела машина, сквозь специфический звук выстрелов варханского оружия прорывался негромкий голос ПМов да сухой треск «Калашникова».

— Молодцом спецы наши! — крикнул Яков, распахивая шкуры на входе в шатер.

Игорь присел, выставив автомат, заглянул и скользнул внутрь. За ним, включив фонарик, последовал Яков, потом Миша.

— Вот он, — Яков показал на покатый прибор размером с тумбочку, на четырех гнутых ножках, со скошенной верхней частью, где мерцали огоньки. Он целиком состоял из гладкого серебристого металла.

— Явсен так и описывал. Михаил, хватай!

Круглолицый присел, обхватив передатчик, приподнял.

— Килограмм двадцать... — прокряхтел он.

— Ты давай, выходи, потом жаловаться будешь!

— А где Лагойда? — спросил Игорь.

Миша, обнимая передатчик, попятился в проход.

— Я откуда знаю? Снаружи...

— В сторону! — крикнул Сотник, вскинув автомат.

В пляшущем красно-синем свете за спиной охранника он заметил фигуру человека с пистолетом в руках. Мелькнула вспышка, и Сотник присел, но пуля угодила не в него.

Миша, шагнувший после его крика вбок, ахнул и повалился назад. Передатчик упал сверху. В проеме стал хорошо виден Лагойда, маячивший с поднятым пистолетом в нескольких шагах от шатра. Выругавшись, он снова прицелился в Игоря, а тот дал короткую очередь. Лагойда, отпрыгнув в сторону, тоже выстрелил, и оба не попали.

Миша лежал на спине, удивленно раскрыв рот, неподвижным взглядом уставившись в небо. Лагойда пропал из виду.

— Бери прибор! — Игорь шагнул к выходу, вжимая приклад в плечо, быстро водя стволом из стороны в сторону.

Яков попытался поднять передатчик, охнул и выпустил из рук.

— Не могу, Игорек! Плечо у меня... Бери сам, я прикрою!

Он вытащил из подсумка «коктейль Молотова», зажег и швырнул наружу. Игорь, сдернув ремешок АК, протянул оружие Якову и взялся за передатчик, лежащий на груди

мертвого Миши.

Выставив ствол в проем, Яков дал короткую очередь. Крикнул:

— Отходи!

Горела растекшаяся по мостовой смесь, от нее поднимался дым. Пригнувшись, крепко прижимая громоздкую «тумбочку», Игорь головой вперед выскочил из шатра и побежал обратно к пролomu. Краем глаза увидел три силуэта неподалеку: Лагойда стоял на коленях, сцепив руки на затылке, над ним невысокий человек в просторных темных одеждах и лысый с забинтованной головой, с револьвером в руках. Сотник вспомнил, что мельком видел этого лысого у школы.

Сзади, тоже низко пригнувшись, пустив очередь веером над мостовой, выбежал Яков. Лагойда, чтоб не попасть под пули, повалился лицом вниз, а лысый, схватив второго, отпрыгнул за шатер.

Опрокинув щит, Игорь вскочил в пролом, круто повернул, зацепился за мешок, упал набок, обнимая передатчик. Вырвал из-за пояса сигнальный пистолет. Встав на колени, поднял его и пустил в небо шипящий клубок красного огня.

Подбежавший Яков помог ему встать.

— Бегом, Игорек! К точке сбора, не останавливаясь!

* * *

Курортник присел на корпусе слева от башни, Лабус — справа, оба почти непрерывно стреляли, не позволяя варханам приблизиться к машине, перезаряжались и стреляли опять. Костя, использовав РПГ, взорвал тачанку, которая попыталась выехать к ним из лагеря, метнул «химическую» и «коктейль». Последняя бутылка осталась у Курортника.

Когда вверху глухо замычали, Лабус вскинул голову. С края башни, оставаясь по пояс в люке, свесился Партизанов, лоб его ударился о броню, широкие ладони заколотили по ней.

— Э! — Костя вскочил, стреляя одной рукой, второй обхватил охранника за плечи, чтоб приподнять, — но тот был очень тяжел. — Браток, куда пулю словил?!

Партизанов замычал громче, Лабус повернул его голову, приподнял слегка — и тут из-за кремлевской стены взмыл красный огонь.

А через секунду перед БМП взорвалась граната. Переднюю часть машины приподняло, она рухнула на мостовую, хрустнув осью. На обычный земной броневик такой взрыв не произвел бы особого впечатления, но варханская машина вряд ли теперь способна была ехать: переднюю часть ее раскроило, словно гигантскими ножницами по металлу.

— Отходим! — крикнул Курортник, помогая Вене выбраться из люка. — Что с ним?

Пуля попала Партизанову в левую скулу, пробила щеку, раздробила кость. Бывший охранник захрипел и вдруг оттолкнул Лабуса с такой силой, что тот свалился с броневика на мостовую, сильно стукнувшись затылком, — хорошо, что шлем смягчил удар.

Силач выпрямился на башне во весь рост, шагнул вперед, подняв АК одной рукой и стреляя. Одна, вторая, третья пуля ударили в него. Он сделал еще шаг — и провалился в люк, будто «солдатином» нырнул в воду.

Веня с Курортником спрыгнули на мостовую позади броневика. Из просвета в стене лагеря к ним катила бронированная мотоциклетка и две тачанки, на одной вовсю работал пулемет.

— Костя! — крикнул Алексей.

— Цел! — Лабус вскочил. — Сота сигнал дал — уходим!

Втроем они бросились прочь.

* * *

Задумчиво обойдя стоящий посреди салона передатчик, Яков сказал:

— Мы на Явсена грешили, а предателем вон кто оказался.

— Но с чего он решил переметнуться? — все удивлялся Лабус. — Он что, не понимал...

— А что он должен был понимать? — перебил Игорь, присевший на край откидного столика. Рядом сидел легко раненный в руку Веня Григоренко — его еще трясло, но он сиял от гордости: первый в жизни серьезный бой.

— Наоборот, — продолжал Игорь, — Лагойда прикинул ситуацию: нас мало, их много, у нас несколько стволов, у них куча оружия, мы до сих пор плохо ориентируемся в ситуации, они явно хорошо знают, чего хотят... Прикинул — и сделал вывод. Решил, что с ними больше шансов выжить.

— Да его же там убьют сразу, — возразил Лабус.

— Насколько мы с Яковом успели заметить — сразу как раз не убили. Допросят...

— И пытаться будут.

— А если он быстренько все выложит? — возразил Яков, сидящий на койке возле прикованного наручниками Явсена.

— Это если они его рассказ поймут, — сказал Курортник с водительского места.

Еще не рассвело. Автобус, миновав оба Москворецких моста, медленно катил по дворам между Пятницкой и Большой Ордынкой.

Яков заметил:

— Ну вот Явсен же кое-что понимает. А если варханы давно контактировали с Буревым, то среди них могут быть люди, которые русский знают еще лучше.

— Как вообще такая связь происходит? — спросил Григоренко. — Что это за штука?

Все, кроме Курортника, гипнотизировали передатчик. Алексей, подавшись к лобовому окну, внимательно оглядел окрестности, затормозил, не глуша мотор, встал и подошел к ним.

— Здесь долго оставаться нельзя, — заметил Лабус, — пока темно, надо подальше убраться. Слышите моторы? Хотя нет, здесь уже не слышно, а раньше шумели вовсю. Это варханы из лагеря бросились нас искать.

— Машин там было немного, — сказал Григоренко с авторитетным видом, баюкая стянутое повязкой запястье. — Большую облаву не смогут организовать.

— Ну так и что? Ты в окно выгляни — вон, справа. Все посмотрите.

Они посмотрели — низко в темном небе где-то за Ордынкой мигал яркий огонек.

— Это семафор на крыше, — пояснил Лабус. — Они там сейчас вовсю сигналият: атакован центральный лагерь района! Такой шум поднимется... Нет, отсюда валить побыстрее надо, потом схрон отыскать, чтоб отсидеться. Так что ты, Леха, давай дальше рули, а мы тут пока с передатчиком попробуем разобраться.

Курортник вернулся на место, и машина снова поехала. Явсен залопотал что-то вопросительное, задергал рукой, скребя кольцом наручников по стойке. Показал на передатчик.

— А питается он от чего? — спросил Григоренко.

— Да, и мне любопытно, — согласился Яков, надевая на нос очки. — Если связь происходит посредством частиц высокой энергии — так, пардон, откуда ж оно эту энергию берет? Ну чтоб частицы, грубо говоря, разогнать? Или я чего-то не понимаю?

— Может, внутри какой-то источник? — вытаскивая из кармана ключ, Лабус направился к Явсену. — Ладно, браток, давай отомкну тебя, а то ты как птичка на шнурке дергаешься.

— Игорек! — окликнул Яков. — Что ты такой задумчивый?

Игорь не ответил — смотрел в одну точку, трогая шрам на лице. Лабус, не дойдя до приподнявшегося навстречу ему пеона, повернулся и сказал:

— О Хорьке капитан думает. Мальчишку вспомнил, а?

— Вспомнил, — согласился Игорь.

— По-скотски мы все-таки поступили.

Игорь возразил:

— У нас не было выбора — нас бы покосили там всех у школы.

— Да ну — покосили! Вот смотри: мы уже который бой целыми проходим. Нет, с

потерями, я понимаю. Партизанов, Миша... так почти всегда бывает, самые неопытные в бою первые гибнут, ну кроме вон Веньки, его только зацепило, везунчик. Но главное, уже который раз мы варханов, в общем-то, нагибаем. Хотя они, казалось бы, опытные бойцы.

— Я об этом уже думал, — кивнул Игорь. — Знаю, почему так происходит.

— И почему же?

— Потому что они непривычные к нашему оружию. У них еще не разработаны методы борьбы с противником, у которого есть автоматы, гранатометы, винтовки с оптикой. Просто нет тактики, понимаешь? Их военный опыт... Ну как у армии в первой трети двадцатого века. И если бы в те времена вдруг появился спецназ из нашего времени, да с соответствующим оружием, — он бы большой шум смог поднять, скажешь, нет?

— Ну, возможно.

— Вот поэтому мы с варханами и справляемся. Заметь: только в скоротечных боях, с неожиданными наскоками и быстрыми отступлениями. Это же правило любой партизанской войны, его еще Че Гевара сформулировал: никогда не принимать бой там и тогда, где и когда его ожидает противник. Но когда они всей массой наваливаются, БХМ подгоняют, пускают газ — тогда и уничтожают наши базы, ОМОН, другое... В общем, так или иначе, нам нельзя было возвращаться за Хорьком в школу.

— А я о двух этих парнях все думаю, — сказал Яков. — О Партизанове и Мише. Ведь даже... Веня, как качка этого вашего звали?

— Игорь.

— Ну вот, как капитана! А мы даже имени его не спросили. Только-только увидели их — и все, они мертвы, нету их. И даже тела во вражеском лагере остались. Эх! Сколько смертей всего за несколько дней. А перед тем жаковцы мои... столько мертвецов!

— Но Мишу ведь не варханы убили, Ростислав Борисович застрелил, — Григоренко поглаживал раненое запястье. — Мне шеф никогда не нравился. Его вроде все уважали, но мне он казался гнилым каким-то.

Лабус отомкнул наручники, и Явсен бросится к передатчику. Упав на колени, коснулся верхней панели, провел пальцами по округлым выступам, повернул один, потом второй.

Выступы эти мало напоминали обычные верньеры и кнопки, они казались частью верхней панели, наростами — хотя их можно было вращать и вдавливать в нее. Сотник осторожно коснулся передатчика, похлопал. Твердый, а выступы почему-то мягкие, хотя из такого же серебристого металла.

После очередного нажатия Явсена посреди панели загорелось белое квадратное окошко — экран, который раньше не был замечен.

— А ведь с виду совершенно не варханская техника, — Яков присел на корточки рядом с пеоном. — У них все доморощенное такое, а тут... фантастика.

Явсен повернул еще что-то, нажал, и возле левого края монитора вспыхнула зеленая точка. Раздался тонкий ритмичный писк и шумы, непохожие на обычные помехи.

— О! — оживился Веня. — Слушайте, я в интернете как-то нашел эту... солнечную пульсацию. Ее как-то перевели в другой диапазон, чтоб слышно было, — так вот тут похоже. Такой же шум странный, будто космический.

Курортник вел автобус дальше, тихо рокотал мотор, за окнами медленно светало. Явсен подкрутил другой бугорок на верхней панели передатчика и что-то сказал, склонившись к нему. Повторил громче. Писк и шум не смолкали. Он повернул широкий выступ в углу панели, опять заговорил — медленно, внятно.

Зеленая точка на мониторе задрожала в такт его словам. Амплитуда увеличилась, точка поползла по горизонтали, оставляя за собой бледно-зеленую строчку пиктограмм вроде тех, которые Игорь с Багрянцем и Хорьком видели в кожаном свитке сбежавшего Гярда.

— Твою мать! — сказал Лабус. — Работает! Афанасьич, ты...

— Нет, ничего не понимаю. Я их письменность вообще не знаю. В устройстве, наверное, стоит декодер, который переводит поток сигналов в слова. Но только в варханские, конечно, слова.

Явсен покрутил бугорок на боковой стороне передатчика — и тот вдруг откликнулся равнодушным синтетическим голосом. Все вздрогнули. Голос смолк, строчка пиктограмм перестала удлиняться, точка мигнула и вернулась к левому краю экрана.

Пеон снова заговорил. Точка задрожала. Явсен окинул взглядом людей вокруг, широко улыбнувшись, ткнул пальцем в передатчик.

— Ну так что?! — не выдержал Лабус. — Мы ж не понимаем ни хрена!

Пеон закивал, крутанул сразу два выступа, и передатчик произнес женским голосом:

— Слушаю вас, товарищи.

ГЛАВА 6

Хорька разбудили выстрелы. Стояла глухая московская ночь, никого вокруг. Нет, Москва не спала — она лежала бездыханная, при смерти, демоны почти убили ее, высосали из нее кровь. А где-то далеко стреляли. Целая канонада! Треск очередей, одиночные, даже взрывы... Раз такая сильная стрельба — значит, там командир, там Лабус и остальные. И Хорьку надо туда. Он сможет, ведь он сильный, и это его дело — спасти и защитить. В кого бы ни стреляли друзья, кто бы ни стрелял в них, Хорек придет на помощь.

Ему пришлось расстаться с автоматом. Так жалко было! — но вместе «калаш» и демонское ружье были слишком тяжелы. Хорек долго соображал: что же бросить? Именно поэтому и потерял машины.

Автобус и броневик ехали достаточно медленно для того, чтобы мальчишка, работая ногами изо всех сил, мог бежать за ними. Но в конце концов он выдохся и остановился, размышляя, от какого ствола избавиться. Выбрав автомат, Хорек мучительно доказывал сам себе, что все сделал правильно, АК — это, конечно, хорошо, он очередями палит и все такое, но патронов мало, закончатся — что тогда делать? А демонское ружье стреляло электричеством, которого в нем много. Пока Хорек был со взрослыми, они всю обсудили варханское оружие, и Лабус предположил, что электроружья одноразовые. То есть они стреляют-стреляют, стреляют-стреляют — а потом их выбрасывают. Или не совсем выбрасывают, а только стержень в стволе меняют. Так или иначе, пока что ружье умирать не собиралось.

Главное — оно было легче, вот что подвело черту под сумбурными размышлениями Хорька. Ну и важную роль сыграло то, что к ружью он как-то прикипел душой, сдружился с ним.

Но когда, избавившись от автомата, он снова побежал, гул моторов уже стих и машины исчезли. Он повернул раз, другой, пересек сквер, холодея при мысли, что потерял друзей, миновал два квартала — нет машин! Хорек еще почти час бродил по городу и наконец совсем потерялся. Не очень-то хорошо он знал центр столицы — да вообще, если правду сказать, не знал.

Попав в очередной двор, Хорек нашел скамейку и лег на ней, прижав к себе ружье. Тишина, темнота... Он замер — маленький, всеми покинутый, один посреди умирающего города. Демоны бродили вокруг, рыскали во мраке, искали его... Хорек тихо застонал от ужаса, поняв: демоны совсем рядом, прямо за ним, идут по газону, вон и трава шелестит — подбираются, протянув когтистые руки в перчатках с обрезанными «пальцами».

Он вскрикнул, сел, развернувшись, и пальнул во тьму. Разряд алой спицей пропорол ее, рассеял на миг, ударив в стену дальнего дома, погас. Никого во дворе, только Хорек. А трава шелестит, потому что ветер.

Что бы сделал командир? Лег на скамейке и замер от ужаса? Нет! И Хорек так не будет!

Он пристроил ружье на колени, крепко сжимая его, готовый убить любого демона, который попытается подойти. Но демонам было не до него — они бродили где-то во мгле, а к Хорьку не приближались.

И он заснул.

А проснулся от звуков боя. Судя по тому, как затекла поджатая нога, — проспал долго.

Выстрелы звучали приглушенно, вдалеке. Хорек через арку выскочил на улицу, прислушался — и побежал. На скамейке мальчик успел передохнуть, да и без автомата стало полегче, так что теперь он припустил во весь дух. Но все равно, оказавшись возле Красной площади, увидел лишь окончание боя.

Ближе к развалинам собора Василия Блаженного горела машина, от нее бежали Лабус, Курортник и незнакомый парень из тех, которые прибились к отряду в «Старбайте», — их Хорек видел из окна магазина, откуда выстрелил по демону, чтобы спасти командира.

Но где же Сотник? Не видно, только эти трое бегут — неужели погиб?! Хорек, рванувшийся вслед за троицей, даже остановился, обернулся. Из лагеря, объезжая горящую машину, выкатывали две тачанки с демонами. Нет, Лабус ни за что не бросил бы Сотника, если они убегают, значит, командир где-то в другом месте, а не остался в демонском лагере. Он, наверное, дожидается их где-то впереди! Мысль эта была не очень-то логичной, но Хорек с логикой никогда не дружил.

Он помчался за теми, кого поклялся спасать и защищать, держась у стен домов, в самой темноте, куда не достигал свет синих ламп, костров и фар.

На повороте резко остановился. Впереди автобус — их автобус, Лабуса и Курортника! Внутри кто-то есть, трое беглецов приближаются к нему...

А сзади догоняют тачанки.

Мальчик скинул ремень с плеча, встав на одно колено, поднял ружье, вдавил приклад в плечо — все как учили командир и Лабус. Направил ствол на тачанку. Руки после бега ходили ходуном.

Тачанка ехала почти прямо на него, вторая немного приотсталала. На передке — круглая желтая фара, выше силуэт демона, сидящего за рулевым рычагом.

В бедовой голове Хорька машина вдруг обратилась демоническим чудовищем, страшной одноглазой тварью — не мигая глядит на него, сейчас подбежит, набросится, откусит голову, сожрет, надо выстрелить прямо в этот круглый глаз, других способов убить чудовище нет!

Хорек выстрелил.

Не попал.

То есть не попал в глаз, но алый разряд впился в морду чудовища.

Оно бросилось в сторону... и снова стало машиной, обычной тачанкой, которые он видел уже много раз, в одной из которых даже сам ехал когда-то с командиром и Багрянцем. Тачанка вильнула, притормаживая, и вторая врезалась в нее сзади.

Машины встали. Хорек вскочил, потряс головой, избавляясь от наваждения. Увидел задок уезжающего автобуса и рванул следом.

Теперь он совсем не был уверен, что сможет и дальше сопровождать друзей, чтобы в нужный момент защитить их: машина сразу взяла быстрый темп, к тому же продолжала набирать скорость.

Но ведь не обязательно все время бежать — есть и другой способ. Пока автобус не успел разогнаться...

ЧАСТЬ II

БЕРСЕРЫ НЕ МЕДЛЯТ

ГЛАВА 7

Давно рассвело, три машины быстро катили по улицам оккупированной зоны.

Чтобы в темника не попала случайная пуля, на тачанке командера поставили навес из плотной кожи с железными пластинами. Он примыкал к бортам сзади и по бокам, оставляя открытым для взгляда лишь пространство впереди. Рядом с водителем сел капитан Сафон, позади — двое вооруженных бойцов, еще семеро ехали в машинах сопровождения. На лавку под бортом посадили закованного в кандалы пленника, Максар и Эйзикил расположились напротив.

Землянин, назвавшийся Лагойдой, улыбался, хмурился, лицо его отражало то страх, то надежду. А вот Максар бер'Грон так теперь не мог, любое напряжение лицевых мышц причиняло мучительную боль. Отныне обе половины его лица — и та, что была повреждена ядовитой картечью, и та, что осталась цела, — застыли, словно каменный лик Черанго, одного из истуканов, которым молились сайдонские дикари.

Ночью световая вышка над Красным лагерем (так его называли из-за близости к большому комплексу зданий красного цвета) разослала сообщения во все концы захваченной территории, и к утру стали приходить ответы. Облава не помогла поймать атаковавших лагерь, но Максар кое-что понял: уже несколько дней в этом районе действует небольшой, хорошо вооруженный отряд местных бойцов высокого ранга... пожалуй, их даже можно назвать воинами. Они используют обычный метод терианских еретиков, которых Орде пока не удалось уничтожить, — внезапный удар с неожиданной стороны и немедленный отход.

А теперь к нему в руки попал человек, связанный с этим отрядом.

Эйзикил давно контактировал с группой землян, которые благодаря переданной темниками схеме создали купольный генератор, и неплохо изучил местный язык. Выслушав последнюю фразу пленного, он сказал:

— Утверждает, что был командиром охраны того берсера, с которым связались еретики.

— Берсера? — переспросил Максар. Скрытая повязкой половина его лица вновь горела огнем, а в глазницу, как в воронку, словно залили расплавленный металл, который по капле просачивался в мозг, наполняя голову жгучими пульсациями... но по неподвижной второй половине никто бы не догадался о муках, которые испытывает командер.

— Нет, конечно нет, — улыбнулся темник, прекрасно знающий, как ревностно относятся к этому титулу потомственные «беры». — Хозяин Лагойды был важной персоной здесь, но не берсером, я выразился неправильно. Скорее... торговцем? Да, можно сказать так. Торговец, а еще исследователь. К тому же богач, содержавший собственный отряд охраны. Теперь он мертв, погиб в том доме, возле которого я нашел тебя, когда на Териане еретики захватили наш мобильный ворсиб. Он, — Эйзикил повел рукой в сторону пленника, — был вместе со своим хозяином, а когда тот умер, присоединился к местным воинам. Тем, что спешно покинули здание.

— Значит, это воины не из охраны торговца?

— Нет, самостоятельная группа.

— Которая позже напала на Красный лагерь. Их целью была именно машина экстра-

связи?

— Пленник утверждает, что да.

— Но для чего она им? Разве аборигены знают, как она работает?

— По его словам, с ними находится пеон по имени Явсен.

Темник очень внимательно смотрел на Максара, должно быть ожидая какого-то чувства, хотя бы тени, намека на эмоцию, — но не увидел ничего.

Хотя в тот момент, когда имя пеона достигло ушей, поврежденный глаз полыхнул такой свирепой болью, что командер едва не лишился сознания — чего, на памяти Максара, с ним не случалось еще ни разу. Явсен! Тот самый пеон из Красного лагеря, который его ранил. Осквернитель!

Когда командер заговорил, голос его был холодным и равнодушным:

— Значит, Явсен сбежал из Красного лагеря, присоединился к отряду земных воинов, рассказал про оставшуюся в лагере машину экстра-связи и уговорил выкрасть ее. Зачем?

Эйзикил молча смотрел на него.

— Потому что Явсен — агент терианских еретиков, — заключил Максар. — Мы знали, что среди пеонов есть их шпионы. И машина была украдена, потому что Явсен хочет связаться с Терианой. Итак, теперь он и руководство еретиков связались, обговорили положение дел... и что они предпримут дальше?

Чётки закачались в сухой тощей руке, красные «зрачки» внутри прозрачных камешков замигали в лучах утреннего солнца, проникающих под полог.

— Мы не знаем, — сказал темник. — Дальнейшие планы еретиков непонятны. Для чего им понадобился местный торговец, более-менее ясно. К примеру, люди торговца могли бы напасть на тех, кто по присланной нами схеме создавал купольный генератор, и помешать им. Таким образом еретики, по крайней мере, отдаляли вторжение в этот мир. Но чего они добиваются теперь?

— У них появился ворсиб, — напомнил Максар. — И они...

Тут пленник подался вперед, широко улыбнувшись, заговорил — подобострастно, но пытаясь соблюсти внешнее достоинство.

И при этом допустил ошибку, посмотрел прямо в лицо командера.

Максар тоже подался вперед. Только гораздо быстрее. Рука, покоящаяся на колене, сжалась в кулак. Костяшки врезались в переносицу землянина.

Тот откинулся к борту. Максар бросил повелительный взгляд на сидящих позади бойцов, и они вскочили, пригибаясь, чтобы не цепляться головами за навес. Схватили потерявшего сознание землянина, из сломанного носа которого хлестала кровь, стащили с лавки и положили у борта.

— На бок, — посоветовал Эйзикил. — Положите его на бок, иначе захлебнется.

Максар кивнул, бойцы перевернули пленника и снова сели.

Итак, осквернитель присоединился к отряду аборигенов. Теперь у Максара была еще одна, очень важная причина найти их. Снова положив руки на колени, командер продолжал:

— Через похищенный ворсиб терианцы смогут перебросить сюда своих бойцов.

— Возможности ворсиба не безграничны, — напомнил темник. — Для зарядки машину надо подключать к главному энерговоду Наргелиса, а у еретиков нет к нему доступа.

— Но на Териане они ведь где-то берут электричество.

— Работающих ветряков, которые просто бессмысленно вращаются на крышах брошенных домов, хватает в обеих частях города. Еретики могут подключаться к ним, и еще у них наверняка есть доступ к некоторым кабелям. От обычных городских кабелей можно запитать аккумуляторы машин экстра-связи, какие-то приборы, но для ворсиба, даже небольшого, мощности не хватит.

— И все равно они смогут доставить сюда какое-то количество бойцов. Раз уж пеон с землянами решил атаковать Красный лагерь, значит, ему обязательно надо было связаться с терианцами. Те пришлют своих людей, сколько смогут без подпитки аккумуляторов ворсиба, они и земляне объединятся... что дальше? Атакуют Центаврос и попытаются разрушить

генератор. Я не вижу, что бы еще они могли сделать.

— Ты забыл, командер бер'Грон: с ними Омний.

Максар уставился на пленника, который слабо шевелился под лавкой. Кровь текла из его носа, почти не впитываясь в плотную кожу, устилавшую днище машины, расплываясь темной лужей.

Омний был самым умным, многознающим, талантливым среди пеонов, что служили Орде. И еще он был предателем. Чтобы заполучить его, еретики провели серьезную операцию, поставив под удар всю свою наргальскую сеть, потеряли больше трех десятков человек, когда отбивали Омния у варханов. С тех пор беглый пеон работал с еретиками, и прятали они его так тщательно, что разведка Орды до сих пор не обнаружила его подпольную лабораторию.

Омний знал многое и очень многое умел. Что он придумает в этой ситуации? Положение еретиков безвыходное, вся их борьба стала бессмысленной. Куколка уже доставлена на Землю, установлена, инициирована — всего через два-три местных дня она вырастет в Святую Машину, и тогда Бузбарос свернется в Кольцо.

— Так или иначе, нам надо быстрее прибыть к Центаврису, — заключил Максар. — Коста там, и он ожидал меня еще этой ночью.

— Вот про Косту бер'Маха я и хочу поговорить с тобой. — Эйзикил покосился на двух бойцов, на очнувшегося пленника, неловко ерзающего под лавкой, на спины водителя и капитана Сафона и продолжал совсем тихо: — Про него, про будущее клана Гронов и про твоё личное будущее, Максар бер'Грон. А также про твою роль в Орде на ее Великом Пути. Но позже, когда вокруг не будет лишних ушей. Я еще не бывал в этом мире — как скоро мы достигнем Центавриса?

Максар уже собрался ответить, когда спереди донесся рокот, в который вплетался тонкий свистящий звук.

Они выглянули из-под навеса. В отличие от варханских городов Ангулема, всегда окруженных высокой пограничной стеной, у этого поселения, как и у терианского Наргелиса, не было четкой границы. Но, кажется, Маск-Ва закончилась — серое дорожное покрытие стало уже, в нем появились трещины и выбоины, высотные дома почти исчезли, вдоль дороги потянулись леса и луга.

Навстречу летел выкрашенный в черно-желтое мотоцикл. С далеко отставленным передним колесом, дугообразной рулевой подковой и высоким багажником-ящиком, выполнявшим роль спинки для сидящей в седле вестницы.

Их клан — единственный в Орде состоящий только из женщин — основала Кирта бер'Вог, дочь самого Бер-Хана, старшая из его детей. И сумела превратить клан если не в один из самых сильных, то в один из самых *нужных* во всей Орде.

Машины остановились. Мотоцикл круто затормозил, его занесло, развернуло боком, и он встал. Заднее колесо выдрало из крошащегося покрытия фонтан мелких камешков.

Форма вестницы состояла из облегающих бридж, высоких сандалий, ремешки которых охватывали икры почти до колен, и жилета с карманами, ремешками, петлями и железными карабинами. Шлем в форме птичьей головы имел изогнутый клюв и узкие овальные глаза из тусклого стекла. В клюве был клапан для воздуха, куда можно было вставить фильтр, как в обычной газовой маске.

Выше поблескивала бляха с гербом клана — два поднятых крыла, напоминающих сигуры, ангулемские боевые ножи в форме полумесяца. Мастерство ножевого боя было обязательным для всех вестниц, равно как и знание по меньшей мере пяти языков (включая умирающий язык сайдонской колонии, варварскую речь тамошних дикарей и терианский лингвейк), а кроме того — умение маскироваться, способность проникать на вражескую территорию, искусство обольщения и многое, многое другое.

Кирта бер'Вог была адептом учения о том, что Мировой Змей на самом деле самка, а каждый мир — это отложенное ею яйцо. Что в корне противоречило основному постулату веры, исходя из которого Бузбарос — вне всяких сомнений, Змей-Самец — пожирал миры, и

Орда, захватывающая их, являлась святым воинством, провозвестницей воли Его. Гильдия признала секту Кирты еретической, а сама Кирта была изгнана отцом из Ставки еще в те времена, когда темники имели там большой вес. И все равно вестницы были не просто доставщицами срочных сообщений, секретных депеш и пакетов, их клан постепенно становился диверсионно-разведывательным центром Орды, вытесняя обычную разведку.

Эйзикил при появлении вестницы отодвинулся глубже под навес, молча наблюдая за происходящим.

Поставив мотоцикл на подпорку, женщина перекинула ногу через седло и выпрямилась. Сняла шлем, повесив его на торчащий позади седла крюк, тряхнула головой. Тихо звеня, закачалась серебряная подвеска в ухе — цепочка длиной с мизинец, на ней крошечные крылья-сигуры.

На коленях вестницы были выпуклые пластины с шипами, на запястьях — пристегнутые ремешками облегающие кожаные сумки-конверты, где хранились донесения. На ремне и бронекожаной жилетке — сумка для депеш побольше, а еще несколько ножей, метательных стрелок и три сигура нормального размера.

Коротко стриженные прямые волосы делали ее похожей на молодого красивого мужчину... если бы не грудь. И широкие бедра, и узкая талия.

Максар помнил эти бедра — причем когда они не были обтянуты бриджами. И грудь тоже хорошо помнил.

Вестница шагнула к машине. Взгляд скользнул по водителю, капитану Сафону, бойцам на заднем сиденье, Максару бер'Грону, темнику... Вернулся назад к командеру.

Глаза блеснули, когда вестница узнала его.

Максар очень надеялся, что не выдал себя, что живая половина его лица осталась неподвижна. Анга. Они очень хорошо знали друг друга в те времена, когда он еще не был командером.

Ее взгляд стал презрительным.

Он ожидал этого. Максар молча рассматривал вестницу, вспоминая ее прежней — еще совсем девчонкой, не вступившей в клан Кирты бер'Вог. А ведь потому они и расстались тогда — из-за настойчивого желания Анги стать вестницей. Он был против.

И что она теперь будет делать? Ведь помимо командера, пусть и оскверненного, ей просто не к кому больше обратиться. Капитан Сафон не обладает нужными полномочиями, рядовые — всего лишь рядовые, а Эйзикил... По одежде Анга сразу поняла, кто он. Никакая вестница без крайней необходимости не станет говорить с одним из тех, кто для главы ее клана были заклятыми врагами.

Анга заговорила с Максаром — с той особой отрешенно-напевной интонацией, с которой вестницы докладывали свои сообщения:

— В Главном лагере был перехвачен поток сигналов между двумя машинами экстра-связи. Два отряда договаривались о встрече. Судя по некоторым признакам, это терианцы и земляне.

— Они понимают язык друг друга? — спросил Эйзикил так тихо, что Анга вынуждена была податься вперед. — Ну конечно, в отряде землян пеон... Не так ли?

— И его имя Явсен? — добавил командер.

— Неизвестно. Ясно одно: отряд еретиков находится здесь. Это не была экстра-связь, они тоже на Земле.

Чётки качнулись.

— На Земле! — повторил темник.

То, что терианцы уже в городе, неожиданно. Пусть даже они не могли переправить сюда значительные силы, но если какая-то их часть здесь, и к ней добавятся местные воины, да еще те отряды повстанцев, которые проникнут через мерцающие Ока в дальнейшем...

Надо действовать быстрее.

— Где они договорились встретиться? — спросил Максар. — Вы показывали запись переговоров кому-то, кто знает город? Аборигену?

— Были определены координаты, — по-прежнему ровным, напевным голосом произнесла вестница, — здесь это место называется Борисовские Пруды. К северо-востоку отсюда.

— Мы едем туда. — Максар выпрямился, шагнул из-под навеса, и тогда Анга сказала: — Нет, вы не едете.

Она равнодушно смотрела ему в лицо — но в глубине ее глаз мерцало злорадство. Максар бросил Ангу, как только узнал, что она вступает в клан вестниц, кажется, еще и избил тогда — почитание женщин не было развито среди мужчин-варханов. В их обществе уважали только силу и смелость, вероломство и коварство. Анга была очень настойчива в своем намерении пройти испытания, во время которых гибли примерно треть претенденток, и в то же время боялась предстоящего. Вероятно, тогда она нуждалась в поддержке, но Максар не стал поддерживать ее — зачем? Он просто завел другую любовницу, двух, ведь наследник одного из крупнейших кланов Ангулема мог позволить себе подобное, даже не будучи командером.

Теперь она мстила ему.

— Мы поедем туда, — повторил Максар и обратился к затаившемуся под лавкой пленнику: — Ты знаешь эти Бо-ри-совские Пру-ды?

Землянин понял фразу, кивнул.

— Приказ от Косты бер'Маха тебе лично, — произнесла вестница. — Немедленно прибыть в Главный лагерь. Немедленно... оскверненный.

Последнее слово она презрительно выплюнула, словно это был комок чего-то гадкого, случайно попавший ей в рот.

В следующий миг Максар очутился на земле. Одной рукой он сдвинул смуглую кисть, скользнувшую к сигуру на ремне, а вторая, сжатая в кулак, врезалась вестнице в лицо.

Он не сломал ей нос, как недавно землянину, но всмятку разбил губы. И на этом не остановился — повалив на спину, ударил еще трижды. Наклонился и произнес:

— Ты можешь обращаться ко мне «командер бер'Грон», *девочка*. Только так. Теперь повтори приказ Косты!

Кончик ножа, который Максар выхватил из ножен, проколол кожу на шее Анги. Лицо вестницы распухало на глазах. Шамкая разбитыми губами, давясь и сглатывая, она повторила приказ бер'Маха: командеру Максару немедленно прибыть к Центаврису.

Выяснилось также, что Анга направляется к Красному лагерю с приказом выслать небольшой развед-отряд, который должен будет наблюдать за встречами терианских повстанцев с местными воинами и, при возможности, за их дальнейшими перемещениями.

— Благодарю за сведения, вестница, — сказал Максар. Он ощутил облегчение — понимание того, какое сильное чувство испытывает к нему бывшая подруга, уменьшило его боль. А может, просто помогло то, что он дал выход гневу?

Максар опустил на одно колено и, приблизив губы к уху лежащей навзничь Анге, добавил тихо:

— Я ни разу не вспоминал о тебе все это время.

После этого он поцеловал ее в висок, встал и, забрав один из двух ее сигуров, вернулся к машине со словами:

— Едем дальше — быстро!

Как только командер уселся возле Эйзикила, машины тронулись с места. Они стали объезжать мотоцикл и Ангу, которая села, осторожно трогая лицо. Пленный землянин по-прежнему лежал на боку и вылезти из-под лавки не пытался. Бойцы равнодушно или насмешливо глядели на женщину, пытавшуюся вытереть кровь, что непрерывно бежала по подбородку.

— Избиение вестницы... — покачал головой Эйзикил. — Их клан так это не оставит, командер. К тому же ты забрал ее сигур — святое оружие вестниц! Девка возненавидит тебя всею силой своей проклятой еретической души. Хотя не могу не отметить, я получил удовольствие, наблюдая за этой сценой.

ГЛАВА 8

Ночью перед нападением на лагерь Игорь практически не спал, а теперь вот сморило — на верхней койке в спецавтобусе. И сквозь сон его позвала Тоня.

Они оба были жаворонками, но жена вставала немного раньше, около шести. Она позвала из кухни: «Игорек! Светло уже!» «Да, сейчас», — ответил Игорь. Вслед за ней он всегда просыпался быстро — вскакивал, делал зарядку, а иногда затаскивал жену назад в постель... тоже своего рода зарядка, прекрасно заменяла обычную гимнастику. Хотя в последний год ее отец, после инфаркта, много болел, и Тоня прямо с утра шла проверять, как он там. Отец очень много значил для нее, он сам воспитывал дочку с двенадцати лет, после того, как умерла мать (от покойной тещи осталась лишь черно-белая фотография в гостинной).

Игорь сел, спустив ноги с койки. На него удивленно глядел Лабус.

— Что, капитан? — спросил он, приглаживая усы. — Что приснилось?

— Жена, — буркнул Игорь, прыгивая на пол. — Отойди, я руками помашу.

Лучи солнца проникали между освинцованными стальными полосками жалюзи. Вел Курортник, рядом с кабиной негромко переговаривались Явсен с Яковом. На нижней койке дрых, подложив ладонь под щеку, Григоренко.

— Ты так разборчиво во сне заговорил — что приснилось-то? Или это не деликатно я? Где жена твоя? Ты ж, капитан, нам так ничего о себе и не рассказывал.

Игорь приседал, вытянув перед собой руки, потом принял стойку и побоксировал. К физкультуре он относился серьезно — тело у тебя одно, и, если не хочешь, чтобы оно начало рассыпаться, подводить в ответственные моменты, следует его любить, заботиться о нем. То есть поддерживать в форме.

Сейчас он боксировал особенно ожесточенно, молотил кулаками воздух, отклонялся влево и вправо, уходя от ударов, — Лабус, присевший на край нижней койки, даже откинулся, сдвинув Веню к стенке.

А все потому, что лицо Тони маячило у Игоря перед глазами и никак не хотело исчезать. И голос ее: «Игорек, вставай!» — звучал в ушах.

Наконец, вспотев и сбившись с дыхания, он замер боком к Лабусу, опустил руки и прикрыл глаза. И лишь тогда ответил на заданный вопрос:

— Она утонула вместе с автобусом. Ехала из Москвы, когда на них напали варханы.

Помолчав, Костя спросил:

— А ты откуда это знаешь? В смысле, где ты был в тот момент?

— Следом на мотоцикле гнал. Прыгнул в воду за автобусом, но он сразу ушел на дно. Я нырял долго, потом меня течение понесло... А потом Хорек вытащил. Выходит, я ему жизнью обязан. Он меня спас... а я ее — нет.

Игорь снова начал приседать — резко, быстро. Закончив, покрутил головой, разминая позвонки, постучал ребром ладони по шее с разных сторон.

— Ты поспокойнее, капитан, не так яростно, — посоветовал Лабус. — А то вы с Лехой одинаковые. У нас в деревне самогонный аппарат был, как-то дед перемудрил, он и рванул. Я как раз в сарай зашел, и тут бах! — дед весь в браге, я в браге, из крыши сарая пару досок вырвало, а спираль аж в огород улетела. Так вот вы оба вроде того аппарата прямо перед взрывом. От вас вроде гудение неслышное идет, понимаешь, о чем я? Опасно это для здоровья.

— А что с Курортником? — спросил Игорь. — И как бы помыться, Костя?

— В бачке вода закончилась, давай так полью. — Лабус вытащил из-под койки пятилитровую пластиковую канистру, свинтил крышку и поднялся. — Над раковиной стань, вон, видишь, за мониторами? Так...

Раковина была прикручена к стене низко, на уровне пояса. Игорь нагнулся, сложив ладони ковшиком. Костя опустил бутыль, полилась вода.

— У Лехи, как он думает, родители и сестра младшая погибли, — негромко заговорил

Костя. — Он в этом уверен, хотя я и доказываю ему, что их еще рано хоронить. Ничего ведь не известно. Они жили в Вешняках, интеллигентная такая семья: мама — учительница в институте, батя — врач, как его... педиатр. Сестра — студентка. Когда мы из Лефортова вырвались, сразу туда — а дом разрушен. Такой завал огромный... вдвоем никак не разгрести. Да и варханы вокруг разъезжали, нельзя было оставаться.

Игорь выпрямился, стащил с плеча полотенце, и Костя, закручивая крышку, добавил:

— В общем, он вбил себе в голову, что они погибли, все трое. И теперь как ты — ожесточенный, только о мести думает.

— Я не думаю о мести, — начал Сотник и замолчал.

— А о чем же еще? — хмыкнул Лабус. — О справедливом возмездии, что ли? Ты варханов хочешь убивать — да побольше, побольше. Скажешь, нет? Мстишь им за боль.

Присев на край койки, Игорь стал обуваться.

— Если бы мы просто мстили за боль, то носились бы по Москве с выпученными глазами, с тесаками в руках, и резали бы варханов, пока нас обоих не хлопнули.

— Ну так вы же не полные идиоты, правильно. Все-таки военные, как-то контролируете себя. Но ведь хочется именно так: схватить что потяжелее, и разбивать гадам бошки, и резать их, и стрелять, а, Сота? Я же помню, как ты пальцы сгибал да считал: раз вархан, два вархан... Прикидывал, скольких завалил. Ты не думай, я не из пустого любопытства к тебе в душу полез. Я это сейчас к тому говорю, чтобы вы и дальше себя контролировали и мозгами шевелили, как лучше действовать. Лехе я все это уже высказывал... А ну вставай, молодой! — гаркнул он, толкнув Григоренко. — Все на ногах уже!

Веня сел на койке, хлопая глазами.

— Очухался, салабон? Подъем!

Позевывая, Григоренко молча взялся за стоящие под койкой ботинки.

— Явсен, эй! — позвал Лабус и, когда пеон обернулся, спросил: — А ты уверен, что не в засаду едем? Яков, ты-то уверен?

— Костик, я знаю то же самое, что и ты. Явсен хотел связаться с друзьями на Териане, но помешали необычные флуктуации или, скажем так, помехи, зато мы случайно вышли на отряд, попавший на Землю. И как я могу тебе ответить на вопрос...

Курортник из кабины крикнул:

— В окна смотрите! Слева... И справа тоже!

Похватав оружие, Яков, Лабус и Сотник встали возле окон, наполовину прикрытых жалюзи. Явсен остался сидеть, что-то громко втолковывая единственному в автобусе человеку, который хоть как-то мог его понять. Григоренко, поспешно натянув рубаху, тоже схватился за автомат и пригнулся, выглядывая в щель между полосками стали.

— Мы уже возле прудов, — объявил Костя.

Слева от дороги стояла длинная приземистая постройка с разбитыми окнами. Из пролома в шиферном скате торчал пулемет Калашникова, над ним виднелась голова в шляпе непривычного фасона.

— Выше еще двое, — заметил Сотник. — Над коньком, заметил?

— И стволы, — кивнул Лабус. — Но не пулеметы.

— И с этой стороны! — крикнул Веня. — В кустах двое! Это засада?!

— Если б засада — уже б стреляли, молодой.

— Алексей, стоп! — Сотник направился к кабине. — Открой переднюю дверь, но не до конца. Яков, Явсена наружу. Скажи ему, чтоб не дергался и не вздумал бежать: буду целиться в спину.

Автобус встал, пеон поднялся с сиденья. Яков заговорил, сопровождая слова выразительными жестами, Явсен внимательно выслушал и шагнул к наполовину открывшейся двери.

Игорь присел на корточки за его спиной, подняв АК. Явсен прыгнул с подножки на землю и пошел прочь от автобуса.

— Стоять! — окликнул Игорь, когда пеона и машину разделяли метра три.

— Торча! — перевел Яков, вставший с пистолетом сбоку от проема.

Явсен остановился. Забубнил на терианском.

— Я говорил, что их язык называется «лингвейк»? — спросил Яков.

— Говорил, говорил, — донесся из другого конца автобуса голос Лабуса. — Ты лучше скажи, о чем он на своем лингвейке сейчас шпихает.

— Только самый общий смысл понимаю, Костик. Ну, вроде доказывает им, что мы с мирными целями... нет-враги мы, вот.

— Да сразу понятно ведь, что не варханы, — пробурчал Лабус. — Леха, впереди что?

— Почти прямо перед нами — пруд, — ответил Курортник из кабины. — Возле роши, в той, что слева, большой ресторан. Забор, ворота открытые, дальше кухню вижу... Кабинки отдельные, то есть беседки... Рогача вижу. Яков, так ты их называешь, быков этих? И еще дети.

— Дети? — удивился Лабус.

— Может, и не дети уже, но подростки, молодые совсем. По-моему, девушка и парень. А вон еще один... и на траве лежит кто-то, на одеяле.

Явсен повернулся к автобусу и сказал:

— Ехать. Нет-опасно! Териана люди хорошо. Люди Земла, люди Териана нет-опасно. Помочь. — Он добавил несколько слов на лингвейке, и Яков начал переводить, но тут Лабус позади закричал:

— Леха, открой дверь! Заднюю открой!

— Что случилось? — крикнул Сотник.

— Открой, говорю, с этой стороны никакой угрозы нет!

Сотник высунулся в дверной проем, оглядев дорогу за машиной, сказал Курортнику:

— Открывай, там девчонка какая-то.

С тихим шипением стальная плита задней двери поползла вбок.

Явсен не стал возвращаться — показал направление и медленно зашагал вперед. Курортник по знаку Игоря повел автобус дальше, а на дорогу с двух сторон вышли те, кто охраняли подъезд к ресторану: слева мужик с ПК, молодой парень и девчонка, а справа высокая девушка с пожилым мужчиной. У подростков — пистолеты, у девушки и старика помповые ружья с торчащими вбок кривыми рычагами.

Покрой одежды, форма пуговиц, воротников — все немного непривычное. На старике и пулеметчике темно-зеленые брюки-галифе, пиджаки с широкими манжетами и большими воротниками, окаймленными черной полосой. На девушке бриджи и свитер в мелкий рубчик, а еще берет.

Подростки — в одинаковых камуфляжных комбинезонах с короткими, едва ниже колен, штанинами и с наброшенными на головы капюшонами. Макушку пулеметчика украшала кожаная шляпа вроде ковбойской, но с полями в форме узкого треугольника.

Лабус прыгнул на асфальт, покосился на терианцев и заспешил в сторону одинокой фигурки в красной футболке и джинсах, бредущей за автобусом. На ходу окликнул:

— Эй, привет!

Сделав еще пару шагов, девушка остановилась, уставясь сквозь него пустыми глазами. При появлении Лабуса незнакомка не испугалась, но и не обрадовалась, просто замерла — и все.

— Красавица, эй... — он взял ее за локоть. — Ты как здесь очутилась?

Она молчала. Костя обошел ее, встал за спиной. На темени и над ушами в голове были небольшие круглые дырки, чем-то залепленные. Он коснулся одной ногтем — вроде застывшего воска. Лабус вспомнил манкуратов, о которых рассказывал Яков, которых он и сам мельком видел пару раз. Варханы что-то вытворяют с мозгами людей, превращают в роботов, послушно выполняющих приказы... но почему ее отпустили? Может, что-то не получилось и мозг сломался? Почему тогда просто не убили? Или у них принято выгонять таких «сломанных»?

Автобус подкатывал к воротам в ограде, пятеро терианцев шли по сторонам от него. Из

машины высунулся Игорь, махнул Лабусу, чтобы шел следом, и остался стоять на подножке, опустив автомат. К Сотнику подошла высокая терианка, заговорила с ним, он в ответ покачал головой.

— Идем со мной. Слышишь? Идем. — Костя покрепче ухватил незнакомку за руку, потянул — и она послушно зашагала рядом.

* * *

Вдоль крыши автобуса шли две продольные штанги, наверное, чтоб крепить всякие приборы, оборудование и, может, оружие на стойках с колесиками, ведь это был особенный автобус, военный и разведывательный. Между штангами пологое углубление, Хорек очень удобно в нем устроился. Снизу его совсем никак не заметить, да и с боков — только если он выпрямится во весь рост или если наблюдатель залезет куда-то повыше. Из окон домов, конечно, видно, но кто теперь в тех домах? Нет, люди там остались, но при звуке мотора они прячутся, наружу не смотрят — потому что теперь по городу разъезжают только демоны.

В общем, Хорек был доволен. Забравшись сюда по лесенке на заднюю часть автобуса, он тихо, чтобы снизу не услышали, прокрался на середину крыши, лег... и заснул. Проснулся, когда уже светало. Съел шоколадку, допил бутылку «колы». У него оставались две банки «пепси», одна полулитровая минералка, упаковка печенья и две шоколадки. На сутки точно хватит, а дальше посмотрим. Не будет же Хорек тут всю жизнь торчать.

Ползком пробравшись в заднюю часть автобуса, он помочился на асфальт за машиной и вернулся.

Почти совсем рассвело. Хорек лег и стал рассматривать демонское ружье. Заглянул в ствол, потрогал верхнюю катушку, но стержня в центре касаться не стал — вдруг током шибанет? Провел ладонью по бахrome, свисавшей с этой необычной то ли ткани, то ли кожи, которой были крепко обернуты приклад и часть цевья. Нашупал под ней пологое углубление. В нем что-то было — вроде короткого рычажка. Заинтересовавшись, мальчик попытался просунуть палец под складки кожаной ткани и, когда получилось, дернул за рычажок.

Щелк! — на торце приклада откинулась круглая крышечка. Хорек заглянул внутрь, просунул мизинец — и вытащил узкий железный цилиндр. Что такое, зачем его прятать в прикладе? Может, это какой-то инструмент, которым демоны в своем ружье колуваются, чистят там чего или масло вспыскивают?

Он покрутил цилиндр — на инструмент не похоже, на масленку тоже. Что ж тогда? Заприметив крошечную пирамидку на торце, придавил ее — и ойкнул, когда из другого конца цилиндра выскочил трехгранный наконечник. А из него следующий, поуже, потом еще и еще... Телескопическая пика! Хорек, вконец офигевший от таких дел, радостно засопел. Вот так секрет он надыбал! Мальчик сел против хода движения, поджав ноги, стал размахивать пикой, делать мушкетерские выпады, парировать удары невидимого противника. Ну, круто! Он размахнулся пошире...

И заметил две машины на улице далеко позади. Вроде тачанки, хотя трудно разобрать. Расцветка пятнистая, непривычная.

Бросив пикку, он схватился за ружье, но преследователи уже пропали из виду. А может, показалось? Хорек решил, что надо покараулить какое-то время. Автобус как раз начал поворачивать — то влево, то вправо. Он добросовестно ждал минут десять, но пятнистые тачанки больше не показывались.

Отложив ружье, Хорек снова взялся за пикку. Складывалось оружие легко, надо просто нажать на пирамидку и вдвинуть телескопический клинок обратно. Еще на рукояти обнаружился откидной крючок, которым можно пикку к чему-нибудь прицепить.

Автобус поехал быстрее, снова притормозил. В лучах солнца блеснула вода.

На крыше дома слева Хорек углядел троих людей: двое на противоположном от дороги скате, только головы да стволы торчат, рядом с ними в крыше пролом, из него торчит длинный ствол и выглядывает пулеметчик в треугольной шляпе.

И справа, в кустах, еще двое.

Хорек вскинул ружье, целясь в пулеметчика. Поразмыслил — и снова лег, устроившись поудобнее, стал следить за происходящим.

Эти, на крыше, — люди, не демоны. Хотя какие-то непонятные, вроде иностранцы, одеты чудно, но точно не демоны. И на машину они не нападают, ждут чего-то.

Автобус остановился. Скрипнула дверь, и Хорек, переместившись вправо, осторожно выглянул. Из машины показался мужик в халате и шароварах. Тоже не наш — но и не демон. Он что, всю дорогу сидел внутри? Хорек понятия об этом не имел, думал, под ним только друзья.

Иностранец был несвязанный и без наручников, значит, ему доверяют. Заговорил по-ненашенскому. Люди из кустов ответили ему, потом выпрямились — девушка и старикан.

Хорек поглядел с другой стороны: на шиферной крыше уже никого. Через несколько секунд пулеметчик с парочкой в капюшонах показали из-за дома. Он — в темно-зеленом пиджаке и брюках, а у двух других, которые возрастом были как старшеклассники, такой прикольный прикид: камуфляжные комбезы, но штаны короткие, едва ниже колен, а на ногах сандалии. И пистолеты в руках варханские, но сами они точно не варханы. Один — пацан, а вторая явно девка, теперь Хорек окончательно это понял. Нестрашные, короче. Не демоны.

Вскоре автобус поехал, иностранцы пошли рядом с двух сторон. Кажется, с крыши дома Хорька не заметили, потому что иначе уже заложили бы его тем, кто ехал в автобусе. Или иностранцы подумали, что так и надо, что наверху кто-то и должен караулить?

Неважно, главное, его никто не пытался стащить. Хорьку тут очень нравилось! Классное место, почти как собственная халабуда в кроне большого дерева у школы. Он ее тогда сам сделал, целую неделю таскал доски и всякую фанеру. А потом старшеклассники выгнали его оттуда, чтобы девок своих, тоже старшеклассниц, водить, а он в отместку халабуду взял и подпалил. Канистру бензина в гаражах украл — и подпалил, причем когда двое парней и девка внутри были. Как они тогда закричали, а она как завизжала, да как полезли оттуда, а один упал и руку себе сломал! Хорек за этим наблюдал из кроны соседнего дерева и очень радовался.

Он хрюкнул от удовольствия, вспоминая. Автобус забирал к роще, где виднелись деревянные домики, ограда и раскрытые ворота. Донесся возглас. Хорек прижал к себе ружье и пополз назад.

На дороге за автобусом стоял Лабус, рядом с ним какая-то девка. Что-то много девок последнее время развелось. Лабус взял ее под локоть и повел следом за машиной.

Ну вот, все здесь, никто не пробует разбежаться, исчезнуть из поля зрения Хорька... хорошо! Он снова улегся между штангами и приготовился ждать дальнейших событий.

* * *

— Вот здесь присядь. Григоренко, слышишь? Наружу не выходи пока, присмотри за ней, понял?

— А кто это? — Веня поправил ремешок автомата на плече. Заметно было, что молодой гордится собой, что ему нравится собственный крутой вид и значимая роль в происходящем.

— Кто-кто... — Лабус посадил девушку на койку. — Знакомая моя.

— А как ее звать? И чего бритая такая?

— Не в курсе, как звать, — отрезал Костя. — Вот и попробуй выяснить у нее. С ней варханы что-то сделали. Короче, следи, а то может просто встать и уйти. Если что — никуда не пускай, но осторожно, аккуратно обращайся. Вопросы есть? Вопросов нет.

Костя подтолкнул парня к девушке, которая сдвинула колени, положила на них ладони и уставилась перед собой неподвижным взглядом.

Автобус припарковался посреди ресторанного комплекса: деревянные беседки со столами, большое здание кухни, дорожки из камней, ряды кустов, сухой фонтанчик.

Покачивая «макаровым», Лабус шагнул с подножки на землю. Было тепло, но в меру,

солнце маячило позади купола уже привычным неярким бледно-желтым пятном. Капитан, Леха и Яков стояли плечом к плечу перед статным мужчиной с русыми вихрами и усами. Рядом — та высокая девушка, которая появилась из кустов вместе со стариком, и двое вооруженных мужиков на заднем плане. Один с двумя пистолетами, второй, в треугольной шляпе, с ПК.

Лабус подошел ближе. Вихрастый напомнил ему красного комиссара из старого советского фильма: мужественное лицо, правильные черты, сам высокий, широкоплечий, в кожаной рыжей тужурке. Правда, свободные шаровары не соответствовали образу, комиссары таких не носили, ну и оружие — варханский разрядник, а из кобуры выглядывает деревянная рукоять пистолета, явно не нагана. И тесак на ремне — как у мясника, только кривой. И все равно Лабус сразу мысленно окрестил незнакомца Комиссаром. Он часто давал прозвища окружающим, и почти всегда они приживались, у Кости был меткий глаз.

Комиссар негромко говорил, Явсен с Яковым, часто перебивая друг друга, переводили, Сота с Лехой слушали. Костя зашагал к ним, когда из ближайшей беседки донесся тихий стон.

— Это кто там? — спросил он на ходу.

Высокая девушка (Костя заметил, что они с Комиссаром очень похожи, — не иначе брат и сестра) бросилась к беседке. Комиссар сделал приглашающий жест, и все зашагали следом.

Когда вошли, внутри стало тесно. Здесь стояли две скамейки с резными спинками и длинный стол, на котором лицом кверху лежала сухопарая пожилая женщина в брючном костюме и строгих туфлях с низкими каблуками.

И с замотанной сверху донизу распухшей ногой, от которой шел ощутимый запах разложения.

Голова ее покоилась на тряпичном свертке. Когда они вошли, женщина скосила глаза и прошептала:

— Москвичи?

— Да, а вы? — Игорь шагнул ближе к столу.

— Я... эти люди...

— Вы их проводница?

— Я показала дорогу.... Это с вами... мы говорили по радио?

— Через передатчик, — подтвердил Игорь. — Спасибо, что привели их на место.

— Я... Мои... Я умираю, молодой человек. Укусила тварь, не то крыса, не то кошка... Заражение такое быстрое — очень сильный яд на зубах. Ужасно пахнет, да? Даже ногу поздно отнимать. Мои ученики — они все...

— Ученики? — Лабус, протиснувшись между Комиссаром и его сестрой, склонился над столом.

— Я учительница. Мы были... на экскурсии, когда... Все мои разбежались, и я не смогла...

Она замолчала. Девушка положила руку ей на шею, заглянула в глаза и сказала что-то.

— Потеряла сознание, — определил Лабус. — Леха, что с тобой?

Курортник стоял смертельно бледный, уставившись в лицо женщины.

Сотник перевел взгляд с него на раненую и, припомнив рассказ Лабуса в автобусе, спросил недоверчиво:

— Это что, твоя... не может быть!

— Да нет! — замахал руками Костя. — Это не Виктория Петровна, я ее знаю! Просто напомнила, да, Леха? Ладно тебе, успокойся!

Девушка сказала что-то повелительным тоном.

— Иди, — перевел Явсен. — Наверх...

— Наружу — поправил Яков.

— Да, наружу идти.

— Давай, Леха, на свежий воздух выйдем. — Лабус потащил Курортника обратно, и остальные, кроме девушки, занявшейся раной учительницы, потянулись следом.

Терианку, как вскоре выяснилось, звали Вета, и она действительно оказалась сестрой командира отряда — Юриана. Отряд состоял из двадцати человек, хотя, когда они попали на Землю, их было тридцать, десять погибли в стычках с варханами. Все, кроме Юриана, пулеметчика и вооруженного револьверами мужика, — гражданские, простые горожане: несколько подростков, но не совсем уж малолеток, несколько стариков, но не слишком дряхлых, и люди среднего возраста — мужчины и четверо женщин.

Обычные жители Терианы, понял Лабус. В смысле, такими они были до Нашествия, а когда варханы захватили их город, присоединились к повстанцам. С собой у них были две повозки, запряженные рогачами, одна машина вроде варханской тачанки, только с выгнутыми бортами и фарой-полумесяцем, и почти три десятка стволов. Еще пять они смогли заполучить здесь, среди них — ПК, с которым худо-бедно научились обращаться, правда, боеприпасов к нему почти не осталось.

Обойдя лагерь, Лабус подошел к стоящим между беседками рогачам, жрущим траву с газона. Он любил всякую домашнюю животину, с удовольствием возился с коровами и свиньями, кроликами и курами, когда приезжал к родичам в деревню. Рогачи показались Косте существами исключительно тупыми — впрочем, земные коровы тоже интеллектом не блистали — и меланхоличными. Они громко плямкали коричневыми губами, чавкали, плевались зеленой травяной жвачкой, в брюхах у них клокотало и бурчало. Костя потрогал бок одного, постучал по нему кулаком — ну и шкура у тварей! Наверняка из нее варханы свои кожаные доспехи и кроят. Рядом в повозке спал укрытый одеялом парень с забинтованной головой, на краю сидела, свесив ноги, женщина, грызла яблоко и хмуро поглядывала на Костю. Наконец она сделал какой-то жест... Он понял это так, что шуметь не надо, и тихо отошел.

Должно быть, ночка у терианцев выдалась беспокойная — еще несколько человек дремали на столах в беседках. Тощий сутулый мужик угрюмо копался в капоте машины с фарой-полумесяцем, двое чистили оружие, а из здания ресторанной кухни тянуло съестным — что-то там готовили. На крыше кухни и возле ворот дежурили часовые. Люди как люди, простые мужчины и женщины, даже, можно сказать, мужики и бабы, и старики с молодежью у них тоже обычные. Ну, покрой одежды слегка непривычный... Но Костя ожидал большей экзотики от людей другого мира, от их поведения, жестов, — а они совсем как земляне.

Он заглянул в автобус. Григоренко скучал на подножке, девушка лежала на койке, поджав ноги, но не спала — неподвижно глядела перед собой. Костя, присев на корточки, положил ладонь на бритую голову, стараясь не касаться залитых воском дыр, и спросил:

— Ну, как ты?

Она молчала. Лабус уже начал выпрямляться, когда ее губы шевельнулись.

— Что? — Костя подался ближе к ней.

Очень тихий, неразборчивый шепот достиг его ушей — одно или два слова, а может, и не слова, просто бессмысленные звуки.

Потом девушка замолчала и прикрыла глаза.

— Как тебя зовут? — спросил Лабус и, не дождавшись ответа, встал: снаружи раздался громкий голос Курортника.

Вышел, приказав Вене продолжать дежурить. Леха стоял у входа в кухню.

— Сюда иди! — махнул он и скрылся в дверях.

Внутри собрались человек десять; на подоконнике сидели, с любопытством вытянув шеи, двое подростков, пацан и девчонка, они держались за руки... а еще каждый сжимал по пистолету-дробовику. В глубине просторного помещения две женщины что-то резали и чистили на кухонном столе, а ближе к входу поблескивал серебром передатчик. Такой же, как в автобусе: покатая серебристая тумбочка на гнутых ножках, со всякими выступами-бородавками и монитором на скошенной верхней части. По монитору бежали зеленые значки.

Сидящий на стуле Юриан заговорил, часто повторяя слова «Териана» и «Центаврос».

Над ним стояли Сотник с Яковом и Курортник, на табурете рядом присел Явсен.

— Териана говорит! — провозгласил пеон.
— Вышли на связь с Терианой? — уточнил Сотник.
Яков подтвердил:
— Именно так, Игорек.
— И что?
Явсен и Юриан склонились над монитором.
— Ну, я ничего не понимаю, но вот Явсен наш...
Значки мигнули — и погасли. Юриан, подождав еще немного, снова заговорил.
— Териана — приказ! — объявил Явсен. — Кир — Териана.
— Кирилл жив?! — воскликнул Яков. — А Леша? Про Лешу моего ничего не говорят?
— Леша нет-знать. Кир нет-знать. Потеря. Нет-знать Кир, Леша. Нет!
— Они потерялись на Териане? — спросил Лабус.
— Не могу понять, — развел руками Яков. — Явсен, ты скажи... Леша, Кир — на Териане? Им-Териана? Они... — запинаясь, он добавил несколько слов на лингвейке.
— Кир ареля хадук. Надо Кир Центаврос. Кир надо Центаврос. Нам. — Явсен широко развел руки, — надо Центаврос. Сейчас. Срочно. Быстро.
Юриан сдвинул бугорок на боку передатчика, и монитор погас.
— Центаврос, — со значением повторил командир терианцев.
Явсен поддакнул:
— Земла-Центаврос надо быстро!
— Да что это за Центаврос такой? — не выдержал Курортник.
— Центаврос! Нет-знать? — Явсен поманил их за собой. — Идти!
Лабус с Курортником, Яков, Игорь — все вышли наружу вслед за пеоном. Отойдя от здания, тот показал на купол в вышине, вытянул над головой руки и растопырил пальцы, словно изображая фонтан.
— Бых! Центаврос — идти — быстро! Центаврос... — он оглядел их непонимающие лица, бегом вернулся в столовую, выскочил с ножом в руках и присел на корточки. Начертив на земле круг, воткнул нож в центре. Обвел круг рукой, ткнул пальцем в небо.
— Эгидос!
— Эгидос — это купол на лингвейке, — пояснил Яков.
— Эгидос, от? — Явсен снова показал на круг, а после коснулся торчащей вверх рукоятки ножа. — Центаврос — от! Эгидос — от! Центаврос — от!
Он замолчал, вопросительно глядя на обступивших его людей. Из здания показался Юриан, встал рядом.
— Кирюха говорил, все началось в Подольске, — задумчиво произнес Яков. — А Явсен имеет в виду, что эта штука, Центаврос, находится в центре купола. В Подольске, стало быть? Может, они так ту установку называют, ну, генератор, который поддерживает купол? Центаврос, э... Центаврос ахатон Эгидос? — спросил он у Явсена.
— Эгидос! — Пеон выпрямился, взяв нож. — Центаврос нет-ахатон. Центаврос — гармада... — дальше последовала куча непонятных слов.
Яков пожевал губами.
— «Гармада» — это на лингвейке, насколько я понимаю, что-то такое большое, большая постройка, но особого назначения, военная. У них есть «града», а есть «гармада», первое — «жилой дом», а второе — «военный дом». То есть даже не дом, а скорее башня. По-моему, так.
— Из Терианы им сейчас приказали ехать в Подольск, под центр купола, — я правильно понял? — уточнил Сотник.
— Тут уж нет сомнений, Игорек, именно так и приказали.
— А почему они раньше не связались с Терианой? — спросил Лабус. — Они на Земле уже сколько?
— Явсен сказал: три дня.
— Ну вот, и передатчик у них с самого начала. Так в чем же дело?

Яков вздохнул.

— Я этот вопрос, Костик, одним из первых Юриану задал, но ответ непонятный какой-то. Что-то про... — он помахал рукой, — какие-то, короче говоря, завихрения. Между Терианой и Землей.

— Помехи, что ли?

— Может, и так. Флуктуации. Разберусь лучше в лингвейке — переведу.

Юриан, повернувшись к Сотнику, обвел рукой его спутников, посмотрел Игорю в глаза и задал вопрос. Яков даже не стал переводить — и так ясно было, о чем спрашивает командир отряда. А вот когда заговорила подошедшая Вета, Яков перевел:

— Проводница умерла. Заражение...

Лабус покосился на Курортника — напарник так крепко сжал челюсти, что на скулах выступили желваки. Учительница походила на его мать: Виктория Петровна такая же сухопарая, со строгим лицом и всегда носила брючные костюмы. Ясно, что Леха сейчас вспоминает ее и отца с сестрой.

Молчание затягивалось, и наконец Игорь ответил на вопрос Юриана:

— Да, мы поедem с вами в Подольск. Но я хочу четко знать: что там спрятано и что нам надо будет делать.

* * *

Хорьку становилось скучно — давно никого не надо было спасать и защищать. К тому же снова хотелось в туалет, и как быть, если вокруг столько народу? Разве что отползти в конец автобуса да крышу окропить — но это ведь смотря как за дело взяться, ежели всерьез, так оно потечет вниз по стенке, могут заметить.

Люди вокруг начали собираться. Двух быков запрягли в повозку, откуда-то выкатили вторую, прицепили к машине с фарой-полумесяцем. Иностранцы уже рассаживались, как вдруг из большого здания, откуда пахло едой, выскочил Курортник. Его окликнули командир с Лабусом, они заспорили. Курортник развернулся и ушел в одну из беседок. Появился, неся на руках какую-то тетку, с виду — не иностранку, в брюках и пиджаке, с замотанной ногой. Положив на траву, кинулся за кухню и выбежал с лопатой. И стал копать яму на газоне в тени беседки.

Иностранцы с повозок, Сотник и Лабус глядели на него. Потом Лабус плюнул и тоже ушел за кухню, чтобы возвратиться с лопатой. Он стал помогать Курортнику, вскоре к ним присоединился молодой парень по имени Веня, которого командир позвал из автобуса, а после и трое иностранцев, включая высокую девушку — к ней все обращались «Вета». А Сотник принялся сколачивать крест из досок.

Тетку похоронили быстро, Курортник с Лабусом немного постояли над могилой. После все снова расселись, и отряд поехал: иностранная машина впереди, за ней повозки, автобус последним. Когда выкатили на Каширское шоссе, между брошенными автомобилями показалась стая горбатых гиен, да большая, штук двадцать. Что тут началось! Стрельба, крики, вой... Одни твари запрыгнули на повозки, кого-то там покусали, другие безуспешно пытались ухватить за бока и ноги быков, но не могли совладать с их шкурами. В пулемете Калашникова закончились патроны, часть гиен иностранцы облили какой-то вонючей гадостью и подожгли — живыми визжащими факелами те рванули прочь от шоссе. Хорек очень болел за происходящее, подскакивал на крыше автобуса, бил кулаком по ладони, перенервничав, сам не заметил, как съел целую шоколадку, несколько раз порывался схватить ружье и задать тварям электрожару — но сдерживался. Гиены — это все же не демоны, от них друзей в автобусе спасать не надо, сами справятся, а что до нескольких покусанных иностранцев, так их Хорек защищать и не подписывался. Хотя тоже защитит, если опасность будет посерьезней, раз уж они теперь все заодно.

Остатки стаи убралась восвояси. Машины и повозки ехали дальше, иностранные быки бежали на удивление резво, и вскоре показалась эстакада, где шоссе пересекало МКАД.

После шоколадки захотелось пить, а после «пепси» мочевого пузыря настойчиво напомнил о себе, и Хорек переполз на заднюю часть автобуса. Встав на колени, расстегнул штаны — и тут далеко позади снова мелькнули две пятнистые тачанки. На сером полотне Каширского шоссе они были едва заметны.

ГЛАВА 9

— Интересно, сколько рабов они угробили, чтобы это построить? — спросил Кирилл.

Было еще темно, лодка быстро плыла по течению вместе с небольшими льдинами. Вдоль левого берега тянулись развалины, вдоль правого — городские кварталы. Над ними гигантской трехъярусной пирамидой высился озаренный огнями Центаврос. На строительство его пошли части домов, стены и перекрытия, бетонные плиты и каменные блоки. Не очень-то продуманно они строят, решил Кир: одна стена пирамиды круче другой, слева средний ярус выше, чем справа, да и площадка на вершине какая-то скошенная.

Каждый ярус заканчивался открытой галереей с цепочкой огней, в свете которых двигались крошечные человеческие фигурки. Над пирамидой торчала решетчатая мачта с гроздью прожекторов.

— Посмотри в ту сторону, — сидящий рядом на корме Денис показал левее. — Видишь, на стене?

— Ага, ползет.

Вдоль обращенной к берегу стены Центавроса тянулась пара штанг или рельс — отсюда они казались двумя стальными проволочками, — по которым к галерее среднего яруса медленно поднимался контейнер с железнодорожный вагон размером.

— Окна в стенах вижу. — Кир прищурился. — Мелкие совсем. А на галереях пушки, кажется, стоят. Интересно, как они фундамент сделали, чтоб такую дуру выдержало?

— Горлагос имцентаврос багила терза, — сказала Мариэна, сидящая на лавке гребца с веслом на коленях. — Модо лагос.

Денис забормотал:

— Гарлагос? Почему «гар»? «Лагос» — это на лингвейке «портал», а точнее — «око», так они называют порталы. Варханы оккупировали Наргал давно и насаждают здесь свой язык. Их и наргальский похожи примерно в такой же степени, как русский и украинский, хотя поменьше все же...

— Так что она сказала? — перебил Кирилл.

— «Гар-портал» находится внутри Центавроса. «Гар»... а, ну да — главный. Не совсем, но примерно так: главный портал. А «модо» значит большой.

Лодка плыла дальше. Пирамида, основание которой было скрыто за городскими домами, медленно уползала назад. Кварталы тянулись и тянулись — Наргелис занимал длинную полосу земли между рекой и горным кряжем.

— Моя рана, — начал Денис. — Э... Мариэна — сига. Сига заторча.

Терианка достала из сумки на поясе бинты и несколько склянок. «Королем Джунглей» Кир надрезал штанину возле раны, и девушка промыла ее жидкостью из склянки. Денис тихо постанывал. Мариэна помазала рану брусом, похожим на волокнистое мыло, достала пинцет и вытащила пулю, застрявшую неглубоко, под самой кожей. Крови было порядочно, но рана вряд ли угрожает жизни. Мариэна залепила ее веществом, похожим на воск, которое быстро схватилось, стянуло кожу, замотала бедро ученого бинтом и, ни слова не говоря, ушла в носовую часть лодки.

Денис лежал на боку, уткнувшись лбом в борт, и не шевелился. Кирилл дважды окликал Мариэну, когда она оглядывалась, брал в руки весло, показывал на берег — мол, надо пристать, но терианка лишь молча отворачивалась.

Домов на правом берегу поубавилось, а слева по-прежнему тянулись однообразные руины, перемежаемые пустырями. Небо черное, вода тоже, по ней светлыми пятнами плывут льдины. Редкие бледные огни на берегу. Мрачный, молчаливый мир...

Денис тихо застонал, трогая бедро. Мариэна встала и подошла к нему, сунула ученому какое-то снадобье из своей сумки. Денис пофыркал, покривился, но выпил. Закашлялся, лицо порозовело, взгляд прояснился. Кир припомнил бодрящую настойку, которой в варханском лазарете его напоил Явсен, — наверное, зелье Мариэны того же рода.

Когда девушка выпрямилась, он собрался повторить, что надо причаливать, коснулся ее руки — и терианка дернулась, словно ее током ударило. Лодка качнулась, Мариэна присела, схватившись за борт. Помолчала, уставившись в дно, и произнесла несколько слов.

— Переведи, — сказал Кирилл.

Денис, все еще держась за бедро, ответил:

— Кажется, говорит, что не права. Нет, «ингейт-ко», «ко» — прошедшее время... Была не права.

— Значит, простила меня за то, что я не спас мир, то есть миры?

— Наверное, да. Хотя я предпочитаю слово «реальности». «Миры» — слишком фантастично звучит. Кстати, ты знаешь, что в языке варханов слово для «мира» и «власти» одно — «валд»? Интересно, если задуматься.

Мариэна направилась к носу, и Кир окликнул:

— Стой! Я хочу причалить!

Он поднял весла и выпрямился, чтобы пройти к лавке для гребца. Мариэна, развернувшись, обронила несколько слов.

— Приказывает не делать этого, — перевел Денис.

— Пусть приказывает рыбам в реке, — буркнул Кир. — Я гребу к берегу.

Когда он шагнул вперед, терианка нацелила на него черный револьвер, из которого недавно стреляла по варханам на полосатых катерах.

Криво улыбнувшись, Кир перебрался через лавку. Сел. Мариэна подалась вперед, ствол устался ему в лицо. Кирилл принялся вставлять весла в уключины. Она в упор глядела на него, Денис испуганно молчал.

Наконец Мариэна заговорила, и ученый поспешно перевел:

— Она утверждает: нельзя к берегу. Кирилл, слышишь? Нельзя!

— Почему нельзя? — Кир вставил второе весло. — Пусть объяснит, тогда я решу, что делать.

Денис задал вопрос, терианка выпалила в ответ длинную тираду, потом глубоко вдохнула и заговорила спокойнее, тише. Кирилл ждал — не греб, но и весла из уключин не вытаскивал.

— Говорит, в городе «кулаг», то есть «баркулаг»... «Бар» — это приставка, которая означает «много». У них такой счет: ун, ак, мак, кри, пен, сун, эллен... Если хочешь указать количество предметов, цифра присоединяется к слову как приставка: «пенграда» — пять домов, «элсдорч» — семь ружей. А «бар» — много.

— А «кулаг»?

— «Баркулаг вархан» — слышал, как она сказала? «Кулаг» — это отряд или патруль. «Баркулаг» — много патрулей. «Баркулаг вархан имморграда» — «много варханских патрулей в городе». У последнего слова интересная конструкция: «им» — то есть «в» или «среди», тоже прибавляется к слову, получается как бы новое существительное «вгород» или «внутригородье». Город на лингвейке — «морграда». Мы плывем вдоль «морграда Наргелис». «Града» — дом, а «мор» — это когда чего-то очень много. Есть приставка «бар» — десятки или сотни, а «мор» — тысячи, десятки тысяч. «Морграда» — тысячи домов, грубо говоря, «тысячедомье», то есть «город». Ну а «им-морграда» — соответственно, «в-внутри-города» или «среди-множества-домов»... то есть, по-нашему, «в городе», понимаешь?

— Значит, «Баркулаг вархан имморграда» — «много варханских патрулей внутри города»?

— Ну да, именно так. А еще любопытно, как у них передаются наши падежи...

Мариэна прервала их филологические изыскания — теперь она говорила совсем спокойно. Присела, убрав револьвер, положила руку на весло.

— Не надо к берегу, — повторил Денис. — Позже. Впереди... Ку пата «пикаграда»?

Девушка ответила длинной фразой.

— Что же такое «пикаграда»? — забормотал Денис. — «Града» — дом, «гармада» — армейский дом, а «пика»... Вообще-то это значит «энергия» или «сила»... Кирилл, слышишь? Не стоит плыть к берегу, там полно варханских патрулей. Впереди эта пикаграда, какой-то «силовой дом», у Мариэны там друзья. Мы должны плыть к ним, они помогут.

Терианка все еще держалась за весло, холодные пальцы касались руки Кирилла.

— Друзья — то есть другие повстанцы? — спросил он. — В этой «пикаграде» их вторая база?

Вопрос Денис перевести не успел — справа донеслось жужжание. Над крышами со стороны Центавроса летели две искры, они быстро приближались.

— Гранчи! — Мариэна вырвала весло из руки Кира. — Хонназадор!

— Ложись на дно, — перевел Денис. — А точнее «Стань легшим-на-дно-мужчиной».

Искры разгорелись, каждая распалась на три — и стало видно, что это самолеты с сигнальными огнями на фюзеляже и крыльях. Рокоча винтами, машины начали снижаться, разлетаясь в стороны.

Беглецы упали на дно, Мариэна снова достала револьвер.

У машин был длинный узкий фюзеляж, похожий на торпеду, перед кабиной торчал штырь — может, оружейный ствол, а может, что-то другое. Под крыльями висели бочонки, тускло поблескивающие железными боками. Рокот накатил волной — и опал, когда один из самолетов пронесся неподалеку в сторону заброшенной части Наргелиса. Снизу корпус был украшен гербом: череп с торчащими по бокам лезвиями секир.

Самолеты пересекли реку и закружили над берегом. Мариэна с Киром сели, терианка махнула рукой вперед, сказала: «Пикаграда ама» — и осторожно пробралась к носу. Приложив ладонь козырьком ко лбу, с беспокойством поглядела в сторону, куда улетели крылатые машины.

— Спроси, как долго нам плыть, — велел Кир.

Денис спросил, Мариэна ответила и повернулась к городу. На лице ее отразилась тревога.

— Недолго. Хотя мне никак не удастся соотнести их время и наше.

— Еще спроси: много у варханов самолетов? — не отставал Кирилл. — И куда полетели эти?

Денис снова принялся задавать вопросы, Мариэна нехотя отвечала — односложно, скупо, но Кирилл все равно продолжал спрашивать. Выяснилось, что на вершине Центавроса есть аэродром — «гранчапада», то есть «самолето-место». Там не больше двух десятков машин, «гранчей», как называла их Мариэна. В бочонках под крыльями яд, и пилоты сейчас распыляют его над заброшенной частью города, чтобы отравить магулов, а заодно и прячущихся терианцев. Такие рейды происходят периодически, обычно повстанцы узнают о них заранее, но сейчас самолеты появились неожиданно.

Позади зажужжало, они оглянулись. Еще четыре искры летели к реке со стороны Центавроса. Две, круто свернув, понеслись над водой, и Мариэна с Кириллом упали на дно лодки. Самолеты промчались совсем низко, их обдало волной воздуха. Мариэна произнесла несколько слов, Денис перевел: «Не вставать, гранчи вернутся».

Лодка плыла дальше, рокот винтов то нарастал, то стихал. Раздался вздох, и Кир скосил глаза на Дениса.

— Что, плохо тебе?

Кирилл и Мариэна лежали лицом кверху, а ученый — книзу, уткнувшись носом в забранные кожей доски.

— Не переживай, рана несерьезная, — сказал Кир. — Болит?

— Я очень мучаюсь от боли, — Денис не поднимал головы. — Хотя осознаю, что она не такая уж сильная.

— Так чего ж мучаешься? Терпи.

Денис повел плечами.

— А ты не боишься, Кирилл?

— Чего? — удивился тот.

— Всего этого. Всего, что происходит. Кажешься спокойным, даже флегматичным.

— Боюсь, конечно. Просто я вообще не очень-то эмоционально на окружающее реагирую.

Денис помолчал и объявил:

— Я умный.

Кирилл приподнял бровь.

— Ну, в целом, я тоже. Только вот пока что меня мой ум сюда привел. Не очень-то он мне много в жизни дал.

— Я умный, — повторил Денис, не слушая, — и я слабак.

Кир не слишком хорошо знал ученого, чтобы соглашаться с этим заявлением или опровергать его, хотя на подземной базе повстанцев, когда убегали от внезапно напавших варханов, растерявшийся Денис вел себя не лучшим образом.

— Ботан, — продолжал спутник. — Ботаник. Помнишь, как нас этот...

— ...Мышца обозвал?

Неподалеку вновь пронесся самолет, и, когда рокот винтов стих, съежившийся Денис сказал:

— Так вот он — не трус.

— Тупой, поэтому и не трус. Умный человек всегда найдет, чего бояться.

— Он сильный. Сильный духом, я так думаю. И те люди, с которыми ты пришел в «Старбайт». Ты сам... не знаю, кажется, тоже. А я слабак. Наверное, это издержки ума. Я ведь действительно умный. По сути, это я создал установку, которой мы поймали сигналы терианцев. Не шеф лаборатории, которую содержал Айзенбах, нет, идея принадлежала мне, да и техническое воплощение по большей части тоже. И я единственный, кто более-менее изучил их язык. У меня айкью за сто шестьдесят... хотя тесты эти условны, конечно. Умный — и слабак. Ботан. Повышенная чувствительность к боли, пугливость... Ничего не могу с этим поделать, трушу, это невозможно контролировать. Я тебе завидую, — добавил Денис, поворачиваясь на бок. — Ты, наверное, тоже боишься, но хотя бы не так панически, как я.

Со стороны города донеслись приглушенные выстрелы. Мариэна приподнялась, жестом показав землянам, чтобы они не следовали ее примеру. Выстрелы не смолкали, но вскоре их начал заглушать шум моторов, которые то звучали тише, то яростно взрывались и хрипели — словно пара десятков машин наперегонки гоняли по берегу.

Денис, зябко кутаясь в куртку, продолжил сеанс ботанических самокопаний:

— Все-таки ты достойнее себя ведешь во всей этой заварухе, хотя вроде такой же ботан. Я думал, все интеллигенты, вернее, люди интеллектуальной деятельности, трусливы. Ведь это логично: дурак бросается головой вперед, ни о чем не думая, а умный пытается все понять, просчитать варианты, обдумать, что ему может угрожать, как, насколько — и поэтому боится.

— Нет, не логично, — возразил Кир. — Страх — это инстинкт, а не логика.

— И все равно для моей трусости это было оправдание, понимаешь? А теперь вижу: не все такие, только я. Трус. И мне надо исправляться!

Он схватился одной рукой за борт, второй за плечо Кира и сел.

И тут же улегся обратно.

Шум моторов начал стихать: машины ехали прочь. Выстрелы стали реже, но не смолкали. Ветер принес запах гари. Кир приподнялся. Мариэна снова сделала жест, показывающий, что надо лежать, и даже прикрикнула на него, но он сел спиной к левому борту, согнув ноги в коленях, уставился на город. Там горели несколько домов, дым поднимался к небу. Между зданиями появлялись и исчезали фигурки людей, мелькали вспышки выстрелов.

— Спроси у нее, что происходит.

Денис перевел:

— Она не понимает. Похоже на облаву, которую иногда устраивают варханы вместе с...
Со своими помощниками из местных.

— С полициями.

— Почему с полициями?

— Ты фильмы про фашистов смотрел?

— Я не смотрю кино. Предположим, с полициями. Здесь их называют «прианы» — «при-ан», то есть «свой-чужой». Так вот, это похоже на облаву, но очень крупную, таких давно не было.

— Наверное, из-за Леша и остальных, — предположил Кирилл. — Ловят их всей толпой.

Они плыли уже вдоль городской окраины, где среди жилых домов виднелись фабричные трубы, вращались целые рощи скрипучих медлительных ветряков, а на берегу крутились колеса водяных мельниц.

Мариэна села на носу лодки спиной к спутникам.

— Как ты думаешь, мы долго плывем? — сказал Денис.

— По-моему, нет. Хотя есть уже хочется. Замерз?

— Да.

— Это тебя из-за потери крови морозит.

— Послушай, у меня сейчас возникла мысль, — медленно произнес ученый, — а может, она и есть предательница?

Кир поглядел в спину неподвижно сидящей девушки. Если над Наргелисом нет купола, электроника работает нормально, имеются обычные радиопередатчики, значит, и на базе Лукана такой наверняка стоял, и через него шпион мог связаться с варханами, сообщить, где спрятана угнанная порталная машина. Что, если раньше предатель не хотел выдавать себя, потому что его основное задание — подобраться к центральной базе, про которую знал только Лукан? Но похищение ворсиба для варханов слишком серьезное происшествие, и шпион пошел на риск. Почему Мариэна, когда они появились наверху, уже была там, хотя оба механика так и остались в подвале?

— Нет, подожди, — сказал Кирилл, — зачем тогда она сама же про «слангача» заговорила, то есть про предателя? Навела нас на эту мысль.

— Чтобы отвести от себя подозрения, — пояснил Денис. — Она не дает нам пристать...
Куда мы плывем? Что это за пикаграда? Может, там база варханов, а не повстанцев.

В воздухе так ощутимо запахло паранойей, что Кир поморщился:

— Ну все, хватит. Даже если она шпионка, что нам делать? Грести к берегу — не выход, без ее помощи мы быстро попадемся варханам или этим полициям-прианам, а в город она не хочет. Значит, выбора нет: пока что плывем дальше и наблюдаем за ней.

Денис приложил ладони к ушам, отнял.

— Слышишь — гудит?

Кирилл приподнялся. Впереди через реку протянулась полоса огней.

— Кажется, плотина.

— Пикаграда? — спросил Денис, показав вперед.

— Ама пикаграда, — подтвердила Мариэна.

— Пика... теперь понятно, что это значит! Кирилл, ведь плотина, точно? Сейчас я...
Помоги мне встать, пожалуйста.

— Ты и сам можешь, — отрезал Кир. — Хватит жалеть себя, я тебе говорил: рана неопасная. Встань и посмотри.

Денис отставил раненую ногу, осторожно оперся на нее, наконец выпрямился во весь рост, на всякий случай ухватив Кира за плечо. Течение стало слабее, зато волнение усилилось. Лодка приближалась к высокой бетонной стене, которая пологой дугой перегораживала реку.

— «Пикаграда» — гидроэлектростанция, и сейчас нас затянет под нее! — всполошился

ученый. — Там затор!

У основания плотины вода бурлила, льдины громоздились друг на друга, приподнимаясь, постепенно их затягивало в невидимые отверстия, через которые вода уходила вниз. Если туда попадет лодка, ее перевернет и расплющит о лед.

— Пута! — Мариэна схватила весло. Села на лавку, вставила его в уключину и показала рядом с собой. — Куча, пута!

— Я понял, понял: садись, гребь. — Взяв второе весло, Кир уселся возле девушки.

Она стала грести, поворачивая лодку к правому берегу. Из воды там торчали сваи с настилами, между ними над волнами выступали края железных сеток, похожих на обычную земную «рабицу».

— Что это? — спросил Кирилл и повысил голос: — Переведи: что в той стороне?

Денис задал вопрос, Мариэна ответила, и он надолго замолчал.

— Ну? — не выдержал Кир. Их все ближе подтягивало к плотине, но и до пирсов оставалось недалеко.

— Я не могу понять. Что-то вроде «плавать сады». Или не плавать, а... Может, это слово означает «рыба»? Получается: «рыбьи сады».

— Ясно, рыбное хозяйство. Но зачем нам туда?

— Смотри! — раздалось в ответ. — Левее!

Кирилл и Мариэна, наверное, уже запомнившая некоторые русские слова, обернулись. От левого берега вдоль плотины плыл полосатый катер, такой же, как те два, что напали на них возле базы повстанцев. Двигался он быстро — возле «рыбьих садов» окажется одновременно с лодкой.

— Эма кулаг вархан, — сказала Мариэна.

— Эма? — повторил Кир. — Калгар и вархан я понимаю, а эма...

— Вода, — пояснил Денис.

— Значит: «водный патруль варханов». То есть они не за нами плывут, а патрулируют здесь.

— Заточа пикаграда. Заточа, порла. Барвархан.

— А «заточа» с «порлой» что означают?

— «Опасное» и «важное».

— Гидроэлектростанция — опасное место, — сообразил Кир. — Опасное и важное, то есть... ответственное, что ли? Охраняемый объект, короче говоря, поэтому здесь много патрульных.

— Наверное, так, — вздохнул Денис сзади. — У меня опять нога разболелась. От страха, думаю.

Они подплывали к «рыбьим садам», двигаясь наперерез течению. Льдины били в правый борт, Кир то и дело попадал по ним лопастью, отталкивал. Наконец он сказал:

— Денис, перегнись через борт и толкай их от лодки. Мешают грести.

— Я боюсь, что нас могут увидеть с мостков, — сказал ученый. Пыхтя, он навалился грудью на борт и вытянул руки.

— Ничего, главное, не услышат, возле плотины сильный шум.

Бетонная стена метров на пять поднималась над водой, поверху шла ограда, за ней стояли обложенные мешками будки с торчащими из окон стволами — то ли больших пулеметов, то ли маленьких пушек. Между будками прохаживались часовые, на крышах горели прожекторы. Два самых ярких маленькими солнцами сияли на концах плотины, где высились угловатые здания с решетчатыми окнами.

Катер приближался. На носу его зажегся прожектор, желтый луч ударил вдоль плотины. Гул воды, скрип и стук льда уже почти оглушали.

— Они нас вот-вот заметят! — крикнул Денис. Он пыхтел и фыркал, отталкивая льдины от борта, и все равно Кир едва мог грести. Пришлось вытащить весло из уключины, выпрямиться и опускать лопасть в воду вертикально.

— Ата! — Мариэна показала на низкий бетонный выступ, торчащий из воды возле

сетки «рыбьего сада».

— Туда! — пояснил Денис.

— Что это? — спросил Кир. — Отсюда не могу разобрать.

— Гребь туда! Прожектор с катера вот-вот осветит нас!

— Ладно, не ори, вон люди на пирсе, могут услышать.

Еще несколько взмахов весла — и Кирилл понял, что они приближаются к верхушке широкой бетонной трубы, немного выступающей над водой. Слева, справа, у пирса и под ближайшим настилом виднелись другие трубы.

— Парги! — крикнула Мариэна.

Луч прожектора почти осветил лодку, которая подплыла к трубе. Отразившись от пирса, волна ударила в борт, сильно качнула посудину. Нос врезался в бетон.

Перед этим Мариэна, бросив весло, выпрямилась — и не смогла удержать равновесие. С тихим вскриком она кувыркнулась через борт. Плечом и головой ударилась о льдину, та накренилась, девушка заскользила в воду.

Нагнувшись, Кир ухватил ее за плечи, потянул обратно.

— Да что же вы делаете! — Лодка закачалась, когда мимо пробежал Денис, позабывший о раненой ноге.

Течение поволокло посудину дальше, но потом она остановилась. Вытаскивая Мариэну из воды, Кирилл оглянулся: Денис сидел на стенке трубы верхом, придерживая лодку здоровой ногой и одной рукой.

— Сюда, быстрее!

Из ссадины на виске Мариэны сочилась кровь. Девушка обхватила Кира за шею, он ее — под мышки, рывком поднял и сам едва не свалился в воду.

— Здесь скобы! Быстрее, мне трудно удерживать!

— Всё, отпускай! — с этими словами Кирилл шагнул с лодки на край трубы.

Мариэна повисла на нем, он начал заваливаться назад, взмахнул свободной рукой, но тут терианка уперлась подошвами в бетон, и Кир сумел выровняться.

Отпустив лодку, Денис полез вниз. Кирилл, держа Мариэну за руку, присел и поставил ногу на верхнюю скобу.

ГЛАВА 10

После дороги Максар не успел ни поесть, ни даже помыться — сразу отправился к коменданту будущего Центавроса. Темник Эйзикил остался в лагере вместе с машинами, но прежде, чем командер ушел, старик заставил его снять повязку и долго колдовал над поврежденной частью лица, мазал противоядием, пинцетом вытаскивал из кожи остатки картечи, зашивал рваные раны, заклеивал медицинским воском... Он не использовал обезболивающее — и Максар знал почему. Это была проверка. Немного оскорбительно, хотя командера и самого интересовало, сможет ли он выдержать всю процедуру без вскрика, без стога, поэтому он простил Эйзикила.

Правый глаз еще видел, хотя, если прикрыть левый, мир затягивали зыбкие тени. Эйзикил не ответил, восстановится ли поврежденный глаз, но Максар решил, что этого никогда не будет, — наоборот, скорее всего, тот через некоторое время окончательно умрет.

Старик наложил новую повязку. Максар сменил китель и пошел к коменданту.

Помещение, где разместился Коста бер'Мах, охраняли двое бойцов из клана крюкеров, основанного в незапамятные времена легендарным «безумным воином» — Батангой бер'Крюком. Он был знаменит тем, что двумя своими секирами с лезвиями в форме расправленного крыла летучей мыши в битве за Висячий город убил двести двадцать два Проклятых, а после, обессиленный, заснул прямо на поле боя и захлебнулся в крови лежащих вокруг врагов. Почти все легенды варханов про героев прошлого, живших в славное время до Веков Тени, были простыми и кровавыми.

Крюкеры носили доспехи из прессованной кожи, покрытой слоем высохших силикатов

из опасных горных районов Терианы, «мягкого железа», как его называли темники. А еще — шлемы в виде головы ящера, с решетчатой пастью-забралом и узкими глазницами. Вооружены они были разрядниками, на стволах — лезвия, как у секир.

Максара внутрь сразу не пустили, заставили ждать в коридоре, и он подошел к окну.

Трехэтажный дом, под крышей которого находился командер, оставался единственным пока еще целым зданием на месте будущего Центавроса. На подземном его этаже работал купольный генератор, запитанный от автономных дизелей. Вскоре вокруг Центавроса завращается множество ветряков, поставляющих энергию не только генератору, но и Святой Машине.

Здание стояло точно в центре бетонного квадрата, занимающего не меньше полутора местных кварталов, по которому сновали сотни рабов, манкуратов, мастеров и надсмотрщиков. Работали машины; гул голосов, лязг, рев моторов, гудение и стук сливались в гимн Центавросу, гимн самой Орде, мерно идущей по Великому Пути, — гимн, который пел покоренный народ нового мира.

Впрочем, Максар плевать хотел как Великий Путь, так и на Бузбароса... времена, когда берсеры, составляющие костяк Орды, веровали истово и безоглядно, остались в прошлом. Гильдия до сих пор следила за соблюдением ритуалов в отрядах, но теперь — командер был в этом уверен — лишь потому, что на вере, которую еще сохранили большинство простых бойцов, зиждилось могущество темников. На вере и на их научных знаниях.

Сам Максар верил в другое: в силу и ум, в смелость и настойчивость, а еще — в гнев, ярость и жажду крови. И во ВЛАСТЬ. Она была Богом, она лежала в основе мировых порядков, и она же, если понадобится, могла низвергать народы, да что там народы — целые миры в бездну небытия. Добиться ее, объединиться с Богом, мог только тот, кто обладал четырьмя качествами, которые почитал командер, — ведь Ум, Сила, Смелость и Настойчивость были главными служителями, демиургами Власти. И лишь тот, кто умел контролировать трех главных демонов, Ярость, Гнев и Кровожадность, держать их в узде, выпускать на свободу только по своей воле, чтобы использовать в нужных целях.

Максар бер'Грон полагал, что обладает первыми и повелевает вторыми. И чтобы не терять этой уверенности, часто подвергал себя испытанию. Например, избив вестницу Ангу, он дал волю ярости... сознательно, а не потому, что демон овладел им. В этом случае Максар убил бы вестницу. Но он перестал наносить удары, как только захотел этого, а не когда демон насытился и уснул.

Ему предстояло еще одно серьезное испытание — разговор с бер'Махом. А пока что, встав спиной к охранникам, он смотрел в окно. Чтобы возвести Центаврос на Сайдоне, туда пришлось переправить строительную технику из Ангулема, однако на Териане и Земле использовали местную, для работы с которой разведка Орды с первых же дней оккупации выискивала здешних специалистов.

Максар никогда не вникал в особенности возведения Центавроса, но общую процедуру знал. С помощью специальных винтов вырыли глубокие колодцы, в них опустили объемную решетку, сваренную из толстых, в запястье взрослого человека, железных брусьев, и залили раствором — получились сваи. В это время рабы и манкураты разрушили окрестные здания. Тридцать или сорок домов превратились в обломки, которыми наполнили большую квадратную яму глубиной в два человеческих роста (из дна ее вниз и уходили сваи), и все это тоже залили раствором. Его поначалу хотели привезти из Терианы, но разведчики совместно с прибывшими темниками быстро разобрались в местных делах, и раствор стали поставлять два заводика на краю города. Делать его там начали по особому рецепту Гильдии, оставшемуся со времен Проклятых, с добавлением укрепляющего глинистого порошка. Три грузовика с ним темники доставили в этот мир через Сайдон и Териану с самого Ангулема.

Солнце садилось, по огромному квадрату, серевшему посреди полуразрушенного города, протянулись тени. Из бетона торчали железные арки, на которые предстояло лечь несущим перекрытиям нижнего яруса. В стороне, на расчищенной от обломков площадке манкураты под надзором мастеров и надсмотрщиков возводили небольшую фабрику,

отдельные узлы которой недавно доставили через Око. Там предстояло отливать блоки для стен Центавроса — варить арматурные кубы и заливать их бетоном.

Со скрипом открылись двери, Максар повернулся. В коридор выскочили двое землян: седой с носом-крючком и всклокоченным волосами, и бородатый мужчина помоложе, прижимающий к разбитым в кровь губам полу замызганного белого халата. Шамкая, он пробубнил на местном языке: «Вениамин Павлович, вы большой ученый, но наши семьи...» — командер не понял ни слова. Седой ответил тонким взвизгивающим голосом. Крюкеры не шелохнулись.

Земляне, не заметив Максара, выбежали на лестницу, и в коридор выглянул ординарец Виха: молодой, невысокого роста красавец, судя по светлой коже и кучерявым, почти белым волосам — уроженец Сайдона. У него был липкий, сладкий взгляд, но в лицо Максара он смотреть боялся, потому что однажды, сделав это, получил удар в челюсть и несколько дней не мог толком говорить. После того случая Коста с Максаром окончательно невзлюбили друг друга: бер'Мах был *привязан* к своему ординарцу.

Виха, сделав приглашающий жест, попытался, но когда командер направился к двери, стоящий слева от нее крюкер преградил дорогу.

— Оружие, — донеслось из-под шлема.

— Ты не знаешь меня? — спросил командер.

— Оружие, — упрямо повторил охранник.

Второй подцепил ногой стоящий в стороне стул и передвинул его ближе. В глубине помещения за дверью Виха ухмылялся, наблюдая за этой сценой.

Поколебавшись, Максар положил на стул револьвер, полученный в дар от отца, и кинжал с набалдашником в виде герба Гронов — череп с двумя лезвиями секир по бокам.

Командер зашагал дальше, прямо на крюкера, который отступил, пропуская его.

Скорее всего, земляне использовали это помещение как зал для собраний. Примерно треть его занимал помост от стены до стены, покрытый гладкими лакированными досками, а в другой части, где оказался Максар, под широким окном были свалены сбитые длинными рядами стулья с откидными сиденьями.

Этому зданию скоро предстояло исчезнуть, и Коста не стал устраиваться всерьез, развешивать по стенам бронзовые портреты предков и ритуальное оружие. Но на помосте появилась большая кровать, где подушки и одеяла образовывали пологую грязновато-белую гору, а посреди второй части зала — стол. Он был уставлен посудой всевозможных форм и размеров, притащенной из городских лавок. На тарелках и мисках валялись вскрытые упаковки земной пищи, посреди стола высилась широкая ваза, доверху наполненная сахаром.

Перед сидящим в кресле Костой красовалось круглое блюдо с местным яством, состоящим из бисквита, залитого красным и черным кремом. В зале приторно пахло сладким. Комендант держал в руке железную лопатку и слизывал с нее крем. Эта кровать, этот стол... Коста не скрывал своих привычек, ведь он был родным братом вождя клана Махов, главенствовавшего теперь в Ставке.

Максар ждал долгого разговора, но все вышло иначе. Как только он вошел, Коста пролаял:

— Ты дал пеону осквернить себя!

Мастер-командер молча застыл перед столом. Он не собирался оправдываться.

— Тебя ранил потомок Проклятых! — повысил голос комендант, явно ожидавший возражений. — Как после этого ты можешь командовать охраной нового Центавроса?

Едва заметно левый, не скрытый повязкой уголок рта Максара дернулся книзу. Так вот в чем дело! Жирный сластолюбец решил использовать эту ситуацию, чтобы...

— Осквернен пеоном! — изо рта Косты полетели бисквитные крошки. — И к тому же позволил выкрасть машину экстра-связи из шатра, в котором спал!

Они оба знали, что сказанное — ложь, Максар находился в соседнем шатре, но доказывать это не имело смысла.

— Отдал ценную машину аборигенам! — комендант стукнул кулаком по столу.

Сзади скрипнула дверь. Максару не надо было оглядываться, чтобы понять — один из крюкоров заглянул в зал. Краем глаза командер видел Виху, стоящего у окна. Наверняка ординарец очень рад происходящему.

Коста сделал небрежный жест, и дверь с тихим стуком закрылась. Комендант вонзил лопатку в лакомство перед собой, откромсал большой кусок, поднял, но тот упал обратно на блюдо. Тогда Коста схватил его, запихал в рот и принялся жевать. Проглотив, вытер губы рукавом.

— Наконец, ты не прибыл в срок, когда я приказал.

Последнее обвинение было просто смешным: даже рядовой берсер-боец, если он уважает себя, не побежит, спотыкаясь, на призыв своего командира, но подойдет — быстро, однако с достоинством. Ну а Максара в городе задержали важные дела, появление отряда местных воинов, нападение на Красный лагерь... Коста прекрасно знал это и все же присовокупил к двум первым «грехам» командера третий.

Одна полоска, подумал Максар бер'Грон.

Его упорное молчание вконец вывело Косту из себя. Он провел пятерней по стоящему перед ним сладкому блюду, вскочил и, обойдя стол, оказался перед Максаром. Бер'Мах был на голову ниже его и значительно шире. Подняв руку, измазанную черным, он дважды мазнул пальцами по предплечью командера. Тот скосил здоровый глаз. Две красные полосы из четырех на его кителе потемнели.

Две — не одна! Максару показалось, что голова его стала колоколом, который громко гудит и раскачивается. Мир дрогнул, но он сцепил зубы и не шевельнулся, не издал ни звука.

— Я вызвал сюда Любера бер'Маха, — пролаял Коста. — Он будет командовать охраной Центавроса. Теперь уходи, *капитан Максар*.

ГЛАВА 11

— Потрясающий вид. — Кир снова выглянул в кривое узенькое оконце, больше напоминающее щель между бетонными плитами. — Люблю высоту.

— А я ее боюсь, — слабо донеслось сзади.

Уровень воды за плотиной был значительно ниже. Там раскинулось большое озеро, справа горы, а слева — полузатопленные поля, бледные огни, полосы слабо мерцающей воды в бороздах, домики-башни, ограды и сарай.

Вниз уходила бетонная стена, из круглых отверстий в озеро низвергались потоки воды. Мерный рокот висел над округой.

Кир с Денисом сидели на широкой бетонной полке, с одной стороны в метре под нею тихо плескалась черная вода, с другой была стенка. Потолок невысоко над головой, помещение узкое и длинное, в торце оконце, куда выглядывал Кирилл. Неподалеку располагались два закрытых решетчатыми дверцами круглых отверстия. Через одно они попали сюда, через другое Мариэна, разобравшись с замком на дверце при помощи отмычки, ушла, велев на прощание, чтобы они ждали ее и никуда не совались.

Денис скрючился на бетоне, подальше от воды, закутавшись в куртку, а вторую, которую ему оставила Мариэна, обернув вокруг бедер.

— А все-таки она может быть шпионкой, — настаивал он. — И может привести сюда варханов.

— Зачем такие ухищрения? — Кир по-турецки сел у окошка. Над головой его изгибалась железная труба с вентилем, сбоку из воды торчали еще несколько, одни уходили в стену, другие в потолок. На некоторых были манометры, напоминающие земные, но устаревшей конструкции. — С гранчей нас едва не заметили, она могла просто встать и помахать руками.

— А если не хочет выдавать себя, потому что ей надо попасть на центральную базу? Мариэна сообщила варханам, где находится ворсиб, а теперь скажет местным повстанцам, что ее база атакована, а землян надо быстрее доставить к Омнию. Командир доложит ей, где

основная база, чтобы Мариэна могла нас туда переправить, а позже она приведет варханов.

— Да, такое возможно, но если так, то сюда сейчас она варханов точно не приведет. А мы почти в том же положении, что и на лодке. В воду прыгать? Или как ты хочешь поступить?

— Не знаю, Кирилл, я ученый, а не шпион. Здесь так темно... у тебя нет зажигалки?

— На Земле осталась, и фонарик тоже. Всё там осталось, кроме катаны и ножа. Ну и гаек еще.

Вода тихо плескалась о бетон. Внизу, где-то глубоко в недрах плотины рокотало — тяжело, глухо. Денис иногда покашливал. А Кир вдруг вспомнил про потайной карман в подкладке. Тот ведь непромокаемый, по идее... Расстегнув куртку, нащупал резиновую полоску на левом предплечье, под ней — «молнию», вжикнул ею, просунул пальцы и достал коробок. Нет, отсырел. Тоже мне, непромокаемый карман! Вытащил спичку, попробовал чиркнуть, но она сломалась. И вторая, и третья. Четвертую Кир сунул в зубы.

— Еще в подвале ты говорил, что знаешь, почему у варханов различные технологии, — снова заговорил Денис. — И устаревшие, и футуристические. Почему?

Кирилл взялся за катану — знакомое ощущение рукояти под ладонью успокаивало.

— Потому что фотонные компьютеры и генераторы купола варханы не изобрели. Они их захватили.

Наступила тишина. Кирилл жевал спичку, которая медленно кочевала из одного угла рта в другой, и думал о том, как далеко его занесло от родных мест. Опять накатило удивление, очень сильное и глубокое: он в другом мире, в недрах созданной руками иномирян гидростанции, дожидается местную девушку, которая должна привести сюда то ли врагов, то ли друзей... Он, Кирилл Мерсер, обычный молодой москвич! Ну, не совсем обычный, но все же — как он сюда попал, благодаря какой невероятной цепочке событий?!

— Но как же варханы могли захватить все это? — наконец спросил Денис. — Цивилизация, которая создала порталные машины, должна быть очень развитой. Значит — сильной. Как варханы могли оккупировать ее реальность?.. Стоп, как они вообще могли попасть в реальность этой цивилизации, если у них еще не было порталных машин?

Кир продолжал жевать спичку.

— Ты молчишь очень насмешливо, — заметил Денис недовольно.

— Неужели?

— Именно так.

— Просто ты считаешь своим главным достоянием мозг, а сейчас не можешь сложить два и два.

— Я ранен, — пояснил ученый сухо. — Еще мне холодно. Мозг — такая же часть тела, как и все остальное, и когда тело повреждено и испытывает дискомфорт, мозг может работать хуже. Но я понял, что ты имеешь в виду: варханы из того же мира, что и хозяева порталных технологий. Назовем их...

— Предтечи, — вставил Кирилл, припомнив словечко из какой-то недавно прочитанной фэнтезийной книжки.

— Как? Почему... Ну хорошо, пусть будут предтечи. Значит, Римская империя и варвары?

— Ну да, — кивнул Кирилл. — Только варвары не в шкурах и с дубинками, а на рогачах и тачанках, с пистолетами и помповиками, то есть скорчами.

— А колонии? Териана, еще Сайдон, Земля... — Денис снова замолчал, размышляя.

Теперь у Кирилла не было готового ответа, но он предположил:

— Возможно, колонии созданы не варханами?

— Я как раз подумал об этом. Колонии в других реальностях создала старая цивилизация, предтечи. Может быть, пеоны — их потомки? Но тогда почему Земля... Нет, не складывается: если Земля тоже колония, то когда на ней появились предтечи?

— Возможно, экспедиция предтечей стояла у истоков земной цивилизации, — предположил Кирилл и выплюнул спичку. — Хотя звучит это по-идиотски, как цитата из

какой-нибудь книги в стиле «Тайны прошлого», ну где еще на обложках летающие тарелки над пирамидами рисуют.

— Дело не в том, по-идиотски или нет, просто с хронологией какая-то проблема. Хотя... может быть, атланты... Но ведь прошли тысячелетия — почему за это время колония на Териане не развилась в цивилизацию, подобную земной?

— Да ведь не слишком они от нас отстали, судя по всему.

— Кирилл, здесь только одно государство, Наргелис, в окружении дикого мира. Это стало понятно, еще когда мы с терианцами обменивались сведениями через передатчик. Ну, давай поразмышляем... Допустим, хронология такая: предтечи изобретают порталные машины и создают первую колонию в реальности, которая, условно говоря, ближайшая к их Ангулему, — в Сайдоне. Через него проникают дальше — на Териану. Потом на Землю. Колонии надо поддерживать — это требует от предтеч большого напряжения, траты ресурсов. Цивилизация, так сказать, надрывается, и их захватывают варханы — варвары, возможно, с соседнего континента. Я только предполагаю, как это могло быть. Римская империя ведь пала не сразу, было несколько варварских набегов, она деградировала постепенно. Хорошо, сейчас не об этом, ты представь дальнейшую картину: цивилизация предтеч рушится, они перестают поддерживать свои колонии, порталная связь разрывается. Без поддержки метрополии колония на Сайдоне гибнет, колонисты растворяются в дикарском окружении, а терианцы справляются с ситуацией, медленно подчиняют окрестные земли, создают первое государство... Но ведь на Земле прошли тысячелетия, и наша цивилизация развилась до теперешнего уровня — так почему не развились терианцы? И сами варханы? Ведь не могли они в те времена, когда напали на предтеч, действительно быть дикарями в шкурах с дубинками. Если покорили такую цивилизацию — значит, какие-то технологии уже тогда у них были. Машины, оружие... И теперь, спустя тысячелетия, они остались такими же?

— Может, у них наступили темные века, как на Земле. Не было прогресса.

— Именно что века, а не тысячелетия! А Сайдон, Териана? Про первую реальность я знаю совсем мало, но там, кажется, все хуже, чем здесь. Колонии практически нет, колонисты смешались с сайдонскими дикарями. Здесь же у потомков первых колонистов хватило сил создать не очень большое государство в окружении земель, населенных магулами. Но если в их распоряжении были тысячи лет, как у землян, то они должны были либо заселить всю эту реальность, либо исчезнуть.

— Как-то все слишком сложно, запутано. Должно быть более простое и стройное объяснение, я уверен.

Кирилл сунул в зубы новую спичку и вдруг подумал, что все это время не курил. Как отшибло... в лагере варханов на Красной площади он то и дело вспоминал про сигареты, а потом закрутилось: побег, «Старбайт», другой мир... Какое там курево, не до того было.

Зато опять хотелось спать. Он выплюнул спичку в воду, вытянул ноги и прикрыл глаза. Словно реле какое-то в голове повернули, и мозг начал отключаться сам собой. Денис продолжал говорить — что-то про другие реальности, их количество, про инфляционную теорию и о том, что вселенные — только пузырьки-флуктуации в Мультиверсуме... Голос его слился с плеском воды и рокотом турбин гидростанции, он звучал и звучал, все вокруг качалось, весь мир был лодкой, которая плыла в темном потоке Мультиверсума вместе с другими лодками-мирами, и между ними — льдины, пустые реальности, где нет разумной жизни, способной наблюдать и осознавать окружающее... Иногда течение сталкивало лодки-миры, иногда разносило далеко в стороны, а впереди нарастал гул, он все ближе — и вот поток срывается в черную бездну, и там, в глубине, мерцает огонек. Он все ярче, светлее... Это горит лампа.

Кир схватился за катану, когда из круглого отверстия, низко пригнувшись, вышли Мариэна и мужчина в рабочем комбинезоне с газовой лампой в руках. На терианке тоже был комбез, новая куртка и черные ботинки на ногах. Ссадину на виске она замазала желтой мазью.

Ступив вслед за ней на бетонную полку, незнакомец поднял лампу, оглядел двух землян и заговорил с девушкой. Она поманила их. Привставший Денис задал вопрос, девушка ответила. Кирилл услышал знакомое слово «зурно» — «быстро», шагнул к терианцам, и тут Денис сказал:

— Нет, подожди. Кто это? — он кивнул на мужчину с лампой.

Тот, низко пригнувшись, уже полез обратно. Мариэна, снова сделав призывный жест, направилась следом.

— Пошли, — сказал Кирилл. — Это она кого-то из своих повстанцев привела. Командира их, мне кажется.

— Он может быть агентом варханов, — возразил Денис.

— Идем, идем, Штирлиц.

Потом были несколько труб, глухих коридоров и узкая, сваренная из железных прутьев галерея, протянувшаяся вдоль бетонной стены высоко над озером.

Кирилл, шагая вслед за терианцами к правому берегу, подумал, что ему нравится в другом мире больше, чем на Земле. Здесь ему интересно. Главное, почти исчезли обычная его флегма и равнодушие к людям. Киру был любопытен этот мужчина с лампой, его интриговала Мариэна, хотелось выведать, о чем думают терианцы, какие у них заботы... даже Денис со своим щитом сдержанности, которым он прикрывал от окружающих уязвимость, щитом, давшим в последнее время трещину, был интересен. Кир желал больше узнать про Териану, изучить их столицу, пограничье и дикие территории вокруг. И не только Териану — Сайдон, Ангулем... и другие миры. Ведь они наверняка есть, не может же во всем Мультиверсуме существовать всего четыре реальности. Неужели в хакере проснулся исследователь? Исследователь-путешественник... До того ведь ему ничего, кроме Сети, нужно не было.

— Эй! — позвал он через плечо. — Как этого мужика звать, спроси. Нет, лучше переведи для меня, я сам спрошу: «Как тебя зовут?»

— «Вит хоннома?» — Судя по слабому голосу, ученого, в отличие от Кира, на галерее мутило.

— А почему только два слова?

— «Хон-нома»... «Хен» на лингвейке женщина, «хон» — мужчина...

— А «хан»?

— «Хан» — это военный. Не в том смысле, что штатный армейский, а скорее «воин» — «человек-воин».

— Ну хорошо, как ты сказал... хоннома?

— «Нома» значит «имя», а «хон-нома», скажем так, «человекоимя». Вернее «мужеимя». А «вит» — «какое» или «как». То есть вопрос переводится примерно «Как (твое) мужеимя?»

— Вит хеннома? — громко спросил Кирилл.

Девушка удивленно оглянулась и сказала:

— Маре-Эна.

— А я — Кир-Ил. А вот его? — Он показал на провожатого. — Вит хоннома?

— Гот-Ан.

— Готан? — хмыкнул Кир. — Ему подходит.

Мужчина кинул взгляд через плечо, поднял лампу выше и зашагал быстрее.

Галерея закончилась железной дверью, которую Готан отпер ключом из связки. Дальше он двигался гораздо осторожнее, с оглядкой. Плотина примыкала к высокому зданию, куда они и вошли, аккуратно ступая по потертым ковровым дорожкам с геометрическими узорами. Несмотря на позднюю ночь, в коридорах горел тусклый свет, из некоторых комнат доносились голоса.

Готан жестом показал, что теперь надо вести себя очень тихо. Когда прошли коридор, сверху раздались шаги, и они вслед за проводником нырнули под лестницу.

Лампа погасла. В просвете между лестничными пролетами Кирилл увидел спускающихся людей: двое в расстегнутых плащах, под которыми было что-то полувоенное,

с помповиками-скорчами и длинными тесаками на ремнях, шли позади высокого парня в рабочем комбинезоне и с разбитым в кровь лицом. Руки он держал за спиной.

Конвоиры не были похожи на варханов — лица не такие узкие и скуластые, волосы без стального отлива. Полицаи, стало быть. Прианы. Троица свернула в коридор, шаги стали удаляться, и Готан прошептал несколько слов. Денис перевел:

— Здесь много охраны, потому что пикаграда очень важный объект.

— Это мы уже поняли, — сказал Кирилл.

— У них постоянно ищут... «слангач» — предателей, то есть повстанцев. И делают «барварта». Точно значения этого слова я не знаю, наверное, «варта» означает «арест». Много арестов, значит.

Они стали подниматься по лестнице, и когда достигли второго этажа, Кир спросил:

— А в их религии ты пытался разобраться? Варханы называют повстанцев еретиками — почему?

— А-а... — протянул Денис. — С религией у них необычная ситуация. На Земле в обществах такого уровня, как у варханов, религия более продвинутая. А тут Мировой Змей и так далее... язычество. Исходя из основных постулатов своей веры, они и начали захватывать реальности. А тех, кто противится, их жрецы объявляют еретиками. Причем жрецы одновременно являются учеными, это я понял уже на базе, когда общался с Луканом.

Лестница закончилась железной дверью, Готан отпер ее, осторожно приоткрыл — сразу стало прохладней. Присев, терианец показал вперед.

Просторная бетонная площадка соединяла третий этаж здания с горным склоном. От площадки в две стороны шла дорога, плавно изгибающаяся вниз, слева она вела к полям возле озера, а справа — к берегу реки.

Прожектор освещал пять стоящих в ряд грузовых машин, похожих на земные многотонники-дальнобойщики, но более угловатые, громоздкие и неповоротливые с виду. Кабины всех были обращены к берегу.

Под заросшим кустарником склоном на другой стороне площадки лежали тюки. Больше десятка босоногих людей в робах с широкими фиолетовыми полосками на рукавах и ошейниках, грузили их в машины. За рабами наблюдали несколько вооруженных скорчами и тесаками прианов.

Готан ткнул рукой влево, и Кирилл заглянул в щель между стеной и краем приоткрытой двери. В той стороне на площадке стояла приземистая башенка с пулеметом на крыше, за ним маячили два силуэта.

Погрузка подходила к концу — выбравшиеся из кабин сначала одного, а потом другого грузовика водители принялись закрывать кузова.

— А ведь это манкураты, — пробормотал Кир, ни к кому не обращаясь, но Денис услышал.

— Кто? О ком ты?

— Люди с прочищенными мозгами, я их хорошо рассмотрел в варханском лагере на Земле. Наверняка тоже технология предтечей. Водители — обычные, а грузчики видишь как двигаются? Механически, будто роботы. Наверное, манкураты могут выполнять только самые простые операции. Мне интересно: после такой прочистки мозг способен реанимироваться или нет?

— Сильный insult тоже очищает мозг, — сказал Денис. — Стирает массу информации, иногда вплоть до корневых программ: простые движения, моторика... Одни люди не восстанавливаются, а другие потом начинают функционировать почти на том же уровне, что и раньше.

Еще двое водителей стали закрывать свои грузовики — теперь манкураты грузили тюки в последнюю, стоящую ближе всех к двери машину.

— И что дальше? — спросил Кир.

Готан поглядел на него, на держащегося позади Дениса и произнес несколько слов.

— Говорит: чтобы помочь нам, они пошли на большие... жертвы, наверное, так. Или

усилия. «Магнерос» — не знаю этого слова. Он надеется, что мы стоим их.

— На какие усилия? — поинтересовался Кирилл.

Мариэна прижала к губам сдвинутые вместе указательный и большой палец — терианский знак «тихо». Готан, отступив, поднял лампу выше и помахал ею.

Увидеть это могли лишь несколько манкуратов, водитель крайнего грузовика, чей силуэт виднелся через боковое окно кабины, да еще кто-то со склона напротив двери. Мариэна произнесла одно длинное слово, которое Денис перевел как «Приготовьтесь бежать».

Кир обернулся.

— Куда бежать? Она ответила: «Имбаллон» — и показала на кузов грузовика.

— «Внутрикузовье», что ли? Но водитель... Или он из ваших?

В глубоких тенях на склоне мелькнул огонек. Покачался из стороны в сторону, исчез.

— Видели? — прошептал Денис взволнованно. — Это ответный сигнал!

Через несколько секунд от нижней части склона протянулась гудящая струя огня, красным веером прошла над бетоном, превратив двух прианов в факелы. Один упал сразу, второй с воем бросился прочь, не разбирая дороги, опрокинул нескольких манкуратов, перевалился через ограждение и свалился с площадки.

Охранники начали стрелять, в ответ на склоне замелькали вспышки. Человек с большим ранцем на спине и патрубком огнемета в руках выступил из кустов на площадку.

Замершие манкураты пустыми глазами наблюдали за происходящим. Водители помчались к кабинам, один грузовик поехал, тяжело набирая ход. Двинулась вторая машина.

Застучал пулемет на крыше сторожевой башенки. Огнеметчик сделал еще несколько шагов, поливая площадку пламенем, и завалился вперед, выставив ногу, пытаясь удержать равновесие. Загорелся третий приан, остальные плашмя лежали на бетоне или бежали к башне. Вспышки на склоне не прекращались, между горой и зданием металось эхо. Огнеметчик упал лицом вниз. Пули попали в ранец, и он взорвался — клуб огня взмыл над площадкой, набух, лопнул клочьями пламени, которые разлетелись вокруг, будто поднятая смерчем палая листва.

Пулемет стегал очередями по склону, с которого сыпались потоки земли и вырванные с корнем кусты. Вниз скатилось несколько тел.

Загудев, поехал третий, потом четвертый грузовик — водители спешили покинуть место боя. Машина, стоящая ближе всех к зданию, тоже тронулась с места.

— Атана! — крикнула Мариэна, выпрямляясь.

— Приготовиться! — перевел Денис. — Только у меня опять нога очень болит!

Небольшой округлый предмет, шипя и плюясь искрами, по длинной дуге перелетел от склона к башенке — и взорвался на крыше. Пулемет захлебнулся, вниз полетел отброшенный взрывом стрелок.

Створка в задней части кузова была призывно распахнута. Мариэна бросилась вперед, Готан толкнул Кирилла в спину и гаркнул что-то повелительное.

Кир побежал. Нижний край кузова находился на высоте его груди. Забравшаяся внутрь терианка протянула руку, Кир схватился за нее, поджал ноги и перевалился через край. Лицо девушки оказалось прямо перед его глазами. Сдунув с лица темную прядь, она кивнула ему и вскочила. Грузовик набирал ход, снаружи стреляли и кричали. Мариэна потянула за идущий от створки ремень, закрывая ее, а Кирилл повернулся. За машиной бежал Денис. Он сильно хромал, и выражение его лица как-то очень не соответствовало происходящему — оно было отрешенным и сосредоточенным, будто ученый решал в уме сложную математическую задачу.

— Давай! — заорал Кир, встав на колени.

Денис упал. Машина качнулась, пол накренился — площадка закончилась, теперь они ехали по наклонной части эстакады, приближаясь к речному берегу. Ученый вскочил, снова побежал. Лицо его вдруг просияло, словно он понял что-то очень важное.

Мариэна почти закрыла створку, но Кир, выставив руку, оттолкнул терианку.

— Что ты делаешь?! Подожди его!

Девушка продолжала тянуть за ремень. Денис догнал грузовик, и Кир лег животом на край кузова, свесился вниз. Они с ученым вцепились друг в друга, Мариэна обхватила Кирилла за пояс. Потянула, он рванул на себя Дениса, тот подпрыгнул — и оказался в кузове.

Выпрямившись, девушка снова схватилась за ремешок и захлопнула створку. Лязгнул, опустившись в пазы, засов, и стало темно.

Во мраке раздался голос Дениса:

— Я понял, откуда эти несоответствия в развитии колоний! Все сообщения от терианцев запаздывали, будто им постоянно требовалось много времени на обработку сигналов — в пять, в семь, восемь раз больше, чем нам. Объяснение простое: темпоральные потоки в реальностях неодинаковые! Кирилл, ты понимаешь? Время на Земле идет быстрее!

ГЛАВА 12

Эйзикил встретил Максара вопросом:

— Знаешь, почему берсеры не терпят прямого взгляда в лицо от низших?

Старик, так и не снявший темные одежды, лишь сбросивший сапоги, устроился, поджав ноги, на полосатом матраце, что лежал прямо на земле внутри шатра. Его для темника поставили на краю лагеря, разбитого бойцами неподалеку от фундамента будущего Центавроса. Посреди шатра, имевшего круглое отверстие по центру купола, в большом тазу горел костер, а еще здесь стоял обитый кожей сундук с плоской крышкой. На сундуке и сидел Максар.

— Когда-то в нашем мире водились существа — гентары, — продолжал Эйзикил. — Они напоминали ящеров ростом с человека и ходили на задних лапах. Считается, что они были в какой-то мере разумными — основные конкуренты наших предков. Мы с гентарами воевали, и это длилось долго. У ящеров были огромные гипнотические глаза, они имели привычку перед атакой смотреть противнику в лицо, завораживая его. Так и возник этот, если хочешь, рефлекс берсера: при взгляде в лицо, означающем скорую атаку, сразу атаковать самому.

— Нелепая и глупая легенда, — сказал Максар.

Старик улыбнулся, и бывший командер снова подумал, что Эйзикил напоминает ящера. Но не гентара-воина, чьи изображения бер'Грон видел на фресках Каменного храма, а тощего сайдонского трупоеда.

— Возможно. Но суть ее далеко не глупа. Берсеры отвечают на удар — причем зачастую когда удар противника еще только намечен, но не нанесен. Берсеры не медлят никогда.

— Откуда ты знаешь, что мне нанесли удар? — спросил Максар. Он покинул здание, где расположился бер'Мах, совсем недавно и почти сразу направился к темнику, лишь ненадолго заглянул в свой шатер, чтобы сбросить испачканный черным кремом китель и надеть обычную куртку.

— Я все знаю. Хотя это еще не удар, мастер-командер... ты позволишь по-прежнему называть тебя так? Вернее, удар — но слабый, направленный только в тебя, лишь часть большой продуманной атаки. И я хочу, чтобы ты понял: атакуют весь твой клан. Ведь не думаешь же ты, что Коста решает и действует самостоятельно? Он лишь жалкий сайдонский моллюск. Махи и Гроны — основные игроки в Ставке. У Махов больше людей, к тому же в их командование входит сын Бер-Хана. А сам Бер-Хан стар и болен. Старший его сын погиб на Сайдоне, ну а младшие... ты в курсе, командер.

Два младших отпрыска повелителя Орды были близнецами, которые ненавидели друг друга с самого детства. Один давно ушел в Гильдию, о нем теперь мало что было известно, другой же стал кровным побратимом вождя клана Махов. И теперь Махи ждут, что он займет место Бер-Хана после его смерти. Которую, судя по слухам из Ставки, ждать недолго.

А для Гильдии окончательное воцарение Махов в Ставке будет означать изгнание из

нее.

— К чему ты клонишь? — спросил Максар. После встречи с Костой болела голова, ему не хотелось вникать в околичности и метафоры, которыми любил изъясняться Эйзикил.

Выпрямив ноги, темник протянул руки к костру, потер ладони.

— Ты можешь стать комендантом нового Центавроса, Максар.

— Я осквернен, ты помнишь? И не воином — пеоном. Полурабом.

Старик покачал головой.

— Ты не знаешь, что этот пеон на самом деле — воин, терианский разведчик высокого ранга. Он маскировался. Гильдия заявит об этом. Нет стыда в том, что тебя ранил тренированный терианский берсер.

Максар тронул пальцами повязку, размышляя.

— И когда Гильдия узнала об этом?

— Гильдия, в моем лице, поняла это недавно, по дороге сюда.

— На основании чего сделан такой вывод?

— На основании моих умозаключений.

Согрев руки, темник сложил их на груди.

— Итак, пеон Явсен — один из самых умелых воинов Терианы. Чудовище, свирепый боец, ловкий разведчик, фанатик-еретик, быстрый, как валосская змея, сильный, как ураган в пустыне Гиперии, опасный, как отточенный сигур. И все же, получив рану от этого монстра, этого исчадия черного Межмирья, ты сумел выследить и лично убить его, смыв кровью врага нанесенное оскорбление. А тело мы предоставим.

Темник негромко хлопнул в ладоши.

— И вот — препятствий нет! Ты становишься комендантом, это дает твоему клану власть на Земле. А потом... У Бер-Хана два сына. Один — наш враг. Второй — друг, один из нас, то есть темник, который не может стать Бер-Ханом. Но им сможешь стать ты... при поддержке всех темников Мегалона.

Так в Гильдии называли совокупность миров. И власть над нею — то есть над всеми бесчисленными землями и населяющими их существами — предлагал сейчас Максару старик.

Бер'Грон сжал кулаки, а левый глаз его загорелся тусклым огнем. Эйзикил исподлобья наблюдал за ним.

— Но я лишь капитан, — напомнил Максар. — И настоящий комендант Центавроса...

Темник молчал — очень многозначительно.

— Так ты хочешь... — Максар запнулся и наконец заключил: — Я должен подумать.

— Иди и подумай, но помни, что я сказал: берсеры не медлят. Когда здесь появится Любера бер'Мах, которого Коста позвал командовать земным Центавросом, будет поздно. А Любера прибудет завтра утром... значит, все должно решиться этой ночью. Прямо сейчас.

Максар встал. Откинув шкуру, шагнул из шатра — и едва успел вжать голову в плечи и немного присесть, иначе изогнутое лезвие сигура врубилось бы ему в лоб.

Оно спороло кожу с бритой макушки бер'Грона. Громкий выдох раздался возле уха.

Кинжал был уже у него в руках. Распрямившись, он вонзил клинок в плечо Анги и ударил ее ногой по коленям. Вестница упала.

Из шатра на шум выглянул Эйзикил. Максар схватил смуглое запястье вестницы, вывернул и поставил сапог ей на голову, вдавив в мягкую землю. Анга задергалась, он вывернул руку сильнее — в плече у нее хрустнуло.

— Не шевелись! — приказал Максар. — Сломаю!

Она замерла. По его лбу текла кровь, повязка на лице быстро темнела. Бер'Грон повернул голову к темнику, который с легким удивлением наблюдал за происходящим.

— Это та самая женщина! — понял наконец старик.

— Да, она. — Тут к Максару пришла неожиданная мысль, и он спросил: — Какие отношения у вестниц и Махов?

Эйзикил ненадолго задумался:

— Сейчас они дружат.

Максар схватил Ангу за шею, не выпуская руку из захвата, поставил на колени. Кровь из раны на голове потекла сильнее, он ощутил ее вкус на губах.

— Вслед за умозаключением по поводу пеона Явсена, оказавшегося безжалостным воином-еретиком, — медленно заговорил Максар, — не посетило ли тебя, темник Эйзикил, еще одно прозрение? Что, если Кирта бер'Вог решилаась на свою игру? Я слышал, она хотела стать комендантом земного Центавроса, но уступила это место Косте... что, если Кирта передумала? Что, если она все еще претендует и начала действовать?

Темник молчал, что доставило Максару небольшую радость: впервые он видел растерянность на лице старика.

Он добавил:

— Гильдия ведь не любит вестниц?

И тогда Эйзикил, все поняв, широко улыбнулся.

* * *

— Для меня ты все еще мастер-командер, и я выполню любой твой приказ, — сказал капитан Сафон.

Перевалило за полночь, в лагере было тихо, хотя со стройки доносился шум, голоса, лязг и стук — работы не прекращались ни на мгновение. Шатер, где они находились, стоял под стеной здания, на крыше которого дежурила охрана с пулеметами. На досках посреди шатра был расстелен большой лист с планом этажей того дома, где обосновался Коста бер'Мах.

План этот Сафон добыл с помощью одного из мастеров, руководящих бригадами манкуратов и рабов, а тот отыскал его в комнате с архивами на нижних этажах дома. Склонившись над схемой, Максар сказал:

— Сейчас я не приказываю. Но ты должен знать: если получится — станешь моим первым помощником, комендантом охраны Центавроса. Если нет — умрешь, как и я.

— Я с тобой, — просто ответил Сафон.

Максар внимательно изучал план, водя по нему пальцем. Сафон сопровождал его с самого начала службы в Орде. Капитан всегда был сдержан, дисциплинирован, не улыбочив, в меру инициативен... и лишен каких-либо харизматичных черт. Трудлюбивый молодой служака, неяркая личность, но исполнительен и неглуп. Такие помощники всегда в цене, а особенно если они отличаются верностью.

Он нашел большой прямоугольник, не глядя протянул в сторону руку — Сафон вложил в нее светильник. Тряхнув его, чтобы разгорелся поярче, Максар поставил светильник на край бумажного листа.

— Ты нашел помещение? — спросил Сафон.

— Вот оно. Та дверь, через которую я вошел... а вот еще две. Одна ведет в небольшую комнату, похожую на кладовую, вторая... — Максар прикрыл глаза, вспоминая, — по-моему, она была заколочена.

— А окна?

— Стекла целы, если через окна — их придется разбивать. Поднимется шум, услышат крюкеры. Видишь, из кладовой в коридор ведет еще одна дверь? Сможем пройти тем путем.

Максар выпрямился и повесил на ремень один из сигуров Анги. Он был уверен: не столько избиение на дороге, сколько то, что он забрал у вестницы оружие, стало причиной для этого отчаянного поступка — попытки убить его.

— Их двое, — сказал Сафон. — Двое крюкеров... Я видел: хорошие бойцы.

Рану на голове бер'Грона темник замазал воском, а еще предложил наконец обезболивающее, но Максар отказался: снадобье туманило рассудок. Он взглянул на того, с кем был теперь в одном звании. Капитан не проявлял страха. Молодой воин из Аксалотов — клана, который находился в опале с тех пор, как в Ставке набрали силу Махи. Ему не светило

ничего выше капитанского звания, если в Ангулеме все останется как сейчас. То, что предложил ему Максар, было для Сафона единственным шансом возвыситься.

Также это было очень неплохим шансом погибнуть еще до утра.

— Оружие, отмычки... ты готов?

Сафон похлопал себя по бокам, под курткой его тихо звякнуло.

— Все при мне.

Выходя вслед за капитаном наружу, Максар перекинул через голову ремешок земного автомата. В Орде такого компактного скорострельного оружия пока не было — только громоздкие пулеметы с вращающимися от ручного или электрического привода стволами, слишком тяжелые, чтобы носить их в руках.

— Где вестница?

— Иди за мной. — Сафон через пролом на месте двери вошел в здание, возле которого стоял шатер. По лестнице спустился в подвал, сдвинул засов на двери. Из-под воротников они достали висящие на цепочках шарики, которые замерцали тусклым синим светом, после того как их встряхнули.

В подвале на коленях, нагнувшись вперед, стояла Анга, на которой остались только кожаные бриджи и сандалии. Руки скручены за спиной, от них ремешок идет вверх, к трубе. Кляп вдавлен в рот плотной повязкой, стянутой узлом на затылке вестницы. От узла тугий шнурок протянулся к веревке на руках, из-за этого спина ее была выгнута, а голова откинута назад.

Анга замычала, качая головой из стороны в сторону. На ее плечах и груди темнели засохшие дорожки крови.

Максар не чурался коварства. Когда Сафон, перерезав идущий к трубе ремешок, поднял Ангу на ноги, бывший командер сказал ей:

— Ты можешь выжить и в будущем отомстить мне, если сейчас тихо пойдешь, куда тебя поведут. А станешь сопротивляться, — он вытащил из ножен сигур и показал ей, — этим распорю тебе живот. Ты поняла? Слушаешься — и живешь дальше, чтобы мстить мне, не слушаешься — мучительно умираешь прямо сейчас.

Анга в ответ завращала глазами.

— Думаю, мы поняли друг друга. Веди ее за мной, — Максар отвернулся.

Сафон накинул на плечи вестницы свою куртку и толкнул к двери.

Они прошли лагерь и вступили на бетонную основу будущего Центавроса. В железных чашах на треногах горел огонь. Под наблюдением надсмотрщиков сновали полуголые рабы и манкураты с лопатами, кирками и ломami, некоторые тащили носилки, груженные обломками местных зданий.

Максар, Сафон и вестница подошли к трехэтажному дому в центре бетонного квадрата, но через переднюю дверь заходить не стали — обогнув, проникли внутрь через заднюю. Миновав помещение, пол которого был усыпан битым стеклом и остатками мебели, стали подниматься по лестнице. Анга спотыкалась, Сафон поддерживал ее.

Максар остановился, прислушиваясь. Поврежденная половина его лица и правый глаз ощущали дрожь пространства. Но не такую, какую испускало любое Око, а более глубокую, низкую, тяжелую. Это работал генератор в подвале здания — невидимые потоки энергии расходились от него, питая то, что большинство варханов называли Эгидосом, то есть Куполом, но что в действительности, как однажды пояснил Максару один темник, в языке Проклятых носило имя Эгидорос — Сфера.

Максар повел Сафона и Ангу дальше. Лестница закончилась, свернув направо, они очутились в коротком коридоре.

Осторожно подвигав дверную ручку, бер'Грон шагнул в сторону и прошептал:

— Открой.

Сафон достал отмычки. Когда он отпустил Ангу, она покачнулась — из-за потери крови вестница плохо стояла на ногах. «Удачно, что она совсем слаба, — решил Максар, — сейчас это поможем нам».

Он придержал Ангу. Сафон открыл дверь, они вошли в кладовую со стеллажом, заваленным всякой рухлядью. В стене напротив была вторая дверь, из-под нее в кладовую проникал едва заметный синий свет.

Максар прошептал на ухо Анге:

— Замри — или умрешь.

Он стащил с нее куртку. Сафон достал из кармана масленку с тонким, как игла, кончиком, просунул его в дверные петли, подвигал там, налил масло и в замочную скважину. Спрятав масленку, положил ладонь на дверную ручку и, сжав в другой отмычки, очень медленно стал опускать ее. Тихий щелчок — и дверь приоткрылась.

Капитан убрал отмычки. Видимость улучшилась: в зале за дверью горели два светильника. Сафон оглянулся, Максар кивнул и одними губами бесшумно произнес:

— Готов.

Сафон стал раскрывать дверь дальше, и тут Анга громко замычала. Нагнувшись, прыгнула вперед и головой врезалась в стеллаж.

Что-то с шумом посыпалось. Сафон распахнул дверь, они с Максаром вбежали в зал.

Нагое, заплывшее жиром тело Косты бер'Маха раскинулось среди простыней и подушек, рядом на кровати прикорнул Виха. Он поднял голову. Обежавший кровать Сафон вонзил нож ему в горло, но ординарец успел тонко вскрикнуть.

Коста зашевелился, забормотал. Максар встал над ним, высоко занеся сигур с гербом клана вестниц на лезвии.

Комендант открыл мутные со сна глаза, и тогда Максар ударил. Сигур вонзился в лицо Косты, пробил лоб, переносицу, развалил его голову пополам и остался торчать кверху, словно киль корабля.

Скрипнула дальняя дверь.

Через миг между Сафоном и Максаром воздух прошил алый разряд. Две тени метнулись к ним через зал.

— На пол! — крикнул Максар, вскидывая автомат.

Как бы ни были хороши крюкеры, они не знали этого оружия. Максар дал длинную очередь, перечеркнув пулями дальнюю сторону зала. Упавший за кроватью Сафон бросил гранату и сразу за ней — другую.

Патроны закончились, Максар низко пригнулся. Взрыв, второй... Он вскочил, подняв револьвер.

В синем свете виднелись два неподвижных тела недалеко от края помоста. Когда из-под кровати выбрался Сафон, Максар снял с ремня второй сигур Анги и бросил его на простыни.

— Ударь одного крюкера и оставь в теле другого!

Схватив оружие, Сафон спрыгнул с помоста.

— И принеси мне их разрядник! — приказал вслед Максар.

Он метнулся в кладовую — Анги там не было, ее шаги доносились из коридора. Максар догнал вестницу, которая не могла бежать быстро, схватил и поволок назад. Она мычала, бешено вращая глазами, дергалась, пыталась ударить его ногами. Максар втолкнул ее в комнату, когда Сафон возвращался с разрядником в руках. Один крюкер лежал на боку, второй на животе, сигур торчал у него между лопаток. Вокруг тел расплывались лужи крови, в синем свете она казалась фиолетовой.

Максар взял разрядник, повернул Ангу лицом к кровати и сказал:

— Смотри: это сделала ты по приказу Кирты бер'Вог.

Вестница отпрянула. Максар направил разрядник ей в живот, и Анга зарычала. Ничего человеческого не было в этом звуке — казалось, женщина полностью утратила разум. Налитые кровью глаза выпучились, лицо дико исказилось.

Он выстрелил, потом швырнул оружие в сторону, где лежали крюкеры, и сказал Сафону:

— Никаких следов нашего пребывания не осталось? Сорви с нее повязку, срежь веревку с рук, и уходим.

Он бросил автомат, из которого убил охранников, возле тела вестницы и шагнул в сторону кладовки. Из коридора за дальней дверью уже доносились крики и топот ног.

ЧАСТЬ III СБЛИЖЕНИЕ

ГЛАВА 13

Когда грузовики съезжали с бетонной площадки, в кабинах были только водители, но у ворот в охраняемом периметре гидростанции машины остановились, и в каждую подсели варханы.

Позже грузовики разделились, три поехали к центру города, а два свернули на окраину. Кирилл с Денисом и Мариэной находились в одном из них, том, что двигался первым.

Чуть позже терианка сказала, что они приближаются к варханской военной базе. Услышав это, земляне поспешно сползли с тюков и подняли засов, собираясь раскрыть дверцу грузовика и выпрыгнуть. Мариэна едва убедила их, что делать этого нельзя: варханы в кабине второй машины их увидят и сразу откроют огонь.

Решив не проверять, права спутница или нет, они забрались обратно на тюки, после чего Денис надолго затих. Кажется, происходящее вызвало у него новый приступ паранойи и опять пробудило к жизни идею, что Мариэна — шпионка.

Лёжа в узком пространстве между тюками и крышей кузова, Кирилл придвинулся к решетчатому окошку в борту. Ночь заканчивалась, небо светлело. Два грузовика ехали по земляной дороге между окраинными домами Наргелиса и широкой полосой полей. За полями тянулись горы, и на вопрос: «Что за ними?» Мариэна ответила: «Барбалода» — то есть горы, много гор. И дальше тоже были они, и еще дальше — сплошные «балоды», а потом начиналась «морэма», то есть «мор-эма», не «бар», а именно «мор» — «очень много воды». Море или океан, решил Кирилл.

А что за ним? А слева и справа от гор? — ведь не тянутся же они бесконечно. Этот вопрос он девушке не задал, только подумал, что хотел бы узнать побольше про мир, в котором очутился. Хотел бы путешествовать, исследовать его. Кир чувствовал себя моллюском, который впервые выглянул из раковины и увидел, что за створками, казавшимися ему границей вселенной, на самом деле прячется нечто огромное и неизведанное, и очень интересное.

В шею кольнуло, он приподнялся — из прорехи в тюке торчало что-то зеленое. Кирилл потянул и вытащил стручок вроде горохового. Покрутив его в пальцах, сломал. Внутри белели чечевицы, похожие на очень крупный круглый рис, — наверное, его выращивают крестьяне на полях у озера, а варханы забирают себе часть урожая.

— Кирилл! — позвал Денис, лежащий под другим бортом. — Как долго мы здесь?

— В машине? Примерно...

— Нет, сколько времени мы на Териане?

Кир машинально поднял левую руку, вспомнил, что часы не работают, и поглядел на перстень с циферблатом.

— Часов шесть, по-моему. Никак не могу разобраться с их временем.

— А на Земле за это время прошло больше суток.

Постучав ногтем по перстню, Кир возразил:

— Я до сих пор не уверен, что время идет по-разному. Это плохо укладывается в голове.

— Нет, все так и есть, моя идея все объясняет. И скорость обработки сигналов, и расхождения в развитии цивилизации Земли и других реальностей, и кое-что еще... Ты не заметил одну странность: чтобы открыть купол на Земле, варханам пришлось действовать обходным путем, через землян, забрасывать им информацию, схему генератора. И только потом в пространстве под куполом начали «мерцать» порталы, потому что купол как бы надломил оболочку реальности. Но каким образом, даже имея схему варханов, умудрились построить генератор терианцы — при их-то отсталых технологиях?

— Ну и каким? — спросил Кирилл.

— А никаким, — Денис решительно кивнул. — Они его не строили. Варханы сумели открыть здесь первый портал без всякого купола, переправили на Териану генератор и только тогда включили его. Уверен, на Сайдоне все было так же.

— Но почему же на Земле...

— Да именно потому, что это более старая Вселенная. Время в ней идет быстрее, и она... Какую бы аналогию провести?

— Она как ископаемое яйцо, у которого скорлупа зацементировалась?

— Или кальцинировалась. Снаружи к нам не пробиться, в отличие от Терианы и Сайдона, вот почему понадобилась такая, скажем, научно-техническая диверсия. А ведь осуществить ее было сложно, им пришлось контактировать с Буревым, и это при всем различии технологий... Ты знаешь, что ангулемские компьютеры вообще не строятся? Они выращиваются.

— Не понял, — сказал Кирилл. — Как это, они что, органические?

— Нет, машины предтеч растут из кристаллического ядра с заданными характеристиками, как человеческий плод — из зародыша по заложенным в ДНК кодам. Понимаешь? Это удивительно!

Наступила тишина. Грузовики катили дальше, мерно гудели моторы, за окошком постепенно светлело.

— Это можно есть? — Кирилл показал стручок Мариэне и сопровождал вопрос соответствующим жестом.

Она лежала на боку ближе к кабине и тоже вертела в пальцах стручок. Вместо ответа девушка сломала его, высыпала в рот содержимое и стала жевать.

— Я бы не рисковал... — начал Денис, но Кир уже последовал примеру терианки.

Рис оказался безвкусным, но сочным — такой скорее утолит жажду, чем насытит. Кир вытащил еще пару стручков. Денис, отвернувшись, выглянул в окошко. И резко сел, стукнувшись головой о железную крышу кузова.

— Впереди... Посмотри!

Кир снова придвинулся к решетчатому проему, но увидел все то же самое: поля, ветхие крестьянские домики-башни и горы.

— С моей стороны ничего, — сказал он, поправляя давившую на бедро катану. — Что ты увидел?

— Мне кажется, это та самая варханская база. Дорога поворачивает прямо к ней. Серые дома за оградой, колючая проволока...

— Даже с колючкой? — Кирилл на четвереньках пополз к Денису. — Отодвинься, дай посмотреть.

Он так и не добрался до другого борта — из кабины их грузовика донеслись выстрелы. Стреляли не из скорча, помпового ружья с кривым рычагом, и не из пистолета-дробовика — судя по звуку, это был револьвер.

Машина вильнула. Выстрелы смолкли, зазвучали вновь, но уже снаружи.

— На грузовики напали! — крикнул Денис.

Кирилл бросился в заднюю часть кузова, скатился с тюков. Не обращая внимания на предостерегающий крик Мариэны, поднял плечом засов на дверях.

Сбоку взревели моторы, а прямо за грузовиком раздался взрыв. Машину тряхнуло, она резко затормозила. Кирилла опрокинуло назад, но он схватился за идущий от створки ремень и сумел не грохнуться затылком о пол.

Присев, обнажил катану, толкнул створку и выглянул, выставив клинок.

Двигавшаяся следом машина осталась без передних колес. Помятая взрывом кабина, сильно накренившись, взрыла дорогу, подняла вал земли. Позади на обочине лежал водитель, кажется, выпавший из кабины еще до взрыва, а внутри, за искореженным передним окном, — пара неподвижных варханов.

Сбоку вылетели, круто поворачивая, два небольших грузовика: фары-полумесяцы, узкие кабины, овальные кузова с высокими бортами. Они резко затормозили, распахнулись дверцы, наружу выскочили трое мужчин. Из кузова выпрыгнул тощий человек с всклокоченными белыми волосами.

Поняв, что произошло, Кир сел на краю, свесив ноги, и сунул катану в ножны. Было холодно, он поднял воротник куртки. Раскинувшиеся между Наргелисом и горами поля казались заснеженными, но сейчас стало ясно, что на самом деле они затоплены и поверхность воды схватилась корочкой льда. Через поля к горам вели мостки — дощатые настилы на сваях.

Мариэна, распахнув вторую створку, выпрыгнула на дорогу. Из полутьмы выглянул Денис, левый глаз его нервно дергался.

— На машины напали повстанцы, — пояснил ему Кирилл. — Теперь прятаться незачем, давай наружу.

Когда они выбрались из кузова, Мариэна разговаривала с тощим блондином. Лицо у того было длинное, унылое и какое-то лошадиное, брови и щетина — такие же белые, как волосы на голове.

Двое повстанцев склонились над лежащим у обочины телом, один раскрывал кузов грузовика, еще один залез в кабину через переднее окно и снимал оружие с мертвых варханов. На всех терианцах были плотные шерстяные шаровары и куртки, только на белобрисом — узкие кожаные брюки и кожаный плащ до колен.

Громада Центавроса угрожающе нависала над всей округой. Наступило утро, но гроздь прожекторов на вершине ярко горела. Из-за машины, в которой ехали земляне с девушкой, вышел, сильно хромая, мужчина в комбинезоне и куртке с меховым воротником, и Кирилл узнал водителя, чей горбоносый профиль видел в кабине возле гидростанции. Из кармана на его груди торчала рукоять револьвера, в руке был варханский скорч, на плече висел второй. На штанине под коленом расплзлось темное пятно.

Он оглядел землян, покачал головой и, отвернувшись, захромал дальше. Мариэна поспешила к нему, на ходу крикнув что-то Денису с Киром.

— Просит помочь, — сказал ученый.

— Кому?

— Кажется, этим людям, — он показал на двух повстанцев, которые вытаскивали из грузовика тюки с рисом и переносили их в кузова своих машин.

Кирилл направился к ним, а Денис остался стоять на месте. Мертвого водителя повстанцы тоже положили в кузов. Заглянув во вторую машину, Кир узнал в стоящем там мужчине, который подавал тюки товарищам, Айрина. Тот ухмыльнулся, дружески кивнув, схватил тюк и вручил ему.

— А Багрянец? — спросил Кир. — Леша и Лукан?

— Лукан, Батур, Леша, Багрянец! — с каждым словом Айрин быстро кивал и улыбался все шире. — Мадан, Зента, Виск...

— Этих троих не знаю. Все живы?

— Фсеживи!

— Ты хоть понимаешь, о чем мы говорим? Ну, ладно. — Кир прижал к груди тюк, который оказался не сильно тяжелым, и понес в грузовик терианцев.

С гор дул холодный ветер, облака в небе постепенно расходились. Сдвинув часть бортового ограждения, хмурый горбоносый водитель сидел на краю кузова, Мариэна обрабатывала его рану, а он что-то рассказывал ей, Денису и двум повстанцам. Когда закончил говорить, Денис задал вопрос терианке. Кирилл бросил тюк в кузов и спросил:

— Сейчас едем на их центральную базу?

— Да, в горы, — подтвердил Денис, обхватив себя за плечи и переступая с ноги на ногу. — Тюки надо перенести, все, что влезут, потому что большие машины не проедут. А еще Велен, этот водитель, говорит, что в кабине есть передатчик, и через него варханы, до того как он их убил, связались со своей базой и сообщили, что подъезжают. Надо спешить.

— Ну так помогай.

— Мне нельзя таскать тяжести, слабая спина.

Тощий блондин показал в сторону серых строений, к которым плавно поворачивала дорога, и все посмотрели туда. С десятков разномастных машин двигались от базы, в лучах вставшего над горами солнца тускло поблескивала броня и оружейные стволы. Ушей достиг приглушенный гул моторов.

Тощий заговорил повелительным тоном, и Денис пояснил:

— Это Нардис, командира отряда. Приказывает бросать оставшиеся тюки и уезжать.

* * *

Скрипели уходящие в лед сваи, прогибались под колесами плохо пригнанные доски, ледяные крошки летели из щелей. Держась за борт, Кирилл привстал. В кузове с ним находились Нардис, раненный в ногу горбоносый водитель Велен, Мариэна и Денис, вел машину Айрин. Впереди ехал грузовик, где сидели еще трое повстанцев.

Изо льда вокруг торчали ряды жердей, служивших подпорками для терианского риса. Четыре тачанки и три мотоцикла преследовали машины повстанцев. Еще с базы прикатил броневик, но въехать на мостки не решился, остался на краю поля. Из башенной пушки дважды выстрелили, однако снаряды упали в воду далеко в стороне, и один даже не взорвался.

Велен положил ствол скорча на бортик и начал стрелять, быстро передергивая кривой рычаг. Сзади донеслись ответные выстрелы, пули ударили в заднюю стенку кузова, полетели выше.

Кир присел на корточки, вцепившись в стенку, Денис вжался в мешки, прикрыл голову руками. Мариэна и Нардис держали пистолеты наготове, но не стреляли. Доски под машинами угрожающе трещали — вот-вот какая-нибудь проломится и колесо провалится. Грузовик впереди часто поворачивал, следуя изгибу мостков.

Закрепленный сбоку на цевье плоский магазин опустел, Велен отсоединил его, бросил Мариэне и взялся за второй скорч, висящий на плече. Терианка, подхватив магазин, раскрыла привинченный к борту ящик, заглянула внутрь и что-то прокричала.

— Таких патронов нет! — перевел Денис, не поднимая головы.

Велен снова открыл огонь, и первая тачанка преследователей слетела с мостка. Пробив ледяную корку, она воткнулась в землю — то есть в дно мелкого озера, которым на самом деле оказалось поле.

Другие машины продолжали погоню. Город с огромной пирамидой отодвинулся, горы приближались. Взгляду открылось ущелье, к которому вели мостки. Нардис заколотил кулаком по крыше кабины и, когда из бокового окошка высунулся Айрин, прокричал приказ.

Один за другим машины нырнули в ущелье. Звуки стали гулкими, рев моторов, отражаясь от близких склонов, оглушал. Ущелье изогнулось — и грузовик круто затормозил.

— Что вы делаете?! — завопил Денис.

Скинув плащ, Нардис перепрыгнул через борт и побежал по ущелью назад. Прежде чем он выскочил из кузова, Кир разглядел на жилетке терианца торчащие из кармашков бледно-желтые бруски, висящие на карабинах катушки и мотки провода.

— Нардис — тонтохон! — объявила Мариэна. — Тонто гуляма хон.

— Не могу перевести, — признался Денис.

Передний грузовик скрылся из виду в глубине ущелья.

Девушка, Велен и высунувшийся из кабины Айрин направили стволы пистолетов в сторону, где исчез командир отряда. Там нарастал шум моторов: варханские машины преодолели мостки.

Кирилл предположил:

— Может, «тонто» — это взрывчатка? «Хон», я помню, значит «мужчина», а «тонтохон» тогда — подрывник?

Нардис показался вновь, он бежал, словно страус, далеко выкидывая длинные ноги, и сматывал с руки лохматый шнур. Остановился. Блеснул нож, конец шнура упал на землю.

— Айрин, вача! — закричала Мариэна.

Шум моторов стремительно приближался. Грузовик дал задний ход, надвинулся на присевшего Нардиса. Тот поджег конец шнура, выпрямился и подпрыгнул.

Он еще перекидывал ногу через заднюю стенку кузова, а грузовик уже рванул вперед, и командир отряда не слетел обратно на камни только потому, что Кирилл с Веленом схватили его за плечи.

Машина понеслась по ущелью, а в обратную сторону по шнуру побежал огонек. Спустя пару секунд после того, как он исчез за поворотом, там рвануло.

Грохот осыпающихся камней догнал грузовик. Склоны разошлись, и машина выехала в узкую долину, по дну которой бежала вода. Айрин снова высунулся из кабины, тяжело дышащий Нардис показал вперед и приказал: «Вида!» Ухмыльнувшись, Айрин кивнул, дал протяжный гудок и стал догонять первый грузовик, уже достигший середины долины.

За ней снова было ущелье, потом широкая каменная тропа вдоль крутого скоса, расселины, другие долины, склоны, небольшие водопады, пологие и крутые вершины...

Солнце почти достигло зенита, заметно потеплело. Наргелис остался далеко позади, когда до машин долетел рокот винтов.

Обернувшись, Кирилл из-под руки поглядел в небо. Низко над вершинами показался гранч. Еще две машины возникли далеко слева, разлетелись в стороны и пропали за горами, а этот начал снижаться, двигаясь прямо за грузовиками.

— Они нас заметили! — ахнул Денис. — Стреляйте по нему!

Но вместо того, чтобы дать команду открыть огонь, Нардис вновь заколотил кулаком по крыше кабины, и грузовик резко увеличил скорость. Другая машина тоже поехала быстрее.

Они двигались по самому краю полого длинного скоса, покрытого буро-зеленой подстилкой бархатистого мха. Справа была далекая вершина, а слева неглубокая прямая ложбина, в которой бурлила горная речка. С другой стороны ложбины высился отвесный склон второй горы.

На пути грузовиков торчали несколько толстых «пальцев» в человеческий рост и выше, залепленных мхом. Машины, увеличивая скорость, приближались к ним, гранч их нагонял.

Все присели под бортами, только Нардис перегнулся через переднюю стенку кузова и занес кулак над кабиной, наблюдая за самолетом.

Тот был уже совсем близко, Кир хорошо различал заостренный фонарь кабины и два силуэта за ним. Снизу виднелись узкие стойки шасси, под крыльями висели четыре пузатые бомбы, а из-под фонаря вперед торчал ствол пулемета.

Нардис саданул кулаком по кабине за миг до того, как преследователь начал стрелять.

Грузовик резко свернул вверх по склону. Цепочка разрывов потянулась между оставшимися на мху колями. Пули, пройдя мимо, накрыли первую машину, вбили в дно кузова сидящих там терианцев, размолили кабину, пошли дальше...

Один из мшистых «пальцев» впереди выстрелил.

Самолет к этому времени, опередив грузовики, летел в опасной близости от склона. «Палец» плюнул в него огнем — и фонарь гранча разорвало. Дым вместе с языками пламени плеснулся из кабины.

Гранч завалился на правое крыло, пилот попытался выровнять его, но тут шасси взрыли мох, оставляя позади темно-зеленый шлейф. Одну боковую стойку вырвало из крыла. Взлетев, распались на части шасси — колеса, похожие на черные спасательные круги, выскочили из рамы и заскакали по мху.

Машина варханов пронеслась еще несколько метров вдоль ложбины и зацепила крылом последний «палец». Ее развернуло на девяносто градусов, хвостом к вершине пологой горы. Гранч заскользил вниз по склону — и, провалившись носом в ложбину, замер с нелепо задранной хвостовой частью.

Едва не опрокинувшись, грузовик встал, все полезли наружу. Мариэна с Веленом поспешили ко второму грузовику, дымящемуся на краю ложбины, за ними последовал выскочивший из кабины Айрин. Денис осторожно выглянул, но пока предпочел остаться внутри, а Кирилл и хмурый Нардис, спрыгнув на склон, пошли к самолету. По дороге остановились возле сбившего гранч «пальца».

Тот был широкий у основания и плавно сужающийся кверху. Кир подцепил лоскут мха, приподнял, будто портьеру, и заглянул под него.

Подо мхом обнаружилась засохшая твердая глина, скрученная прутиками, которые переплетались, как в корзине. Похоже на брошенный термитник или муравейник, бывшее место жительства каких-то терианских насекомых. Внутри повстанцы устроили огневой «секрет». У основания глиняной «корзины» был пролом, за которым на высоком табурете сидел шуплый паренек с волосами до плеч. Его было хорошо видно в широкие прорехи между глиняными прутьями — зажав между коленей винтовку, он вставлял в ствол бутылку с желтой жидкостью. У Кира перед глазами так и замелькали «папки» из его «Кубышки»: «оружие», «боеприпасы», «партизаны»... Такими бутылками можно стрелять, используя холостые патроны. На Кубе это практиковали, нужна еще особая металлическая приспособа, желательно латунная, да резиновая прокладка к ней. Ну и запальный шнур. И этот с любопытством глядевший на Кира совсем молодой пацан исхитрился все рассчитать, вовремя поджечь шнур — и одним выстрелом сбить самолет!

У ног стрелка лежал раскрытый вещмешок и железный ящик, из которого торчали горлышки бутылок. Нардис отдал юному повстанцу какой-то приказ и направился к самолету, покачивая револьвером в руке. Кир, на всякий случай достав «Короля Джунглей», метнулся за ним.

В разбитой кабине были двое, один — сильно обожженный и со свернутой набок шеей, а второй еще живой, он громко стонал, пытаясь освободиться от ремней. На вархана пилот был совсем не похож: волосы белые, как у Нардуса и Батура, лицо круглое, кожа светлая.

— Сайдонсо, — произнес командир отряда, спрыгнув в ложбину.

Вода хлопотала у камней, в которые ткнулся нос самолета, брызги залетали в кабину через разбитый фонарь. Терианец выломал искореженную крышку бокового люка, сунулся внутрь, ножом обрезал страховочные ремни и выволок раненого пилота. У того были раздроблены пальцы на левой руке, вывихнуто плечо, лицо посечено осколками. Пилот застонал, потом заплакал от боли, но Нардис не ведал жалости. Сорвал с врага патронташ, кобуру, поставил на колени и направил револьвер ему в лоб. Пилот что-то залепетал. Пряча нож, Кирилл отвернулся. Он понимал, что происходящее неправильно, что так не должно быть, но не чувствовал себя вправе вмешиваться, потому что находился в чужом мире, обитатели которого много чего натерпелись от захватчиков. Может, у этого унылого тощего «тонтوخона» с лошадиной мордой они перебили всю семью. А может, у него никогда не было семьи, и ему просто нравится убивать.

Выстрел, шуршание мха, плеск... Когда Кир повернулся, Нардис, чье лицо оставалось таким же мрачным и слегка отрешенным, уже сбросил мертвого пилота в воду. Он повесил патронташ на плечо, кобуру сунул под плащ и шагнул к крылу. Быстро осмотрев механизм

бомбомета, провел ладонью по тонкому рычагу, уходящему через отверстие внутрь крыла, и направился к задранной наискось в небо хвостовой части. Поманил Кира.

— Что? — спросил тот, встав возле Нардиса под треугольными стабилизаторами.

Вместо ответа терианец, подняв руки, ухватился за них.

— Думаешь, сможем? Он же тяжелый, наверное. Или там только дерево да алюминий какой-нибудь?

Кирилл был пониже Нардиса, пришлось подпрыгнуть. Когда он повис на хвосте, терианец потянул, и они медленно перевернули машину. С трудом, скользя подошвами по мху, оттащили от ложбины, после чего Нардис снова сунулся под крыло и занялся бомбой.

К ним подошли Мариэна и Велен с Айрином, по лицам которых было ясно, что все повстанцы из второго грузовика мертвы. Появился и Денис, он часто поглядывал на небо — не летят ли другие самолеты. Нардис с Айрином осторожно положили освобожденную из захвата бомбу на мох, и командир отряда показал в ту сторону, где ложбина с речкой уходила вглубь под отвесный склон. Там темнел зев пещеры.

Мужчины заговорили. Денис, заметно побледневший после того, как увидел кровь в кабине гранча, перевел:

— Кажется, к ним еще ни разу не попадал самолет, они хотят его починить. Но для начала — спрятать в той пещере, пока не нагрянули другие.

— И мы там спрячемся?

Денис перевал вопрос Мариэне и, когда она ответила, сказал:

— Нет, нас срочно ждут на базе.

Затарахтел мотор, и на склоне показался трехколесный мотоцикл, на котором ехала уже знакомая парочка: обритая женщина с косой на затылке и краснолицый толстяк, те самые, которые встретили землян вместе с Луканом, Айрином и Батуром посреди Дикого города. Быстро подкатив к самолету, мотоцикл остановился, терианцы слезли с него, не выключая двигателя, заговорили с Нардисом.

В результате короткого обмена репликами эти двое пошли к самолету вместе с Нардисом, а Мариэна запрыгнула на мотоцикл и показала Киру с Денисом на сиденье позади.

— Далеко база? — спросил Кирилл, садясь за девушкой.

Ответив, она стала разворачиваться. Денис пояснил:

— Прямо за этим склоном.

ГЛАВА 14

— А, ботаны! — приветствовал их Багрянец и так хлопнул Кира по плечу, что у парня подогнулись ноги. — И ты жив, лаборант? Ну, привет!

Денис, который снова стал прежним, чопорным и сдержанным, уклонившись от руки Павла, строго сказал:

— Я давно не лаборант.

— Ну-ну, Эйнштейн. Как дела, как добрались?

— С приключениями. — Кир огляделся. — А вы?

Они оказались в просторном круглом помещении, стены и покатый свод которого были выложены из камней. Это место находилось в верхней части большой угольной шахты, выработанной терианцами еще до начала Нашествия. Приземистый купол над шахтой давным-давно засыпало землей, там росли мох и кустарник, и с разведывательных гранчей он был незаметен — найти шахту можно, только если знать, где она.

Павел вышел встречать их вместе с двумя молодыми повстанцами. Над зевом шахты было закреплено колесо с тросом — когда-то с их помощью подымали корзины с углем. По стенам центрального ствола спиралью шла прорубленная в камне лестница.

— Все целы, — ответил на вопрос Багрянец. — Лукан, Айрин, Батур, Зента с Виксом, Мадан...

— А последние трое кто такие? — спросил Кирилл.

— Виск — такой жирный с красной рожей, Зента — баба стриженная, с косичкой. Помнишь их, они на тракторе с рогами раскатывали? А Мадан — это один из механиков с той базы. Он нас уже на другом берегу догнал — сказал, вплавь речку переплыл. А она ж ледяная! Морж, ёксель. Ну, пошли.

Спускаясь, они миновали нескольких идущих в стороны от центрального ствола коридоров, озаренных синими светильниками и огнем, горящим в железных чашах на треногах. Из глубины коридоров доносились голоса и звук шагов.

— Мне необходимо поговорить с Омнием, — заметил Денис. — Как можно быстрее. Полагаю, нам много что есть друг другу рассказать.

— Да он вас ждет уже давно, — согласился Багрянец. — Я ж вас прямо к нему и веду.

— Но вначале необходимо помыться.

Павел хмыкнул:

— Может, еще побриться хочешь? Они тут многие с усами, но бритвами все равно пользуются, конечно. Я уже разжился, одолжу тебе, лаборант, ладно уж. Вам выделили комнатенки рядом с моей, туда сначала забежим. У них отопление — печки угольные. Уголь-то еще остался, для серьезной выработки маловато, а на местные нужды хватает. С водой горячей, правда, напряженка, в котлах греют, но побриться сможешь. Только не тяни, Омний, говорю, ждет вас, а он такой, у-у... — Багрянец помахал рукой. — Мощный такой старикан, отец этого... терианского повстанчества. Это не я, так товарищ полковник наш выразился, ага.

— Как Леша? — спросил Кир, и Багрянец сразу погрузнел.

— Плохо ему. Нам же в городе, пока сюда добрались, и пострелять пришлось, и побегать. Ну и одолело его под конец, уже здесь, в горах. Слег теперь. Про тебя, Кирилл, все спрашивал.

— Тогда надо сначала заглянуть к нему, — решил Кир.

— Ну, смотри, если так, то нам в этот коридор. Эй, братаны, проведите лаборанта к моей пещере. Слышь, Деня, бритва там на сундуке лежит у входа, а вода — в бочонке на полке, крантик в нем открываешь, она в таз льется.

Багрянец показал терианцам на Дениса, потом на ведущую дальше лестницу. Втроем они пошли вниз, а Павел с Кириллом свернули в коридор.

— Слишком тут много всего, — заметил Кир. — Откуда в угольной шахте такие коридоры?

— А ты узоры на стенах, что ли, не заметил? — спросил шествующий впереди Павел. — Эти...

— Барельефы?

— Да-да, рельефы. Короче, мы так с полковником поняли, что до шахты тут храм был. Здоровенный такой древний подземный храм, где местные всяким истуканам молились. Некоторые рельефы лучше сохранились, я рассмотрел — такие странные!

— Какие местные — мангулы, что ли? Но я понял из рассказов, они совсем дикие и неразвитые.

— А может, раньше развитее были, как какие-нибудь хреновы ацтеки? Или, может, тут другой кто жил в старину? В общем, шахту терианцы на месте храма устроили. А теперь вот и базу свою. Ладно, пришли.

Коридор закончился деревянной дверью, где был выжжен рисунок — сердце внутри треугольника.

— Это у них знак медицинский, лазарет то бишь, — пояснил Багрянец, переступая с ноги на ногу перед дверью. — Я дальше не пойду. Мне... ну, жалко старика. Ладно бы кто другой, а Леша такой боевитый — полковник, эх... Как посмотрю на него, так потом депресняк, напиться охота. Иди сам, в общем, а я здесь подожду. Только ты недолго, минуточку — и все, ему пока лучше не напрягаться, пусть отдыхает, да и ждут тебя.

Не дожидаясь ответа, Багрянец толкнул дверь, впихнул Кира внутрь и сразу прикрыл ее.

В длинной пещере стояла пышущая жаром печка и десяток коек. Занята была только одна — на ней полусидел, привалившись к подушке, Леша. Он был до пояса укрыт одеялом, рубашка расстегнута, на впалой груди в зарослях седых волос поблескивал крестик. Над чашкой на большом камне, заменяющем прикроватный столик, поднимался парок.

— А, Кирюха! — задрезжал Леша, подняв в приветствии сухую ладонь. — Павел сказал, что вы живы, но я тебя увидеть хотел. Садись давай. Нет, на табуретку у стены не надо, у нее ножка подломана — Павлуха сел недавно. На кровать садись, вот так.

На шее старика была повязка. Заметив взгляд Кира, Леша потрогал ее и пояснил:

— Компресс наложили из каких-то местных травок. Помогает, ты знаешь, гораздо лучше себя чувствую. Как вы, без потерь добрались? Деня в порядке? И барышня та сердитая?

— Все целы, — сказал Кирилл.

— А что ж так долго?

— Мы плыли по реке, потом через гидростанцию. У них большая плотина выше по течению, от нее ехали в грузовике, прятались в кузове.

Леша уселся ровнее.

— Зиккурат этот, Жилище Богов, рассмотрели, а? Вот домина! Павлуха все надивиться не мог, так и паялился.

— Большой, — согласился Кирилл. — Леша, я не могу здесь долго оставаться, Багрянец сказал, что меня ждет Омний.

— Да, Омний. И мне к нему надо, ведь важный же разговор.

— Тебе, наверное, лучше пока лежать.

— Не собираюсь я лежать! — возмутился старик.

И закашлялся.

Он сполз головой на подушку, маленький и жалкий, со сморщенным личиком и пятнышками старческой пигментации, просвечивающими сквозь седые волосы, зажмурился, обхватив шею, из глаз потекли слезы. Кашель раздирал его, плечи содрогались, дергались ноги под одеялом. Наконец он затих. Кирилл сидел молча. Сухие, в мелких трещинках губы шевельнулись, и Леша тихо сказал:

— Мне бы до конца всего этого дотянуть.

— До конца чего?

— Оккупации, Нашествия. Увидеть, что купол исчез. Дни мои сочтены, Кирюха, но не могу же я умереть до того, как с варханами на Земле разберемся. Это теперь главное дело моей жизни — надо его до конца довести.

Он повернулся, упираясь в подушку локтем, приподнялся и сел.

— Ты бы лучше лежал, — сказал Кир.

— Да чего там лежать, чего лежать! — дребезжание Леша вновь набрало силу. — Целая вечность впереди, только и будет дел, что лежать да червей кормить, а сейчас бороться надо, а не в больничке кончатся. Пока еще могу что-то делать — надо делать! Жизнь одна, и прожить ее надо так, чтобы другим было что о тебе вспомнить.

— Да наплевать, будут о тебе вспоминать или нет, ты ведь этого не уже узнаешь.

— У нас с тобой, Кирюха, разная философия. Дай-ка мне...

Он показал на камень, заменяющий прикроватный столик. Кирилл протянул старику чашку, тот трясущимися пальцами обхватил ее, хлебнул горячий настой, от которого пахло травами. Поперхнулся, тяжело сглотнул и поставил чашку обратно.

— А ты, Кирилл, как-то веселее, что ли, выглядишь. Расцвел, заколосился. Такое у тебя лицо.... вроде смысл жизни обрел, а?

Дверь приоткрылась, заглянувший Багрянец одними губами сказал: «Выходи».

— Ладно, ступай, Кирюха. Иди к Омнию, он тебе что-то важное скажет, я позже подтянусь.

— Он что, русский знает? — спросил Кирилл, вставая.

— Ну а как же. Он же постоянно с айзенбаховыми людьми по передатчику этому...

Наши там, кстати, живы, слышал уже? Живы! С отрядом повстанцев, который в Москву попал, сошлись, место интересное под базу себе приглядели на краю Подольска. Мне Павлуха недавно докладывал. Ладно, иди, иди. А я еще немного полежу и тоже пойду, увидимся скоро. Павлуха, как проведешь Кирилла — дуй сюда, слышишь?

— Слышу, — донеслось из коридора.

Когда Кирилл вышел, Багрянец прикрыл дверь и озабоченно сказал:

— У нас тут ЧП, блин. Ладно, пошли.

Он быстро зашагал по коридору. Кирилл, догоняя его, спросил:

— Какое ЧП?

— Мадан пропал.

— Какой... а, тот механик с малой базы, который переплыл за вами речку?

— Во-во. Исчез хлопец, только что хватились — нет нигде. Что это значит?

— Что он — варханский шпион? — предположил Кир.

— Оно самое и значит. И не переплыл он речку, а на катере они его тогда подвезли, и потом он нас догнал. Местные теперь за ним в погоню собираются, пятью группами.

— Но зачем ему было убегать, почему по радио не связался с варханами?

Павел ответил, сбегая по ступеням центральной лестницы и поворачивая в очередной коридор:

— Не-ет, здесь так не выйдет, тут передатчики — и тот, что для связи с Землей, и обычное радио, — под охраной. Рядовой повстанец к ним просто так не подойдет. Выходит, Мадан, когда понял, что по радио никак с хозяевами не связаться, дал деру, чтоб в город вернуться и сообщить, где база. Мне это Лукан вот сейчас сказал, они с Айрином и Батуром наверх шуровали. Если по горячим следам предателя не догонят — базу надо срочно эвакуировать. Ну вот, тебе сюда.

Они далеко отошли от центрального ствола — воздух стал спертый и сырым, смолкли наполняющие шахту гулкие звуки. Коридор закончился железной дверью, размерами больше напоминающей створку ворот, даже с калиткой. Багрянец поднял кулак, чтобы постучать, но не успел — калитка раскрылась.

За ней стоял Денис. Он успел помыться и причесаться, хотя не побрился, и напоминал теперь себя прежнего: прямая спина, расправленные плечи, скупые сдержанные движения.

— Ладно, иди, а я к полковнику вернусь, — напутствовал Багрянец.

Открывшаяся взгляду пещера оказалась самой просторной из всех, что Кирилл здесь видел. Пол был затянут кожей, три стены и свод — покатые, а дальняя — прямая. В ней была вторая дверь, поменьше, но тоже железная.

— Осмотрись, — предложил Денис, отступив в сторону.

У одной стены — стеллаж с инструментами, половину которых Кирилл не смог опознать, у второй ящики и столы. Над ними ярко светила толстая стеклянная спираль, закрепленная на кронштейне, провод от нее спускался вниз, шел по полу и нырял под шкуру, закрывающую проход в боковое помещение.

Вытащив из коробка спичку, Кир сунул ее в зубы и медленно пошел через пещеру.

В центре ее поблескивало металлическими частями устройство, напоминающее мобильный ворсиб, похищенный повстанцами у варханов и тут же снова потерянный. От него к трещине в каменном полу шел толстый кабель. Колес и квадратной кабины нет, с одной стороны торчат железные «бивни». Между их загнутыми концами — метра два, и Кир живо представил, как в том месте проскальзывает зеленый разряд, похожий на светящуюся дымовую струю, а после возникает портал.

С другой стороны машины был уродливый нарост, состоящий из выпуклых потеков металла. Сквозь дыры из корпуса торчали скрученные жгутами провода, между ними мерцал бледно-синий свет, он угасал и разгорался. Машина едва слышно гудела, а еще — мелко дребезжала, и все это выглядело как-то подозрительно, а уродливый нарост напоминал злокачественную опухоль.

Возле нароста Кирилл заметил железный колпак с лампочкой и единственной кнопкой.

В одном месте он прилегал неплотно, Кир заглянул под него — внутри прятались красные проводки и три скрученные проволокой динамитные шашки.

— Взрывчатка? — спросил Кирилл, обходя машину. — Зачем к ворсибу прикреплена взрывчатка?

Денис промолчал, и он добавил тихо:

— И не опасно такой агрегат включать?

Вторая дверь оказалась не заперта, за ней был балкон из вбитых прямо в склон балок и поперечных прутьев, высоко прилепившийся к отвесному склону. Далеко внизу, в маленькой долине, со всех сторон окруженной горами, бурлила речка. Вправо от балкона уходила широкая каменная тропа.

Порыв холодного ветра растрепал давно немытые, висящие сосульками волосы Кирилла. Попятившись, он закрыл дверь.

— Где Омний?

— В помещении за этой шкурой, — ответил Денис. — Мы успели немного поговорить, и вот что стало ясно: нам обязательно надо запустить вирус в Святую Машину, то есть большое порталной устройство, центральное на Земле. Только это остановит варханов.

— Центральное? — повторил Кирилл. — Это то, которое создал Буревой?

— Нет, он построил генератор, порталная машина — это другое. «Машина», «устройство» на лингвейке — «сиб», и у Святых Машин оно превратилось в имя собственное. Насколько я понял, пока что существует всего три Сиба, каждый поддерживает большой портал внутри одной из пирамид: на Териане, в Сайдоне и Ангулеме. И прямо сейчас на Земле растет еще одна машина.

— Растет? Что значит... А, ты же говорил, что их компьютеры выращиваются.

— Именно так. Идем, сам увидишь.

За шкурой оказалась пещера поменьше. В круглом бассейне, заполненном похожим на ртуть веществом, стояло серебристое устройство, формой напоминающее письменный стол, но с большим выступом посередине. На выступе светился монитор, по которому справа налево, оставляя за собой светящиеся шлейфы, ползи незнакомые значки. Из «стола» под монитором выступали округлые бородавки, и Кирилл с удивлением понял: это клавиатура.

От бока машины тремя дугами шли толстые серебряные провода — а может, прутья, — соединяющие его с другим устройством, в форме чечевицы и размером примерно с человеческую голову. Оно лежало на грубо отесанном каменном «барабане».

Возле бассейна, спиной ко входу, стоял высокий мужчина в черном комбинезоне с белыми лампасами. Услышав шаги, он обернулся. С виду ему было не больше пятидесяти — крупный, широкоплечий, темные длинные волосы с сединой, остроконечная борода. Оглядев гостя с ног до головы, он произнес густым баритоном: «Кир-Ил? Я — Омний» — и медленно пошел вокруг бассейна.

— Не удивляйся, — тихо сказал Денис за спиной Кира. — Он такой... неконтактный. Сложный человек.

— На этом компьютере и был написан тот вирус, который я не сумел запустить в машины Буревой? — спросил Кирилл.

— На другом, похожем. И написан, и закодирован так, чтобы мы на Земле могли перекодировать его и записать на наши винчестеры. — Денис поставил ногу на идущую от края бассейна к машине широкую доску. Она лежала прямо на наполняющем бассейн «жидком металле». — А это новый, более мощный компьютер, выращенный Омнием. На нем он создал другой вирус, «Скерлагос-2». Он говорит...

— Яд порталов, — произнес Омний, успевший обойти бассейн кругом, и плавно, почти величаво повел рукой в сторону «чечевицы» на каменном столе. — Трое мы, должны взять. В Земла-Центаврос с ним, включить в Сиб. Пустить «Скерлагос». «Скерлагос» отравит Кольцо. Так!

Он кивнул, словно ставя жирную точку. Голос у беглого пеона был раскатистый, речь — неторопливая и уверенная и оттого звучащая очень веско, внушительно. Кир искоса

разглядывал Омния. Поросшие волосами крупные руки, большие ладони, сильные пальцы, толстая шея... Нос, скулы, глаза — все у него было большим. Здоровый мужик, хотя и не такой великан, как, например, Багрянец — но казалось, что Омний занимает гораздо больше, чем Павел, места в пространстве. И, наверняка, в головах других людей.

— Кольцо? — спросил Кир у Дениса.

— Наверное, трудно все это сразу осознать, но я постараюсь объяснить. Надеюсь, что понял Омния правильно. Миры, или реальности, складываются в Системы. Системы миров. Наша Система, кажется, состоит из четырех: Ангулем, Сайдон, Териана и Земля. Сибы, то есть Большие Портальные Машины, уже работающие в трех реальностях, соединены. Но не закольцованы. Если Сиб, который растет сейчас на Земле, включится, если там заработает портал, то наша Система миров замкнется в кольцо. Ток энергии между центральными порталами станет цикличен, вархаманам не надо будет питать их...

— А они питают? — спросил Кирилл.

— Не перебивай меня, пожалуйста. Да, постоянно. Причем проход через портал какой-то массы вызывает всплеск энергопотребления, прямо пропорциональный количеству массы. Но замкнутые в кольцо главные порталы станут самоподдерживающимися. Если Кольцо возникнет, можно будет пересылать какую угодно массу в любую сторону — к примеру, из Ангулема напрямик на Землю, минуя Сайдон с Терианой, надо только переключать режимы Сиба. Кроме того, этой же энергией можно питать и купольный генератор. Вархаманы смогут по своему усмотрению менять диаметр земного купола, который на самом деле является сферой. Ты понимаешь? Они резко увеличат ее так, что она включит в себя всю планету. На Земле выйдет из строя вся более-менее сложная электроника, рухнет интернет, отключатся спутники, могут самозапуститься ядерные ракеты... Я не знаю, что еще произойдет. Вархаманы устроят планетарный хаос и снова уменьшат сферу. Через портал загонят туда свои войска, технику — и опять начнут расширять, но уже постепенно, захватывая новые территории. Если позволить им открыть большой портал на Земле, Орда вскоре захватит всю нашу Систему.

— И чтобы избежать этого, надо инфицировать земной Сиб?

— Да, между Сибами есть какая-то тонкая связь. Если запустить сложный метавирус в земную Машину после ее включения, он разойдется по всему Великому Кольцу, как его называют вархаманы, или по телу Бузбароса, и все Сибы... умрут. Омний использовал именно это слово: «бер» — «смерть».

Пока Денис говорил, пеон встал сбоку от Кирилла, испытывающе глядя на него. Кир хорошо ощущал этот взгляд. Было очень неудобно, но он не поворачивал головы.

— То есть сначала Кольцо обязательно должно замкнуться? Но это ведь очень опасно, вархаманы устроят на Земле электронный апокалипсис.

— И все равно вирус должен быть загружен после включения Кольца.

— А это что? — Кирилл показал на «чечевицу», соединенную проводами-прутьями с компьютером в бассейне.

— Аналог нашего ноутбука. Омний научит нас работать на нем. Хотя бы на самом простом уровне, достаточном, чтобы подключить ноутбук к Сибу и загрузить «портальный яд».

— Ваши друзья, — вмешался Омний, — необходимы помочь. Необходимы... Должны помочь.

— Поможем! — раздалось от двери.

Леша с трудом переставлял ноги, ухватившись за плечо смущенного Багрянца.

— Поможем, а кто же еще, если не мы? Хотя я не на Земле сейчас, но парни все сделают, а я им посоветую, как и что, если надо будет. Связь-то теперь есть у нас.

— Связь есть, но нет возможности попасть на Землю, — возразил Кирилл. — Мобильную порталную машину вархаманы вернули себе.

— Ринчи, — произнес Омний. — Один деталь. Последняя. Надо срочно — ворсиб работать.

— Омний долго строил свою порталную машину, — пояснил Денис. — Ворсиб почти готов, ты видел его в той пещере, но не хватает важного узла, который никак не создать в этих условиях. Сейчас пространство под земным куполом успокоилось, и новые мерцающие порталы перестали возникать, а старые почти все погасли. Поэтому единственный шанс переправить нас обратно — украсть «ринчи». Я перевел это слово как «почка». Или «фильтр». У Омния все готово, дело только за этим.

— Вот и займемся. — Леша, отпустив плечо Багрянца, шагнул вперед. — Я в себя пришел, так что добудем этот фильтр, никуда от нас не денется. Главное, план продумать, организовать все — и вперед! Где варханы запчасти для ворсибов держат?

Кирилл не слушал — он в упор смотрел на Дениса. Ученый заметно побледнел, у него снова подергивался левый глаз.

— Что? — спросил Кир. — Нет, подожди, я сам догадаюсь. Эти «ринчи» спрятаны в...

Денис перебил дрогнувшим голосом:

— Да, они именно там, и никто из терианцев понятия не имеет, как туда проникнуть. Они утверждают, что это вообще невозможно.

ГЛАВА 15

— Сам же говорил: «Укусит и убежит — в этом суть партизанской работы», — напомнил Лабус, не отрываясь от прицела СВД.

— Сколько их? — Игорь поднял бинокль.

— Десять человек, три подводы, мотоцикл.

— А нас только трое.

— Но пятеро там гражданские, а одна так и вообще женщина.

Они лежали на дырявой крыше остановки пригородных автобусов, возле старой асфальтовой дороги, идущей через поля. По ним ползли тени облаков, дул прохладный ветерок. Солнце клонилось к домам Климовска, видневшимся в нескольких километрах справа. Москва и Подольск остались за спиной, карта показывала, что впереди — закрученная «бабочкой» эстакада, где Симферопольское шоссе пересекает Малое Московское кольцо. Еще там деревни Мотовилово и Гривно, а справа, за шоссе, Харитоново.

Оттуда и двигался обоз. Игорь внимательно изучил его в бинокль: три запряженные рогачами телеги, груженные мешками, корзинами и коробками. На передней, вместе с бородатым мужчиной, ехали двое варханов. Еще один, с красной сержантской полоской на предплечье, — на следующей, с ним сидели молодой парень в джинсовом костюме и полная женщина в красном платье и платке. На последней телеге находились двое мужиков рабочего вида, в синих спецовках, а позади всех на мотоцикле с коляской тряслись еще двое варханов.

— Мотоцикл обычный, земной, — заметил Лабус. — У стрелка в коляске ПК, у второго... ага, это варханский помповик. Слышал, как они его называют? Скорч. Так, что еще... у одного на первой телеге на коленях лежит АК. А у сержанта разрядник и... ты глянь, «бизон»!

Игорь сделал знак Курортнику, прячущемуся в кроне дерева на другой стороне дороги, и тот спустился. Пригибаясь, перебежал полосу асфальта и забрался на крышу остановки.

— Рассмотрели? — спросил он.

— А то! — Лабус оторвался от прицела. — В мешках у них картошка, нюхом чую. И в корзинах рыба лежит. Тут же пруды неподалеку. Еще несколько корзин ягодами набиты и грибами, и банки стоят под бортиком — соленья. Это дань, варханы в Подольске все магазины обчистили, теперь по окрестностям собирают. Я капитану предлагаю, а он не хочет...

Костя, ухмыльнувшись в усы, замолчал, когда Игорь поднял руку. Оба спеца сели потурецки лицами к нему.

— Слушаем со вниманием, — кивнул Лабус.

Сотник сказал:

— Алексей, возвращаешься к дереву, прячешься за стволом. Костя, работаешь с СВД отсюда. Я — снизу, из-за остановки. Ждем момента, когда подводы будут метрах в десяти от нас. Костя, берешь на себя сержанта, потом помогаешь нам, если понадобится. Я кидаю гранату в мотоцикл, снимаю пулеметчика и второго. Алексей, на тебе первые двое. Гражданских постарайтесь не зацепить.

— Это само собой, — кивнул Лабус. — Хотя в бою всякое бывает.

— Нет, ты не понимаешь, — Игорь отщелкнул магазин АК. — Сейчас это особо важно.

— Почему?

Вместо капитана ответил Курортник:

— Потому что мы теперь партизаны, а варханы — оккупационная армия. Думаешь, в Великую Отечественную весь народ так радостно сотрудничал с партизанами? У меня дед был в отряде, много чего рассказывал. Под фашистов ложились или со страху, или потому, что советскую власть не любили, а в фашистах видели избавителей. Стукачи были, которые закладывали партизан, провокаторы...

— Значит, нам надо поддерживать с населением особо дружеские отношения, — заключил Сотник. — Всё, подъезжают, занимаем позиции. Сигнал — взрыв моей гранаты.

Они с Курортником полезли вниз, а Лабус снова лег, упершись локтями в крышу, и принялся к оптике. Насчет поддержания особо дружеских отношений он всё понимал: в их отряде было теперь почти тридцать ртов, шестеро женщин, несколько подростков, почти совсем еще детей, которым в обычных условиях оружие никто бы не дал, но которые на Териане стали полноправными членами повстанческого отряда. Все должны есть и пить, так что вопрос снабжения, после того как они заняли под лагерь цех брошенного завода, встал остро. Хорошо хоть вода в скважине на заводском дворе была, да еще в кухне при столовой обнаружился запас соли, подсолнечного масла и всяких специй. И мыло, это тоже очень радовало.

Телеги приближались, рогачи мерно постукивали копытами по асфальту. Хрипло гудел, попукивая дымом, мотоцикл. А ведь что выходит: рогачей местным предоставили варханы, — смекнул Лабус. Причем, вполне возможно, не только для того, чтоб продукты в Подольск перевезти, но в постоянное пользование, в хозяйство отдали. Это уже натуральное сближение оккупантов с населением...

В оптику он внимательнее оглядел людей на телегах. Бородач впереди ерзал и часто смотрел по сторонам, и вообще явно нервничал, толстуха на второй телеге сидела, поджав губы и распрямив спину. Круглолицая, в своем красном платье и платке она напоминала большую невозмутимую матрешку. Вожжи держал паренек в потрепанном джинсовом костюме, молодой — немного за двадцать. Двое мужиков в синих спецовках на последней телеге негромко переговаривались, из деревянного ящика, стоящего среди мешков позади них, торчала пила. Один, украдкой оглянувшись на мотоцикл с варханами, достал бутылку водки, хлебнул из горлышка, вытер его рукавом и передал соседу.

Лабус перевел прицел на голову варханского сержанта, сидящего позади «матрены» и джинсового возницы. Прикинул, что вторым выстрелом снимет того бойца на передней телеге, который находится ближе к остановке, а третьим, если успеет и если понадобится, — мотоциклиста...

Не понадобилось. Грохнул взрыв, Костя прострелил сержанту висок, успел завалить еще одного вархана впереди, хотя, возможно, в тот миг, когда пуля из СВД пробила его голову, боец уже был уничтожен пулей Курортника... а потом все закончилось.

Рогачи встали. Перевернувшийся мотоцикл валялся на обочине, бородач громко икал, мужик сзади крестился и одновременно глотал водку из горла, его спутник зарылся в мешки — только зад торчал.

Паренек в джинсе заставил женщину улечься ничком, а сам, спрыгнув на землю, присел возле колеса и оглядывался. В руке его был армейский нож, а движения такие... не гражданские, короче говоря.

Костя пока остался на месте и в прицел контролировал обстановку. Сотник с

Курортником, выскочив из укрытий, с двух сторон быстро подошли к обозу. Когда выяснилось, что все варханы мертвы, Лабус повесил СВД за спину и тоже полез вниз. И тут же услышал визгливый голос. На всякий пожарный достал ПМ.

Голос, как оказалось, принадлежал не женщине, а бородачу.

— Вы что творите?! — разорвался тот. — Омоновцы херовы! Спасители-избавители, мать вашу в дышло! Вам же сказано было: не лезть!! Вы продукты получили, вы почему опять пришли?!! Вы всех нас, всю деревню хотите уничтожить!!!

Женщина снова уселась на телеге, слезть она не пыталась — сложила руки на коленях и молчала. Вид у нее был строгий и какой-то глупый. Мужики в спецовках тоже не слезали, они сосали водку и опасливо поглядывали на спасителей-избавителей. Джинсовый паренек вместе с Курортником вытаскивал мотоцикл из оврага.

Бородач продолжал голосить. Игорь сделал знак Лабусу — мол, займись, ты у нас не чужд деревенских реалий, тебе и разбираться. Костя погладил усы и начал разбираться.

Быстро выяснилось, что к чему. Эти люди жили в деревне за Малым кольцом. После начала Нашествия в округе появилось множество горожан — они, по словам бородача, которого звали Ефимом, «так и валили», лишь в последнее время поток беженцев иссяк. Некоторые деревенские принимали их в своих домах, большинство гнали. Весь этот район полностью подчинен варханам — и соседние поселки, и город Климовск. Часть деревень оккупанты сожгли в назидание другим, да и в Климовске, где Ефим раньше работал завскладом, была взорвана, сожжена или отравлена примерно треть территории с людьми. Первыми, естественно, уничтожили милицию и военных. Но в целом город не опустел, как Подольск, и жизнь там продолжается.

Недавно мимо родной деревни этих людей проходил небольшой отряд ОМОНа, за который Ефим и принял «избавителей». Деревенские ОМОНовцев прогнали, боясь репрессий со стороны варханов, которые наведывались к ним регулярно. Южнее в лесах пряталось несколько партизанских отрядов, состоящих из «всякого отребья», как выразился Ефим.

— Прогнали! — скрипнул зубами парень в джинсе по имени Илья. — Они бы вас всех положили, если бы захотели, их семеро было, сержант с рядовыми, в полном вооружении — «винторез», «тисы», — а вы... Суки! И на работы к врагам теперь едете!

— Много ты понимаешь, щенок! — завизжал бородач... и неожиданно получил от Ильи в челюсть.

Пришлось Косте вмешиваться, разнимать их. Или, скорее, не разнимать, а не дать Илье начистить Ефиму рыло по полной программе. Стало ясно еще кое-что: бородач, матрена Маша (оказавшаяся его женой) и два любителя водки, так и не покинувшие телегу, не просто везли в Подольск продукты, а ехали туда работать. Маша — поваром, плотники — трудиться по прямой специальности, ну а Ефим, по его словам, собирался «служить на складе, хотя пока не знаю на каком, но склад для хорошего человека всегда найдется, тем паче стройка у них там большая, значит, люди нужны, и кладовщики тоже». Илья же, которому Маша приходилась старшей сестрой, поехал, чтобы увидеть лагерь варханов вблизи и разведать обстановку.

— Дура! — сказал он сестре. — Сама к ним в лапы лезешь. Муж твой предатель и тряпка, а ты... дура!

Маша даже не взглянула на него. Илья плюнул, стащил с задней телеги мешок и понес его к мотоциклу, который пострадал на удивление несильно и легко завелся.

Курортник с Игорем снимали оружие с убитых варханов, а Костя тоже занялся мешками.

— Можно, я с вами поеду? — спросил Илья, возвращаясь к телеге. — Не хочу с этими оставаться, и в деревню назад тоже не хочу. У вас же лагерь где-то неподалеку? Я с вами.

Проходящий мимо с варханским разрядником в руках Игорь спросил:

— А что умеешь?

— Я служил, — пояснил Илья. — В Абхазии был. Возьмете?

Сотник пригляделся к нему. Скуластое лицо парня казалось твердым, решительным, над бровью шрам, а глаза настороженные.

— Возьмем, — сказал Игорь. — Но будешь делать, что скажут.

— Это я умею. А вы...

— Капитан, Игорь Сотник.

— Я Илья Ревунов, товарищ капитан. А они?.. — взяв из телеги корзину с грибами он повел подбородком в сторону Кости и Алексея, которые укладывали собранное оружие в первую телегу.

— Прапорщики из ФСБ. Приедем — со всем познакомишься.

Маша сидела в той же позе и глядела на мужа, словно ждала указаний, что делать дальше. Плотники, оприходовав бутылку, достали вторую и деловито надирались. А Ефим вдруг заголосил:

— Что же вы делаете?! Обираваете нас! Своих грабите! — и вцепился в банку с маринованными помидорами, которые Илья как раз проносил мимо. Тот отпустил ее, Ефим отшатнулся, чуть не упал, банка выпала из рук, но чудом не разбилась — покатила по земле. Бородач со всполошенным кудахтаньем бросился за ней, словно курица за отбившимся от выводка цыпленком, подхватил и, бережно отирая рукавом пыль, понес назад.

— Иуда! — крикнул он напоследок, укладывая банку обратно во вторую телегу.

— Заткнись, дебил! — гаркнул на него Илья.

Ефим повернулся, разинул уже рот, но вновь заголосить не рискнул, чтобы снова раз не схлопотать по морде.

— Хватит драться. — Игорь обратился к бородачу: — А ты слушай. Мы забираем одну телегу и мотоцикл, вы едете дальше куда ехали и там объясняете: на обоз напали какие-то люди, тех варханов, что были с вами, убили, забрали телегу. Скажете...

— Капитан, разреши мне? — вмешался Лабус. Сотник кивнул и ушел к первой телеге, куда перекочевала часть мешков и корзин из других, а Костя, подступив к Ефиму, стал разьяснять:

— Только ты, борода, этим двум работягам объясни и жене своей, чтоб вы хором пели. На вас напали, вы варханам, которые охраняли обоз, героически помогали, потому нападавшие увели только одну телегу. Про мотоцикл вообще не упоминайте. Если складно наврете — вам ничего не будет. Варханам тоже сотрудничать с населением надо, это только поначалу они репрессии проводили, а теперь направо-налево мирных жителей крошить уже не будут. Все тебе ясно?

Ефим хмуро отвернулся, и Лабус пошел к мотоциклу, на который уселся Илья.

— Дура у меня сестра, — сказал тот. — Вышла за эту сволочь трусливую, я ей говорил, а она... Мозги как у курицы. Я мотоцикл поведу, ладно? Это мой вообще-то, я его хорошо знаю, тут стартер барахлит.

Вскоре после того, как показалась окраина Подольска, мотоцикл встал наглухо. Пришлось перенести мешки из коляски в телегу, а железного коня откатить в канаву за кустами.

Когда двинулись дальше, в поле у дороги показалась стая гиен, но небольшая — напасть не решилась и почти сразу убежала. А потом держащий вожжи Лабус углядел слева пятно ярко-зеленой высокой травы и удивленно привстал.

— Это что? — спросил он.

В траве желтели цветы — крупные бутоны, усеянные красными пятнышками. Форма у цветов была какая-то необычная, хищная — бутоны напоминали головы маленьких крокодильчиков или ящериц и внушали смутное беспокойство.

— Не знаю такой флоры.

— Это не отсюда, — пояснил Илья, сидящий на мешках рядом с Курортником, в то время как Игорь, устроившись на задке телеги, осматривал трофейный ПК.

— Что значит — не отсюда?

— На этом месте висела такая штука, зеленая воронка. Вы наверняка видели, их раньше

было много, в разных местах появлялись.

— Порталы, — пояснил Игорь. — Так их называют.

Илья пожал плечами:

— Значит, порталы. Я сам наблюдал, как из одного повалили горбатые волки. А где-то в километре от нашей деревни был большой портал, с дом, и еще до того, как он исчез, вокруг него стала расти трава вроде этой, ну и цветы похожие. Потом воронка пропала, но недавно я проезжал мимо — трава не исчезла. Наоборот, разрослась, теперь высотой почти по плечи, и переплелась как-то странно. И насекомые в ней жужжат... вроде шмелей, но слишком уж крупные, я даже побоялся подойти — вдруг укусят? И еще там прыгало что-то, как кузнечики, но тоже крупные. Значит, и на этом месте портал раньше был. Исчез, а трава осталась.

Игорь с Алексеем переглянулись. Лабус покачал головой:

— Это, выходит, семена как-то через порталы сюда попадают? Или, может, на шерсти гиен... Этак оно все тут затянет.

— Стой, — сказал Сотник, когда телега уже подъезжала к окраинным домам. — Сверни за эти деревья. Алексей, давай на разведку.

— Разрешите и мне, товарищ капитан? — спросил Илья. — У меня опыт есть.

Помедлив, Игорь кивнул.

— Хорошо. Курортник старший, выполняй его приказы.

Телегу поставили в низине за придорожными деревьями, Алексей с Ильей ушли вперед, а Лабус подошел к рогачу. Скотина стояла неподвижно, только ухом дергала. Костя взялся за кривой рог, потянул, заставив повернуть к себе голову, поглядел в равнодушные глаза. Какие ландшафты эти глаза видели раньше, какие пейзажи чужого мира? Или, может, миров?

Вскоре разведчики вернулись — впереди было чисто. Поехали дальше, теперь дорога шла между развалинами, брошенными домами и пепелищами. Варханы строили Центаврос на другом краю города, а этот район они потравили и сожгли еще в самом начале оккупации, и теперь здесь было пустынно.

Когда показались серые коробки завода, Лабус тряхнул вожжами, подгоняя рогача.

— Вот, Илья, сейчас увидишь, как мы обосновались, — сказал он, предвкушая грибной суп и жареную картошечку.

Справа от дороги потянулась ограда из бетонных плит, окружающая завод. Лагерь разбили в большом цехе в глубине территории, на крыше и вокруг постоянно дежурили часовые, а машины Юриан приказал спрятать в складе возле цеха. Обязанности сами собой распределились так, что Юриан с Яковом ведали организацией и охраной лагеря, а Сотник и спецы занимались разведкой и снабжением.

Телега свернула в проем на месте сломанных ворот.

По другую сторону дороги шла старая железнодорожная ветка, на которой стоял тепловоз с грузовыми вагонами. Лежащие на тепловозе двое варханских разведчиков в черно-желтых кожаных куртках и шароварах наблюдали за территорией завода через туристические бинокли, которые были добыты в одном из спортивных магазинов Подольска. Дальше за вагонами, между горами щебня, стояли две пятнистые тачанки, в которых укрылись еще пятеро разведчиков.

ГЛАВА 16

Держась одной рукой, Хорек раскачался, как обезьяна на ветке, обхватил балку ногами, разжал пальцы и повис вниз головой. Большой гулкий цех раскинулся под ним: сдвинутые к стенам станки, ведущие в соседние помещения двери, балкончики по стенам, лестницы. И люди посреди всего этого, иностранцы и наши. Они ходили, сидели или лежали, и занимались всякими делами. Тот молодой, которого, как слышал Хорек с крыши автобуса, Лабус называл «Веней», присел над большущей кастрюлей, полной воды, вместе с подростками-иностранцами, девкой и пацаном, и чистил картоху. При этом он пытался

говорить с ними, а они — с ним, получалось безалаберно и весело, судя по звонкому смеху, иногда раздающемуся в той стороне. В мастерской возле цеха устроили спальню, набросали там матрацев и подвесили гамаки. А в цеху поставили скамейки, которые принесли с улицы, застелили их покрывалами. Еще внизу были столы, на них несколько иностранцев чистили оружие. Утром Лабус с Курортником показали им, как разбирать «калаши» и «Макаровы».

Хорек согнулся — раз! — и он лежит в узкой щели между балкой и потолком. Большущая решетка тут наверху, продольные и поперечные штанги, и это просто замечательно — по ним можно ползать так, что дай бог каждому. Главное, ты всех видишь, а тебя не видит никто.

Если, конечно, не свалиться. Но Хорек не свалится, фиг вам, он для этого слишком ловкий и сильный. Мальчик пополз, быстро перебирая руками и ногами, к дальнему углу цеха, где под потолком висел железный контейнер с окном. С пола к нему вела лестница. В похожем контейнере на заводе у бати сидели мастера, ну и тут они, наверное, раньше сидели, — а теперь внутри расположился командный пункт.

Хорек уже почти дополз, когда движение внизу привлекло его внимание. Он лег плашмя на балке, обняв ее, свесил голову.

В цех вошли командир, Лабус, Курортник и незнакомый парень в джинсе. Эхо донесло неразборчивые голоса. Из подсобки показались Яков с Явсеном, командир что-то сказал им, после чего пеон направился к иностранцам у столов. Когда несколько человек вышли из цеха, Хорек изменил курс и вскоре очутился возле окна. Сквозь запыленное, в трещинах стекло увидел телегу с рогатой демонской скотиной, стоящую у входа. Иностранцы доставали мешки с корзинками, относили внутрь. Это было не очень интересно, и он отправился в обратное путешествие. Курортник, Сотник, Яков и Явсен поднимались по лестнице в командный пункт.

Хорек засопел. А где Лабус? Да вот — сидит на скамейке у стены рядом с девушкой и что-то ей говорит. Девушка, наголо обритая, привлекла внимание Хорька еще раньше, посреди всеобщей деятельной суеты она оставалась неподвижной, просто сидела, сложив руки на коленях, и смотрела перед собой. Хотя сегодня днем вдруг вскочила и принялась оглядываться с такой тревогой на лице, что Хорьку ее стало даже жалко. А потом снова села и замерла.

Лабус поговорил с девушкой — то есть говорил он, а она молчала, — коснулся ее руки, встал и пошел за остальными, которые уже скрылись в командном пункте. Хорек заволновался: не иначе что-то серьезное происходит, раз все собрались. Надо немедленно туда, мимо него может пройти что-то важное, а ведь защитник и спаситель должен все знать!

В длинной стене контейнера было одно большое прямоугольное окно с разбитым в нижнем углу стеклом. Дыру заткнули ветошью. Хорек еще вчера придумал устраиваться на нешироком карнизе и отжимать ветошь ладонью к раме — тогда было слышно, что говорят внутри.

Когда он проделал это, из будки донесся голос Лабуса:

— Повтори еще раз, я начало не слышал.

Ему ответил Яков:

— Кириллу и молодому ученому из «Старбайта» необходимо вернуться на Землю. Мы должны помочь им проникнуть на главную варханскую базу, то есть на ту стройку. Где-то там стоит машина, которую называют Сибом. В смысле, машины еще нет, но скоро будет. Вернее, она уже есть, но пока растет... Я не буду сейчас вдаваться в подробности, хорошо? Это не главное, вот что важно: они должны подключиться к Сибу после того, как он заработает, то есть когда появится большой постоянный портал. И запустить вирус.

— Но как мы их туда заведем? — спросил Лабус. — Как такую операцию проверить, там же тысячи варханов, наверное.

В ответ заговорил командир:

— Вот и надо заняться подготовкой. Есть еще второй вопрос, не менее важный: как Кириллу и этому второму парню попасть на Землю. И с ними еще какому-то Омнию,

терианскому ученому.

— И Леше, — добавил Яков. — И Павлу. У повстанцев есть ворсиб, машина для генерации порталов, но в ней не хватает важной детали, какого-то фильтра. Добыть его можно только в терианском Центавресе. Который, в отличие от земного, давно построен, в нем и вокруг базируются основные варханские силы на Териане. Как туда проникнуть? Леша прислал словесную схему, я нарисовал — посмотрите сами.

Зашелестела бумага. Хорек аж заерзал от желания увидеть, что там у них нарисовано. Яков продолжал:

— Мы должны помочь Леше спланировать операцию по захвату фильтра. Он предложил вариант, но мне в нем кое-что не нравится. Очень не нравится, хотя я не могу...

— Что не нравится? — перебил Курортник.

— Да то, что выполнение такого плана будет сопровождаться большими разрушениями. И смертями — вне всякого сомнения.

— А в чем план?

Тут Хорек едва не сорвался: ерзая, он сполз на край карниза. Пришлось отпустить ветошь, устраиваясь удобнее, и при этом не сопеть, хотя очень хотелось — но внутри могли услышать. В конце концов, он встал на колени сбоку от окна, снова сдвинул ветошь да еще и одним глазом заглянул внутрь.

Штуковина размером с тумбочку, явно сделанная иностранцами, с монитором и кучей маленьких бородавок, серебрилась в углу командного пункта. Возле нее сидел главный иностранец по имени не то Юрай, не то Юран, а командир, Лабус, Курортник, Яков и Явсен — ближе к окну, за столом.

Часть разговора Хорек упустил, и теперь до него донеслась реплика Лабуса, непонятно к чему сказанная:

— Он предлагает тройную диверсию?

— Вот именно, Костик, — сказал Яков. — Сложная операция, а у них совсем нет времени, очень трудно будет организовать все это за несколько часов. То есть это у них часы, а у нас должны пройти сутки. Сейчас главное, во-первых, оставаться тихими и незаметными, противники не должны узнать про этот лагерь. Во-вторых, надо помочь Леше спланировать операцию захвата. И в-третьих — самим подготовиться к тому, чтобы, когда Кир с учеными попадет сюда, быстро закинуть их в центр вражеской базы.

Лабус подергал себя за ус.

— До сих пор поверить не могу, что время вот так по-разному идет. Это же в голове просто не укладывается!

Хорек снова чуть не слетел вниз. Сутки! Ночь, день — и потом отряд командира должен напасть на главную базу демонов! Его друзья думают, что здесь находятся в безопасности, что могут подготовиться, — но ведь есть еще пятнистые демоны-разведчики. Хорек теперь все про них знал, потому что ночью выбирался с завода и наведывался к их стоянке за вагонами. Они шпионят за этим лагерьем, а друзья про них ни сном ни духом!

Мальчик прополз по карнизу, подобрался к дырке в потолке и через нее проник на цеховой чердак. Полутемный и с кучицей непонятных железяк, ржавых и пыльных. Присев на корточки, Хорек крепко задумался.

Что делать? Ему очень не хотелось выдавать себя. Он уже помог друзьям, неплохо помог, но все равно — рано еще светиться, надо оставаться тайным спасителем и защитником. Хотя эти пятнистые могут все испортить. Они сообщат другим демонам, где лагерь, или нападут сами... нет, не нападут, их совсем мало, он ночью насчитал семерых...

Всего семеро! Хорек засопел, вскочил и помчался в угол чердака.

Там под железячкой у него был тайник, в котором лежали разрядник и три гранаты, украденные ночью из мастерской возле цеха. Так, на всякий случай, ведь защитнику и спасителю гранаты не помешают. А на самой железячке, заботливо присыпанная пылью, чтоб не выделялась, висела большая рабочая куртка, прихваченная в цеху.

Ну вот, оружия вдосталь — у него есть гранаты, разрядник, нож... А еще ловкость,

умение, опыт. Он сам нападет на пятнистых. Залезет на одну из гор щебня, между которыми стоят тачанки, и забросает демонов гранатами. И еще молниями в них, молниями! Всякие кровавые картины так и замелькали перед его глазами.

Потом он снова задумался, тихо сопя. Еще несколько дней назад Хорек мгновенно убедил бы сам себя, что справится с отрядом демонов, полностью уверился бы в этом и отважно ринулся в бой, ни о чем не размышляя и не пытаясь спланировать свои действия. Но теперь он осознал: нет, всех уничтожить не получится. Что он на самом деле сможет сделать? Подорвать хотя бы одну тачанку, убить, ну, одного или двоих, еще кого-то ранит осколками, ведь на его стороне будет неожиданность...

Всех не убьет, но главное другое: в цеху услышат взрывы с выстрелами неподалеку, командир пошлет людей разобраться — и они добьют пятнистых. А Хорек к тому времени скроется, исчезнет, растворится, как ниндзя в ночи. И снова вернется сюда, выполнив свой долг.

В тайнике у него была особая сумка, чтоб вешать на пояс. Хорек спрятал в нее гранаты, а еще банку шпрот, минералку и большой огурец, свистнутые ночью из цеха. Надел рабочую куртку, стянул на груди ремешок разрядника, крепко прижав оружие к спине, и поспешил к окну на другом конце чердака.

Через него, закатав длинные рукава куртки, выбрался на пожарную лестницу. Высота была головокружительная — но не для Хорька. Он от высоты просто балдел.

Поднявшись по лестнице, мальчик осторожно склонился над краем крыши.

Ах, крыша! Она была просто прекрасна — просторная, со всякими выступами и лесенками, и со слуховыми окнами, и вентиляцией, и пропеллерами под решетчатыми колпаками — рай на Земле, а не крыша. Жаль, что здесь всегда дежурили четыре или пять человек. И сейчас они тоже были... но ни один из этих лопухов не замечал пятнистых. Хотя если не знать, в каком месте те прячутся, то засечь их, конечно, трудновато — хоть в бинокль, хоть без.

Пожарная лестница находилась со стороны дороги. Услышав приглушенный гул, Хорек присел на перекладине и оглянулся. Мимо завода ехал грузовик с открытым кузовом, где высилась гора камней, спереди и сзади двигались тачанки. Таких машин, а то и целые грузовые караваны, с камнями или чем-то еще, мальчик видел уже много, и они всегда двигались в одном направлении.

Когда машины укатили, взгляду открылись вагоны, стоящие на рельсах за дорогой. На крыше последнего показались два силуэта. Или померещилось, никого там нет? Трудно отсюда разобрать...

Засопев, Хорек уставился в небо. До вечера где-то час. А до того, как совсем стемнеет, — еще два. Это время он проведет на чердаке, потом спустится, и тогда — держитесь, пятнистые! Хорек идет!

ГЛАВА 17

Комендант Максар бер'Грон оперся кулаками о стол, еще недавно заставленный яствами, которые так любил пожирать покойный Коста, и сказал:

— Я подозреваю заговор. Кого, с кем и против кого — разберусь. И я не допущу, чтобы строительство земного Центавроса стало ареной войны между кланами... с кем бы ни воевал твой клан.

На последних словах он позволил себе повысить голос. Это не был настоящий гнев, Максар лишь изображал его. И подозревал, что стоящий напротив Любера бер'Мах мало верит в искренность его эмоций.

Младший брат Косты был не таким толстым, но тоже имел излишний вес. С возрастом разжиреет — у Махов это в крови. Оттопыренный животик, маленькие ручки с короткими пальцами — и неожиданно большие, ясные, умные глаза. Этот человек внушал беспокойство, хотя с виду казался совсем безобидным. Очень уж мягкий и, в непростой для его клана

ситуации, сохраняющий даже какую-то доброжелательность. Либо дурак, либо что-то у него на уме... Нет, Любера был кем угодно, только не дураком, тут уж никаких сомнений.

Максар продолжал:

— Что бы вы там ни поделили с вестницами Кирты, позор заниматься своими дрызгами сейчас, когда великая цель Орды так близка.

— Кланы Махов и вестниц дружат, — возразил Любера.

— Расскажи это Косте, если сумеешь собрать его пепел по окрестностям. Или той, которая зарубила его, если возьмешь на себя труд достать ее тело из выгребной ямы.

Любера опоздал на огненное погребение брата, которое Эйзикил распорядился провести рано утром. Можно было бы и подождать, но старик не стал, и на сожжении Косты не было ни одного берсера из Махов — утонченное оскорбление, нанесенное темником их клану.

— Тело моего брата следовало сжечь в Ангулеме, чтобы пепел смешался с плотью Столбового мира. — Любера сложил ручки на животике. — А сейчас... ты позволишь мне быть откровенным, мастер-комендант Максар бер'Грон?

— Конечно. Так же, как я откровенен с тобой.

— О! — улыбнулся Любера. — Ну тогда мы просто утонем в откровенности, столь щедро излитой с обеих сторон. Так вот, раз ты разрешил, я буду прям: ты узурпировал власть здесь. Просто занял место коменданта, ни с кем не советуясь, не дожидаясь разрешения из Ставки...

— Ставка не против.

— Позволь спросить — откуда ты знаешь?

— Так мне сказал Эйзикил.

— Ах, темник. Что же, думаю, он уверен в своих словах. И все же ты поспешил. Подобный шаг сочтут... наглым? Наглым и своенравным, да, пожалуй, так. Ты уже насадил тут своих людей, а ведь ты, Максар бер'Грон...

Он замолчал. Максар сверлил его взглядом, положив руки на пояс, где висели револьвер и кинжал.

Слово «оскверненный» так и не прозвучало. Любера заключил:

— Прими мои поздравления. Ты и твой темник... вы очень ловко повели дела здесь. Я возвращаюсь в Ставку.

Он вышел, из коридора донесся его голос и шаги охранников. Максар еще несколько секунд стоял неподвижно, вперив взгляд в закрывшуюся дверь, потом направился к окну.

В лучах вечернего солнца сновали рабочие, рабы и манкураты, надсмотрщики и мастера. Стучали молотки и кувалды, грохотали камни, лязгало железо. Комендантом строительства был Гебрил Вишу, мастер с Сайдона, потомок первых переселенцев, за выдающиеся заслуги освобожденный от рабства самим Бер-Ханом. Это Гебрил в кратчайшие сроки отгрохал терианский Центаврос, и он поклялся своей жизнью и жизнью своих детей, которых у него было то ли семь, то ли восемь, что земной возведет в два раза быстрее. Сайдонец умел добиваться своего — стройка кипела. Периметр фундамента окружили железными лесами с настилами, люльками, лебедками, подъемниками и блоками, при помощи которых рабочие затаскивали наверх каменно-бетонные кубы, бады с раствором и тяжелые решетки дополнительной арматуры. Гебрил распорядился доставить из Сайдона несколько бригад рабов-строителей, и теперь среди моря голов внизу то и дело мелькали белобрысые шевелюры.

Взгляд Максара скользнул дальше. Стройка с окружающими ее бараками, казармами и мастерскими была островом жизни посреди моря пустых кварталов, где в подвалах и чердаках прятались спасшиеся от облав земляне. Но и на стройке был свой островок — малое Око, открытое при помощи ворсиба, который стоял сейчас где-то внутри терианского Центавроса. Вокруг воронки рассредоточился десяток бойцов клана Махов, все повернулись к ней спиной, некоторые припали на одно колено. Стволы скорчей следили за суесящимися людьми, которые спешно проскакивали образованный охраной круг. За спинами Махов

прохаживался капитан с разрядником в руках.

Максар не услышал звука шагов или дыхания, но ощутил присутствие человека позади. Оглянулся — на краю помоста, занимающего дальнюю часть зала, стоял Эйзикил. Он вышел из кладовки, через которую ночью Максар с Сафоном проникли в зал.

— И какого ты мнения о Любере? — спросил темник, слышавший весь разговор.

— Он не воин, — сказал Максар. — Как и Коста.

— О, конечно нет. Но, в отличие от своего брата, так внезапно покинувшего нас, Любера бер'Мах — один из самых умных людей, которых я знаю.

Спустившись с помоста, старик приблизился к окну. Внизу появился Любера, в сопровождении четырех охранников он шагал, задумчиво понутившись и сложив руки на животике. Окружившие Око бойцы расступились, и Любера, все так же глядя под ноги, вошел в зеленую воронку. Светящийся туман плеснулся, фигура на мгновение окуталась ореолом молний, сверкнула, оставив на сетчатке глаза мерцающий человеческий силуэт, и пропала.

Донесся голос капитана, отдающего приказы бойцам. Те встали строем и поспешили за берсером, один за другим исчезая в Оке.

Эйзикил неодобрительно покачал головой. Любера должен был выполнить ритуал, вознести короткую молитву, как и все те, кому предстояло перенестись в иной мир силою Мирового Змея. Вера все меньше значила для варханов...

Когда ни одного Маха не осталось внизу, Око запульсировало светом. Некоторые из сновавших вокруг людей остановились, упали на колени или просто потупились, прижав правую руку к груди; другие продолжали заниматься своими делами. Неяркая вспышка — и оно закрылось. Волна воздуха прокатилась над фундаментом.

Максар вернулся к столу, а оставшийся у окна Эйзикил сказал:

— Через Териану и Сайдон он бросится напрямик в Ставку, где Махи немедленно начнут жесткую кампанию против всех Гронов, но главное, лично против Максара бер'Грона. Хозяин земного Центавроса — один из первых кандидатов на главенство в Ставке после смерти Хана. Они постараются скинуть тебя.

— Я удержусь, — сказал Максар.

— Уверен в твоей решимости. И чтобы слова не разошлись с делом, главное сейчас подавить любое местное сопротивление. Ничто не должно помешать открытию большого Ока. Если все пройдет как надо — в глазах Орды ты будешь тем, кто создал Кольцо. Великим воином, великим стратегом, тогда Махам нечего будет противопоставить тебе. Скажи, что с нашими разведчиками, отправленными наблюдать за еретиками? Я имею в виду местных воинов и проникший в этот мир терианский отряд — они ведь, судя по всему, объединились?

Максар скользнул пальцами по повязке, скрывающей правую половину лица. Это стало входить в привычку, которая не нравилась ему, от которой необходимо избавиться. Сегодня глаз почти не ныл, за что следовало благодарить темника, и хотя иногда в глазнице вспыхивала приглушенная боль, она быстро исчезала.

— Как я узнал, разведчики должны были докладывать непосредственно коменданту, — сказал он.

— Теперь комендант ты, и они станут докладывать тебе. От них уже приходили новости? Кто-то здесь ответственен за связь с ними?

— Никто, это автономная группа. Обычные передатчики не действуют, мобильной световышки у разведчиков нет. Пока что никакие сведения ко мне не поступали. Кто-то из них должен лично явиться сюда и объявить о местонахождении объединенного отряда еретиков. Но разведчики могут отправить гонца только после того, как еретики останутся где-нибудь на длительное время.

— И наши люди не станут нападать?

— Нет, их слишком мало, чтобы уничтожить еретиков. Они лишь наблюдатели.

В руке темника появились четки, закачались, помигивая отраженным вечерним светом, проникающим в окно. На пальце левой руки блеснул перстень с изображением шестерни и

человеческой фигуры в ней.

— Подобная слежка не имеет смысла без регулярных докладов, а разведчики отбыли уже давно. Если до ночи их гонец не появится, надо действовать. Найти лагерь еретиков, окружить, залить газом или сжечь... ты лучше меня знаешь, что делать, мастер-комендант. Известно что-нибудь о других крупных отрядах сопротивления в этом районе?

Максар поднял стоящий на столе светильник, встряхнул — стеклянный шар на подставке озарился синим.

— Нет, хотя мы постоянно проводим рейды и облавы. Весь этот район практически полностью подчинен нам. Южнее есть несколько отрядов, но они не опасны. И все же я бы организовал воздушное патрулирование.

Четки закачались в руке.

— Да, ведь я хотел порадовать тебя, мастер-комендант: твое пожелание выполнено, мы сумели доставить три гранча. Наше Око раскрылось недалеко отсюда, на краю полей, там найдется место для взлета и посадки. И мы привезли не только гранчи, я приказал доставить кое-что еще. Эти... приборы уже здесь, я покажу их тебе, но сначала давай поглядим на Святую Машину.

— У нас только два защитных шлема, — возразил Максар. — По-моему, оба сейчас используют аборигены, построившие генератор.

— Я приказал доставить с Ангулема еще пару. Они в коридоре, идем.

Слегка удивленный мастер-комендант вслед за темником покинул зал. В коридоре стояли двое — мужчина постарше и смуглый юнец. Оба в свободных темных одеждах, с боевым двузубцем, нарисованным на левом виске, — знаком клериков, воинов Гильдии.

На столе между ними лежали два серебристых шлема с овалами непроницаемо-черных забрал. Такие шлемы умели делать Проклятые, и ни пеоны, ни темники не смогли пока что повторить эту технологию. Излучение генератора могло сжечь мозг, для защиты и предназначались устройства, которых с прежних времен сохранилось всего одиннадцать. Пять хранились на Ангулеме, два на Сайдоне, по два — на Териане и на Земле. А теперь их здесь четыре! Защитные шлемы были очень ценными приборами, и то, что Эйзикил смог доставить сюда еще пару, многое говорило о его возможностях, о власти, которой он обладал.

Проходя мимо, старик показал на шлемы, и два клерика, бережно взяв их, пошли за ним и Максаром к лестнице.

Лаборатория, где создали генератор, была круглая, с помостом у стены и пологой воронкой в центре. Там и находилось устройство. Воздух вокруг плавился, тёк, словно горячая густая жидкость, переливался призрачным сиянием, от которого начинали болеть глаза.

Рядом на деревянной тележке стояла просторная каменная бадья, в ней булькал питательный раствор, из которого рос Сиб. Больше всего он напоминал цветок: узкая ножка, расширяющаяся сверху, с изогнутыми лепестками, в которых покоилась сфера, сотканная из тысяч посверкивающих зеленых молний. Вместе с остальными частями Святой Машины она постепенно росла, превращаясь в энергетическое ядро, которому вскоре предстояло стать источником огромного Ока.

Двое землян в ангулемских шлемах и защитных костюмах земного производства, в резиновых перчатках и сапогах на толстой подошве стояли перед генератором спиной к двери, через которую в лабораторию заглянули Максар с Эйзикилем.

Поврежденный глаз коменданта пульсировал болью, в голове словно разгорался костер, и клубы густого темного дыма наполняли череп. Так действовало излучение генератора. Максар надел протянутый молодым клериком шлем, дернул защелку у его основания. Над забралом на краю зрения зажегся красный огонек, сменился желтым, потом зеленым, синим — и погас. Наступила глухая, давящая тишина. Он повернулся к Эйзикилю, который поднял руку и коснулся чего-то на затылке своего шлема. Тихий щелчок — и тишину сменили два голоса, говорящие на незнакомом языке.

Клерики остались на площадке снаружи, рядом с пятью хорошо вооруженными

охранниками, а они с темником вошли внутрь и оказались на помосте.

— Я включил систему связи так, что мы слышим их, но они не слышат нас, — пояснил темник.

Земляне, не замечая их, продолжали переговариваться.

— О чем они говорят? — спросил Максар.

Темника помолчал, слушая.

— Неправильно называть его пеоном, но я буду использовать это слово. Старший пеон, который руководил всеми работами, говорит, что не считает себя ни в чем виноватым. Да, он не ожидал такого, но он... он не одобрял человечество в том виде, какой оно приняло к моменту нашего появления, считал земное сообщество... гм, скажем так: порочным. А общий курс... курс их развития неправильным. И он надеется, то есть полагает, что теперь все исправится. По-моему, он искренен. Или сам себя убеждает в том, что искренен.

— А что говорит младший пеон?

— Напоминает про семьи этих двоих. Спрашивает: в том, что с ними стало, старший пеон тоже не считает себя виноватым? К слову, а что с их семьями, мастер-комендант?

— Они жили в этом городе, мы нашли их и держим у себя. Эти пеоны знают: если что-то произойдет с генератором или Сибом, их родные будут умирать долгой мучительной смертью у них на глазах, причем сами они тоже в это время будут умирать... долго и еще более мучительно.

Один из землян оглянулся, заметив гостей, сказал: «Они здесь» — Максар расслышал слова, но не понял их смысла. После этого пеоны замолчали и поспешно отошли в сторону.

— Ты уже решил, каким способом доставишь наверх Святую Машину? — спросил Эйзикил.

— Предоставляю это тебе, — ответил Максар, приглядываясь к растущему Сибу, у основания которого булькала металлическая жидкость. — Остались... ночь, день, возможно, еще полночи или около того, не больше.

— В таком случае, я предлагаю сейчас же уничтожить надземную часть здания. Генератор трогать нельзя, но Святую Машину мы извлечем через колодец, который пробьем в перекрытиях подземных этажей. Необходимы длинные штанги и круглый подъемник. Здесь три этажа, я с помощниками займу верхний. И еще, мастер-комендант: Гебрил Вишу старается вовсю, люди работают день и ночь... Нижний ярус Центавроса почти готов, а значит, пора ставить башни Эгалита.

— Приступим немедленно, — согласился Максар.

На площадке за дверью их ждал бывший капитан Сафон, щеголявший новым кителем с четырьмя красными полосками. Отдав защитный шлем клерикам, Максар объявил новоиспеченному командеру:

— Это здание снесут, останутся только подземные этажи. На нижнем стоит генератор, Эйзикил займет верхний, а я поселюсь на среднем. Распорядись, чтобы туда перенесли мои вещи.

— Сейчас же займусь, — ответил Сафон. — Я думал, ты в своем зале, и сначала пошел туда. Возле дверей стоят клерики, и у них какие-то... вещи.

Четки тихо стукнули в руке Эйзикила.

— Прибыло то, о чем я говорил тебе, мастер-комендант. Вернемся.

У входа в зал появились еще пятеро клериков. На столе возле двери лежал длинный деревянный футляр, а под стеной обнаружилась машина на четырех гнутых ножках.

— Ты решил, что это обычный стиратель, не так ли? — Эйзикил положил ладонь на покатый бок аппарата. — И ошибся. Это — *внедритель*, хотя название не совсем верное. Не просто машина для создания манкуратов. Мы разработали мозговой алгоритм, который внедряет навыки боя.

Заметив непонимание на лице Максара, он пояснил:

— Машина усиливает боевые рефлексy. Видишь эту круглую клавишу? У нее три положения, мы называли их «солдат», «офицер» и «берсер».

— Но навыки не только здесь, — Максар, коснувшись своего лба, положил ладонь на бицепс, — они еще и здесь. Не только в голове, но и в мышцах.

— Это так, ты быстро уловил суть, — кивнул Эйзикил. — Главное — связь между головой и мышцами. Эта тонкая связь и создавала основную проблему для нас. На решение ушло очень много времени — когда мы начали заниматься внедрителем, я был еще не стар. Даже теперь программа не до конца отработана, нам надо провести много опытов. Для этого я и привез внедритель на Землю, здесь много человеческого материала, который не жалко.

— Мне не нравится идея, что любого можно превратить в берсера, — заметил Максар.

И вновь четки закачались, застучали в руках старика.

— О, не любого, отнюдь не любого! Только человека с определенными физическими и психическими задатками, а еще лучше — уже подготовленного, прошедшего тренировки, имеющего боевой опыт. Дело не столько во внедрении, сколько в усилении боевых рефлексов, мы накладываем на создание особые матрицы, составленные из воспоминаний... Но не будем сейчас углубляться в тонкости. Позже я предоставлю тебе подробный доклад, а сейчас посмотри на это.

По знаку старика смуглый молодой клерик скользнул к столу, двигаясь бесшумно, быстро и гибко, словно змея.

— Это Фелиз, мой ученик, — пояснил Эйзикил.

Когда Фелиз открыл футляр, глаз Максара блеснул. Капитан Сафон, заглянув внутрь, удивленно начал: «Что это?..» — и замолчал, поняв, что именно видит.

Максар бер'Грон достал из футляра разрядник с шестью стволами. Они были тонкие и короткие, а цевье, наоборот, непривычно широкое, как и приклад-цилиндр с немного скошенным, чтобы удобней упираться в плечо, торцом.

— Не вижу зарядных прутьев, — сказал Сафон.

Поворачивая оружие так и этак, Максар пояснил:

— Прут в центре, один на все стволы. Непривычно толстый.

— И немного короче стволов, поэтому не виден, — добавил Эйзикил. — Мы назвали оружие «мультикер» — на языке Проклятых это слово означало «многоразовый». Или просто «токер» для краткости. Он предназначен... Фелиз, объясни.

Вытащив из футляра кожаный чехол с ремешками, клерик хрипло прошептал:

— Токер годится для залпового и одиночного огня. Может стрелять очередями. Задержка между разрядами небольшая.

Говорил он отрывисто, выплевывая короткие фразы, и Максар не мог отделаться от опасения, что сейчас изо рта Фелиза выскользнет раздвоенный язык. Нарисованный на виске двузубец был почти не виден на темной коже.

— Я хочу испытать его, — решил Максар. — Сегодня же. Сафон, были попытки к бегству?

— Трое рабов едва не сбежали прошлой ночью, — доложил командер.

— Всего трое? Хорошо, потренируемся на них. Позже. Уже темно, а посыльного разведчиков до сих пор нет. Надо что-то делать с этим.

Эйзикил раскрыл дверь в зал, откуда полилось синее сияние горящего на столе светильника. Клерики достали из-под воротников ярко мерцающие шарики на цепочках. Все они, кроме Фелиза, выстроились в ряд под стеной, и Эйзикил сказал:

— Я прошу тебя посмотреть на этих воинов, комендант. Ты знаешь, у Гильдии есть свои боевые отряды. Этот — лучший. Он захватил болотный дворец Армина.

Поглаживая цевье токера, Максар окинул клериков новым взглядом. Те самые? На Сайдоне их действия изменили весь ход восстания дикарских племен — только благодаря падению Армина варханам удалось быстро подавить бунт.

Эйзикил добавил:

— Ты можешь использовать этих воинов. Их двенадцать, пятеро остались внизу.

Клерики под стеной стояли неподвижно, только Фелиз шевелился, покачивался из стороны в сторону, поводя плечами, отчего сходство со змеей лишь усиливалось.

— Хорошо, пусть займутся этим, — согласился Максар. — Они не знают местных условий, но у нас есть проводник. Сафон, приведи землянина.

Пока командер ходил за проводником, Максар с Эйзикилем и Фелизом вошли в зал. Чтобы рассмотреть токер получше, Максар положил его на стол, придвинул светильник — и разглядел рисунок на цевье. Череп с двумя секирами по бокам... и в треугольной шапке, очертаниями напоминающей пирамиду Центавроса.

— На оружии герб моего клана. — Максар поднял взгляд на Эйзикила с Фелизом. Молодой клерик вручил ему чехол для токера, а старик ответил:

— Потому что это — дар Гильдии тебе.

— Но на черепе изображен Тирас...

Он позволил словам повиснуть в воздухе. Легендарный Железный Тирас носил Боло бер'Хан, старший из семерых братьев-берсергов, от которых пошли варханские кланы. Великий Боло надел Тирас перед последней битвой, когда была окончательно уничтожена армия Проклятых. Его клан был единственным, который в каждый момент времени насчитывал лишь одного представителя — самого Бер-Хана. То есть каждый новый Бер-Хан, надевший Железный Тирас и вставший во главе Орды, вступал в клан Боло бер'Хана — и в конце жизни покидал его, чтобы освободить место для следующего. Гильдия утверждала, что в каждом Хане воплощалась душа великого Боло.

Вдруг Максар понял, что означает этот герб: до сих пор все их разговоры с Эйзикилем оставались лишь частными беседами, а сейчас Гильдия официально подтвердила, что желает видеть его Бер-Ханом — вождем всего их племени, хозяином Системы Миров.

Командер Сафон вошел в зал, подталкивая землянина; шагнув к столу, раб быстро огляделся и опустил глаза. Его земную одежду сменили варханские шаровары и куртка, на шее был ошейник.

— Он может сопровождать клериков, — пояснил Максар. — Но раб не знает наш язык.

— Я знаю местный, — прошипел Фелиз. Повернув голову к землянину, он что-то сказал. Тот вздрогнул и быстро ответил: «Ростислав Лагойда».

— Рост, — поправил Фелиз. — Будешь Рост.

— Да, Рост, — согласился раб.

— Мой ученик спросил его имя, — пояснил Эйзикил. — А раб ответил.

— Хорошо, — Максар снова взял в руки токер, положив ладонь на украшающий цевье герб. — Объясните ему: он будет служить нам. Он должен доказать свою смелость и преданность, тогда станет свободным.

Эйзикил перевел. Рост кивнул и что-то ответил. Он избегал бросать даже мимолетный взгляд в сторону коменданта — хорошо запомнил урок, полученный в машине по дороге сюда.

Когда старик закончил, Максар добавил:

— А это ему объяснять не надо. Предатель — всегда предатель, поэтому на самом деле его ждет только рабство и смерть. Фелиз, хорошо следи за ним и убей при первом же подозрении в измене. Но пока он жив — получи от него всю пользу, какую сможешь. Эйзикил, раб уяснил, что надо делать?

— Да, и он спрашивает, сколько человек может быть в группе, которую мы ищем.

Максар взглянул на Сафона, и тот ответил:

— По нашим сведениям, в проникшем на Землю отряде до трех десятков еретиков, а присоединившихся к ним земных воинов не больше десяти. У них есть машины. Возможно, телеги с тягловыми животными.

— Значит, почти сорок, — заключил Максар. — Не так уж много мест, где может надежно укрыться группа такого размера. Фелиз, переведи.

Смуглый зашипел. Раб выслушал его и ответил.

— Просит карту окрестностей, — пояснил Эйзикил, — чтобы отметить места, подходящие для лагеря.

— Карта найдется, — заверил Сафон.

Максар бер'Грон поднялся со стула и вложил токер в чехол.

— Сафон, отведи раба в шатер клериков и принеси туда карту. И не забудь: теперь для разведки мы можем использовать гранчи. Это облегчит дело.

ГЛАВА 18

Снова закатав рукава куртки, Хорек подтянул ремешок висящего на спине разрядника и стал взбираться на тепловоз. Он был ловким ползуном, но двигаться приходилось медленно, осторожно: во-первых, темно, во-вторых, пятнистые могут услышать.

Пока что Хорек их не видел, хотя, когда подходил сюда, углядел едва различимые отблески синего светильника. Костер они разжигать не рискнули, от него свет ярче, могут заметить на заводе, но светильник на стоянке между горами щебня горел.

На тепловозе мальчик лег плашмя. Слева что-то сдвинулось, он повернул голову и обомлел.

На соседнем вагоне затаились двое. Звезды и луна сквозь купол светили неярко, но кромешного мрака не было, а находились они близко... Военные! В первый миг Хорек подумал даже, что Курортник с Лабусом. Такие же комбезы, оружие в руках... Потом понял: нет, какие-то омовцы. Трудно определить, но Хорек решил, что это именно бойцы из ОМОНа.

Он едва слышно вздохнул. Чудо, что его не обнаружили! Все-таки Хорек очень ловкий Истребитель Демонов. Другой бы нашумел, омовцы точно засекли, ведь совсем рядом лежат. Но он, даже не зная про этих двоих, в темноте забрался на тепловоз так, что его не слышали.

Но если здесь двое, то вокруг, наверное, и другие есть?

Выставив голову за покатый край тепловоза, мальчик пригляделся.

Две демонские тачанки стояли на том же месте, отсюда он видел половину одной машины и самый краешек другой.

А еще видел трех пятнистых демонов в мерцании светильника на длинном шесте, воткнутом в щебенку. Один лежал в тачанке, спал, наверное, второй сидел, свесив ноги, а третий появился в поле зрения с ведром и тряпкой в руках. Босой, шаровары закатаны до колен — интересно, как он их закатать сумел, они ж такие широкие, наверное, резинки там для этого какие-то специальные или даже ремешки.

Демон поставил ведро, макнул в него тряпку и стал мыть передок тачанки.

Хорек тут же позабыл про него, наблюдая за омовцами, которые с разных сторон подбирались к лагерю. Он не мог посчитать всех бойцов, но решил, что их около десятка.

На вершинах гор щебня возле стоянки дежурили два демона, а точнее, уже один, потому что тело второго, невидимое для остальных пятнистых, лежало, уткнувшись лицом в камни, и над ним присел на корточках боец с ножом в руке.

К сидящему на вершине другой горы часовому ползли двое в камуфляже. Еще один пробирался к стоянке через низину между горами, и еще двое — левее. Они собрались атаковать! Хорек даже разочарование какое-то ощутил. У него не было никаких сомнений, что омовцы быстро, ловко и, как он надеялся, кроваво расправятся с пятнистыми. А сам Хорек, выходит, останется не у дел. Может, все-таки помочь им, шмальнуть молнией? Хорек потянул было разрядник из-за спины, но передумал. Еще несколько дней назад он обязательно стал бы стрелять, а теперь сдержался.

Интересно, какой у них сигнал к атаке? Звук первого выстрела? Наверняка ведь глушаки на стволах навинчены, но тихий стук все равно будет слышен. Он приподнял голову повыше. Ага, вот и второй часовой готов... Ну все, теперь ничто не мешает атаке. Подберутся поближе — и вперед. Все-таки как замечательно, когда на твоей стороне такие солдаты! Они, может, не настолько в теме, не такие бывалые защитники и спасители, как Хорек, но тоже хороши, он это знал, хотя еще не видел их за работой.

Силуэты все ближе подбирались к стоянке. Там раздался негромкий голос, и драющий

машину демон прекратил свое занятие. В поле зрения появился еще один, в брюках и кителе. Заговорил с «мойщиком», тот ответил и принялся расправлять штаны.

Варханы в тачанке остались на месте, двое других исчезли из виду, потом «мойщик» вернулся уже в сапогах, куртке и с оружием на плече. Куртка и шаровары его, как и у остальных демонов-разведчиков, были пятнистые, но камуфляж не такой, как у омовцев, — черно-желтые разводы, непривычные взгляду.

«Мойщик» зашагал напрямиком на омовца, подползающего к лагерю между горами щебня.

С вагона донеслись тихие голоса. «Твою мать, куда эта тварь поперлась?!» — расслышал Хорек. Пятнистый шел к омовцу, и мальчик испуганно засопел. Что сейчас будет!

Тут-то и началось. Когда демон уже почти наступил бойцу на голову, тот вскочил. Там что-то произошло. Звук удара, потом громко стукнул пистолет — и оба упали.

И тут же вокруг стоянки полыхнули вспышки и раздались хлопки оружия с навинченными глушаками. Внизу закричали. Загудел двигатель. Со всех сторон в низину метнулись камуфляжные силуэты, двое омовцев прыгнули с вагона и тоже рванулись вперед.

Хорек поднялся на колени, азартно наблюдая за атакой. И вдруг понял — тот омовец, на которого едва не наступил «мойщик», лежит на прежнем месте, а вот самого пятнистого нет. Почему, как? Неужели жив?! Убил бойца, а сам...

Прямо перед Хорьком возникло узкое серое лицо, и он заорал с перепугу. Сумевший вырваться из лагеря «мойщик», забравшись на тепловоз, увидел кого-то перед собой, замахнулся...

Телескопический нож-пика, зажатый в правой руке Хорька, вонзился в плечо демона. А кулак того врезал мальчику по лбу.

Его отбросило назад, и Хорек упал на спину. Перед глазами заплескали искры. Он сел, пытаясь стянуть разрядник со спины, но демона на тепловозе уже не было. А пика где, неужели потерял?! Нет, вот она, так и зажата в кулаке...

Голова гудела. Прижав ладонь ко лбу, Хорек на четвереньках пополз к краю крыши, по пути сложил пикой и сунул в карман. Выглянул.

Все уже закончилось. Мотор тачанки стих, смолкли крики, вспышек выстрелов больше нет. Несколько силуэтов в камуфляже снуют между неподвижными телами демонов. Но где же «мойщик»? Исчез! А, нет, вот он — пробирается за горой щебня прочь от лагеря. Омовцы не видят его.

Приглушенный шум донесся сзади, Хорек оглянулся. Кто-то двигался в проеме заводских ворот. Ну да, наблюдатели с крыши цеха услышали первый пистолетный выстрел, потом заметили вспышки — и командир отправил сюда людей. Сейчас они встретятся с омовцами... ничего, нормально, и те и те друзья, как-нибудь договорятся. Но вот «мойщик», что с ним?

Он доберется до главной базы демонов и расскажет, где лагерь. Надо догнать его!

Хорек попятился. Бойцы на стоянке заканчивали осмотр тел, люди со стороны завода приближались. Вдруг они в темноте не разберутся сразу, что к чему, и начнут палить друг в друга?

Подняв лицо к небу, Хорек приставил рупором ладони ко рту и сипло выкрикнул: «Не стреляйте!» Потом улегся пузом на край тепловоза, свесив ноги, и стал сползать.

В голове было еще как-то не очень хорошо. Его даже пошатывало немного, когда вслед за пятнистым, успевшим уйти далеко вперед, он пробирался по краю железнодорожной насыпи. Силуэт «мойщика» то возникал впереди, то исчезал. Пару раз Хорьку показалось, что беглец упал. Ясное дело, получил пикой в плечо, кровяща его черная демонская так и хлещет. Довольный Хорек похлопал себя по карману с пикой и решил, что обязательно сделает для нее ножны на запястье, чтобы ловко выхватывать, когда надо. Он такое видел в каком-то фильме.

Домов стало больше, окраинный заводской район давно сменился жилыми кварталами. Хорек все старался догнать «мойщика» и никак не мог. Тот пропадал из виду, возникал снова... Иногда из темноты вокруг доносились тихие звуки, шелест, постукивание или быстрые шаги. Мальчик не обращал на все это внимания. У него была цель — дичь, которую он преследовал, как настоящий Истребитель Демонов. Пятнистый не должен рассказать другим о лагере друзей, уж Хорек-то этого не допустит.

Стало светлее: где-то впереди горели прожекторы и костры. Он уже тяжело дышал, но все равно поднажал. Демон свернул, Хорек следом. За поворотом улица закончилась последним домом, который, наверное, когда-то был девятиэтажным, а теперь стал пяти-с-половиной-этажным: верхняя часть исчезла, только острые куски стен торчат.

За домом раскинулась главная база демонов.

Хорек аж сбился с шага, такой она была здоровенной, шумной и непонятной. Отсюда он не мог толком разобрать, что там к чему, что происходит и чего понастроили демоны на месте разрушенного квартала. Видел только нечто большое, квадратное и решетчатое, сквозь него просвечивали огни. Горели прожекторы, костры и демонские светильники. Сотни, а то и тысячи людей занимались всякими делами.

Пятнистый, хромя и качаясь, шел к шатрам, что стояли на расчищенном от обломков участке между развалинами и центром лагеря. Вот сейчас тебе и конец настанет! Немного распустив ремешок, Хорек стянул разрядник на бок, решив, что завалит «мойщика» не целясь, выстрелом от пояса, но тут из-за пяти-с-половиной-этажного дома показались трое с повязками на руках.

Двигались они как-то одинаково — не то маршировали, не то просто широко шагали, одновременно переставляя ноги. Скорчи держали наискось, прижав к груди, все равно как солдаты на плацу. Тетка в мужской одежде, молодой дядька... и батя.

Это было как удар молотком по голове, ведь уже пару дней Хорек не вспоминал об отце. Троица ритмично шагала вокруг дома. Возможно, они бы не обратили на ребенка внимания, если бы Хорек не вскрикнул от неожиданности:

— Батя!

Одетый так же, как тогда, на броневику, только совсем небритый, заросший, весь грязный, зачуханный, отец повернул голову. Потом троица свернула к мальчику.

Хорек помнил слово «манкураты», которое несколько раз повторяли люди из отряда Сотника, но не понимал, что оно значит. Какие манкураты, почему манкураты? Он понимал другое: его батя — зомби. Кстати, теперь он на зомбака и похож больше. Похудел, глаза запавшие, под ними темные круги, волосы всклокочены, джинсовый комбез порван и весь в пятнах.

— Батя... — повторил Хорек.

Нет, это не батя.

Пятнистый уходил, зомбаки приближались. Хорек заметался. Куда теперь?! Если назад — потеряет «мойщика». Впереди лагерь, демонов там очень много, он попадет к ним в лапы, и они его сделают таким, как батя. Справа — эти страшные зомби, которые даже хуже демонов, потому что с теми все понятно, а зомбаки — это... это чужое, замаскированное под свое.

А слева?

Там был дом, и Хорек бросился в темный подъезд, вверх по лестнице, спотыкаясь, хрустя осколками, через пролом в разрушенном этаже — под свет звезд.

Зомби бежали следом, тяжело топая по ступеням, и хрустели, и звенели, и стучали, и падали... тупые зомби!

Тупые — но страшные, особенно потому, что среди них бывший батя. Хорек выглянул над куском стены. «Мойщик» шел между двумя демонами, не шел — волочил ноги, они почти тащили его.

Шаги сзади: зомби приближались.

Куртка мешала, Хорек едва сумел перекинуть через голову ремешок. Поднял разрядник

прикладом к плечу. Зомбаки были сзади. Надо бежать! Но нельзя, чтобы «мойщик» рассказал про лагерь! Хорек целился, пытаясь поймать в узкую «мушку» разрядника голову пятнистого — она то запрокидывалась, то падала на грудь. А зомбаки совсем рядом! Но Хорек целился, не убегал. Далеко, прицелиться надо очень хорошо, а зомби уже прямо за спиной, уже слышно их дыхание... Бежать! Но демоны убьют друзей, весь отряд, командира, Лабуса...

Его схватили за плечо. Алая молния вырвалась из ствола.

Хорек так и не понял, попал или нет. Удар прикладом в затылок опрокинул его вперед. Он едва не проглотил язык, разрядник вылетел из рук.

Кувыркнувшись через край, мальчик свалился на балкон четвертого этажа. Упал на бок, охнув от боли в плече, поднялся на колени. Сцепил зубы и не заплакал — потому что Хорек сильный, он не плачет. Встал на четвереньки. Плохо видя и еще хуже понимая, что происходит, пошарил вокруг, но разрядника не нашел.

Вверху рывкнул скорч, пуля ударила в балкон. Хорек выпрямился, слепо тыча перед собой руками. Шагнул вперед, толкнув висящую на одной петле дверь, опрокинул ее и пошел через темную квартиру. Надо уйти отсюда до того, как зомби поймут, где он. Он побежал — сначала неловко, но постепенно все увереннее переставляя ноги.

Когда спускался по лестнице, зомби уже спешили вниз.

Он покинул дом не через дверь подъезда, а сквозь дырку в другой стене. Шаги зомбаков смолкли — тупые, потеряли его. Хорька все еще качало, и очень болело плечо. Самое плохое — он не знал, попал в «мойщика» или нет. Если тот выжил, надо назад в лагерь, хочешь — не хочешь, а придется раскрыться перед друзьями, объяснить, что случилось, они должны срочно уходить отсюда.

Но где лагерь? Как туда вернуться? Преследуя пятнистого, Хорек не следил за направлением и теперь с ужасающей безысходностью понял: он не знает, где лагерь командира. Понятия не имеет, как туда вернуться.

Ему стало совсем плохо. Ясность мысли — в той мере, в какой она вообще была присуща Хорьку, — возвращалась, он все четче слышал звуки... чужую речь... шаги, голоса... стук молотков, скрип пил, плеск воды, лязг, шарканье и ругань... Кто-то прикрикнул: «В сторону!» Край носилок, груженных битыми кирпичами, зацепил его. Толкнули в плечо, потом пихнули в спину. Хорек пошел быстрее. Вокруг сновали люди, занятые своими делами. И демоны. Похолодев, мальчик запахнул куртку, прикрывая висящую на поясе сумку с гранатами.

Один из двух демонов, конвоирующих троицу в рваной одежде и кожаных ошейниках, приостановился, внимательно поглядел на Хорька. Тот отвернулся и ускорил шаг. Он попал в страну демонов, в демонский мир, они были со всех сторон — сотни, тысячи! Надо спрятаться побыстрее!

Путь преградила широкая металлическая стойка, и мальчик поднял голову. Вверх, в стороны уходила сложная решетчатая конструкция. Высоченная, широченная... Пригнувшись, Хорек нырнул за стойку, вцепился в нижнюю перекладину лестницы и полез.

Наверху тоже хватало людей, но все же их тут было поменьше, а еще здесь имелись всякие закоулки, которые он так любил. Места, окруженные светом прожекторов и суетой, но тихие и темные. И пустые.

Хорек нашел одно такое, очень закоулистое и высоко над землей. Прилег на холодное железо в углублении между двумя горизонтальными балками. Они торчали с внутренней стороны лесов, отсюда был виден трехэтажный дом в центре огромного бетонного квадрата. Толпа рабов под наблюдением демонов ломала стены здания.

Мальчик тоскливо прикрыл глаза. Он потерял разрядник. И он не знал, убил ли «мойщика». Может, уже сейчас демоны высылают на завод свои отряды. А еще был батя, то есть равнодушное чужое существо, в которое батя превратился.

Его начал бить озноб, к тому же разболелась голова. Трясушимися руками он достал из сумки минералку, сделал несколько глотков, давясь и сглатывая, потом лег, свернувшись калачиком, накрылся курткой с головой. Только что Хорек был смелым защитником и

спасителем, рядом с ним были друзья, у него был смысл жизни... а теперь он потерял все.

ГЛАВА 19

— Откуда стреляли? — спросил Максар, и командер Сафон показал на полуразрушенное здание недалеко от периметра стройки.

— Стрелок находился там. Я считаю, что убитый — разведчик, отправленный к тебе с донесением. Видишь расцветку?

Одежду мертвеца покрывали камуфляжные разводы. У него почти не осталось головы — разряд превратил ее в сморщенную черную кочерыжку, неестественно маленькую в сравнении с остальным телом. Разглядывая труп, Максар припомнил убийство сержанта, который сквозь окно целился в светловолосого предводителя земных воинов. Этого разведчика убили таким же выстрелом: с помощью оружия Орды, ночью, из заброшенного здания.

Мастер-комендант огляделся, положив руку на приклад токера в чехле на левом боку. Он успел потренироваться в стрельбе и был впечатлен результатом. Если бы токеры были у них на Сайдоне, тамошним дикарям не удалось бы поднять восстание, которое Орда подавила с таким трудом.

Они с Сафоном стояли между шатрами и стройкой, под легким дождем, начавшимся после полуночи. На интенсивность работ дождь не повлиял, ведь еще на закате Гебрил Вишу, собрав мастеров, через них объявил всем рабочим: лично будет казнить тех, кто отлынивает. И вид у него при этом был такой, что всем стало понятно, Гебрил не шутит.

— Итак, кто-то из наших врагов находился рядом с охранным периметром, — подытожил Максар. — А потом исчез. Как я понимаю, сейчас любой из них может незамеченным проскользнуть в лагерь. Почему?

— Гебрил, — пояснил Сафон. — Он как безумный. Хочет закончить стройку очень быстро, требует все новых рабов, манкуратов, материалы, завез целую толпу с Сайдона... Он даже позволил работать вольнонаемным из местных.

— Я разберусь с Гебрилом. Поставь двойное оцепление по периметру, чтобы никто не мог пройти. Любой новый раб, вольник, манкурат, входящие на территорию, должны подвергаться досмотру.

— Сюда постоянно прибывают обозы с материалами. Везут раствор, железо... Гебрил приказал доставлять булыжники из местной каменоломни. А еще провизия.

— Все машины останавливать и проверять.

— Но это задержит поставки, Гебрил взбесится.

— Я сказал, что разберусь с ним.

— Хорошо, но где взять людей? — спросил Сафон. — С Терианы не могут непрерывно отправлять сюда новые отряды, мощности ворсибов не хватает.

— В окрестностях пять малых лагерей, заberi людей из трех. Должно быть двойное оцепление, ты понял? Утром ждут обоз с земным оружием, накопленным в Красном лагере, — сопровождающих его бойцов назад не отпускать, оставить для охраны. У нас здесь тоже есть местное оружие, используй его. Прямо сейчас подними на ноги тех, кто спит, и организуй обучение. Стрельбище можно сделать там, где я испытывал токер. Еще у землян есть оружие, выстреливающее гранаты на большое расстояние, поэтому пусть Гебрил отправит часть рабочих сломать дополнительный ряд зданий вокруг стройки, чтобы периметр увеличился.

— Я не могу приказывать Гебрилу...

— Я сам прикажу ему. Что-то еще, Сафон?

— Да, тут один человек... Землянин, но не раб — вольник, пришедший к нам на работы с женой и двумя плотниками. Он говорит, что на их повозки, в которых они везли припасы, напали вооруженные люди. По описанию — не случайные мародеры, а солдаты. Может, даже воины.

Максар крепче сжал приклад токера. Вот оно! Его буквально пронзило ощущение того, что он слышит нечто очень важное, пусть даже Сафон не придает этим сведениям особого значения.

— Сколько было нападавших?

— Трое. Молодой родственник землянина ушел с ними. Вольник слышал их разговор, и ему показалось, что где-то в том районе у нападавших стоянка или лагерь.

— Я должен сам допросить его.

— Прямо сейчас? По-моему, необходимости нет — я знаю место, где на повозки напали, могу описать его.

Выслушав объяснения Сафона, Максар решил:

— Дальше займусь этим лично. Где клерики?

— За ночь они дважды ходили на разведку с проводником, сейчас отдыхают в своем шатре. Он рядом с шатром Эйзикала.

— Не время отдыхать. И тебе тоже, Сафон. Мы сделали... многое. Осталось последнее — защитить Сиб до открытия большого Ока. Тогда Орда станет хозяином четырех миров, — мысленно Максар добавил: «А я стану хозяином Орды», но вслух сказал другое: — Организуй двойной периметр.

Не дожидаясь ответа, он зашагал в сторону шатров. Охрану, положенную коменданту, Максар передал в распоряжение Сафона еще днем, и его никто не сопровождал. Некоторые из снующих вокруг людей узнавали мастера-коменданта, останавливались, прижав правую руку к груди, и спешили дальше по своим делам. Максар ни на кого не смотрел.

Клерики сидели в своем шатре с дымящимися чашками в руках. На досках была расстелена карта, над ней склонились Фелиз и раб-проводник Рост. Он говорил на земном языке, водя пальцем по карте, Фелиз переводил. Когда Максар вошел, все повернулись к нему.

— Доклад.

— Мы проверили два места, — хрипло зашептал Фелиз. — Никого. Раб назвал еще семь мест в округе, где может прятаться такой отряд: усадьба, завод, станция железной дороги... Но раб спрашивает, есть ли полная уверенность, что еретики где-то рядом?

Скользнув пальцами по повязке на лице, Максар сказал:

— Только что возле стройки был убит наш разведчик. Скорее всего, еретики поняли, что за ними следят, атаковали разведчиков, но один сбежал и, раненный, направился сюда. Его преследовали, догнали и уничтожили до того, как он успел передать сведения. Это значит — еретики близко.

Потом он вкратце пересказал то, о чем Сафону сообщил землянин-вольник, и назвал место, где трое неизвестных напали на повозки.

— Но это могли быть и не еретики, — заметил самый старший из клериков, чьи длинные, с проседью, волосы были заплетены толстой косой.

— И все равно: ищите убежище, где мог спрятаться отряд, в той стороне. Прежде всего надо проверить их, потом заняться другими направлениями. Найдите еретиков как можно быстрее — это очень важно. Используйте гранчи.

ГЛАВА 20

Сержант был невысокого, для омовца, роста — остальные парни в отряде выше минимум на полголовы, — худой, с черными волосами, тонкими бровями и узковатыми глазами. Звали его Руслан Каримов.

Сотник с Курортником сидели на лавке в мастерской, а Лабус привалился к стене, сложив руки на груди. Он исподлобья наблюдал за омовцем, который прохаживался туда-сюда, потирал ладони, иногда громко хлопал себя по бедру. Движения у него были быстрые и резкие, хищные.

Из цеха доносились голоса и стук ложек о миски — рядовые обедали.

— Ну вы наговорили! — произнес Руслан. — Миры всякие, реальности — это такая хрень, которую я не понимаю. Может, и не хрень, но я в это вникать не буду. А вот их основной лагерь мы видели, и они там такую дуру строят... зачем? Зеленые воронки видели тоже, и то, как из них отряды этих уродов выходят.

— Вот в той дуре и стоит машина, которая завтра ночью создаст самую большую воронку, — заметил Лабус. — Тогда нам всем конец.

Руслан резко повернулся к нему:

— Выражайся яснее, прапорщик.

Костя только хмыкнул в ответ.

— Это означает, что следующей ночью противник получит возможность за считаное время доставлять сюда крупные военные соединения, — пояснил Сотник. — А также технику, оружие и боеприпасы. И еще, как нам сообщили, сможет увеличить купол, из-за чего по всей планете вырубится большинство электронных систем. Как у тебя с воображением, сержант?

— Никак, — отрезал Руслан.

— У меня тоже. Но представить, что тогда произойдет на Земле, я могу.

— Ну хорошо, пусть РЗСО у нас нету, но у меня в отряде две трубы, первая — одноразовая РПГ, а ко второй четыре гранаты. Можем машину, которая создаст эту большую воронку, взорвать на хрен издалека. И ты хочешь мне сказать, капитан, что этого делать нельзя? Что надо дожидаться, когда воронка появится и всё станет совсем плохо?

— Во-первых, не думаю, что сейчас к их базе можно подобраться так, чтобы прицельно выстрелить из РПГ. Во-вторых — да, именно это я тебе и говорю.

— Значит, скрытное проникновение. Или все же прямая атака? Это надо решить.

— Так ты с нами? — спросил Курортник.

Правая рука Руслана Каримова ребром врезалась в ладонь левой.

— Может, я с вами, а может, это вы со мной, прапорщик. Мы шатались здесь без цели, мочили уродов. Другие отряды южнее есть, не ОМОН, всякие-тоже слоняются там, прячутся. И толку? Вряд ли все это, что вы мне нарасказывали, бред сплошной. Не всему я поверил, конечно, но это сейчас неважно. Только вот что: моим парням ничего про другие миры и время, которое по-разному идет, не втирайте. Они это точно за фуфло примут, и доверия к вам не будет, а нам вместе работать.

Лабус дернул себя за ус.

— Они ж с терианцами там сидят, людьми из другого мира.

— Терианцы-хренианцы... для парней это просто иностранцы. Из страны Инострании. Сейчас надо все подготовить и успеть поспать. Уже рассвело, а следующей ночью, судя по вашим прогнозам, будет та еще заваруха.

Разговор прервал донесшийся снаружи рокот. Голоса в цеху зазвучали громче, и Сотник первый сорвался с места.

— Никому не выходить! — гаркнул он, пробегая через цех. — Не высовываться!

У дверей остановился, присев, осторожно выглянул. Низко над заводом в сторону железнодорожной ветки летел самолет.

— Не могу модель определить, — прозвучал сзади тихий голос сержанта Каримова. — Что за машина?

Лабус, Курортник и сержант присели рядом с Игорем. Самолет, имевший узкий фюзеляж и широкие прямоугольные крылья, заложил вираж.

— Крыльями на «кукурузник» похож, но фюзеляж совсем не такой. И герб вон снизу, — заметил Лабус. — Черепуха с топорами, что ли. Сержант, за вагонами никаких улик не осталось?

— Ничего, — заверил Каримов. — Тела зарыли в щебень, тачанки пригнали сюда. Брошенного оружия, даже гильз — ничего нет.

Самолет полетел по широкому кругу, и Костя добавил:

— Не нравится мне это. Почему он к заводу возвращается? Значит, заметил кого-то.

— Каримов, из РПГ такую машину собьешь? — быстро спросил Игорь.
Сержант пригляделся к самолету.
— Низко летит, скорость небольшая... Гарантировать не могу, но шансы есть.
— Действуй. Это разведчик, наверное, он засек часовых на крыше. Если вернется к своим — в течение часа варханы будут здесь, а так выиграем немного времени.
Омоновец метнулся к мастерской, где они сложили часть оружия. Его подчиненные, не знаящие пока, что происходит, заняли позиции по всему цеху, выставив из-за укрытий глушители малогабаритных автоматов «тисов». Сержант Каримов на бегу бросил что-то двум бойцам, и те вскочили.
Самолет уже подлетал к заводу, когда трое омоновцев подбежали к дверям. У сержанта и одного рядового были РПГ, у второго — «винторез».
Курортник с Лабусом и Сотником отодвинулись в стороны от двери. Бойцы заняли позицию в проеме, подняв оружие. Самолет летел совсем низко, отчетливо был виден узкий фонарь, два силуэта за ним, торчащий вперед пулеметный ствол.
Сзади донесся окрик, они оглянулись. На лестнице, ведущей в командный пункт, то есть в прилепившийся к потолку цеха контейнер с окном, стояли Яков, Юриан и Явсен. Подняв руку, чтобы привлечь внимание людей у двери, Яков заговорил, и тут Каримов выстрелил.
Он грамотно взял упреждение, и вообще все рассчитал правильно — граната ударила точно в носовую часть.
Отголоски взрыва покатались по окрестностям. Самолет качнулся, промчался над самой крышей, все сильнее забирая влево, между коробками соседних цехов... Потом его не стало видно, но вскоре донесся короткий грохот.
Каримов выпрямился, опустив трубу РПГ, за ним поднялись с колен два бойца.
— Вот так, — сухо бросил сержант и зашагал обратно через цех.
— Все равно новую базу надо искать, — заметил Курортник. Они повернулись к командному пункту. Явсен, Юриан и Яков все еще стояли на ведущей от контейнера лестнице. Последний, убедившись, что теперь его слушают, громко повторил:
— Пришло сообщение с Терианы — они начали операцию захвата.

ЧАСТЬ IV ЗАХВАТ

ГЛАВА 21

Выступы под монитором назывались «ксилы». Придавив один из них, Кирилл погасил экран похожего на большую чечевицу ноутбука, повернулся к Денису:
— Это не кнопки, а скорее примитивные джойстики. Вдавливает каждый можно минимум тремя разными способами. Нужен месяц только на то, чтобы появилась более-менее нормальная моторика для работы с такой «клавой».

Денис сидел на стуле, Омний стоял рядом, широко расставив ноги и сложив руки на груди, похожий на статую адмирала, маршала или первопроходца-исследователя. Он приковывал к себе взгляд, Кирилл уже несколько раз замечал, что когда говорит с ними двумя — на самом деле обращается к Омнию. Но отвечал тот редко, а еще казалось, что беглый пеон занят в основном своими мыслями, то есть происходящим в его голове, а не снаружи. Как там выразился по поводу него Денис, когда Кирилл только пришел сюда? «Сложный человек».

Едва слышно гудел генератор, иногда что-то потренькивало внутри стоящей посреди пещеры малой порталной машины. На торце ее возле «бивней» было круглое гнездо, куда и надо вставить недостающую деталь, чтобы устройство включилось.

— Но ведь от нас не требуется серьезная работа с компьютером, — возразил Денис. — Важно только понять, как подключить его к Сибу, и закачать метавирус. Омний говорил — дальше тот активизируется и сделает все сам.

— Я слышал, что он говорил. Ладно, давайте еще раз по всему пройдемся.

Вместо Сиба у них был второй кристаллический лэптоп. Кир с Денисом уже несколько раз включали их, соединяли с помощью серебристого провода, штекеры на концах которого напоминали присоски с тонкой спиралькой в центре, пытались запустить «Скерлагос-2» внутри эмулятора... Каждый раз что-то не получалось.

Кирилл, отстегнув от ремня ножны с катаной, положил их на край стола, чтоб не брякали о ножку стула и не мешали, после чего снова взялся за лэптоп.

— Ключ, — сказал Омний. — Кир-Ил должен начать с ключ...

— Это я уже запомнил! — отмахнулся Кир и показал на покату ю «тумбочку» передатчика, стоящую возле стола. — Связи нет?

— Буря. Помех. Нет связь.

— Интересно, где может быть эта буря — между мирами? А что, если пока подключить лэптоп к другим устройствам? К тому большому компу в соседнем помещении, к передатчику, может, еще к чему-то.

— Зачем нам это? — возразил Денис. — На Земле задача одна — инициировать вирус, соединив лэптоп с Сибом. Как это сделать, мы оба уже поняли. К тому же, надеюсь, Омний тоже будет с нами, тогда мы вообще не понадобится. Мы для него просто запасные варианты. А ты влезаешь в какие-то тонкости, которые нам не нужны, теперь еще собрался делать сетку с другими устройствами.

— Я хочу увидеть разные комбинации, это может пригодиться.

— Ни для чего это нам не пригодится.

— Никто не запрещает тебе выйти на балкон и любоваться пейзажем, — отрезал Кир. — Не мешай работать.

Сквозь распахнувшуюся калитку в большой железной двери вошли Мариэна, Леша и Багрянец. Все были в камуфляжных комбинезонах с черно-желтыми разводами, рыжих ботинках с высокой шнуровкой и перчатках без «пальцев».

— Ну что, парни, разобрались? — спросил Леша.

— Денис считает, что да, но на самом деле пока только пытаемся, — ответил Кир.

— Ну-ну, вы поактивнее давайте.

Мариэна заговорила с Омнием, который, слушая, свел над переносицей густые брови. Багрянец, кинув на двух «ботанов» и лэптопы снисходительный взгляд, стал прохаживаться перед столом, похлопывая по револьверу в кобуре. Он явно нервничал, а вот Леша казался спокойным и в то же время энергичным, но не таким суетливым, как обычно, более собранным, жестким. Компресс с шеи старика исчез, голос окреп, из него ушли дрожь, дребезжание. Даже спина как-то распрямилась, а грудь стала не такой впалой. Кир понимал, что это иллюзия, но не мог отделаться от ощущения, что Леша выздоровел. И помолодел.

— На дне шахты нашли тело Мадана, — объявил он, усаживаясь верхом на стул между Киром и Денисом. — Того самого механика, который последним сбежал с базы за рекой.

Он многозначительно замолчал, и Кирилл спросил:

— Разбился?

— Да, только вот сначала ему ножом перехватили горло.

— И что это значит? Что не он шпион варханов?

— Возможно, да.

С тех пор как на поиски Мадана отправились четыре группы, над базой висела угроза атаки варханских штурмовиков, приведенных шпионом. Денис облегченно вздохнул, но увидел выражения лиц Кира с Лешей и спросил:

— Что случилось? Почему вы такие... А, потому что если Мадан не шпион, то кто шпион?

— Резонный вопрос, — кивнул старик. — Кто тогда? И кто убил механика? Думаю, Мадан шпиона как-то случайно вычислил, и тот с ним разделался. Или... Что головой качаешь, Кирюха?

— Тут что-то не так, — сказал Кир. — Во всем этом есть какая-то хитрость, только я пока не могу понять какая.

— Много фантастики читал, а надо было — шпионские романы. Павлуха, ты чего расхаживаешь там? — старик оглянулся на Багрянца, который уже чуть не бегал туда-сюда вдоль стола. — Спокойней давай, не мельтеши.

Павел ожесточенно почесал лоб.

— Да у меня всегда так. Перед важным боем дергаюсь, а как на ринг выхожу — спокуха полная. Эх, у них тут настойка такая имеется, крепкая, пахучая, сто граммов бы сейчас. Хотя лучше обычной водки.

— Перед боем на ринге ты тоже сто граммов принимал?

— Нет, конечно! Как можно...

— Вот и сейчас нельзя. Попробуй подыши глубоко, медленно — простой метод, а успокаивает.

Багрянец остановился и старательно засопел. Омний и Мариэна продолжали негромкий разговор, а Леша снова обратился к Денису с Кириллом:

— Я, парни, не хочу, чтобы вы тут сидели, не понимая, что к чему и чего ждать. Потому рассказываю: для операции дали своих людей все базы повстанцев, плюс из глубины гор вышли отряды, которые постоянно там кочуют. Терианцы разделились на четыре большие группы. Одна остается на базе, обороной руководит Мариэна, защищает вас, если понадобится, а вы с Омнием изучаете все эти компьютерные дела. Омний отправится с вами на Землю, но все равно — чем больше людей будет знать, как запустить вирус, тем больше у нас шансов на успех. Далее, вторая группа во главе с Луканом работает в городе. На самом деле там очень много народу будет задействовано, десятки отрядов, и Лукан всеми командует. Третья — небольшая, командир Нардис, эти на реке. Ну и, наконец, мы с Багрянцем... сами понимаете.

— Вы что, вдвоем сунетесь в Центаврос? — удивился Кирилл.

— Нет, ясное дело, с нами еще четверо, включая Батура, который поведет самолет.

— Когда он научился пилотировать гранчи?

— Батур — дезертир, — пояснил Денис. — То есть он сайдонец, его еще в детстве забрали в Орду, а позже, уже на Териане, сбежал...

— ...А вот, кстати, и он, — заключил Леша.

Белобрысый великан вошел в мастерскую весь увешанный оружием, за ним появился длинноволосый паренек, которого Кир видел внутри сторожевого «пальца», тот, что подбил самолет зажигательной бутылкой из ружья. Звали его, как позже выяснилось, Гумача, и он был лучшим стрелком на базе. «Стрелок от бога, бывают такие», — выразился по этому поводу Леша. Гумача нес мотки веревки, карабины, раздвижные крюки, металлические блоки и лебедки.

Леша вскочил, потирая руки:

— Арбалеты принесли? Двух хватит, отлично! Пружинные? Раскладываются? А блок с лебедкой как цепляется? Хорошо! Да, и что с самолетом, шасси починили? Денис,

переведи...

Но Батур, раскладывая на столе оружие, уже взволнованно заговорил сам. Лица Омния, Мариэны и Дениса вытянулись, и Кирилл напрягся, поняв: что-то произошло. Гумача тем временем принялся раздавать Леше с Павлом веревки и прочее.

— Деня, докладывай! — велел старик.

— Гранч готов для полета, — медленно произнес ученый. — Взлететь, как и рассчитывали, можно по склону, который начинается от пещеры. Но...

— Что? Не умеешь докладывать четко. Говори же!

— Я ученый, а не солдат, чтобы вам рапортовать. В общем, на поиски Мадана, еще до того, как его тело нашли на дне шахты, отправились несколько групп. Все они вернулись, кроме одной. Ею командовал Айрин. Помните, это такой усатый, веселый...

— Мы помним, помним, — перебил Кирилл. — Рассказывай дальше.

— Его группа состояла из четверых, включая Айрина. Когда группа не пришла обратно в условленное время, отправили людей уже на ее поиски. Айрина нет, где он — неизвестно, а остальных троих нашли мертвыми в расщелине: двое застрелены, один зарезан. Рана напоминает ту, что на теле Мадана, — длинный разрез наискось через шею.

Побледнев, Денис взялся за горло и замолчал одновременно с Батуром, который все это время продолжал говорить на лингвейке. Великан кивнул, словно подтверждая сказанное, и поманил Багрянца, уже повесившего на плечо большой моток веревки, а к поясу прицепившего блок с лебедкой. Батур показал Павлу на скорч, но тот возразил:

— А почему не разрядник? Разрядник хочу!

— А соску и плюшевого мишку не хочешь? — вклинился Леша. — Бери, что дают, разрядник Гумаче достанется, он лучший стрелок. Так, насчет группы Айрина — кто-нибудь что-нибудь понимает?

— Я не... — начал Денис.

— А я понимаю! — Леша стукнул кулаком по столу. — Все теперь понятно! Айрин этот и работал на Орду. Попад сюда, он не мог просто так сбежать с базы, здесь же своя охрана, правила. Ловко мужик все провернул — спец, не иначе, обученный. Подстерег Мадана, тихо убил, сбросил в шахту. Этим одновременно и отвлек наше внимание, и создал для себя возможность легально выйти за территорию. Сам же, наверное, и кричал больше всех: надо шпиона догнать! Потом, дождавшись момента, убил троих, которые были с ним в группе, и отправился напрямик к варханам. Сколько часов прошло, а? — Леша поднял руку, распрямив указательный палец, на котором, как и у других землян, были часы-перстень. — Так... короткая стрелка на «три», средняя на «двенадцать»... Черт ногу сломит в их делении времени! В общем — Айрин ушел отсюда давно.

— Но это значит, что штурмовой отряд варханов мог уже выдвинуться к шахте, — заметил Кир. — Они теперь вообще в любой момент могут нагрянуть.

— Кулаг барберсер — много жестоко, — произнес Омний негромко и мгновенно стал центром всеобщего внимания, даже ковыряющийся в лебедке Багрянец повернулся к нему. — Беда... мор-беда, много-беда люди город Наргелис. Кулаг идет здесь. Барберсер эвори вархонт бервалд... — он добавил еще несколько слов на лингвейке.

Денис пояснил:

— Говорит, что в Орде есть особые отряды штурмовиков, и все они берсеры, то есть потомственные воины. Очень жестокие, от них много беды. Только не могу понять, что это за «вархонт бервалд», уже второй раз слышу от Омния. «Бервалд» вообще-то можно перевести как «мертвый мир» или «мертвая реальность», а «вархонт»... или это название?

— Так уточни у него, — предложил Кир, заинтересовавшийся словосочетанием «мертвый мир».

— В том-то и дело, что не отвечает, просто отворачивается, когда спрашиваю.

Снова заговорил Леша:

— Ладно, про миры свои потом, парни. Сейчас всем внешним постам базы надо дать команду быть особо бдительными. А нам надо выдвигаться немедленно. Лукан со своими

уже начал, Нардис тоже вот-вот начнет, так что пора. Давайте-ка последний раз по плану пройдемся...

Он достал из сумки лист грубой темно-серой бумаги, развернул на столе. На этом листе Омний, единственный из повстанцев, побывавший в местном Центавресе, раньше нарисовал план постройки. Леша заговорил с Денисом, тот стал переводить, Батур — отвечать, а Омний показывать что-то на плане. Кира тронули за руку, он повернулся — рядом стояла Мариэна. Серьезно, строго глядя ему в глаза, терианка произнесла длинную фразу. В ней попались всего несколько знакомых слов, но смысл был понятен: она просила его сделать то, для чего повстанцы сейчас рисковали своими жизнями, потому что иначе все жертвы будут напрасны.

— Ладно, не переживай, — Кир кивнул на Омния с Денисом. — Эти двое тоже ареа хадук и тоже отправятся на Землю. Если не я, так они сделают. Хотя Омния варханы хорошо знают, да и заметный он. К земному Центаврису ему, наверное, соваться нельзя, если мы туда как шпионы, скрытно собираемся проникнуть.

Палец Мариэны ткнулся в грудь Кирилла.

— Ты, — сказала она. — Кир-Ил должен «Скерлагос» им Сиб.

— Кир-Ил — так Кир-Ил, — согласился он.

— Ну, парни, все понятно? — донеслось от стола. — На этом Жилище Богов у нас особо болтать не получится, пока с нами Деня — задавайте вопросы, а там уже будем делать все четко по плану, без говорильни.

Снова раздался бас Батура. Мариэна отошла от Кирилла, и тот присел на стул, наблюдая за остальными. Когда повторный разбор предстоящей операции закончился, девушка обратилась к беловолосому великану.

— Что она говорит? — спросил он у Дениса.

— Просит передать внешним постам со стороны реки, что приближается отряд штурмовиков, чтоб были начеку и, как только увидят его, слали на базу посыльного с сообщением.

— Штурмовики могут и обходной маневр какой-нибудь сделать, — заметил Кир. — Хотя для них это лишнее время, конечно.

Леша, Багрянец, Батур и Гумача, обвешанные веревками, карабинами и блоками, а еще — оружием, патронташами и подсумками с гранатами, напоминали вооруженных до зубов альпинистов. Опершись кулаками на стол, Омний подался вперед и медленно обвел взглядом присутствующих. Все смотрели на него.

— Важно дело, — произнес Омний. — Так важно, что больше его нет. На Териана, на Земля — нет. Вся работа, труд людей Териана, борьба против вархан есть подготовка к делу, который сейчас. Если нет... если неудача — Териана беда. Это...

— Разгром, — тихо подсказал Денис. — Разгром повстанцев.

— Так! — согласился Омний. — Раз-гром, два-гром... мор-гром, всем — полный гром! Значит, победа надо. Иначе Орда — валд Мегалон. Валд... Власть, мир. Орда — власть. Другой люди — раб. Раб и смерть.

Он замолчал, и Леша непривычно громким, сильным голосом подвел итог:

— А раз так — по коням, парни. Если штурмовики сейчас приближаются к базе, то теперь главное, кто первым успеет. Мы или они.

ГЛАВА 22

Первую фазу операции начал взрыв, прозвучавший в месте, которое во время оккупации с подачи новой власти стало называться площадью Кланов. Большинство улиц в центре Наргелиса покрывала застывшая смесь древесной смолы, мелкого щебня и песка, но вторую по величине площадь — после той, что окружала Центаврос, — когда-то замостили разноцветными голышами, из-за чего до появления варханов она называлась Радужной.

Взрыв обрушил колонны вместе с козырьком над входом в ратушу, обломки завалили семерых варханов из охраны и оба пулеметных гнезда. От эпицентра пополз газ — тот

самый, что использовали захватчики. Цистерну повстанцы недавно отбили у военной колонны, почти целиком потеряв при этом боевой состав одной из малых баз.

В ратушу они подложили одну не слишком большую емкость с газом, и тот разошелся двухметровым облаком, которое быстро опало. Языки от него поползли, удлиняясь, по трем ведущим от площади улицам. Это не привело к жертвам среди горожан, но вызвало панику.

Улицы заполнились людьми, убегающими из окрестных домов, повозками и машинами, что не позволило варханам быстро подвести к ратуше свои силы.

Зато позволило прячущимся неподалеку повстанцам, надев газовые маски, устроить налет на здание. В считанные минуты большинство находящихся там чиновников, прианов и варханов из охраны были уничтожены. Повстанцы стали отходить по заранее намеченному пути через дворы, но напоролась на спешащий навстречу вражеский отряд. Завязалась перестрелка.

Три гранча закружили низко над городом. К этому времени взрывы прозвучали еще в двух местах: в налоговой службе и на складе машинных масел. Диверсанты еще собирались взорвать причал патрульных катеров и дом командера Нектора бер'Грона вместе с хозяином, но акции провалились: слишком мало времени было на подготовку. Дом командера обрушили при помощи выстрела ракетами из «хвачки», самодельной установки залпового огня, недавно созданной повстанцами и впервые используемой, но, как выяснилось, агентурные сведения были неверны, сам Нектор бер'Грон в этот момент находился в Центавресе.

Да и на складе машинных масел операция сорвалась бы, если бы не решительные действия отправленной туда группы. После того как охранники обнаружили заложенный под стеной в кладовке заряд, диверсанты застрелили несколько прианов и все же устроили взрыв, из-за которого трое терианцев погибли на месте. Пожар, начавшийся вслед за этой диверсией, был если не самым сильным, то наверняка самым дымным из всех, что когда-либо происходили в столице Наргала. Черная, удушливая, масляная гарь поползла во все стороны от пылающего склада, быстро накрыв близлежащие кварталы.

Лукан дирижировал происходящим с крыши мусорного распределителя, куда свозились отбросы со всего города. Отсюда после сортировки их отправляли на поля как удобрения, в печи мусоросжигателя или в северные карьеры на границе освоенных земель, для захоронения. Недалеко от работающего бункера стоял другой, заброшенный, где из-за сильного пожара обвалилась большая часть внутренних перекрытий.

На крыше дул сильный ветер — предвидя это, Лукан надел меховую куртку с шапкой, сапоги и теплые шерстяные штаны. На круглой бетонной крыше бункера было несколько построек, в которые он приказал поставить два пулемета. Возле одного с начала операции дежурил стрелок — единственный, помимо старика, человек, постоянно находящийся на крыше; у второго пока что никого не было. Сюда притащили ящики, из них соорудили стул и стол, где Лукан расстелил карту города. Красными кружками на ней были отмечены места диверсий.

В распределителе работала самая крупная повстанческая группа Наргелиса. Крупная — и при этом отлично законспирированная. Прямо перед началом операции местная охрана была перебита, и пока что никто из оккупантов или прианов не догадался, что предприятие полностью в руках повстанцев. Здесь никаких диверсий не проводили, распределитель работал как обычно — ничто не должно было привлечь к нему внимание.

Сидя на скрипучем ящике в центре крыши, Лукан изучал карту. Он взял карандаш, перечеркнул крестиками три кружка, обозначающие те места, где акции провалились, и стал мысленно подсчитывать потери. Не меньше двух десятков человек уже наверняка убиты противником. Чтобы начать такую крупномасштабную операцию, повстанцам пришлось задействовать все свои силы. Если ударный отряд, который должен захватить фильтр, не справится, либо позже что-то пойдет не так на Земле, последуют репрессии, обыски, облавы и погромы. Из Сайдона пришлют несколько полков, чтобы прочесать горы возле Наргелиса, а это значит, что всей их организации настанет конец.

Из люка возле навеса показался помощник, принимающий донесения от курьеров на

нижнем этаже и сообщаящий их командиру.

— Крупный отряд противника выехал из Южных казарм, — доложил он. — Три грузовика с бойцами и пять машин боевого охранения. Двигутся к Радужной площади.

— Южные казармы... — Лукан снова взял карандаш со стола и, проведя по карте извилистую красную линию, ткнул в перекресток неподалеку от площади. — Вот здесь они могут разделиться, часть свернет к складу масел, а вторая пойдет дальше к площади. Либо все поедут туда. В этом месте надо устроить засаду.

— Их много.

— Правильно, обойдемся без серьезных перестрелок. Передай: я приказал поставить шесть... нет, восемь человек на крышах с двух сторон от перекрестка. С гранатами — пусть полевые командиры отдадут им большую часть того, что есть в наличии. Двое бросают гранаты в начало колонны, двое — в конец, четверо — в середину. Открывают огонь — и отступают, как только начинаются ответные выстрелы. Повторяю: никаких длительных перестрелок, задача задержать отряд, а не уничтожить. И пусть курьеры передадут мой приказ Синей, Зеленой и Черной группам: «Начинайте».

Помощник быстро глянул на соседний, заброшенный бункер, едва заметно улыбнулся и нырнул обратно в люк.

Лукан сделал глоток разбавленного водой рома из мятой алюминиевой кружки, взял со стола бинокль и прошел к краю крыши. Дым стелился над городом. Он так и рассчитал, планируя акцию на складе масел: теперь с гранчей трудно понять, что происходит. Как и с Центавроса. Старик направил бинокль на пирамиду. Где-то там сейчас Нектор бер'Грон, наблюдает с высоты — куда большей, чем та, на которой стоит командир диверсантов, — за происходящим, получает донесения, отдает приказы...

Лукан знал: рано или поздно мусорный бункер обнаружат. Имелось несколько других подходящих для командно-наблюдательного пункта мест, но это искать будут дольше, чем остальные. Хотя, насколько он знал варханского командера, тому все равно не понадобится много времени. И когда Нектор вычислит вражеский командный пункт, то постарается как можно быстрее его уничтожить. Лукан был готов. Он старик, ему не страшно умирать, главное, довести все до конца.

С площадки на вершине Центавроса в сторону гор выступал длинный помост, снизу укрепленный балками, под прямым углом упирающимися в наклонную стену пирамиды. С помоста один за другим начали срываться разогнавшиеся гранчи — в первый момент они немного опускались, затем плавно взмывали и сворачивали на север.

Важный момент! Убрав бинокль, Лукан кивнул сам себе: хорошо, пока все идет по плану. Если гранчи полетели туда в таком количестве — значит, начала работать группа Нардиса.

Он снова посмотрел на Центаврос. *Ну что, ты уже понял, где я?*

* * *

Где же ты?

Мастер-командер Нектор бер'Грон оторвался от окуляра длинной подзорной трубы на треноге. По галерее, огороженной невысоким бордюром, гулял ветер. Она тянулась вдоль всей стены — широкая полоса светлого камня, на которой стояло несколько пушек. Возле каждой дежурил расчет из трех варханов. От треугольной двери внутрь Центавроса сквозь толщу стены шел коридор, оттуда доносились шаги и голоса.

Стул со столом по приказу командера поставили возле внешнего края галереи. С другой стороны наклонно вверх уходила стена третьего, верхнего яруса — огромное каменное поле, постепенно сужающееся к небу. Облака ползли в вышине, и если поднять голову, то кажется, что это Центаврос движется, непрерывно клонится в одну сторону, падает и падает, но никак не упадет. Свежий, полный влаги воздух, простор, тихий шепот ветра, чужой миру твоих ног — то есть уже не чужой, уже твой... Нектор любил это место больше треугольной площади

на вершине Центавроса, хотя та и находилась гораздо выше. Но там всегда шумно, суетливо, а здесь — спокойно и можно подумать о вечном.

Впрочем, сейчас ему было не до вечности. Языки пламени пробивались сквозь дымовую пелену уже в пяти местах — пять взрывов, пять больших пожаров. Причем один из них, начавшийся из-за диверсии в живодерне на окраине города, где большинство домов были деревянными, быстро распространялся. И дыма от горящих масел столько, что с гранчей докладывают: они не могут толком вести наблюдение, вычисляя передвижения крупных отрядов еретиков.

Командер отпил вина из высокого бокала. Поставив его на круглый столик с изящными резными ножками, сделанный сайдонским мастером-рабом, выпрямился. Взял со стола перчатки из тонкой бархатистой кожи и задумчиво похлопал ими по ладони, через бордюр глядя на город. Нектор бер'Грон был подтянутым узколицым щеголем с густыми, иссиня-черными волосами, со сдержанными изысканными движениями и сдержанным чувством юмора, скорее политик, нежели воин, привыкший к тонким интригам и осторожным ходам. С одной стороны, Гроны были вынуждены делить власть на Териане с Махами, которые сумели поставить своего человека комендантом Центавроса. С другой, гранчами управляли пилоты-Гроны, их клан владел единственной в Ангулеме мануфактурой, строящей летающие машины, и обучал пилотов. С третьей — большая часть местного гарнизона была из Махов. С четвертой... с пятой... В общем, всевозможных нюансов хватало, и теперь, когда с Земли пришло сообщение, что тамошним комендантом стал молодой, подающий надежды, безжалостный кровавый эгоистичный убийца Максар, любимец всей семьи Гронов, положение Нектора стало еще более сложным.

Где же ты? — снова подумал он. Ведь кто-то должен командовать диверсантами, должен наблюдать за всем. Откуда, из какого места? Высокое это должно быть место, но не горы ведь — даже до ближайших вершин слишком далеко, никакая оптика не поможет. А если не горы, что тогда? Вон тот шпиль с часами на здании возле пострадавшей от взрыва ратуши? Или городская водонапорная башня? Или семиэтажная высотка, где живет зажиточный горожанин Микета Валух, хозяин всех продуктовых лавок и складов центра, с которым Нектор не далее как вчера вечером играл в кости? Нет, нет и нет! *Ты где-то в другом месте, но где?*

Бросив перчатки на стол, Нектор поставил ногу в начищенном до золотого блеска ярко-желтом сапоге — остроносом, а не таком, какие носили большинство варханов, — на край стула. Уперся в колено локтем и снова приник к подзорной трубе. Стал медленно поворачивать ее, скользя взглядом по крышам, по улицам и кварталам, все дальше — к западной окраине, через район мануфактур. Дым мешал, хотя в той стороне его было меньше. Потянулись заборы, земляные улицы, сараи и скотные дворы — все не то! — он стал смещать трубу быстрее, в окуляре мелькнули высокие бетонные цилиндры... Стоп! А что, если...

Прямо за спиной раздались громкие шаги, рука дернулась, труба тоже. Командер с досадой обернулся. На галерее появился его ординарец, а с ним Сморт бер'Мах, комендант Центавроса.

Молодой ординарец растерянно хмурился, а Сморт, такой же толстый и невысокий, как и большинство взрослых представителей его клана, выпалил:

— Ты медлишь!

Нектор поморщился: из-за внезапного появления этих двоих мысль, которая посетила его только что, вылетела из головы. А ведь на мгновение командеру показалось, что он понял, где может скрываться вражеский командир. Ничего, труба все еще направлена в ту сторону — надо просто заново внимательно осмотреть западную окраину.

Он сказал:

— Штурмовики уже возле горной базы еретиков. И наш отряд вышел из Южных казарм, хотя это обманный ход — основные силы выдвинулись из порта.

— Их не хватит, чтобы взять город под контроль!

— Правильно, поэтому на помощь идут катера и грузовики с гидростанции. Прибывшие на них солдаты вместе с портовыми отрядами зайдут с двух сторон и...

— Гидростанция?! — охнул Сморт. — Из-за нее я и пришел! Там что-то происходит — ее комиссар связался с нами, и связь сразу прервалась! По голосу было ясно, что он в панике! Отдай приказ, чтобы гранчи летели туда. Если плотину атаковали с Дикого берега, а ты вывел оттуда солдат, ее могут захватить!

* * *

Выстрел в затылок опрокинул комиссара гидростанции лицом на передатчик, из мертвой руки выпал микрофон. Оттуда донесся голос, что-то неразборчиво вопрошающий.

Не опуская скорч, Велен выключил передатчик и повернулся к двери. Нога, раненная варханами в кабине грузовика, когда он вывозил Мариэну с двумя землянами, болела, но это не помешало Велену пойти на дело. Он был сильным, атлетически сложенным мужчиной, считался одним из лучших бойцов в организации, к тому же неплохо знал постройки гидростанции, так как работал здесь шофером. Поэтому он и возглавил группу вместе с Нардисом.

Велен находился на шестом, верхнем этаже берегового здания. В коридоре стучали выстрелы. Донесся короткий вскрик, звук падения. Прежде чем покинуть комнату, Велен кинул взгляд в решетчатое окно, на серую дугу, соединяющую два берега. Возле обращенного к реке края плотины на одинаковом удалении друг от друга стояли будки с пулеметами, позади них шла бетонная полоса, а потом — бордюр, отвесная стена и, далеко внизу, озеро. Вдоль будок к зданию, куда проникли повстанцы, бежали часовые, до того расхаживающие по плотине. На Диком берегу высился такой же бетонный параллелепипед с квадратами окон, как и тот, где находился Велен, а вокруг была огороженная территория с хозяйственными постройками. За ней начинались развалины заброшенной части города.

Примерно на середине плотины в метре над бурлящей водой к стене прилепился длинноногий тощий человек с белыми волосами.

Недавно больше десятка патрульных катеров и грузовиков с варханами выдвинулись из пикаграды в сторону города — только поэтому диверсионному отряду и удалось сюда проникнуть. Да и то пришлось переодеться механиками, оружие спрятать под одеждой и, по команде вышедшего их встречать Готана, командира местной группы, открыть огонь по охране прямо на КПП у ворот.

Подняв скорч к плечу, Велен сунулся в коридор. Прямо перед ним шестеро повстанцев прятались за двумя стоящими под стенами шкафами, а еще один лежал посреди коридора, скорчившись, прижав руки к пробитому пулей животу.

Из-за угла на другом конце показался приан, Велен выстрелил, но тот успел отпрыгнуть. Оценив обстановку в коридоре, водитель крикнул:

— Отступайте, прикрою!

Он выстрелил несколько раз подряд, передергивая рычаг, — Велен умел делать это очень быстро, в скорости огня из скорча за ним не мог угнаться никто. Гильзы вылетали из окошка в ствольной коробке, били в стену и падали на пол.

Готан взмахнул рукой, и терианцы бросились назад вдоль стен. Велен отступил, чтобы пропустить тех, кто бежал с его стороны. Достал гранату — ребристый шар, состоящий из двух половин, — и резко провернул их в противоположные стороны. Раздался треск, из тонкой щели между полусферами сыпанули искры. Велен бросил гранату в другой конец коридора, выстрелил еще трижды, опустошив магазин, развернулся и, хромая, побежал вдоль стены. За спиной грохнул взрыв.

Он догнал остальных на третьем этаже. Из бокового коридора по ним открыли плотный огонь, и двое повстанцев упали. Остальные отступили в кладовку, замок на двери которой Готан сломал ударом ноги.

Теперь их осталось пятеро. Велен метнул последнюю гранату. Взрыв, барабанная дробь

осколков, крики, клубы дыма в коридоре... После этого они выскочили на бетонную площадку, соединяющую здание с горным склоном, и сразу свернули, когда с башенки на ее краю открыл огонь пулеметчик.

— Из окна я не заметил лодку! — прокричал Велен, ныряя вслед за остальными в неприметный люк на краю площадки. — Нардис поплыл на лодке — он там, а ее нет!

Они спустились в полутемный коридор, и когда крышка люка над головой захлопнулась, стало тише. Велен стволом скорча задвинул засов. Раненая нога разболелась и плохо сгибалась в колене.

— Когда Нардис полез по стене, лодку сразу утянуло под плотину, — пояснил Готан, заряжая варханский револьвер. Остальные терианцы достали из-под воротников светящиеся шарики на цепочках. — Хорошо, что льдин уже нет, иначе он вообще не смог бы подплыть... Что это?

Издали донеслись выстрелы, их заглушил взрыв.

— Наши люди начали атаку с Дикого берега, — понял Велен. — Можем больше не отвлекать внимание на себя. Нардис, наверное, уже закончил, надо помочь ему выбраться.

Их ушей достиг частый стук: заработал варханский пулемет в будке, стоящей ближе других к противоположному берегу. Прямо над головой раздались шаги, кто-то выкрикнул команду, и Велен снова поднял скорч.

— Этот засов сверху не так уж легко сломать, — проворчал он. — Нардис на середине плотины, висит под таким круглым окошком с решеткой. Отсюда мы можем попасть туда?

— За мной! — приказал Готан вместо ответа и побежал по коридору.

* * *

Нардис сосредоточенно прикручивал проволоку к торчащему из детонатора штырьку. Закончив, надел на шашку картонную трубку, густо пропитанную смолой, чтобы не промокла от брызг, и вонзил в трещину, зигзагом идущую по бетону.

Над ним в стене было круглое окно с решеткой, за нее Нардис и зацепил крюк с ремнем, на котором висел. Вода хлопотала и пенилась, уходя вниз, лодку сразу утянуло туда. Прямо над головой часто стучал пулемет, каждое мгновение варханы могли кинуть взгляд через край и заметить подрывника.

Нардис согнул ноги, обеими руками ухватился за ремешок и стал подтягиваться, глядя в сторону Дикого берега. Бой там разыгрался нешуточный, вспышки выстрелов так и мелькали. В железной ограде с колючкой зияли два пролома, среди построек вокруг центрального здания сновали фигуры людей, защитники и нападающие вели огонь из окон, из приоткрытых дверей, из-за укрытий...

Ремешок дернулся, и Нардис вскинул голову, схватившись за револьвер в кобуре. Подрывник был везучим человеком, он выживал в ситуациях, в которых другие гибли, его тело хранило свидетельства десятков перестрелок и стычек, через которые он прошел. Но даже Нардис не смог бы остаться сейчас в живых, если бы по нему открыли огонь из решетчатого окна, слишком невыгодное у него было положение.

Никто не выстрелил. Решетка со скрипом откинулась, ремешок дернулся, Нардису качнуло от стены, потом ударило о бетон — а после вздернуло вверх.

— Стойте! — приказал он, увидев красные от напряжения лица Готана и Велена. За ними в полутемном помещении, на полке, идущей вдоль стены, сидели, свесив ноги над тихо плещущей водой, еще пятеро людей.

— Спускайте меня! Запал не поджег!

Переглянувшись, они начали стравливать ремешок. Тот был зацеплен за поясной ремень Нардису, и подрывник перевернулся вниз головой. Ступнями зацепившись за край окна, потянулся к взрывчатке. В руке была зажигалка, которую он достал из кармашка на жилете. Его обхватили за икры. Треснул кремль, посыпались искры, и вспыхнул огонек. Нардис заорал, перекрывая рев воды:

— Вверх!

Его рванули обратно, протащили сквозь окно.

— Уходим, сейчас рванет!

— Отступаем! — приказал Готан своим людям.

Полка вела к двери в дальней стене. Повстанцы вскочили, один нырнул в низкий проем — и там грохнул выстрел.

Терианец вылетел обратно и растянулся на полке навзничь с раной в груди. Прежде чем остальные сообразили, что к чему, в коридоре за дверью раздались еще выстрелы.

— В воду!!! — Нардис прыгнул первый.

Он сразу ушел с головой, уперся ступнями в бетонное дно, согнув ноги. Вверху глухо рвануло, вспышка осветила близкие стены. Рядом упало тело, закачалось, вокруг закружилась кровь. Оттолкнувшись, Нардис вынырнул возле стены с круглым окном.

Взрыв вывалил из нее большой кусок бетона, вместе с ним в воду обрушилась будка с пулеметом и двумя варханами, которых сразу утащило вниз. Нардис не собирался повредить плотину так, чтобы вода прорвала ее: во-первых, для этого требовалось раз в двадцать больше взрывчатки, во-вторых, тогда бы погибли тысячи местных, живущих у озера. Нет, расчет был на другое — на шум, на зрелище, на эффектность.

Которых, в сочетании с атакой на Диком берегу, оказалось хоть отбавляй.

Не рискуя выбираться обратно на полку, где лежали двое мертвецов, он схватился за край пролома, подтянулся и глянул назад. За ним плыл Велен, со лба которого текла кровь, следом Готан. Больше живых в помещении не было, зато из двери на другой стороне донеслась сдавленная ругань. Потом раздались шаги и выстрел — пуля вылетела в пролом над головой подрывника.

— Оттолкнись! — крикнул Готан, догоняя Велена. — Как можно сильнее, тогда не затынет!

Нардис сел на краю пролома — одна нога снаружи, другая внутри. Он понимал, что на фоне дневного света стал отличной мишенью и, как только нападающие придут в себя после взрыва, его застрелят. Подрывник наклонился, протягивая руку Велену. Вытянув водителя, Нардис вскочил.

В коридоре за дверью замигали вспышки выстрелов, озарив силуэты людей с оружием. Нардис, а следом Велен, сильно оттолкнувшись от бетона, прыгнули в воду. Готан, выбравшийся в пролом за ними, встал — и, получив две пули в спину, упал обратно.

Нардис заколотил руками по воде, заработал ногами, ладонь хлопнула по макушке Велена, пальцы вцепились в волосы. Их тянуло вниз. Нардис зафыркал, хлебнул воды — но не выпустил густую шевелюру водителя.

Течение стало слабее. Пришедший в себя Велен помогал ему плыть. Они приближались к настилам и сеткам «рыбных садов».

Бой гремел на Диком берегу, а тут было тихо. Терианцы добрались до верхушки бетонной трубы, немного выступающей над водой, и затаились, когда вдоль берега к плотине побежал отряд прианов со скорчами на плечах. Только сейчас Нардис понял, какая вода на самом деле холодная, да что там — ледяная. Велена уже трясло, губы посинели. Подрывник держал его за ремень, не позволяя окунуться с головой. Когда прианы исчезли из виду, он повлек водителя дальше, мимо труб и свай, на которых стояли мостки, мимо уходящих в воду проволочных сеток.

Вскоре они выбрались на берег между двумя мостками и, услышав близкий гул моторов, упали ничком. Рядом пронеслись вернувшиеся грузовики с солдатами, недавно отправленные в город. Когда машины исчезли в воротах, Нардис с Веленом отбежали к кустам, а оттуда — к брошенной рыбацкой развалюхе. Она стояла на краю очищенной от построек и растительности зоны вокруг охранного периметра гидростанции.

Внутри было тихо и сумрачно. Пахло гнилой рыбой, сквозь дыры в крыше проникал рассеянный дневной свет. Велен, стащив куртку с рубашкой, начал размахивать руками и приседать. Благодаря ледяной воде кровь быстро свернулась и уже почти не текла из пореза

на лбу.

Нардис избавился от плаща еще в лодке, а теперь, сняв португепю, стянул через голову рубаху. Раскрыл подсумок, чтобы проверить патроны. Услышав далекий рокот, выглянул в окно со стороны города. Некоторое время смотрел, затем повернулся к Велену.

— Получилось? — спросил тот.

— Они летят сюда, — кивнул подрывник. — Начинается основная фаза.

ГЛАВА 23

— Вот теперь понял, — Кир удовлетворенно откинулся на стуле. — Их Сиб — это как бибиэска, у него нет винчестера, но есть программная среда, и управляющие программы загружаются через сеть... то есть через канал связи с другими Сибами. Видимо, инсталл идет из какого-то их аналога загрузочного ПЗУ. Вы вообще понимаете, о чем я?

Сидящие по другую сторону стола Денис с Омнием подняли головы, к чему-то прислушиваясь.

— Это выстрелы, — сказал Денис. — Ведь это выстрелы, правильно? Но почему? Мариэна обещала предупредить нас, если штурмовики...

— Кто-то идет по коридору, — перебил Кир.

Омний встал. В руке его был большой черный пистолет с двумя стволами один под другим, верхний — узкий, как у револьвера, а нижний раза в три шире. Беглый пеон поднял оружие, когда калитка в железных дверях распахнулась.

Внутрь шагнула Мариэна, звуки выстрелов стали громче. Закрыв калитку, терианка заговорила, и Денис, услышав первые слова, выпалил:

— Они штурмуют базу!

Взяв лежащую на краю стола катану в ножнах, Кир спросил:

— Почему с постов не предупредили об их приближении?

— Она как раз объясняет... — Денис послушал торопливую речь девушки и развел руками. — Неизвестно. От «секретов» со стороны города, да и от всех остальных никто не приходил. То ли штурмовики выслали вперед людей, и те уничтожили часовых, то ли... собственно, с учетом того, что Айрин наверняка запомнил расположение некоторых постов, других вариантов нет.

Он втянул голову в плечи, когда эхо донесло отголоски взрыва.

Омний, поманив Кирилла с Денисом за собой, направился в сторону меньшей пещеры, вход в которую закрывала шкура. Мариэна сказала еще несколько слов, и вставший со стула Денис добавил:

— Сейчас бой идет в верхней части шахты. Они будут сдерживать штурмовиков до последнего.

— До последнего чего? — спросил Кир. Прилаживая ножны на ремень, он направился вслед за Омнием.

— Мне не нравится твой скепсис, Кирилл.

— Мне и самому он не нравится.

В другой пещере Омний раскрыл дверцу железного шкафа у стены и отступил, позволяя землянам увидеть содержимое. Внутри, закрепленные кожаными петлями, в ряд стояли скорчи, на кронштейнах висели ремни, кобуры и сумки. Над ними на полках лежали с десяток круглых ребристых гранат, ниже пистолеты и коробки с патронами, а на отдельной полке — разрядник с длинным стволом.

— Надо брать оружие, — Омний поднял разрядник.

Кир взялся за двуствольный пистолет вроде того, что был у пеона, а Денис опасливо дотронулся до скорча. Омний удалился в другую пещеру, откуда долетел тяжелый лязг засовов, которыми он запирает калитку в двери. Подумав, что их могут окружить, Кирилл повесил кобуру на пояс, взял скорч и быстро вышел следом. Пересек большую пещеру и стволом помпового ружья толкнул вторую дверь, ощущая себя ковбоем с «винчестером»

наперевес, который выглядывает из салуна, только что обстрелянного мексиканскими бандитосами.

Тени облаков скользили по уединенной долине и склонам вокруг. Выйдя на балкон, Кир повернулся вправо, оглядел каменную тропу, полого сбегаящую вниз, — на ней тоже никого не было. К балкону можно легко подобраться только этим путем, а по склону лезть долго и опасно. Так или иначе, штурмовиков в долине нет... пока нет.

Услышав дыхание за спиной, он обернулся. Стоящий сзади Омний внимательно смотрел на него.

— Мы можем уйти тут, — сказал Кирилл, возвращаясь в пещеру, — но не вытащим порталную машину.

— Нет идти, — ответил Омний, поворачиваясь вслед за ним. — Не идти. Быть здесь, ждать.

— У меня вопрос появился: а где на Земле возникнет портал, если ворсиб включится здесь, в пещере?

Из-за шкуры вышел Денис, настороженно разглядывая скорч в своих руках, пояснил:

— Это ведь именно альтернативные миры. Различия есть, но в целом очертания континентов, рельеф — так же, как и состав атмосферы, давление, — схожи. Пусть они называются «Сайдон», «Териана», но все это — «Земли», разные варианты одной и той же планеты.

— Где мы сейчас были бы на Земле?

— Думаю, у самой границы купола, район Оки.

Кирилл возразил:

— На Земле в том месте нет гор.

— Я же сказал: совпадения не абсолютные. Что-то в истории пошло по-другому, и на альтернативной Земле здесь образовались горы.

— Правильно, и это возвращает нас к первому вопросу: если машина включится *тут*, то портал *там* возникнет высоко над землей? И мы грохнемся из него...

— Теперь понял, о чем ты. Конечно же я задал Омнию подобный вопрос еще в самом начале знакомства. Он объяснил так: «энергия тяготеет к массе». Порталы всегда раскрываются возле тяжелых объектов, чуть ближе или чуть дальше, а иногда и внутри — прямо под землей, допустим, хотя такое редкость. Они ни разу не сталкивались с тем, чтобы портал открылся где-то высоко в воздухе.

— Какое удачное явление природы. — Кирилл показал в сторону долины и добавил: — Кстати, она слишком маленькая, а склоны вокруг слишком высокие — по-моему, там гранч сесть не сможет. Но наверху штурмовики, и мне интересно: даже если в Центавросе все получится, где теперь приземлится самолет Леша?

Ответом ему был взрыв и выстрелы, раздавшиеся прямо в коридоре за железной дверью.

* * *

Нектор бер'Грон проводил взглядом эскадрилью гранчей, летящих к гидростанции, чтобы сбросить обычные и газовые бомбы на Дикий берег и помешать еретикам подвести к плотине новые отряды. Командер разгадал тактику противников: диверсии в городе были прикрытием для атаки на пикаграду. Но еретики немного не рассчитали время, им надо было начать акцию на реке немного позже, когда силы Орды увязнут в задымленном, охваченном пожарами и паникой городе. А сейчас... Нектор снова принял к трубе, направив ее в ту сторону, куда она смотрела, когда внезапно появившиеся ординарец с комендантом Смортот прервали его поиски.

Смортот сейчас где-то в Центравросе, проверяет посты. На пирамиду пока никто не напал, но еретики могли решиться и на этот отчаянный шаг, комендант уже наверняка запросил подкрепление из Сайдона. Хотя, по мнению Нектора, необходимости не было: даже

объединенные силы всех местных еретиков не могли всерьез угрожать Центавросу и тому, что находилось в нем.

Его ординарец стоял возле треугольного проема, за которым начинался коридор вглубь постройки. Ветер усилился, и Нектор, не отрываясь от трубы, натянул перчатки.

И замер. *Я нашел тебя.* Вот он — мусорный распределитель на самом краю города и большой бункер посреди него. Там оборудован командный пункт диверсантов, там сидит тот, к кому собираются сведения и кто раздает приказы. В центре круглой крыши торчала стойка с железным ящиком, очень хорошо знакомые Нектору — световышка, с помощью которых обменивались сообщениями в Орде. Ясно, почему еретики решили воспользоваться этим устройством: передатчиков у них мало, к тому же радиопереговоры можно перехватить. Ну а яркие вспышки вышки даже в этом дыму будут видны из многих мест, как минимум, с крыш большинства домов. Именно таким способом командир диверсантов передает приказы.

А что это у подножия вышки? Конец трубы немного опустился, Нектор подкрутил окуляр, увеличив разрешение до предела. Расстояние было очень велико даже для такого высококлассного оптического прибора, но кое-что он все же разглядел. И выпрямился, позволив себе сдержанную улыбку.

Он нашел врага.

Хорошо, и что теперь? Мусоросборник далеко, в городе пожары и паника, по улицам добираться долго. Гранчи улетели к гидростанции...

Все, кроме одного.

Нектор смахнул пылинку с плеча, украшенного четырьмя красными полосками, и повернулся к ординарцу:

— Гелор починил левый мотор «Всесилия»?

— Да, мастер-командер.

— Иди сюда, я покажу тебе объект, который надо уничтожить.

Когда ординарец приник к трубе, Нектор пояснил, о чем идет речь.

— И пусть использует все бомбы. И оба пулемета. Я хочу, чтобы это было... красиво. Иди.

Ординарец хлопнул правой ладонью по левому плечу, показывая, что приказ ясен, и шагнул к проему.

— Нет, подожди.

Нектор задумался: может, полететь и ему? Гелор был его личным пилотом, а «Всесилие» — личным гранчем, которым командер гордился. Будет красиво, если он, находясь в кабине, на подлете к цели сам отдаст приказ уничтожить главу диверсантов.

Нет, слишком большая честь для какого-то любителя, не способного к серьезной игре с берсером.

— Хорошо, иди, — сказал он. — Пусть Гелор вылетит немедленно, а потом лично доложит о результате.

Хотя, мысленно добавил он, когда ординарец уже спешил прочь по коридору, *я увижу все сам.*

Нектор бер'Грон сделал глоток вина из бокала, придвинул стул ближе к краю галереи и сел поудобнее. Поставил ноги в начищенные до золотого блеска ярко-желтых сапогах на бордюр, положил руку в легкой бархатистой перчатке на подозрную трубу и приготовился насладиться зрелищем.

* * *

Рокотали пропеллеры. В длинной, узкой кабине гранча было тесно, пахло машинным маслом и соляжкой. Леша с Багрянцем сидели сзади, перед ними — Гумача и Вике, обвешанный гранатами толстый краснолицый терианец с двумя обрезам. Впереди были Батур и второй пилот — уже знакомая Леше с Багрянцем почти наголо обритая молодая женщина с короткой косичкой на затылке. Ее звали Зента.

— Это что, алюминий у них, не пойму? — Леша костяшками пальцев постучал по обшивке кабины. — Какой они сплав используют для фюзеляжа, для крыльев? Не самолет, а жестянка какая-то.

Павел молчал — он не разбирался во всех этих авиационных делах, да и летать недолюбливал и старался не смотреть в овальные иллюминаторы. Не то чтобы Багрянец боялся высоты, но как-то неуверенно себя чувствуешь, когда находишься внутри железного гроба с крыльями, который непонятно почему летит и не падает.

У них с Лешей было по скорчу, по паре револьверов, а еще у каждого пистолет-дробовик и полная сумка патронов. Под комбезы надели навороченную кожаную броню, пропитанную какими-то «силикатами», по словам Дениса, хорошо защищавшую от пуль из варханского оружия. Такая броня появилась в Орде совсем недавно, и терианцы смогли раздобыть четыре комплекта, которые достались Зенте, Леше, Гумаче и Павлу. Состояла она из жилетов и скрепленных ремешками трубок, которые Багрянец едва натянул на свои мощные икры и ляжки.

На полу между передними сиденьями лежало ружье с длинным стволом и стоял железный ящик, откуда торчали горлышки «коктейлей Молотова», заткнутых тряпичными жгутами.

Горы остались позади, гранч летел высоко над полями — прямо к Центаврису, висевшему над пеленой застилавшего город дыма.

— Туда посмотри, — Леша показал в иллюминатор со своей стороны.

Далеко за Наргелисом, словно стая мошек, кружили гранчи. Под ними мигали вспышки.

— Бомбят, — удовлетворенно пояснил Леша. — Плотину отсюда не видно, но машины над нею, то есть над Диким берегом. Терианцы первую половину работы сделали — теперь пора взяться за вторую. Готов, Павел, пролить кровь, свою и чужую?

— Готов, товарищ полковник, — вздохнул Павел.

— Боишься?

— Боюсь, конечно.

— Правильно боишься. Главное, чтобы это не мешало действовать.

Они уже летели над городом, на высоте решетчатой вышки с прожекторами, венчающей Центаврос. Батур, одной рукой удерживая маленький овальный штурвал, подался вперед и ткнул перед собой пальцем, и одновременно что-то сказала Зента.

— Что там? — спросил Леша. — Не вижу за спинами, сейчас...

Он ухватил за плечи Гумачу с Виксом и подался вперед, выглядывая между ними.

— Так, два каменных купола по краям площадки, один с нашей стороны, другой с той... В куполах двери, как Омний и говорил... А под куполами должны быть лестницы вниз. Самолетные ангары слева и справа, между ними полосы...

— Гранч едет, — заметил Багрянец. — Яркий такой, аж слепит.

— Точно. Это плохо, значит, не все к гидростанции... Э, да он взлетает!

С венчающей пирамиду треугольной площадки в сторону гор выступали помосты, служившие продолжением взлетно-посадочных полос. По ним катил, быстро разгоняясь, выкрашенный золотой краской самолет.

— Экий он, — удивился Леша. — Остальные у них скучные, разве что гербы снизу; а этот...

На крыльях машины были нарисованы узоры. Два пулеметных ствола торчали ниже и выше фонаря. Золотой гранч достиг края площадки — и сорвался вниз, уйдя в лихое пике. Выровнявшись, машина полетела по крутой дуге в сторону западной окраины.

— Уф! — Павел ладонью вытер вспотевший лоб. — Решил, он нас атаковать хочет.

— Приготовься, — велел Леша. — Веревки у тебя нигде не запутались, ремни крепко пристегнуты?

— Все нормально, товарищ полковник.

— Рюкзак на месте?

- Вот, за спиной, даже не снимал. Он пустой, не мешает сидеть.
— Пока что пустой, Павлуха, скоро будет полный. Ну что — удача с нами?
— С нами, товарищ полковник!

Когда их самолет полетел высоко над наклонной стеной Центавроса, Зерта одну за другой перекинула рукояти на пульте перед собой, и три бомбы, висящие под крыльями машины, по очереди оторвались от захватов. Одна ударилась о стену возле самого края треугольной площади, а вторая и третья угодили в каменный купол с идущими по кругу дверями.

Внизу тяжело загромыhalo. Стена громады почти не пострадала, но купол провалился, оставив по себе лишь дыру, из которой поднялся дым.

Под гранчем мелькнули постройки, стоящие по сторонам от взлетно-посадочной полосы, осветительная вышка, второй купол на другом краю площади, наклонная стена...

— Разворот! — крикнул Леша, хотя Батур и так знал, что делать. — Разворот и посадка! Павел, надеть перчатки! Полная боевая готовность!

* * *

- Летит сюда, — доложил помощник. — Золотой!
— Вижу, прячемся.

По крыше мусорного бункера Лукан с помощником поспешили к одной из двух построек, в которых стояли пулеметы. Возле второго с начала операции дежурил двоюродный брат помощника Лукана.

Нырнув в дверной проем, старик пробежал вдоль стены и выглянул. Помощник, развернув к окну цилиндр ствольного блока, присел на корточки позади пулемета. Одну руку он положил на ящик, из которого в прорезь лентоприемника шла металлическая полоса с патронами. К боку ящика была прикручена железная коробочка с единственной кнопкой, а от коробки вверх, к поворотному механизму стволов, тянулся провод.

Рокот пропеллеров нарастал — золотой гранч приближался. Лукан скомандовал:

- Придвинь пулемет ближе к окну, сейчас у тебя слишком малый угол.
— Могут заметить, — возразил второй терианец.
— Это уже неважно.

Заскрипели сошки по бетону. И тут же частый стук донесся сквозь рокот: оба пулемета «Всесилия» открыли огонь.

Пули врезались в крышу соседнего бункера. Того самого, наполовину сгоревшего и заброшенного, на котором по приказу Лукана еще утром поставили имитацию варханской световышки, а под нею в кресле посадили чучело в штанах, куртке, шапке и шарфе — на его «лице» помощник даже намалевал углем глаза, рот и нос, хотя в этом уж точно не было необходимости.

Чучело с креслом взлетели фонтаном обломков, клочьев ткани, соломы и щепок. Пули пробили стойку, она подкосилась, рухнула на крышу вместе с железным ящиком. Из-под крыльев самолета одна за другой сорвались бомбы. Первая упала на землю, вторая — под основание бункера, третья — на его стену, четвертая — на крышу.

Гранч начал подниматься, его оружие смолкло. Бомбы взорвались, и Лукан, прикрыв глаза рукой, крикнул:

— Огонь!

Помощник слышал командира, а его брат у другого пулемета — нет, но они начали стрелять одновременно.

Когда помощник вдавил кнопку на железной коробочке, ствольный блок завращался. Терианец стрелял не слишком удачно — пули из четырех стволов прошли позади гранча. Ругнувшись, он повернул оружие вслед за целью.

Зато его брат оказался более точен. Вторая очередь пробила фонарь самолета, пошла назад — полоса мелких разрывов потянулась вдоль фюзеляжа. Тут как раз очередь

помощника догнала гранч, перекрестный огонь прорубил хвост, превратив стабилизаторы в дымящиеся лохмотья.

Пулеметы стихли. Золотая крылатая машина с тонким воем неслась дальше, оставляя за собой темный шлейф. Миновав территорию распределителя и пригородную дорогу, она врезалась в край поля.

Все это время подвергшийся атаке бункер медленно кренился, а теперь с тяжелым лязгом упал. Дрогнула земля, разлетелись обломки, поднялись клубы дыма и пыли.

— Отбой, — приказал Лукан, отворачиваясь от окна.

Пока помощник высвобождал из пулемета патронную ленту, он вышел наружу, крикнул в сторону другой постройки: «Уходим!» — и зашагал к люку. По дороге, подхватив со стола мятую алюминиевую кружку, допил разбавленный водой дешевый ром. Кружку сунул в карман — нечего разбрасываться добром, в организации вечно всего не хватает. Уже спускаясь в люк, Лукан скользнул взглядом по далекому Центавросу и равнодушно отвернулся. До Нашествия он служил счетоводом в одном из магазинов, принадлежащих городскому богатей Микете Валуху, и привык быть аккуратным во всем. А еще — все тщательно просчитывать. Вот и сейчас он все просчитал. Лукан был готов умереть, но не стремился к этому. Зачем умирать от руки врага, если можешь переиграть его?

* * *

В первый момент Нектор бер'Грон не понял, что произошло. Вот его золотая хищная птица, его «Всесилье» летит к командному пункту диверсантов, вот из-под крыльев падают бомбы, а из стволов вырываются пули... А вот уже она дымится, лишившись хвоста, потеряв всю свою силу и красоту, падает — и разбивается о землю.

Нектор выпрямился, пальцами сдавив бокал так, что тот лопнул. Вино пролилось на столик, на руку в бархатистой перчатке. Он едва сдержался, чтобы не выругаться. Услышать командера не мог никто, ближайшая пушка стояла далеко, но все равно не пристало потомственному воину-берсеру давать волю чувствам даже в такой ситуации, да и вообще — это попросту неизящно — сквернословить. Признак плохого вкуса и несдержанности.

А потом усмешка тронула его губы, и Нектор бер'Грон подумал: *По крайней мере, меня там не было — а ведь собирался.*

Командер снял перчатки, бросил их на столик. Кстати, что это был за грохот? Он послышался, как раз когда падало подбитое «Всесилье», в тот момент Нектору было не до шума, но теперь, заметив, что бойцы возле пушек смотрят вверх, командер поднял голову.

От вершины пирамиды ветер относил клубы дыма. Брови командера приподнялись. Что там может взорваться? У еретиков, вообще ни у кого на Териане, кроме Гронов, нет летающих машин, как и дальнобойной артиллерии, способной забросить снаряд на вершину Центавра...

А потом командер вспомнил про гранч, преследовавший повстанцев и не вернувшийся из полета в горы.

С неслышным щелчком в его голове кусочки мозаики сложились в единую картину.

Очень нехорошую, тревожную картину.

Это не двойная диверсия — тройная! А вернее, две диверсии, по очереди отвлекающие внимание друг от друга — и, в конечном счете, от попытки проникновения в Центаврос!

Они что, собираются взорвать Сиб?! Но это невозможно! Или...

Зарывав — совсем неизящно, несдержанно, но зато именно так, как и подобает потомственному воину-берсеру, попавшему в по-настоящему опасную ситуацию, — Нектор бер'Грон бросился к треугольному проему.

* * *

Перестрелка отодвинулась куда-то выше по шахте, затем снова начала приближаться.

Выглянув в дверь, ведущую на балкон, Денис произнес:

— Надо уходить этим путем.

Омний принес из второй пещеры два кожаных чехла с вшитыми выпуклыми броневыми пластинами — этакий терианский вариант сумок для ноутбуков. Пакуя кристаллический лэптоп в один из них, Кирилл сказал, не поднимая головы:

— И что дальше? Как вернемся на Землю?

— Не знаю, но здесь нас просто убьют.

Закрыв чехол, Кирилл поправил его ремешки, передвинул пряжки и прикинул, что эту штуку можно надеть как рюкзак, на спину, — или на грудь, как сумку, в которой иногда носят младенцев. Наблюдавший за ним Омний сказал: «Здесь», — раскрыл кармашек на боку чехла и протянул скрученный тугими кольцами серебристый провод-прут. Такой же карман был и на второй сумке, которая лежала перед беглым пеоном.

— Да, понял, — Кирилл спрятал провод. — Интересно, что у вас нет никакого аналога наших «мышек», без них непривычно. Хотя идея, что каждая кнопка, то есть «ксила», имеет минимум три способа нажатия, любопытная.

Стукнула дверь на балкон, и Кир поднял взгляд на идущего к столу Дениса.

— Я не понимаю, почему мы медлим! — ученый повысил голос, потому что звуки выстрелов снова стали громче. — Даже если гранч вернется, ему некуда приземлиться, ты сам сказал это — так на что ты теперь рассчитываешь?

— Вообще-то на чудо, — признался Кир.

— Чудес не бывает ни в одном из миров.

— Это фраза из какого-то фильма? А, забыл, ты ж не смотришь кино.

— Прекрати, Кирилл! Надо уходить! Мы можем выбраться по той тропе, а из долины подняться по склону... гранч опустится где-то в стороне, и мы найдем его.

— Не найдем, — возразил Омний.

Кирилл согласился:

— Нет, конечно. Ты эти склоны вокруг долины видел? Они все отвесные, еще и тесно смыкаются. Пока будем ползать по ущельям, чтобы выйти, — сутки пройдут. К тому же где ты самолет Леши станешь искать?

— Тогда что нам делать? Оставаться тут просто нет смысла!

В калитку заколотили, сквозь выстрелы донесся голос Мариэны, и Кирилл подскочил к железным дверям.

— Не открывай! — крикнул Денис вслед. — Ее могут держать на прицеле!

Но Кир, сжимая двуствольный пистолет, который стрелял обычными пулями и патронами с дробью, уже отодвигал засовы.

Когда он справился с последним, калитка распахнулась. Кир отпрянул, и на него едва не упала Мариэна. Левая рука терианки висела плетью, по рукаву сбегала, капая на пол, кровь.

Оттолкнув их, Омний запер калитку на засовы. Кир придержал Мариэну за талию, но она отвела его руку и направилась к столу. Присевший там Денис выпрямился.

— Заграда! — Мариэна показала на стеллаж под стеной. — Лидра заграда, барберсеры имлакуна!

— Что такое «заграда»? — спросил Кирилл.

— Не знаю, никогда не слышал это слово... — начал Денис.

— Бари-када. — Омний вслед за терианкой поспешил к стеллажу. — Заслон. Надо бари-када к дверь.

Ученый добавил:

— А «барберсеры имлакуна» переводится как «много берсеров в коридоре». Что это?! Там какой-то шум!

Он бросился к ведущей на балкон двери, приоткрыв, выглянул и сразу захлопнул.

— Там штурмовики. — Денис повернулся. Левый глаз его дергался, лицо побелело. — Они идут через долину, к тропе. Ведь я говорил: надо уходить... А теперь мы окружены.

ГЛАВА 24

Хорька разбудили звуки выстрелов. Ночью пришлось побегать и понервничать, после такого он всегда долго спал, если не поднимали силком: мозг успокаивался во сне, примирялся с действительностью и с местом мальчика в ней.

Стреляли демоны, причем из АК. Для тренировки была расчищена часть бетонного квадрата прямо под той секцией лесов, где спрятался Хорек. Из досок и фанеры сбили высокую конструкцию, в разных местах навешали на нее мишени: железные листы, крышки от ведер, мятые тазы, фанерные листы, замазанные красной краской.

Солнце высоко поднялось за куполом, и стройка внизу шла полным ходом. Там появилось кое-что новое: в центре занявшего полтора квартала серого квадрата возводили три тонкие высокие башни. Для них использовали бетонные цилиндры, которые ставили один на другой, сваривали торчащую из торцов арматуру и обмазывали цементной «шубой». В основании башен темнели большие дыры — проемы будущих дверей.

Хорек приподнялся на локтях, наблюдая за автоматчиками. Те двумя рядами приближались к деревянной конструкции с мишенями, первый ряд демонов опускался на одно колено, второй поднимал стволы над их головами, и они давали короткую, на пять-шесть выстрелов, очередь. Пули били в доски, в железо, конструкция шаталась, скрипела и рассыпала ворохи щепок. Грохот автоматов заглушал шум стройки. Потом демоны расходились в стороны, чтобы вернуться на исходную позицию, а их место занимали новые два ряда.

Хорек потянулся и сел по-турецки. Выпил минералки, сполоснул ею лицо. Неподалеку рабочие с помощью крана-рамы подымали сразу несколько бетонных блоков, которым предстояло занять место во втором ряду стены. Первый ряд с трех сторон был уже возведен — вскоре основанию стен пирамиды предстояло сомкнуться.

Мальчик привстал на штангах. Толстые и длинные, соединенные поперечинами, они тянулись от лесов в сторону башен и заканчивались будкой, из-под которой свисал трос с четырьмя «хвостами». На них крюки и, невысоко над вершиной одной башни, железное корыто с остатками раствора. А в будке, кажется, никого... отличное место для наблюдения!

Ведь сейчас ему опять ничего не остается, кроме как наблюдать. А что еще? Днем отсюда не выйти, вон демонов с оружием даже больше стало — повылазили, наверное, из своих зеленых воронок, всю стройку оцепили. Хорек видел пулеметные гнезда — сбитые из бревен подковы высотой по грудь и мешки с песком с внешней, обращенной к городу стороны. И пулеметы на высоких стойках, и за каждой подковой стоят по три бойца. В общем, надо переждать и присматриваться.

На четвереньках он пополз по соединяющим балки поперечным штангам, как по перекладинам лестницы.

Стройка внизу гудела, лязгала, стучала, пахла свежим раствором, известью и масляными красками, отблескивала железом и сверкала вспышками сварки. Хорек добрался до будки, заглянул через дверцу внутрь: пара рычагов, педаль, лавка и шкафчик без дверцы в углу. В шкафчике ватник, рабочие рукавицы и сверток брезента. В стене напротив дверцы большое окно без стекла, чтоб видеть, куда опускаешь груз.

Улегшись на поперечинах, он заглянул под будку. Та оказалось на колесах — ездит, наверное, по этим балкам, как по рельсам. Под будкой ему не понравилось, слишком тесно, и по лесенке на боковой стене мальчик взобрался на крышу.

Вот она оказалась хорошая, с вмятиной посередине и нагретая солнцем. Хорек растянулся на ней, свесил голову и стал наблюдать, как к башням при помощи рогачей подвозят какую-то необычную железную штуковину — длинную, изогнутую, состоящую из паутины тонких прутьев. Наверное, демоны не здесь склепали арку, а доставили из зеленой воронки. А вон и вторая следом едет, и третья.

Потом внимание Хорька привлек высокий демон, на кителе которого было аж пять полосок. Он прошел между башнями, рядом вышагивал другой, в рабочей одежде, фартуке и

большом белоснежном тюрбане, размахивал руками, втолковывая что-то своему спутнику. Демон-офицер двигался очень уверенно, а еще эти полоски на плече... может, он самый главный здесь? С виду похож, важный такой, да и оружие на боку необычное, с кучей стволов, концы которых торчали из прорехи кожаного чехла. Хорек вздохнул: у него-то, кроме трех гранат и ножа, ничего не осталось!

Еще у главного была повязка на роже, закрывающая правый глаз. Что он, одноглазый, что ли, как пират какой-нибудь? Главный остановился, развернувшись, ткнул второго пятерней в лицо. «Тюрбан» отлетел назад и чуть не упал; вскинул руки — то ли защищаясь, то ли желая ударить в ответ. Одноглазый показал на дыры в фундаменте между башнями. Раньше на том месте стоял трехэтажный дом, последнее здание в этом районе, которое на глазах Хорька ночью разрушили. Там остались части лестниц и всякие отверстия, ведущие в подвал, а может, на подземные этажи. Вниз шли толстые кабели, туда то и дело ныряли демоны, поднимались обратно — под башнями явно находилось что-то важное. В центре, точно между ними, зияла самая большая дыра, толпа рабочих обрабатывала ее края, превращая в ровный круг.

В это время к ведущему под фундамент проему приблизился старик в свободных темных одеждах, а за ним трое демонов, ведущих молодую девку, нет, скорее девчонку: постарше Хорька, но не сильно. Босую и в рваной мужской рубашке. Они стали спускаться по лестнице, верхний полуразрушенный пролет которой торчал над фундаментом, и почти сразу исчезли из виду.

Одноглазый зашагал к той же дыре с лестницей. Позади него «тюрбан» потряс кулаками и ринулся в другую сторону.

Из-за дальней башни, вдоль стены которой на веревках висели рабочие, показались двое: один одет как давешний старик, а второй в обычном демонском прикиде, хотя на демона совсем не похож — волосы светлые, лицо круглое. Впрочем, Хорек уже понял, что среди захватчиков не все темноволосые и смуглые, разные есть.

Они заговорили с Одноглазым, который снова остановился — спиной к Хорьку. Спина у главного демона была широкая, просто готовая мишень, а не спина. Эх, засадить бы в него из разрядника! Но нет больше у Хорька разрядника, только нож и три гранаты... Ладно, что же, теперь Хорек на время станет не Истребителем Демонов, а Тайным Разведчиком. На будке неплохо прятаться, но отсиживаться нельзя, надо действовать. Он не знал, спас ли друзей на заводе или нет, но надеялся, что с ними все в порядке.

Они собирались напасть на стройку этой ночью, хотя ведь у них совсем нет информации об этом месте. Надо собрать ее, а позже может представиться возможность выбраться отсюда — тогда Хорек придет прямо к командиру и доложит, что здесь к чему.

А еще ему нужно оружие посерьезней. Итак, для начала — проверить обстановку внизу и раздобыть приличный ствол...

Оставив на крыше сумку с гранатами и едой, Хорек спустился по лесенке, зашел в будку через дверь, вылез в окошко и присел над колесом, с которого спускался трос. Корыто висело совсем невысоко над верхушкой ближней башни, накрытой железным листом. На листе стоял ящик с инструментами и валялась рваная толстовка, а еще в нем была дыра, ведущая в недра башни. Рабочие вкалывают на соседних, а на этой пока что никого...

Хорек повис на руках, обхватив трос ногами, — и скользнул вниз.

* * *

Разобравшись с Гебрилом Вишу, Максар пошел дальше.

На месте разрушенного дома остались пять проходов, ведущих в подземные этажи, и три из них комендант приказал заложить. Самый большой, в центре, рабочие превращали в круглый колодец, через который вскоре предстояло поднять Сиб; второй был в углу будущего алтаря, возле башни.

Когда Максар направился туда, к нему подошли Фелиз и раб-землянин по имени Рост.

— Один гранч сбит, — хрипло прошептал Фелиз.

Раб смотрел под ноги, избегая поднимать взгляд на Максара, который молча ожидал продолжения.

— Он не вернулся, мы стали искать. Нашли обломки. Пилоты погибли, теперь не выяснить, откуда стреляли. Хотя у него есть подозрения. — Фелиз показал на раба.

— Какие? — спросил Максар.

— Раб изучил карту, говорит, в том районе только два места подходят для отряда такого размера: склады на железной дороге и мануфактура. Большая, несколько цехов. Пока что мы не...

— Найди Сафона, — перебил Максар. — Пусть даст пару машин и выделит в твое распоряжение солдат. Скажешь, что это мой приказ и что до вечера они вернутся. Выдвигайтесь немедленно, вперед пошлите разведку. Окружите еретиков. Отправьте гранч... лучше два, с газовыми и обычными бомбами. Сначала сбросить обычные, потом — газовые. Уничтожить всех еретиков. Тщательно проверить подвалы, дренаж. О выполнении немедленный доклад мне лично.

— Привести «языков»?

В другое время Максар приказал бы захватить хотя бы одного, потому что отряд мог быть связан с партизанами. Ближе к Куполу орудовали несколько групп, прятались в лесах и сожженных деревьях, через которые уже прошла Орда. Вполне вероятно, что они поддерживают связь. Но главной заботой Максара оставался отряд земных воинов, с которым объединились еретики, ведь с ними был пеон-осквернитель. Его необходимо убить прежде всего, чтобы никто не смог допросить и понять, что пеон никакой не терианский берсер, не «чудовище, свирепый боец, ловкий разведчик, фанатик-еретик», как выразился Эйзикил. А ведь «языком» может стать именно этот пеон...

— Уничтожить всех, — повторил Максар.

Рост переступил с ноги на ногу, по-прежнему не поднимая головы, но комендант понял по его лицу: раб, даже не зная чужого языка, понял смысл и доволен таким решением. Предателю не хотелось, чтобы кто-то из бывших союзников, даже оказавшись в плену, увидел его...

Ни слова не говоря, Фелиз зашагал в сторону шатров, и раб поспешил за ним.

А Максар спустился под фундамент Центавроса. То есть под Эгалит — будущий алтарь, которому предстояло стать самым важным, самым святым местом этого мира.

Планировка трех подземных этажей была проста. В центре каждого — зал, от него в четыре стороны расходятся коридоры, вдоль них комнаты. В зале нижнего этажа стоял купольный генератор, и долго находиться там, даже если не входить в лабораторию, без защитного шлема опасно. Но выше таких проблем не возникало, и Максар занял средний этаж, а на верхнем разместился Эйзикил с тремя молодыми помощниками из Гильдии. Те прибыли недавно вместе с арками, которые уже к вечеру соединят Вега Ареа, то есть Башни Света, вознесшиеся по углам алтаря.

Миновав занятый темниками этаж, Максар спустился на уровень генератора. В лабораторию заходить не стал, сразу направился в конец этажа, за стенами которого начиналась земная толща.

После тщательной проверки всего подземного периметра были найдены три прохода, соединяющие здание с туннелями городской канализации. Когда Максар подошел к одному из них, там кипела работа. Ближнюю часть тоннеля взорвали еще ночью, обрушив свод, теперь проем закладывали камнями и цементировали. Уже сегодня поставят стальную плиту, потом еще одна кладка... к вечеру никто не сможет проникнуть под алтарь этим путем, будь у него даже тонна взрывчатки.

Убедившись, что работа продвигается быстро, Максар вернулся на свой этаж, и тут сверху долетел крик. Схватившись за токер, висящий в чехле на левом боку, он взбежал по лестнице.

Новое освещение еще не провели, горел огонь в железных чашах на подставках и синие

светильники. Максар оказался в конце длинного коридора, идущего от центрального зала, где Эйзикил поставил машину-внедритель.

Темник пятился к коменданту. На другой стороне коридора под стенами лежали двое помощников Эйзикила, и от них к старику быстро семенила, выставив перед собой руки, землянка. Совсем молодая, почти ребенок, босая, в длинной рваной рубашке.

Девочка пошла быстрее. Еще быстрее. И еще — теперь она двигалась с какой-то нечеловеческой скоростью. Оглянувшись, Эйзикил крикнул: «Убей ее!» — и присел.

Не очень понимая, что происходит, Максар поднял токер. У оружия была пара спусковых крючков, короткий давал выстрел из одного ствола, а если продолжать нажимать, то другие стреляли по кругу; и длинный — для залпа из всех шести.

Комендант нажал на него, когда девочка уже была рядом.

Шесть алых разрядов вырвались из токера. Вспышка, хлюпанье... часть коридора покрылась влажными темными пятнами. Забрызгало и стены, и потолок, и немного Эйзикила, прикрывшего лицо широким рукавом.

Максар уже видел работу токера, но все равно заново поразился эффекту «залпового» выстрела. Покачав головой, он провел пальцами по гербу на цевье и отправил оружие назад в чехол.

В потолке коридора зиял темный пролом. После выстрела за ним что-то сдвинулось, но ни Максар, ни темник не заметили этого.

Эйзикил поспешил к помощникам. У одного была свернута шея, но второй шевелился.

— Кто это сделал? — Комендант подошел к старику. — Землянка?

Помогая сесть раненому помощнику, Эйзикил пояснил:

— Я испытываю внедритель на особях различного возраста, пола и физического состояния. Признаю, такого финала я не ожидал. Иногда происходят непредсказуемые взаимодействия между скрытыми свойствами психики и введенными мною алгоритмами. Кажется, результат подобного взаимодействия мы и наблюдали сейчас.

— Вы подключили ее к внедрителю? Но я не заметил на ее голове отверстий. Она даже не была обрита.

— Конечно, ведь мы используем новую методику. Теперь нет необходимости погружать электроды в мозговую ткань, все делается сквозь черепную кость, посредством волн.

Молодой темник поднялся на ноги. Из двери в дальнем конце коридора выглянул еще один, в лабораторном халате и больших круглых очках с темными стеклами. Его белые «сайдонские» всклокоченные волосы охватывала резиновая полоска со светящимися синим шариком спереди.

Эйзикил выпрямился.

— Что с еретиками, мастер-командер? Их нашли?

— Сбит один гранч. Раб-проводник утверждает, что в районе, где это произошло, еретики могут прятаться либо на старых складах, либо в цехах брошенного завода. Я отправил туда клериков вместе с людьми Сафона, и если еретики не успели покинуть то место, с ними будет покончено.

— А если успели?

— Это не поможет им, лишь даст немного времени. Далеко они не уйдут: мы пошлем все гранчи, штурмовиков... Устроим охоту.

— Ну что же, тогда я вернусь к своей работе, мастер-комендант.

Эйзикил вместе с вставшим на ноги помощником направился обратно в лабораторию, а Максар зашагал в другую сторону, к лестнице. Поврежденный глаз больше не болел, оставленная сигуром Анги рана на голове тоже не беспокоила его. Походка мастера-коменданта была пружинистой, легкой — и в то же время это была уверенная поступь хозяина миров. Цель близка. До того, как Великое Кольцо соединит реальности в единое, подчиненное Максару-Бер-Хану суперпространство, оставались считанные часы.

Хорек схватился за живот и согнулся, прижавшись лбом к бетону.

Он прятался в длинной нише с трубами и проводами, идущей над коридором, и сквозь пролом видел происходящее. Только что Одноглазый, то есть Главный Демон, убил девочку. Да так убил, что от нее ничего не осталось, кроме мокрого места, а вернее — мокрых мест. На полу, стенах, потолке...

Его мутило. Очень уж влажным, протяжным, хлюпающим был звук, раздавшийся после выстрела, и очень уж страшным было зрелище. Да и девочку жалко. Он зажмурился и сжал зубы, сдерживая рвоту. Если сейчас его вывернет, враги услышат.

Правда, вид у девочки, перед тем как ее не стало, был какой-то недевчачий. И вообще как бы даже нечеловеческий. К тому же еще раньше Хорек наблюдал сквозь дыру, как она шмякнула о стенку двух молодых демонов в темных одеждах, а одному, кажется, еще и шею сломала.

Но все равно — жалко ее.

Снизу донеслись шаги, голоса. Справившись, наконец, с желудком, Хорек улегся возле пролома и осторожно выглянул.

Одноглазый вслед за старым демоном уходил прочь по коридору. Они исчезли из поля зрения, и мальчик сдвинулся, чтобы видеть их.

Старик присел на корточки возле одного из молодых демонов, Одноглазый встал над ним, заговорил. Голос у него оказался резкий и какой-то лязгающий. Не громкий, просто было в этом голосе железо, а еще битое стекло, и острые гвозди, и лезвия бритв, и что-то другое... Хорек ни слова не понимал, — но вспотел от напряжения, слушая Одноглазого, и даже начал немного дрожать.

Свой разрядник-многоствол Главный Демон отправил в чехол на левом боку. Суперское оружие! Хорьку бы такое. Он с ненавистью глядел в спину врага. Вот жестокий гад — взял и пристрелил девочку! Его обязательно надо убить. Во-первых, потому что тогда Хорек внесет в ряды демонов панику, ведь ими некому будет командовать, и тем поможет друзьям. А во-вторых, ему жутко хотелось заполучить многоствол.

Один из молодых демонов с трудом поднялся на ноги, вместе со стариком они пошли прочь по коридору, а Одноглазый зашагал обратно. Хорек отпрянул и едва слышно засопел, схватившись за рукоять пики.

Одноглазый пройдет прямо под дырой — что, если свеситься, согнув ноги в коленях и зацепившись ими, вонзить пику ему в основание шеи? В ямку у ключицы, сейчас ее не видно под воротником, но ведь она там. Если с левой стороны — длинная пика войдет прямо в сердце.

Демон был уже рядом. Он шагал легко, быстро и очень уверенно. Тайный Разведчик напрягся, крепче сжал телескопический стилет...

Нет, нельзя. То есть можно — но ничего не получится. Вдруг у Одноглазого броня под кителем? А даже если и нет брони, шансы на то, что клинок попадет точно куда надо, небольшие. В кость воткнется или просто мимо сердца пройдет, и что тогда? Одноглазый вскинет руки, схватит Хорька и стянет — да как жахнет башкой об пол! А потом из многоствола шмальнет, и Хорек разлетится брызгами.

Нельзя. Хорек ведь не только смелый, он теперь и умный, он умеет планировать наперед, как командир учил.

Демон прошел и стал спускаться по лестнице, Хорек свесил в дыру голову, наблюдая. Наверное, Одноглазый живет где-то там, на нижних этажах, то есть в подземельях, как и пристало демонскому вожаку. Там его можно найти.

Когда шаги стихли, Хорек встал на колени и огляделся. Ниша над коридором была длинная и узкая, за трубами слева виднелась дверца, дальше еще одна, а потом — раскрытый круглый люк, в который уходили жгуты проводов. В общем, лазать и лазать. Хотя подземелья ему не нравились. Крыши, стройки всякие, подъемные краны, в общем, поверхность и высота — это другое дело, а внизу как-то не очень. Там небо над головой, а тут бетон, там

свежий воздух, а тут затхлость сплошная. Хотя закоулков и здесь хватает, что хорошо.

Но все равно — Одноглазый спустился ниже, и его, это Хорек теперь знал совершенно точно, надо уничтожить. Завладеть многостволом, и когда ночью друзья начнут атаку, помогать им, расстреливая пулеметные гнезда, ну и вообще всех демонов.

Ладно, но есть одна закавыка: как убить Одноглазого? Нужно оружие...

Хорек приподнялся, когда в коридоре раздались шаги. На лестнице показался еще один демон, которого мальчик уже видел рядом с Одноглазым, — молодой и с четырьмя красными полосками. Он быстро прошел вниз.

Итак, нужно оружие, лучше всего — разрядник, но если не удастся достать, то пистолет-дробовик или револьвер, или скорч, или что-то земное. Да что угодно, лишь бы стреляло. Дальше надо отыскать логово Одноглазого и, если хозяин будет там, застрелить его. Схватить многоствол — и ходу наверх, где опять спрятаться.

А если Одноглазого не будет? Тогда заныкаться где-то у него под кроватью или в шкафу, дожидаться и убить.

Хорек стал разбивать план на последовательные шаги, как учил командир. Значит так: подняться на стройку... спереть оружие... спуститься обратно... залезть в логово... сразу убить Одноглазого или после возвращения... взять многоствол... снова наверх... прятаться до атаки друзей... стрелять в демонов. Всё. План готов.

Тайный Разведчик пополз вдоль труб.

ГЛАВА 25

Впереди ехали две трофейные тачанки в черно-желтых разводах, за ними пара запряженных рогачами повозок, потом автобус, замыкала машина с фарой-полумесяцем. Лабус шел рядом с первой повозкой, где возле передатчика экстрасвязи сидели Юриан с Яковом и Явсеном, а сзади Вета, высокий старик, имени которого Костя все никак не мог запомнить, и подобранная им девушка. Колонна медленно двигалась по улице параллельно Большой Серпуховской, в сторону Климовска.

— Все еще нет связи? — спросил Костя. — Почему?

Яков развел руками:

— Не знаю, Костик, они просто не отвечают.

Лабус сдвинул секцию в бортике повозки и сел на краю, свесив ноги. На тачанках впереди было по три омовца, на первой еще сидел Илья, показывающий, куда ехать.

— Какая последняя информация поступила от них?

— Передали, что Леша с Багрянцем вылетели. Потом начались сбои, и связь совсем прервалась.

Костя оглянулся. Вета и старик то и дело привставали, крутили головами, поворачивали стволы оружия в разные стороны, а девушка оставалась неподвижна. Про себя он называл ее Аня. Была у него в старших классах подружка с таким именем, которую Костя давно не видел и почти забыл, а теперь вспомнил, потому что эта девушка немного походила на нее.

Вскочив, Илья скрестил руки над головой — знак опасности.

Машины затормозили, Юриан потянул поводья, остановив рогачей. Илья с усатым омовцем прыгнули и скользнули вперед вдоль домов. Там улица пересекалась с другой — и если по ней сейчас кто-то проедет, он точно заметит колонну.

Раздалось гудение. Костя пригнулся у борта телеги с ПМ в руках, по всей колонне люди подняли оружие, из автобуса выскочили Сотник, сержант Каримов и Курортник с автоматами, заняли боевую позицию.

Илья с омовцем, добежав до крайнего дома, выглянули из-за угла. Гул моторов нарастал — приближались пять-шесть машин, не меньше. Илья предупреждающе поднял руку...

Шум начал стихать и вскоре смолк совсем. Илья медленно опустил руку, подождал, затем вместе с омовцем зашагал обратно. Когда они подошли к повозке, с другой стороны

к ней приблизились Сотник и сержант Каримов.

— Кто ехал? — спросил Яков.

— Опять грузовой караван, — пояснил Илья. — Цементовоз, еще грузовик с камнями, и третий, с плитами.

— Охранение? — этот вопрос задал Каримов.

— Два броневика, три тачанки, и на каждом грузовике по несколько бойцов. Оружие, мне показалось, почти у всех наше, автоматы и пулеметы. Хорошо, что они свернули раньше этого перекрестка.

Сержант с Игорем переглянулись, и последний спросил:

— Есть неподалеку место, где можно поставить машины, чтобы не на виду?

Илья ненадолго задумался.

— Рядом детский парк. С другой стороны от Симферопольской есть лесопосадки. А восточнее, за Мичуриным, — небольшие заводы. По-моему, эта колонна оттуда и ехала. И еще мы можем...

— Откуда эти места знаешь? — спросил Руслан. — Ты ж деревенский, не местный.

— Да я с одними людьми когда-то... Было дело, пришлось хорошо изучить окрестности. Так вот, тут есть еще заброшенный карьер, машины лучше всего поставить в нем.

Пока они говорили, Лабус и омовец, который ходил с Илей на разведку, разглядывали друг друга. Боец был коренастый, плотный, с широким лицом. С темными усами. С «винторезом» на плече. Молодой, лет на десять младше — если бы не это, Костя словно в зеркало бы глядел.

— Как звать? — спросил он.

— Леня.

— А фамилия?

— Костиков.

— Костиков! А я — Костя. Хорошо, что тебя не Гордеем зовут.

— Э... почему? — удивился снайпер.

— Потому что фамилия у меня — Гордеев. Костя Гордеев, Гордей Костиков...

— Разве есть такое имя?

— А как же, Гордей — древнее русское имя. — Лабус поразмыслил, пригладил усы и добавил с вызовом: — В техданных на «винторез» говорится, что прицельная дальность четыреста метров, но в реальных боевых условиях — триста.

Леня дернул себя за ус, и Костю аж пробрало, до чего этот жест напоминал его собственный.

— Снайпер, да? — уточнил омовец, принимая вызов. — У тебя не «винторез», значит? Дай угадаю... СВД?

— Ага, в автобусе лежит. Нет ничего лучше старой доброй...

— Есть лучше — «винторез». В нем...

— Ладно, хватит меряться, у кого ствол длиннее, — перебил Сотник. — Илья, води машины в карьер. Остальные — сбор в автобусе, надо быстро решить, что дальше.

— Ну, служи, — Костя снисходительно хлопнул молодого снайпера по плечу. — Еще поболтаем, Леня Винторезов.

Проходя мимо повозки, он заглянул в глаза Ани, но девушка, как обычно, не шелохнулась. Хотя в последнее время Косте казалось, что она на него все же реагирует, — из-за того, что он чаще других находился рядом, девушка выделила его из окружающего мира, как-то запечатлела в своем сломанном сознании.

Потом Лабус задержался, чтобы приказать Вене Григоренко, ехавшему в задней машине, залезть на автобус и контролировать окрестности, и когда шагнул на подножку, разговор в автобусе уже начался.

Курортник рулил. На одной койке сидели Яков и Явсен с Юрианом, напротив — Сотник. А сержанту Каримову, как обычно, не сиделось — он сновал туда-сюда между

койками, хватаясь за поручень, когда пол качался.

Костя пересек салон.

— ...Связи нет, и с этим ничего не поделаешь, — говорил Яков. — По времени они, мне кажется, уже должны быть здесь, на Земле. Время, правда, трудно рассчитать.

— Так что, операция провалилась? — Каримов подался к Якову. — Так?

Сидящие на койке подняли на него глаза. Говорил сержант как всегда резко, напористо, да и двигался так, будто испытывает к собеседнику агрессию и вот-вот набросится с кулаками. Проходя за его спиной, Лабус сказал: «Не нависай ты», — и сел рядом с Игорем.

Сержант развернулся на каблуках, пронзил Костю взглядом черных глаз — но ничего не сказал и опять зашагал между коек.

— Я считал: в отряде тридцать пять человек. Хотя из бойцов этого, — Каримов повел острым подбородком в сторону Юриана, — половина — подростки с бабами. Они вообще стрелять умеют? Опыт есть?

Когда ему перевели вопрос, Юриан произнес несколько фраз, и Яков, посоветовавшись с Явсеном, заговорил:

— Все терианцы прошли минимум через один бой. Хотя большинство побывали в нескольких. Оружием владеют, да и повадки варханов знают лучше нашего.

— Хоть что-то хорошо. — Каримов повернулся лицом к остальным и вдруг опустил на корточки — так резко, словно провалился вниз. Положил руки на колени и продолжал: — Теперь надо четко определиться с общей задачей. Какая она, капитан?

Игорь ответил:

— Задача была подготовить прорыв на главную базу противника и после того, как раскроется большой портал, забросить к нему хакеров. Потом прикрывать их, пока не заработает вирус.

— Но связи нет, — вставил Яков.

— ...Но связи нет, и это значит, что надо либо отказаться от всего и уходить из этого района, либо... — Игорь повернулся к Якову: — Переведи им мой вопрос: имеет смысл просто взорвать Сиб?

Когда Юриан ответил, Яков перевел:

— Он уверен, что, если «хадук ареа» не попадут сюда, мы должны попытаться уничтожить Большую Портальную Машину. Это не остановит Нашествие, но хотя бы задержит его.

— Значит, атака на главную базу, — Каримов резко выпрямился. — Мое предложение: захватить грузовую колонну и на ней подъехать к объекту.

Все замолчали, обдумывая этот вариант. Наконец Лабус покачал головой:

— Не подходит.

— Почему, прапорщик? — Руслан схватился за стойку, когда автобус, качнувшись на повороте, поехал с уклона.

— Я отвечу, сержант, — сказал Игорь. — Охранение их колонн ты видел. Сможем мы захватить машины так, чтобы они не пострадали?

Каримов помолчал несколько секунд.

— В принципе возможно, но все шансы за то, что останутся пулевые отверстия. И вмятины, потому что вряд ли сумеем обойтись без гранат. А что стекла им побьем — так уж это наверняка.

— Правильно, и все это насторожит охрану, еще когда мы будем подъезжать к базе противника. Одно дело — начать прорыв прямо во время досмотра, уже на периметре, другое — на подъезде. Нас просто расстреляют из пулеметов до того, как мы вообще успеем толком что-либо сделать.

Явсен взволнованно залопотал на своем языке, обращаясь то к Якову, то ко всем присутствующим, показал вниз, топнул по полу. Яков кивнул, сказал несколько слов на лингвейке, достал из кармашка футляр, оттуда — маленькие золотые очки, тряпочку и стал протирать круглые линзы. По его движениям и по выражению лица было видно, что

полковник-отставник не в своей тарелке. Еще бы, подумал Костя, ведь на Териане его друг Леша, к тому же этот лохматый хакер, Кирилл, за которого Яков ощущает ответственность. И связи нет — а это может означать самое плохое...

Водрузив очки на нос, Яков сказал:

— Центавросы — ритуальные сооружения, поэтому строятся по одинаковому плану. Явсен рисовал его для нас, бумага на столе, кто не помнит, может взглянуть еще раз. Сиб — в центре, а что это значит? — он обвел взглядом присутствующих. — Значит, прорваться через их охранный периметр — это даже не половина, это треть дела. Надо еще попасть к алтарю, к этому Эгалиту. Закрепиться там и удерживаться сколько понадобится. Явсен спрашивает, можно ли пройти под землей, через канализацию.

— Они же не идиоты, наверняка этот путь отсекли, — возразил Каримов. — Да и не знаем мы местную канализацию, планов ее нет, где их сейчас достать — неизвестно.

Автобус остановился, и Курортник объявил:

— Приехали.

Выключив двигатель, он подошел к пассажирам. Все встали, выглянули в окна. Через стальные жалюзи виднелись высокие глиняные склоны, сверху торчала кран-балка, рядом — ржавый конвейер и ковши, которые загребали глину из карьера.

— Плохой схрон, обнаружить нас тут — как два пальца, — заметил Каримов.

В автобус вошел Илья, и сержант обратился к нему:

— Так что, бывший урка, значит?

— Почему? — удивился тот.

— Возле повозки ты намекал на каких-то людей, на совместные дела, благодаря которым хорошо знаешь эти места...

— И при чем тут «урка»? Энщик я.

— Чего? Какой еще енщик?

— Это название участников особых игр. Я еще до армии увлекался. — Все посмотрели на него, и Илья развел руками. — Не знаю, как непосвященным людям объяснить. В общем, есть такая система городских игр: «схватка», «кэшнинг», «точки»... Даются всякие задания — на поиск, ориентирование, или надо решать головоломки, связанные с различными местами, найти их.

— Ролевики, что ли? — спросил Лабус, видевший как-то чудных парней и девчонок в плащах, с мечами и луками, которые на большой поляне в лесу, куда он с друзьями ездил на пикник, устроили странное представление.

— Ролевики среди энщиков тоже есть. В общем, это такие командные городские игры — совсем не для детей, кстати. Называется «Энкаунтер». — Илья расстегнул джинсовую куртку и показал футболку под ней. Там был зелено-белый логотип, слово «ENCOUNTER» с прицелами внутри «с» и «о». — Так вот, у нас было несколько больших игр в этом районе, три из них я сам проводил. Поэтому тут все излазил, и в Подольске, особенно в южном, знаю любые закоулки.

— Ну хорошо, енщик-пенщик, так откуда могут идти эти караваны? Цемент, к примеру, они откуда везут?

Илья показал направление:

— С востока. Там несколько заводов, часть давно остановилась, часть работает. Есть и цементный. Отсюда до него пара километров, не больше.

— Пара, значит, — задумчиво повторил Каримов.

Они помолчали.

— Нас тридцать человек, — сказал Игорь. — Оптимальная численность группы.

— Для чего оптимальная, Игорек? — спросил Яков.

— Для нападения на завод. Зачем атаковать колонну, если можно взять неповрежденные машины на заводе? Там должны быть тачанки, броневики, мотоциклы, которые отправляют для охраны грузовиков. На них едем к объекту, то есть к главной базе, — Игорь говорил все увереннее, быстрее и четче. — На подъезде к периметру подозрений не вызовем, машины

будут целые. На самом периметре, прямо во время досмотра, начинаем операцию. Прорываемся, взрываем Сиб.

— А если наши уже на Земле и успеют выйти на связь — берем в караван хакеров, — добавил Курортник.

— Конечно. В этом случае все точно так же, только мы должны будем не взорвать Сиб, а доставить хакеров к нему и прикрывать, пока они будут работать.

— Мало нас, — вздохнул Лабус. — Одно дело — нападение на завод, другое — на основную базу.

— А что, если партизан подключить? — спросил Илья. — Южнее они есть.

Каримов энергично кивнул:

— Подтверждаю, мы с двумя группами пересекались. Не объединились, потому что там были только гражданские, а мне таскать их за собой не с руки. Но они говорили, что и другие по лесам возле Оки ходят, и среди них есть армейские, кто-то даже с приличным оружием. Я думал в том районе остаться, но потом решил ближе к Подольску подойти, потому что было видно: центр у противника здесь.

Он замолчал, когда в салон проник приглушенный рокот.

— Это сверху! — Лабус вскочил. — Опять самолет?

Игорь шагнул к дверям, но рокот начал стихать. В автобус вошел Веня Григоренко с автоматом на плече.

— Докладывай.

— Два самолета, товарищ капитан. Оба пролетели в стороне. А когда мы въезжали в карьер, я еще один видел, но он был совсем далеко.

Игорь вернулся, и Григоренко, пройдя за ним через салон, сел на койку возле Лабуса.

— Рыщут, — нахмурился сержант Каримов. — Много времени, чтобы нас найти, им не понадобится. А если появятся в тот момент, когда будем атаковать завод...

— Машины придется оставить здесь, — решил Сотник. — Илья, откуда ты знаешь про партизан?

— Я с одним отрядом был связан, — пояснил тот. — Несколько раз доставлял им сведения, для этого и в Подольск с родственниками поехал: разведать, что там к чему. И в Центаврос с этой же целью потом отправился. Могу теперь пойти к партизанам, рассказать все и предложить участвовать в операции. Может, удастся подключить другие отряды.

— А что собой представляет та группа, с которой ты знаком?

— Разные люди, — неопределенно ответил Илья. — Там и гражданские, и военные. Несколько полицейских, пожарный, двое лесников. Всего около двадцати человек, командует отставной майор. У них, кстати, кроме АК еще два ВАЛа и даже одна КСВК.

— Вот это дело! — обрадовался Каримов. — Ковровская машинка технику противника навывлет пробьет.

— Что такое «ка-эс-вэ-ка»? — тихо спросил Веня у Кости.

— Снайперская винтовка, — пояснил тот, — крупнокалиберная. Легкобронированный транспорт, как у варханов, где-то на тыще метров продырявит.

Каримов продолжал:

— Если примем вариант с партизанами, могу одного своего бойца дать Илье в помощь. Он местный, еще и грибник-ягодник, округу знает хорошо. Капитан, так что? Яков, прапорщики, надо решать: дело к вечеру.

— Партизаны в любом случае не помешают, — сказал Яков, и Курортник с Лабусом согласно кивнули.

— Илья, нужен напарник в дорогу? — спросил Сотник.

— Да, вдвоем будет лучше. Надо время прикинуть. На машине доберемся за час, дальше... ну, два часа, чтобы найти партизан. Час на разговор с ними, чтобы убедить...

— Какой там час! — перебил Каримов. — Они через пятнадцать минут либо согласятся, либо нет.

— ...И еще пару часов, чтобы попытаться отыскать другие отряды. Может, у тех, кого я

знаю, с ними есть связь. Потом выдвинуться к Подольску... Думаю, когда начнет темнеть, будем уже возле объекта.

— Вас варханы на подступах засекут, — охладил его пыл Лабус.

— Разделимся, небольшими группами просочимся ближе к периметру, перед атакой соединимся. Как дальше, товарищ капитан?

— Сейчас договоримся о месте встречи, туда ты пришлешь связного или придешь сам, — пояснил Игорь. — Мы подойдем к базе с востока, вы — с севера. Дальше начинаем по сигналу — красная ракета.

Каримов довольно потер ладони.

— Так, вот теперь что-то прояснилось. Хорошо, еще момент: ты, Илья, не рассказывай партизанам про все эти дела с другими мирами, не сбивай людей с толку. Скажи только, что ночью у противника откроется большой канал доставки новых сил, припасов, техники. После этого нам уже ничего не светит, значит, ночью надо атаковать главную базу. Вот и всё. Они и сами странностей много насмотрелись: купол, воронки и прочее, кое-что смекают. А ты не углубляйся в детали, всякую фантастику не разводи, чтоб доверие не подрывать.

— Все понял, — кивнул Илья. — Как подойти к цементному заводу, я вам сейчас опишу, но сразу хочу сказать: неподалеку минимум две базы варханов, а на самом заводе стоит их семафор. Если успеют дать тревожный сигнал — помощь, думаю, придет минут за двадцать. И еще, позавчера я шел от партизан и видел, как какой-то человек взорвался возле завода. Возможно, подступы заминированы.

ГЛАВА 26

Когда гранч, пролетев над пирамидой и развернувшись, зашел на посадку, Леша мысленно повторил все, что рассказал Омний про Центаврос. Он хотел представить общую картину, создать в голове динамический образ здания и того, что надо сделать внутри, будущих перемещений по ярусам и комнатам. Он всегда поступал так перед серьезными акциями — это была одна из причин, по которой удавались военные операции Алексея Григорьевича Санникова, награжденного двумя орденами Красной Звезды и медалью «За Отвагу» государством, давно исчезнувшим с политической карты мира.

Вот она, треугольная площадь, разделенная пополам светлыми взлетными полосами. Продолжением их служат выступающие далеко за угол Центавроса настилы. Перед ними, сбоку от посадочных полос, зияет дыра на месте обрушившегося каменного купола, а с другой стороны, в основании площади, виден второй купол, целый. Слева от полос самолетные ангары, справа — вспомогательные постройки, между ними уходит в небо решетчатая вышка с прожекторами.

Натягивая перчатки, Леша окинул взглядом кабину. В соседнем кресле Багрянец прижимал к груди скорч, впереди застыли Гумача и толстяк Викс, за ними — Батур вцепился в штурвал, справа от него Зента положила руку на гашетку пулемета, длинный ствол которого торчал над фонарем.

Леша напряженно смотрел вперед, на треугольное каменное поле с жестяными коробочками ангаров и шпилем осветительной вышки. Оно быстро приближалось, росло.

Омний говорил: стены Центавроса толстые, в них — коридоры, казармы, склады, комнаты различных служб, есть даже тир и небольшие залы для тренировок.

В основании пирамиды находится главный плац, в центре его три башни, соединенные арками, всё это образует алтарь — «Эгалит» на языке варханов. На алтаре и стоит Сиб, а воронка портала горит между башнями.

Перекрытий, идущих по всей ширине здания, всего два: нижняя плита, несущая на себе Эгалит с плацем, и вторая, установленная в нескольких метрах под треугольной площадью, куда сейчас опускался гранч. Это верхнее перекрытие служило полом, а площадь — потолком для технического этажа, где стояла часть силового оборудования и хранились наиболее крупные запчасти самолетов.

Если бы где-то там находился фильтр, все существенно упростилось бы. Но деталь лежала совсем в другом месте — в складе на уровне верхней галереи, разделяющей второй и третий ярусы Центавра.

Шасси ударились о бетон, и левое колесо, заново смонтированное в горной пещере, громко хрустнуло — звук был слышен даже в кабине.

Замелькали постройки, из которых выскакивали варханы. Леша представил, какая сумятица царит в ангарах и верхних мастерских: захватчики-то многих бомбили в трех мирах, но им и в голову не приходило, что кто-то сможет сбросить бомбы на их Жилище Богов.

— Потому что никакие вы не боги, — сказал он, привычно ухватившись за подлокотники.

— Что, товарищ полковник? — спросил Багрянец.

Самолет стал быстро тормозить, и страховочный ремень вдавился в грудь. Снова пронзительно закрипело шасси. Машина прокатила мимо вышки с прожекторами. Пробитый взрывом каменный купол был впереди слева, возле края площади, неподалеку от места, где начинались настилы.

Снова хруст — и машину начало разворачивать.

Багрянец заорал, вскрикнула Зента, запыхтел Викс. Мир за фонарем провернулся, и гранч, накренившись, встал.

Он оказался на самом краю полосы, хвостом к настилам, правое крыло обратилось к пролому на месте купола, а нос — в сторону ангаров.

— Гумача, Викс, Павел, на выход! — крикнул Леша. — Батур, ты тоже!

Распахнув люк, он шагнул на крыло.

— Но как мы взлетим? — спросил сунувшийся следом Багрянец.

Леша прыгнул и присел. Шасси не сломалось до конца, но согнулось, вырвав один крепежный винт из нижней плоскости крыла. Металл стойки покорежился и треснул в месте сгиба.

— Батур, ко мне!

Викс с большим молотком в руках, Гумача и Багрянец были уже рядом, и когда следом соскочил Батур, Леша показал на стойку:

— Чинить! Ремонт!

Великан, что-то ответив, кивнул.

— Инструменты — и чинить! — повторил Леша. — Зента, огонь! Остальные за мной!

Батур поспешил назад в кабину. Застучал пулемет гранча — терианка стреляла по варханам, выскочившим из ангаров.

Леша бросился к остаткам купола. И увидел: повезло, не придется использовать динамит! Взрывы бомб сломали не только крышу технического этажа, но и пол — под ногами были два пролома, и за нижним открывалось огромное пространство, озаренное зеленым светом.

Гумача достал тяжелые, хорошо заостренные железные костыли, приставил конец одного к щели между камнями. Викс замахнулся молотом.

— Павел, подтяни ремни, запутаются! — приказал Леша.

Самолет заслонял от них большую часть площади. Работал пулемет Зенты, под крылом присевший на корточки Батур пытался распрямить стойку шасси. Вскоре восемь костылей были крепко вбиты в кладку, на них закрепили блоки с лебедками. Четыре веревки полетели вниз. Леша снова встал на краю пролома, спиной к нему, подхватил веревку и продел в устройство для скольжения, прижатое ремнями к диафрагме. Одной рукой сжал два торчащих из механизма рычага, другой расстегнул клапан револьверной кобуры на бедре.

— Готовы?

Багрянец, потом Гумача, стянувший длинные волосы в хвост, и тяжело пыхтящий после работы с молотком Викс кивнули. Толстяк сорвал с перевязи гранату, взвел ее, провернув железные полусферы, и швырнул в пролом так, чтобы она упала в один из коридоров

технического этажа. За первой последовали еще три. Теперь у Вика их осталось шесть. Он тоже встал спиной к пролому, взявшись за свой блок правой рукой, левой поднял обрез. Отгремели взрывы гранат — теперь вряд ли кто-то мог остаться возле нижнего пролома целым и невредимым.

Леша оттолкнулся и заскользил вниз.

Часть внутренних перегородок вокруг дыры обрушилась, открыв помещения со стеллажами, тюками, коробками и ящиками. Между двумя рядами комнат в глубину этажа уходил коридор, ближний конец которого тоже обвалился. Вдалеке по коридору бежали двое с оружием.

Распахнулась чудом уцелевшая дверь над самым проломом, из нее выглянул вархан с двумя красными полосками на плече и разрядником в руках. Вскинул оружие, но Леша выстрелил первый — и офицер сполз по стене.

Четыре веревки заканчивались далеко внизу, Леша скользил по одной, по другой его нагонял Багрянец, за ним, немного медленнее, двигались терианцы.

Технический этаж остался над головой, и у старика захватило дух. Хотя теперь он не был стариком. Он снова был юным, его морщины разгладились, его мышцы наполняла сила, тело стало крепким и гибким. Его движения были стремительны и точны, а ум — молод и остр; полковник воздушно-десантных войск Алексей Григорьевич Санников воспринимал мир четко и ясно, он видел все вокруг, периферийным зрением замечал малейшее движение — и реагировал мгновенно.

Он был счастлив. Счастлив последний раз в своей долгой, сложной, насыщенной жизни.

Наклонные стены гигантского зала были усеяны балконами, галереями, окнами и лестницами. А внизу — что это за квадраты, почти идеально ровные, состоящие из крошечных фигурок? Да это же отряды! Они маршируют там, по далекому плацу на дне Жилища Богов...

В центре плаца — три башни, Вега Ареа, как назвал их Омний, то есть Башни Света. Радужные легкие арки соединяли их вершины. Между ними сиял Главный Портал.

Удивительно: с какой стороны ни смотришь на порталы, видишь овальное облако-воронку. И сверху тоже — отсюда чудовищный «горлагос» казался пологой впадиной в пространстве, в середине ее клубился дымный шар, к которому спиралями сходились реки зеленого тумана. Из портала выстреливали молнии, он светился таким глубоким, чистым, ясным изумрудом, что у Леши заболели глаза. А еще полковник Санников почувствовал исходящую снизу энергию — мельчайшую дрожь пространства, отдающуюся вибрацией где-то в затылочной кости.

Мимо пронесся Багрянец, Леша крикнул: «Притормози!» — и Павел чуть сдвинул торчащие из блока рычаги. Зашипели ролики, скорость уменьшилась.

Терианцы почти догнали их. Будто маленькие паучки на своих нитях, четверо спустились из-под свода гигантского зала.

Эхо донесло звуки выстрелов. Свистнула пуля, вторая, и Гумача с Виксом открыли огонь: глухо рывкнул обрез, звонко, весело защелкали револьверы.

Стреляли с разных сторон — с балконов, из окон, с лестниц, — но чем дальше скользили четверо диверсантов, тем больше становилось расстояние от стен и тем тяжелее было попасть в незваных гостей.

Как и диверсантам — в защитников Центавроса.

Гумача, дрыгая ногами, поворачивался то влево, то вправо на своей веревке, «хвост» его взлетал за спиной, терианец стрелял из разрядника, вскидывал скорч, опускал, позволив свободно повиснуть на ремне, снова использовал разрядник, опять поднимал скорч... Почти каждый выстрел поражал цель, сбивая одну из фигурок с балконов и лестниц.

— Вижу! — Леша показал ниже.

Там по всему периметру тянулась широкая галерея. Ее огораживала каменная балюстрада, в стене были двери. Омний говорил: нужная им находится точно посередине, по

сторонам от нее два одинаковых проема поменьше.

— Тормозите! — приказал Леша, и тут скользящий выше остальных Викс вскрикнул.

Он дернулся, голова откинулась, по спине между лопаток побежала кровь. Тонкая струйка, ярко поблескивающая в изумрудном свете, протянулась книзу, соединив терианца с зеленой бездной Главного Портала.

— Викс атон нора! — закричал Гумача.

— Павел, прикрывай! — Леша, сдавив рычаги, остановился.

Выстрелы участились, пули летели со всех сторон, тонко посвистывали вокруг. Одна попала ему в бок, другая — в ногу, удары отдавались тупой болью в теле, но, пущенные с большого расстояния, они не могли пробить пропитанную силикатами бронекожу. Леша с Гумачей сняли со спин арбалеты, распрямили сложенные дуги. Клац! Клац! — две «кошки», разматывая за собой тонкие тросы, полетели к галерее.

Обе достигли цели: тройной крюк, выпущенный полковником, зацепился за верхнюю часть балюстрады, а тот, которым выстрелил Гумача, — за одну из толстых каменных балясин прямо под ним.

— Павел, держись за Гумачу!

— А Викс?! — крикнул Багрянец в паузе между выстрелами своего скорча.

— Выполняй!

Толстяк висел запрокинув голову, руки и ноги покачивались. Сдвинув штырек фиксатора, Леша отстегнул от арбалета маленький блок с тросиком, прицепил к груди, арбалет повесил на спину. Дернул ногами в одну сторону, в другую — веревка начала покачиваться.

Багрянец обхватил за пояс Гумачу, и тот, быстро перебирая руками, стал подтягивать их к галерее. Павел над его плечом стрелял в бегущих по галерее варханов.

Леша наконец дотянулся до Викса, пальцы скользнули под ремень на груди.

— Живой?! — крикнул он.

Глаза толстяка закатились, рот был широко раскрыт, кровь текла из раны у основания шеи. Полковник дернул Викса к себе, схватил один из карабинов на его жилете и прицепил к скобе на своем ремне.

Освободив таким образом обе руки, Леша стал быстро тянуть за тросик, который уходил внутрь блока, где наматывался на лебедку благодаря взведенной пружине. Иногда полковнику приходилось немного сдерживать протянувшуюся вверх веревку, чтобы по мере приближения к галерее его не приподнимало над нею. Гумача с Багрянцем были уже на пол пути. Павел стрелял и быстро перезаряжал, не позволяя защитникам пирамиды подобраться к тому месту, где зацепились крюки.

Двое диверсантов добрались до галереи и перевалились через балюстраду. Гумача отцепил блок от груди, захлестнул за балясину ремешок. Теперь веревка висела наискось — от дыры в далеком своде Центравроса к галерее, почти параллельно стене.

Когда Леша был уже возле них, Викс дернулся и прохрипел что-то.

— Ничего, терпи! — крикнул полковник. — Почти на месте!

Викс повернул голову, пытаясь понять, что происходит, взгляд стал осмысленным. Терианец потянулся к карабину, которым Леша пристегнул его к себе.

— Нет, погоди... — полковник схватился за балюстраду.

Гумача залег под ней и стрелял вдоль галереи, а Багрянец перегнулся и схватил Лешу за плечо.

— Держу, товарищ полковник!

— Павел, погоди, он хочет...

Викс, промывав что-то, коснулся карабина.

— Отставить! — заорал Леша и попытался схватить его за волосы.

Терианец качнулся маятником. На половине расстояния до вертикальной оси отстегнулся и рухнул вниз. В полете он сорвал с себя две гранаты, широко расставил руки.

— Он взорвет Сиб?! — ахнул Багрянец. — Или... нет, не выйдет!

Тело Викаса исчезло в воронке портала. Сквозь изумрудный свет мигнула вспышка, туман взбурлил, испустив тяжелую волну сияния, — и снова пригас.

— Прикрывай! — Леша шагнул к треугольной двери.

Полковник думал, что она будет заперта, но дверь оказалась открыта. За нею — длинная узкая комната, казавшаяся еще уже из-за столов под стенами и висящих над ними полок. В комнате находились двое.

* * *

Нагнувшись над краем пролома, Батур трижды выстрелил в коридор технического этажа, и появившиеся там варханы отскочили. Один упал.

Он успел распрямить и кое-как залатать стойку, хотя серьезной нагрузки шасси не выдержит. Теперь великан делил свое внимание между теми, кто пытался приблизиться к самолету от ангаров, и варханами внизу, которые могли перерезать веревки.

Пулемет гранча стрелял с короткими паузами. Ствол его мог поворачиваться на незначительный угол, но, с учетом расстояния до ангаров, этого хватало, чтобы накрыть большой сектор. Пули варханов давно разбили фонарь, изрешетили носовую часть, но раз пулемет работает — Зента жива.

Батур перезарядил скорч, встал на одно колено на самом краю пролома, целясь в коридор, и краем глаза уловил движение на самолете. Подняв голову, увидел, что по крылу — тому самому, со сломанным шасси, — бежит вархан.

Великан бросился вокруг пролома, на ходу выстрелил, но вархан исчез за фюзеляжем. Вскочив на другое крыло, Батур заметил спину противника, склонившегося над фонарем. Пулемет смолк. Выстрелом в голову Батур сбил вархана на бетон. Когда пулемет перестал работать, больше десятка врагов враспынную побежали от ангаров к гранчу.

Сквозь дыру Батур сунулся в кабину. Зента полулежала, запрокинув голову, вся в крови, и дрожащей рукой тянулась к гашетке. Пальцы коснулись ее, и пулемет снова начал стрелять.

Враги попадали, некоторые остались лежать неподвижно, остальные поползли вперед.

Если один из них подобрался слева, то и другие могут. Батур выпрямился — и вовремя: с той стороны бежали трое.

Он выстрелил, потом бросил гранату далеко через взлетно-посадочные полосы. Пулемет опять затих. Зента, с трудом повернув голову, прохрипела: «Патронов нет, а их еще мно...» — и умолкла на полуслове. Взгляд ее застыл.

Великан спрыгнул в кабину, между сиденьями протиснулся в заднюю часть и распахнул длинный ящик. Вытащил пулемет с четырьмя стволами, подхватил коробку, полную снаряженных патронных лент, и распрямился с оружием на плече. На земле подобный агрегат называли бы «гатлингом», а у терианцев его именовали «барлаг» — «многоствол».

Еще несколько варханов показались слева, они бежали по самому краю площади. А от ангаров к гранчу приближалась целая толпа.

* * *

Выставив оружие, Леша метнулся вперед. Стволом он врезал по лбу молодого мужчину в грязных штанах и фартуке, который замахивался топориком с короткой рукоятью.

Терианец опрокинулся, второй — в такой же одежде, но старше, седой и обрюзгший — попятился и вдруг упал на колени. Зашамкал на лингвейке, сильно шепелявя, трясая головой. Лицо его перекосилось от ужаса. Молодой начал вставать, Леша ногой оттолкнул от него топорик, поднял и сунул за поясной ремень сзади.

Огляделся. Здесь было много всего, но ничего похожего на фильтр, как его описывал Омний.

Снаружи непрерывно стреляли. Сквозь раскрытую дверь доносился топот ног, лязг затворов и стук падающих на пол гильз.

— Ринчи? — спросил Леша.

Молодой приподнялся, оскалившись. Полковник снова сбил его с ног, заставил встать на колени. Приставил ствол к переносице второго работника.

— Ринчи?!

— Им... имбагор. — Пожилой неуверенно протянул руку влево, и тогда земляк наотмашь ударил его тыльной стороной кулака по лицу.

— Слангач! — крикнул молодой терианец.

Леша едва не выстрелил. Ругнувшись, прикладом врезал парню в висок и, когда тот упал, кинул такой яростный взгляд на второго, что тот, тихо взвизгнув от ужаса, показал под стол.

Там стоял сейф с рукояткой и кругом выпуклых цифр на дверце.

— Открывай!

Леша сделал выразительный жест. Пожилой на четвереньках подобрался к железному ящику под столом, защелкал замком.

Снаружи, будто медведь, которого травят гончие, взревел Багрянец.

— Быстрее! — крикнул Леша.

Дверца распахнулась. За ней стояли два прибора из материала, напоминающего мутно-прозрачное толстое стекло, в форме песочных часов, высотой с полметра. Внутри клубилась зеленая субстанция, в ней посверкивали искры.

Молодой зашевелился, полковник ударил его носком ботинка по голове, потом обрушил приклад на затылок седого. Когда тот повалился лицом на сейф, оттолкнул тело в сторону и вытащил один фильтр. Тот оказался тяжелым, Леша сразу пристроил его на стол.

— Товарищ полковник! — заорал Павел снаружи. — Быстрее!

Стрельба еще усилилась, если такое вообще было возможно. Леша бросился к двери, но тут в склад ввалился Багрянец. Лицо у него было перекошено, нос разбит, над ухом ото лба к затылку шел разрез, короткие волосы слиплись от крови.

— Закрывай! — выдохнул Павел, за которым в комнату влетел Гумача.

Леша шагнул между ними к двери, захлопнул ее и навалился на восьмиугольное запорное колесо. Внутри двери лязгнуло.

— Трое добежали! — прохрипел Павел, вращая глазами. — Я одного вниз скинул... Другого ножом, а третий меня... Но Гумача его...

В дверь ударили, и она дрогнула.

— Рюкзак! — приказал Леша.

— Там толпа валит! Какие-то офицеры появились! Слева и справа, один худой, другой толстый, в кителях с полосками, командуют...

— Рюкзак!

— И там, и там, лезут, падлы, прямо на...

Леша закатил Багрянцу оплеуху. Тот покачнулся и, отступив, замолчал. Изумленно глянув на полковника, поднял руку, словно хотел дать сдачи, потом громко выдохнул и сорвал рюкзак со спины.

В дверь снова ударили, после чего снаружи стало тише.

— Тонто, — сказал Гумача. Рубаха на его груди была изорвана пулями, сплюснутые металлические кружочки поблескивали в бронекоже жилета, которая в нескольких местах треснула, словно была из пластика или дерева.

— Тонто.

— Взорвать могут, — кивнул Леша. — Павел, фильтр на столе — пакуй!

Он бросился в другую часть склада. По форме помещения Леша понял, что это не обычная комната, а часть коридора. Они находились на том уровне, где заканчивался один ярус и начинался второй, здесь коридоры соединяли внешнюю и внутреннюю галереи. Здесь-то и устроили склад, а это означало...

Полковник не ошибся: за большой шкурой, скрывающей дальнюю стену, была дверь. Прежде чем открыть ее, Леша обернулся. Гумача шел за ним с поднятым скорчем, Багрянец

застегивал рюкзак, оттуда лилось зеленое мерцание. В дверь, через которую они попали сюда, трижды ударили. Много времени на то, чтобы вскрыть ее, варханам не понадобится.

Натягивая на плечи лямки рюкзака, Багрянец нагнал Гумачу, и вдвоем они остановились перед Лешей.

— Не знаю, есть там кто-то или нет, — предупредил полковник. — Если есть, валим его и выходим по коридору на галерею. Готовы? Вперед!

Сдвинув засов, он распахнул вторую дверь.

Длинный каменный коридор оказался пуст. Он заканчивался треугольником дневного света, и диверсанты побежали.

— Товарищ полковник, на мне пуль — как блох! — пожаловался Багрянец. — Раз семь попали или десять, синячищи по всему телу. Хорошо, что не в башку, а то синяком не отделался бы...

— Молчи! — приказал Леша.

Стало светлее, в лицо дунул порыв ветра. Полковник заглянул в проем, повернул ствол влево, вправо, отступил и сказал:

— На этой галерее пушек нет, слишком высоко, они на нижней. Пока тут никого, все сбежались в центральный зал. Слева — рельсы.

— Чего? — удивился Павел.

— И к вершине, и к подножию идут. Я на это и рассчитывал: им же иногда надо доставлять наверх какие-то тяжелые блоки для самолетов. В мастерские, на склады... Стена не очень крутая, по рельсам можно залезть.

В дальнем конце склада рвануло, и дверь с запорным колесом опрокинулась, лязгнув о каменный пол.

— За мной! — Леша побежал по галерее.

До рельсов оказалось недалеко. Гумачу пустили первым, следом полез Багрянец, полковник прикрывал.

Между рельсами было подобие шпал — тонкие железные штанги. Все вместе это напоминало лестницу, вот только штанги нижними плоскостями касались камня, а то и были погружены в щели между блоками, так что обхватить их целиком не получалось. Но в них можно было упирать носки ботинок, хвататься за них — и ползти.

Они поднимались быстро. Когда преследователи открыли огонь, диверсанты были уже на середине стены. Варханы тоже полезли. У Гумачи оставалась одна граната, и он через головы спутников швырнул ее вниз — она взорвалась между варханами. Несколько трупов полетели на галерею, сбив тех, кто карабкался следом.

Вскоре диверсанты миновали небольшую железную площадку, прилепившуюся к стене возле рельс. На площадке стоял ящик с инструментами, в стене над ней была закрытая дверь. До верхнего края оставалось всего ничего, оттуда доносились частые взрывы, в паузе между ними слышались выстрелы.

— Что это там? — спросил Багрянец, оглядываясь.

— Батур... — начал Леша, и тут из двери на площадку шагнул вархан с пистолетом-дробовиком в руках. На кителе его краснели три полосы.

Офицер поднял пистолет. После взрыва гранаты Гумачи, когда стало ясно, что они на время оторвались, Леша повесил скорч на плечо стволом книзу — подниматься с оружием в руках было очень неудобно. Патроны в револьвере на бедре закончились уже давно, и полковник вырвал топорик из-за ремня. Офицер выстрелил, дробь ударила Лешу под мышку руки с топором, но полковник успел рубануть врага по ключице.

Мир потемнел... Дернулся кверху... Закачался...

Темнота расступилась, и Леша понял, что лежит на наклонной стене и что его держат за шкирку, как щенка. На железной площадке дергался, пытаясь вытащить из себя топор, офицер.

— Товарищ полковник! Полковник!!!

Крики доносились сверху, Леша поднял голову. Павел, повиснув на одной руке, второй

сжимал его воротник. Лицо Багрянца алело от напряжения. На вертикальной стене он бы не смог удержаться, но уклон ему помогал. Гумача уже достиг конца рельс и, высунувшись над краем, стрелял в кого-то на верхней площади.

— Полковник, я...

— Отпускай!

— Нет!

— Отпусти, сказал! Я тут держусь!

— Ни за что ты не держишься! — засипел Павел. — Обмануть хочешь, полковник?! Фильтр у меня, а ты хочешь...

— Я держусь! — выдохнул Леша и уперся подошвами в штангу. Кое-как распрямил ноги, помогая Багрянцу втащить себя повыше.

— Лезем, ну! Давай, Павел, помогай мне!

Они ползли. Левая рука Леша стала раскаленной головешкой, пышущей жаром боли, которая быстро подбиралась к бешено колотящемуся сердцу полковника... уже не молодого, полного сил мужчины — а слабого, умирающего старика.

Дальнейшее было лишь вспышками света между провалами тьмы. Кто-то включал и выключал яркий прожектор, мир разгорался и угасал в ритме все более медленных, слабых ударов старого сердца.

...Треугольное каменное поле, гранч, стоящий на крыле Батур, какое-то оружие в его руках, бегущие от ангаров варханы...

...Затемнение, яркий свет! — и вот гранч уже близко, и теперь видно, что у Батура ружье с длинным стволом, в который горлышком вставлена бутылка, а вокруг на камнях — большие пятна гари, кое-где зажигательная смесь еще горит и дымится, и вместе с нею горят и дымятся тела...

...Затемнение, свет! — кабина, пробитая обшивкой, пахнет дымом, из пульта летят искры, неподвижное тело в переднем кресле...

...Долгое затемнение, слабый свет — гранч катится, скрипя поврежденным шасси, Багрянец стреляет вправо сквозь разбитый фонарь, Гумача — влево, и даже Батур, удерживая штурвал одной рукой, палит из револьвера. Варханы бегут к самолету, один подскакивает, хватается за крыло, срывается... Все это происходит вокруг, но где же сам Леша?

Затемнения становились все дольше, а вспышки света все тусклее и короче. Ветер бил сквозь разбитый фонарь. Алексей Санников сидел между креслами, и на коленях его лежал рюкзак с фильтром. Глухой взрыв раздался сзади. Он с трудом повернул голову — там был дым.

Затемнение. Тусклый свет.

...Подбитый самолет провалился с края площади. Заднее шасси оторвало, передние колеса свистели, стремительно вращаясь по наклонной стене. Приближалась верхняя галерея, гранч скатывался по скосу, и за хвостом его, частично поврежденным взрывом гранаты, полоскались на ветру темные ленты дыма.

Затемнение. Очень слабый, неверный свет.

Багрянец орал от ужаса, галерея надвигалась. Гумача упал под кресло, а остальных прижало к спинкам, и Батур тоже орал — от напряжения. Мышцы бугрились на руках, одной он вытягивал на себя штурвал, другой сдвигал рычаг.

Теперь свет был совсем тусклый, но свеча жизни еще теплилась, и Леша Санников еще видел...

Самолет оторвался от стены. Под ним присел, прикрыв голову, офицер в начищенных до золотого блеска желтых сапогах. Машина пронеслась над ним, переднее шасси чиркнуло по каменному бордюру, колеса оторвало от стоек. Гранч сильно трянуло — и он устремился дальше, по дуге, к каменному полю вокруг Центавроса.

Затемнение... долгое, почти бесконечное... — и едва видимый, умирающий свет.

Если бы шасси еще были, они бы ударились о мощеную площадь, но без них гранч, почти зацепив брюхом гладкие камни, несколько мучительно долгих мгновений несея

вскользь — а потом начал взлетать.

Затемнение. Долгое, бесконечное. Света больше нет. Полная тьма.

В этой тьме разгораются изумрудные огни.

ГЛАВА 27

От взрыва содрогнулась вся пещера. Денис слабо вскрикнул, едва не выпустив скорч, Омний и Мариэна с Кириллом присели за перевернутым на бок столом, глядя на дверь. Та слегка сдвинулась в проеме, а калитку в створке перекосило так, что в верхней части появилась широкая щель.

Сквозь нее внутрь выстрелили, и пуля, срикошетив от столешницы, цокнула по уродливому наросту из потеков металла и проводов на боку ворсиба.

— Нет бежать! — крикнул Омний вставшему на четвереньки Денису. Обогнув на карачках порталную машину, ученый под ее прикрытием вскочил и метнулся к ведущей на балкон двери.

— Денис, там тоже штурмовики! — прокричал Кир вслед.

Через щель в них снова выстрелили, а после туда просунулся конец динамитной шашки. Он шипела, плевалась искрами. Мариэна прицелилась и нажала на спусковой крючок — пуля угодила прямоком в динамит, выбила его из щели наружу, и он взорвался.

Скрипнув, просела баррикада из стеллажей, которые они набросали под дверь. Калитка накренилась сильнее, зато крики и выстрелы в коридоре сменились стонами.

— Сюда! — закричал Денис из-за машины. — Смотрите!!!

Голос у него был такой, что Кир, обхватив Мариэну за талию, потащил девушку к балкону. Омний побежал следом.

В дверном проеме маячила спина Дениса. Толкнув его, Кирилл очутился на балконе, услышал рокот и повернулся.

Штурмовики бежали по нижней части каменной тропы, и прямо над их головами, вдоль склона к балкону летел гранч. Или он так падал? Хвост дымится, шасси нет, фонарь разбит вдребезги...

— Сейчас врежется! — Денис пригнулся.

Левым крылом машина зацепила склон, ее качнуло, крыло оторвалось и взмыло, крутясь. Гранч обрушился на тропу перед попадавшими штурмовиками, разбрасывая камни, несколько секунд поднимался по ней, затем остановился — и стал крениться вправо под весом второго крыла.

Из разбитой кабины выскочили двое — один огромный, второй худой...

— Батур! — крикнула Мариэна. — Гумача!

Показался Багрянец — на руках, словно ребенка, он нес Лешу.

Спотыкаясь, диверсанты торопились к балкону.

Крыло окончательно перевесило, и самолет свалился с тропы, полетел вдоль склона, ударяясь о него. Второе крыло оторвалось, и обломки машины рухнули в долину.

Штурмовики открыли огонь.

— Ринчи? — не выдержал Омний.

— Клум, — Кирилл показал на Багрянца, в плечи которого врезались лямки рюкзака. — Думаю, ринчи имклум!

Павел оступился, упал на колени. Гумача помог ему встать. Мариэна с Омнием бросились им навстречу, а Денис вдруг вскрикнул и метнулся в пещеру.

Кирилл шагнул следом, подняв скорч. У опрокинутых стеллажей под дверь искрила динамитная шашка. Фитиль ее почти прогорел, когда рядом оказался Денис. Он поднял взрывчатку, запрыгнув на стеллажи, просунул в щель и ладонью вытолкнул обратно в коридор.

Сквозь щель в него выстрелили, пуля пролетела мимо головы. Снаружи заорали; быстро застучали удаляющиеся шаги. Ученый бросился обратно, шашка взорвалась — он

упал и почти сразу вскочил, тряся головой.

Кирилла толкнули, он шагнул в сторону. В пещеру ввалился Багрянец с неподвижным Лешей на руках. Омний, встав за спиной здоровяка, принялся расстегивать рюкзак. Гумача и Батур с балкона стреляли по штурмовикам на тропе, к ним присоединилась Мариэна.

Леша на руках Павла не шевелился. Казалось, под мышкой старика взорвалась небольшая граната — от плеча мало что осталось, рука превратилась в черно-красный влажный обрывок плоти.

Заметив движение в щели над калиткой, Кирилл выстрелил. На балконе троим было тесно, и вернувшаяся в пещеру Мариэна открыла огонь по двери. Омний, включив порталную машину, вставил в цилиндрическое отверстие на ее боку светящуюся зеленым деталь. Провернул, нажал, щелкнул чем-то. Раздались треск и шипение. Из углубления полилось зеленое сияние, ворсиб громко загудел.

Калитка опрокинулась, но берсер-штурмовик, стоящий на одном колене в просвете, не успел выстрелить — сунувшийся с балкона в пещеру Батур скосил его очередью из пулемета.

На месте берсера возник второй, рывкнул скорч. Пуля ударила в стоящий возле ворсиба передатчик экстра-связи, пробила боковую панель.

С пронзительным шипением между «бивнями» проскочила светящаяся зеленым дымная струя. Громкий хлопок — и в воздухе возник небольшой портал. Он был непривычного салатного оттенка, края его клубились, в них проскакивали искры.

Денис бросился в него первым, следом — Гумача, а потом и Багрянец с Лешей на руках. Батур, схватив в охапку Мариэну, нырнул за ними.

Омний появился из-за ворсиба, на ходу вдавил клавишу — и лампочка на железном колпаке, под которым Кир видел три скрученные проволокой динамитные шашки, замигала в убыстряющемся темпе. Донесся писк.

Пеон поднял серебристую «тумбочку» передатчика, прижав к груди, пошел к portalу. Кирилл побежал за Омнием, на ходу стреляя по вывороченной калитке. Патроны закончились — и тут же в пещеру сунулись двое штурмовиков. Они выстрелили разом, один не попал, а второй угодил Омнию в ногу. От колена разлетелись красные брызги. Пеон замычал от боли, нога подогнулась.

Тревожный писк стал пронзительным, лампочка ярко вспыхнула красным.

Кир с разбегу налетел на Омния, сильно толкнул в спину. Ударная волна взрыва догнала их уже в портале.

ЧАСТЬ V РАЗГРОМ

ГЛАВА 28

Колонна подошла к пустырю по асфальтовой дороге, за которой начинались окраинные дома Подольска. С другой стороны пустыря шла бетонная ограда, а дальше — завод.

Игорь, Лабус, Курортник и сержант Каримов были впереди, Веня Григоренко медленно катил за ними на мотоцикле с коляской, в которую погрузили оба передатчика экстрасвязи. За Веней сидела, положив руки ему на плечи, Аня. Дальше шли терианцы во главе с Юрианом и Ветой, замыкал пулеметчик в шляпе с треугольными полями и коренастый усатый терианец с двумя обрезами. Этим двоим Лабус дал прозвища Ковбой и Базилио, которые сразу прижились. Были еще Каланча — высокий старик со шрамом, Голубок со своей Голубкой — неразлучная парочка подростков в комбинезонах с капюшонами, Тетки (четыре неотличимые друг от друга женщины), Мужики (несколько ничем не примечательных терианцев мужского пола) и Старуха. Пятеро омовцев прикрывали колонну с флангов, иногда Каримов посылал двоих вперед на разведку.

— Вот и цементный завод. — Игорь остановился на краю пустыря, возле глубокого заросшего лопухами оврага. — По описанию — тот самый, о котором говорил Илья.

Он поднял руку, его жест повторил Юриан, и колонна остановилась. Затормозив, Григоренко опустил ноги на землю и выпрямился, пытаясь разглядеть поверх голов, что впереди.

— Разобьем лагерь в овраге, — решил Сотник, — и сразу на разведку.

Лабус, уже рассматривающий объект в оптику СВД, стал перечислять:

— Бетонное здание кубической формы, забор тоже бетонный, колючки нет. Ворот не вижу, наверное, они с другой стороны. Еще...

Мир дрогнул, и Лабус присел, расставив руки. Все вокруг мелко затряслось. Солнце, преодолевшее половину расстояния от зенита до горизонта, слегка расплылось в зеленоватом небе.

Вокруг замигали порталы.

Сразу несколько десятков возникли со всех сторон: над землей, выше и ниже, над крышей завода за оградой впереди, над пустырем и дорогой, огибающей его слева, и далеко сзади — возле крайних домов Подольска.

В колонне охнули, выругался омовец, вскрикнула женщина. Лязгнули несколько затворов.

— Ё-моё! — сержант Каримов оглянулся на своих бойцов. — В овраг! К бою!

Юриан тоже отдал приказ, и его люди полезли в лопухи. Курортник и Сотник стали помогать Вене скатывать мотоцикл в овраг. Костя стащил с седла Аню, повел вниз.

Голубки сбежали следом, на ходу разворачивая захваченный из спецавтобуса МКС — «маскировочный комплект сетчатый».

— Накрывай! — Лабус с Курортником схватили пятнистую желто-зеленую сетку, развернув, набросили на мотоцикл с передатчиками и на Веню.

Костя схватил Аню за плечи, заставив присесть, втолкнул под сетку и вслед за Алексеем полез наверх.

На краю склона он с «макаровым» на изготовку улегся между Сотником и Курортником, по правую руку от которого лежал Каримов. У сержанта был «тис», у Курортника «бизон», Игорь держал АК.

Порталы мигали, Игорь начал считать, но быстро сбился, потому что одни гасли, а другие вспыхивали там, где раньше был лишь воздух.

— Что это значит? — Курортник ни к кому не обращался, просто выражал недоумение, не надеясь получить ответ. — Что произошло?

Игорь прикрыл глаза, вслушиваясь. Ветер шелестел травой на пустыре, шуршали лопухи в овраге. Едва уловимая мельчайшая вибрация сотрясала пространство.

— Воронки эти какие-то, на хрен, не такие, — зло высказался Каримов. — Те, что раньше попадались, все были одного цвета и формы, только размеры разные. А теперь вон синюю вижу, а та — желтая, как моча.

— И более округлая, — добавил Лабус. — И еще, вы эту, как сказать... тряску ощущаете? Вроде его на стопор поставили, а он вибрирует, трясется, вот-вот сорвется.

— Кого? — спросил Курортник.

— Ну... не знаю. Мир. Всю планету.

Игорь сцепил зубы, зажмурившись, крепче сжал оружие. На него медленно накатывала темная волна — огромная, тяжелая, глухо шумящая...

Не доживу до утра.

Он понял это четко и ясно. И совсем не испугался, просто понял — и всё, близость собственной смерти не вызвала никаких эмоций, разве что усилила решимость, желание действовать.

Он сказал:

— Сержант, бери своих, иди на разведку.

Каримов вскочил, зашпешил вниз, двигаясь, как обычно, быстро и резко, хищно, — к омовцам, оставшимся на дне оврага.

Мимо него по склону быстро карабкались Яков с Юрианом и Явсеном. Последний на ходу говорил, жестикулируя, Яков односложно отвечал. После того как Леша попал в другую реальность, его друг все больше молчал, думал о своем, ну а когда связь с Терианой прервалась, совсем замкнулся и за все время, пока они двигались от карьера, где оставили транспорт, Игорь не услышал от старика ни слова.

— Терианцы утверждают, что уже сталкивались с похожим явлением, — подал голос Яков.

Игорь с Алексеем повернулись к нему, Каримов оглянулся со дна оврага.

— Когда? — спросил Курортник.

— После того, как варханы убрали купол на Териане. Порталы тогда тоже возникли в большом количестве, а еще... — Яков сделал широкий жест. — Ну, вы и сами чувствуете. Вибрация. Потом все успокоилось — через несколько дней. Хотя они говорят, что сейчас ощущения немного другие. Тогда все было... мне трудно понять их. Спокойнее, что ли. Не было такого возбуждения, то есть напряжения в воздухе.

— Сейчас-то купол на месте, — напомнил Лабус.

Вместе со снайпером Леней Костиковым и еще одним бойцом сержант Каримов выбрался из оврага. Они двинулись к заводу, перебегая между горами грязного песка и поросшими травой земляными горбами, из которых в основном состоял пустырь.

Заговорил Юриан, и Явсен перевел:

— Что теперь?

— Пусть прикажет своим людям отдыхать, — сказал Игорь. — Можно поесть, но быстро. Времени нет: сержант вернется, опишет обстановку — сразу начинаем операцию.

Яков, Явсен и Юриан спустились обратно, а Лабус спросил у Сотника:

— Капитан, тебе нездоровится? Знобит?

Игорь понял, что сидит, обхватив себя за плечи и прижимая АК к груди. Костя внимательно глядел на него — будто понимал, какое чувство посетило командира, и тоже ощущал темную волну, накатывающую на них.

— Нормально! — Игорь повернулся к заводу. — Костя, расставь вместе с Юрианом часовых. Я подежурю с этой стороны.

Юриан с Ковбоем, Базилио и Каланча встали на дежурство с разных сторон оврага. Трое бойцов Каримова наскоро перекусывали галетами из спецпайка, Веня Григоренко был с ними — он вообще держался возле омовцев, наблюдал и пытался копировать их повадки. Вета, Голубки и остальные члены отряда, сидя возле накрытого сеткой мотоцикла, занялись своим оружием. Явсен и Яков, откинув край сетки, крутили настройки экстр-передатчика.

— Нет связи? — уточнил Игорь.

Не поднимая головы, Яков ответил:

— Нет, только какие-то странные помехи. Раньше такого не было.

С дальнего конца оврага донесся возглас, и он перевел:

— Опасность!

— В чем дело? — Игорь вскочил — и тут же повалился на склон, увидев самолет, летящий к пустырю со стороны солнца. Рокот винтов достиг оврага.

— Всем прятаться! — крикнул он. — Кто возле МКС — под него!

Яков выкрикнул несколько слов на русском и терианском, и когда Явсен громко перевел их, находящиеся возле маскировочной сетки люди полезли под нее. Самолет пронесся над заводом. Летел он совсем низко, отчетливо был виден длинный пулеметный ствол, четыре пузатые бомбы под крыльями и герб: череп с секирами.

Игорь с Костей и Алексеем лежали плечом к плечу, сжимая оружие.

— Надеюсь, сержант со своими успели спрятаться, — пробормотал Курортник.

— Они-то точно успели, вот мы по лопухам лежим — плохая маскировка, — заметил Лабус.

Игорь молчал. Острое, пронзительное ощущение близкой смерти не отпускало его. Темная волна была где-то за спиной, грозно шумела, вскипала черными бурунами, медленно, неотвратно нагоняя его.

Самолет пронесся над ними, рокот стал затихать и вскоре смолк. Из-под сетки выбрался Явсен, поднял ее край. Показался Яков, с другой стороны полезли терианцы.

— Товарищ полковник, как там Аня? — спросил Лабус.

— Заснула, — ответил Яков. — Или просто лежит неподвижно.

Возле оврага бесшумно возник сержант Каримов, за ними показались снайпер Костиков и второй боец. Каримов в своей обычной манере резко присел на корточки, словно по пояс провалился куда-то, и положил руки на колени.

— Одно здание, бетонная ограда, большой двор, — стал докладывать он. — Стена с нашей стороны глухая, разбитое окно под крышей. На крыше семафор. Еще с этой стороны, то есть с юга, во дворе столовая, на крыше дежурят двое. С востока двор заминирован, там несколько воронок и пара трупов. С запада склады, пять зданий. На севере, где центральные ворота, стоят три грузовика, пять тачанок, два броневика, три мотоциклетки. Еще поддоны с кирпичами. Ворота раскрыты, сломаны. Костян в оптику насчитал двадцать охранников в разных местах. Еще — рабочие, то есть рабы, все в ошейниках. Их тоже около двадцати. — Сержант вырвал травинку, сунул в зубы и продолжал: — По-моему, этот завод используют как промежуточный склад. Во дворе куча камней вроде тех, что мы видели в кузовах машин, которые ехали на центральную стройку. Еще всякие железки горой лежат. Ну и кирпичи — а ведь завод не кирпичный.

— Рабы — земляне? — спросил Игорь.

— И земляне и нет, хотя не всегда разберешь. Вопрос в другом: по-моему, они собираются закрывать этот объект. Все рабы скованы цепями и сидят под воротами. Вернее — сидели, теперь уже нет.

— Что это значит, сержант?

— А то, капитан, что, когда мы наблюдали, к заводу из города подъехала новая колонна. Большая: семь грузовиков, пять тачанок, три броневика. Около пятидесяти солдат. Она встала во дворе, и ее начали загружать. Рабы вынесли из цеха несколько станков, сейчас поднимают в грузовик. В другие складывают камни, металлолом, кирпичи.

— И надолго это? — поморщился Лабус.

Сержант хмуро кивнул.

— Рабы выглядят истощенными, грузят небыстро.

— Пятьдесят бойцов... — повторил Игорь. — Значит, атаковать сейчас не можем?

— Нет, капитан.

— По времени Илья уже должен был найти партизан. Если договорятся — он вот-вот поведет их к центральному лагерю варханов. А может, уже ведет. С наступлением темноты дойдут, что тогда?

Каримов выплюнул травинку.

— Долго находиться возле объекта не смогут, даже если, как он хотел, подберутся небольшими группами.

— Выпасут их, конечно, — кивнул Лабус. — Значит, нам надо начинать прямо сейчас.

Игорь посмотрел на Каримова.

— Сержант, уверен, что атаковать завод до того, как колонна уедет, нельзя?

— Исключено, — отрезал тот. — Это тихо не сделаешь, невозможно. Положим людей, нашумим... Часть прибывших с колонной бойцов разбрелась по двору, семафор при таком раскладе быстро не отключить, а Илья говорил: в случае тревожного сигнала подмога прибдет минут за двадцать. Нет, надо ждать.

Они посмотрели на вечернее небо. И знакомое ощущение близкой смерти, понимание того, что жизнь близится к закату — так же, как это тусклое, прохладное солнце подбирается к горизонту, — охватило Игоря с новой силой.

— Можем опоздать, — сказал Курортник.

Лабус вскинул голову.

— Можем? Леха, мы уже опаздываем!

* * *

Ростислав Борисович Лагойда не питал иллюзий по поводу своей персоны. Не старался найти оправдание своим действиям, не занимался самообманом, к которому склонны почти все, — Лагойда, редко бывая до конца честным с окружающими, всегда был честен с собой.

Он знал, что предал своих для того, чтобы выжить. Хотя «свои» — кто это такие? Москвичи? Русские, россияне, или, может, славяне, или земляне? Надо смотреть шире — живые разумные существа одного с ним вида. Но ведь и варханы такие же, у них две ноги, две руки, одна голова, в ней мозги... и работают мозги эти примерно так же, как и земные. Лагойда просто предпочел одну группу живых разумных существ другой, вот и все. В подобном поступке нет ничего предосудительного — это стратегия выживания, не больше и не меньше.

Надо всегда четко знать три вещи: кто ты, что ты делаешь и для чего ты это делаешь. Он — разумный организм, только и всего, и если оставить в стороне размножение, то главная забота любого организма — выживание.

Так размышлял Рост Лагойда, сидя рядом с Фелизом в тачанке, катившей по окраинной улице Подольска. Выживание и комфортное существование...

Близость Фелиза не способствовала ни первому, ни второму. Этот парень в темной одежде пугал Роста. И все же пока что Лагойда был невредим, в отличие от Айзенбаха, от большинства людей из его охраны, от сотен тысяч, миллионов тех, кто погибли под куполом. Умением выживать и комфортно устраиваться он обладал в полной мере — и очень надеялся, что навык это не подведет его при новых хозяевах.

Когда Фелиз сдвинул рычаг, тачанка поехала медленнее, и Рост Лагойда, уже привыкший к своему новому имени, оглянулся.

Следом двигались две тачанки и броневик. В тачанках сидели люди Фелиза, а в БМП недавно присоединившиеся к отряду мужчины в черной коже, с черепами на руках.

Они колесили по району с тех пор, как выяснилось: ни на одном из указанных Лагойдой объектов землян нет. Хорошо хоть на заводе обнаружили многочисленные следы их пребывания, а иначе Фелиз мог просто убить его. Сглотнув, Рост потрогал жесткий кожаный ошейник. Покрутил головой. Нехорошая ситуация. Бывших союзников надо найти как можно быстрее, избавиться от них раз и навсегда... но где их искать?

Лагойда покосился на Фелиза. Глаза у того были какие-то мертвенные. Обладателю таких глаз убить человека не труднее, чем придавить спусковой крючок своего оружия. Да еще этот шипящий голос, эти движения... извилистые, словно кости у него из резины и могут гнуться под любым углом.

— Где? — спросил Фелиз.

Машина остановилась. Дорога раздваивалась — грунтовка вела на восток, к полям, асфальтированная поворачивала в город.

— Где?

Наверное, вархан хотел сказать «куда?», но Лагойда побоялся переспросить и

поправить. Он выпрямился, повернулся в одну сторону, в другую, мучительно соображая, что же сказать. Куда направить машины? Рост понятия не имел, где может прятаться отряд Сотника.

Лицо вспотело, когда Фелиз медленно поднял голову и уставился на раба своими мертвыми глазами. Показалось или рука вархана и правда немного сдвинулась, словно тот хотел сунуть ее за пазуху? Оружия у него Лагойда не видел ни разу — наверняка Фелиз прячет его под одеждой.

Вархан молчал, и это было самым страшным. У Роста вдруг задрожали колени, взмокли шея, затылок. Надо показать направление — любое, этим он выиграет немного времени! Но что, если они никого не найдут? Бежать! Найти других хозяев — и выживать, выживать, выживать любой ценой! В этом долг любого живого организма, каковым и является Рост Лагойда.

Он поднял руку, собираясь показать наугад, но вместо этого, плавно продолжив движение кистью, почесал лоб, словно так и хотел сделать с самого начала.

А все потому, что сзади донесся рокот.

Они с Фелизом обернулись. Их догоняла мотоциклетка с бронированным колпаком. Остановилась, из нее выскочил вархан. Обменялся фразами с двумя бойцами, сидящими на башне броневика, и бросился к головной тачанке.

Подбежав, вархан сказал несколько слов, и Фелиз, даже не взглянув на него, тронул машину с места. Остальные покатили следом, а гонец вернулся к мотоциклетке.

Когда они свернули на грунтовую дорогу, Лагойда рискнул.

— Куда... мы... едем? — слова родного языка он старался произносить медленно и отдельно.

— Гранч нашел еретики, — произнес Фелиз. — Яма. Дыра. Длина дыра. Вперед.

— Длинная дыра? — переспросил Лагойда. — Длинная, э...

— Глубока, длина.

— Овраг, что ли? Канава? Карьер?

— Карьер, — Фелиз помолчал. — Не знать карьер. Может так. Гранч бросает газ, огонь. Мы ехать туда.

ГЛАВА 29

Портал выплюнул Кира на усеянный мусором пол. Он упал вниз лицом, больно ударился грудью, перевернулся набок и поднял скорч.

Тошнило, кружилась голова. Земля была поездом, в который Кир запрыгнул на ходу, — мир рванул его тело за собой с той же скоростью, с которой двигался сам, и мозг, привыкший к медленному времени Терианы, судорожно пытался адаптироваться.

Где он? Круглая комната, столы с приборами, стеклянные двери, ведущие на террасу... За ними — зеленоватое стеклистое небо. И солнце, почти коснувшееся горизонта.

Громкий треск вверх. Локтем прижав к боку чехол с «кристаллотопом», Кир поднялся на колени. Портал, возникнув, проломил потолок. Теперь перекрытие кренилось, стена складывалась гармошкой, стреляя кусками штукатурки и красным кирпичным крошечком.

Возле столов был круглый проем в полу, вниз шла винтовая лестница, и Кирилл бросился к ней. Взгляду открылось поле — на его краю и находилось здание, где очутился Кирилл. Неподалеку в несколько рядов стояли планеры и самолеты, в народе именуемые кукурузниками.

Справа роща, а слева, где-то в полукилометре, — хозяйственные постройки и шатры варханов. От них к полю медленно двигались три тачанки, на багажнике одной торчала короткая вышка с площадкой, на которой сидел стрелок за пулеметом.

Над крышей дома, украшенного большими буквами: «СПОРТИВНЫЙ АЭРОДРОМ ДРАКИНО», горел портал. И второй — в стороне между зданиями. Третий поблескивал на другом конце поля, четвертый был прямо над самолетами, еще несколько — возле рощи...

Овальные изумрудные воронки пульсировали, испуская снопы молний, разгорались и гасли.

Хотя не все они были овальными. И не все — изумрудными.

Времени удивляться не оставалось. Потолок накренился сильнее, Кир побежал вниз. Портал над ним стрельнул молнией, та врезалась в радиостанцию, от которой зеленая сеть разрядов пошла дальше, разрастаясь, накрыла соседний стол с навигационными приборами, усыпав пол осколками лопнувших мониторов. Перекрытие сломалось с хрустом, будто огромная кость.

Волосы на голове встали дыбом, в них затрещали искры. Споткнувшись, Кир едва не покатился по ступеням.

Верхний этаж диспетчерской башни провалился, здание дрогнуло, и его бросило к разбитому окну за перилами. Если бы не терианская бронежилетка, торчащий из рамы длинный кусок стекла распорол бы Киру бок. С протяжным «Твою ма-ать!!!» он свалился на крышу пристройки, вскрикнул от боли в ребрах, куда вдавилась кобура двуствольного пистолета, и приподнялся.

Диспетчерская вышка накренилась как Пизанская башня. Верхний этаж исчез вместе с круглой террасой, над зданием висел, громко хлопоча, портал. Он сохранил овальную форму, но размытые туманные края его стали волнистыми и окрасились в нежный салатный оттенок, в то время как бурлящий центр был густого болотно-зеленого цвета.

Кир сел у парапета. Воронки вокруг гасли, но в других местах немедленно возникали новые. Тачанки варханов приближались.

Что происходит, откуда взялись порталы, почему они разноцветные? Где Омний, где остальные?.. И что теперь делать? Если беглый пеон не найдется, как связаться с теми, кто должен ждать их на Земле?

Ответов не было, и Кирилл мучительно соображал, как поступить. Заметив движение в кабине одного самолета, сощурился. Разобрав, кто находится внутри, кивнул и, поправив ножны на ремне, прыгнул на землю.

Пригибаясь, Кир пробежал между рядами машин, на ходу закинул скорч за спину, раскрыл чехол ноутбука, заглянул — компьютер вроде цел, вшитые в кожу броневые пластины защитили устройство.

Когда он залез на крыло самолета, донесли лай и тьяканье. Вдоль поля со стороны рощи бежала, растянувшись длинной вереницей, стая горбатых гиен.

На всякий случай Кирилл достал двуствольный пистолет и сквозь раскрытый люк сунулся в кабину. В лицо ему уставилось такое же оружие.

— Но-но! — Кир отвел его в сторону. — Не дергайся, это я.

Денис опустил пистолет. Убрав свой в кобуру, Кирилл полез внутрь.

— Видел Омния? — спросил он. — Мариэну, Батура, Багрянца с Лешей?

Ученый покачал головой. Лоб и левое ухо его были исцарапаны, волосы всклокочены.

— Никого не видел. Меня из портала подбросило кверху, представляешь? Упал на крыло, два ребра не сломал.

— Порталы мигают в разных местах, нас всех расшвыряло. — Забравшись в кабину, Кир поставил колено на кресло пилота и сквозь фонарь поглядел в сторону варханского лагеря. Тачанки ехали к ним. — Не знаю точно, что случилось, но когда мы с Омнием вбежали в портал, его ворсиб взорвался — может, из-за этого?

— Простой взрыв вряд ли... Хотя... — забормотал Денис. — Еще могла повлиять сама установка Омния, ты же видел, какая она. Самоделка.

— Ну и что?

— Порталы связаны, они составляют большую сеть. Омний называл ее Нэш. Включение в сеть такого устройства могло как-то повлиять на нее, возбудить... скажем, особые колебания суперструн.

Близкая вспышка почти ослепила их, и на конце того крыла, где только что стоял Кирилл, возник портал. Самолет просел, зашипели шасси, его боком потащило к воронке. Крыло стало погружаться в нее, Кир с Денисом вскочили. Портал был круглый и цветом

напоминал старый синяк. В середине бурлил туманный шар, вокруг завивались тугие струи темно-синего, почти черного цвета. Самолет волочило дальше, крыло все глубже уходило в воронку.

Новая вспышка — и портал исчез. Машина, качнувшись, остановилась. Вместе с синей воронкой пропала половина крыла.

— Исчезло в другой реальности! — прошептал Денис потрясенно и присел между креслами. — Из-за ворсиба Омния, а еще из-за взрыва в сети порталов что-то нарушилось. Это буря между мирами, порталный шторм!

— Умеешь управлять самолетом? — спросил Кир.

— Конечно нет.

— Вот и я. Мы в районе Серпухова. Видишь, как близко стена купола? Подольск где-то... — Кирилл посмотрел на солнце, краем ушедшее за горизонт, и показал направление, — там. Надо идти.

Выбравшись на крыло, он кинул взгляд через плечо — Денис сидел на месте, уставившись перед собой.

— Эй! — позвал Кир.

Звук моторов доносился с двух сторон: тачанки, разъехавшись, двигались вдоль самолетных рядов.

— Они едут сюда, бегом к роще!

— Не хочу, — сказал Денис глухо.

Кирилл снова повернулся к нему:

— Что случилось?

— Зачем нам в Подольск?

— А зачем мы вообще все это затеяли? Или, чтобы запустить вирус в этот Нэш, ты собираешься подключить лэптоп прямо к какому-нибудь portalу? Так у них штекеров нет.

— В Подольске главная база варханов, там строят Центаврос. Вот-вот раскроется основной портал. Сиб хорошо охраняют, нам к нему не подобраться.

— Это еще неизвестно.

— Кирилл, ехать в Подольск бессмысленно! Сколько до него?

— Километров пятьдесят-шестьдесят.

— Пешком мы попадем туда только к утру. Да нет, вообще не дойдем! Ночью нас сожрут гиены или другие твари, ведь ты сам рассказывал про крысоедов, или убьют...

— Найдем какой-то мотоцикл, машину, любые колеса. Доедем.

— И что?! Где Омний, где остальные, как связаться с теми людьми, которые должны были нас встретить, как проникнуть на варханскую базу?! Ничего не выйдет, лучше останемся здесь!

— Нет, — отрезал Кир. — Я для себя все решил и буду действовать. Я понимаю, это звучит напыщенно, но... Мы с Лешей говорили в лазарете. Он больной старик, я молодой и здоровый парень — и все равно он более твердый, уверенный в себе, чем я. Больше я мучиться всякими сомнениями и медлить не буду. Пошли.

— Я останусь здесь! — в голосе Дениса прорезалась истерика.

Гул моторов то становился громче, то немного стихал — тачанки кружили, объезжая самолеты. Время уходило, и Кир решил попытаться в последний раз.

— Здесь они тебя найдут. Не сейчас, так ночью, не ночью, так утром. Ты что, всерьез надеешься отсидеться в кабине?

Денис сидел неестественно прямо, лицо бледное, губы поджаты. По лбу его медленно стекала капля пота.

— Спрячусь в роще, потом еще где-нибудь. Иди сам.

— Нет. Неизвестно, что с Омнием, нас только двое, знающих, как подключить лэптоп к Сибу и запустить вирус. Если с одним что-то случится, у второго будет шанс. Идем!

— Не пойду.

Раздались приглушенные голоса. Пространство мелко дрожало, со всех сторон

накатывали изумрудные, синие и зеленые волны, тени машин то вытягивались по земле в разные стороны, то бледнели или совсем гасли. Кирилл пригляделся к Денису. Глаз у того не дергался, но сквозь черты напряженного, застывшего лица проступал ужас.

— Идем, — повторил Кир.

Денис не шевелился, и тогда он взял ученого за плечо.

— Отойди от меня! — взвизгнул Денис, отталкивая Кирилла. — Уходи! Иди куда хочешь, это не мое дело, я не...

Кир схватил ученого за волосы, запрокинул его голову и закатил оплеуху.

* * *

— Ты ударил меня. — Трусивший через рощу Денис рукавом вытер кровь под носом и оглянулся на спутника. — Это не обвинение, а констатация.

— Как-то чересчур эмоционально для констатации, — заметил Кир.

— Но ведь я человек, а людям свойственны эмоции.

— Под ноги смотри, тут всякая рухлядь разбросана.

Доносившийся с аэродрома гул моторов стих. Сзади начали стрелять, и Денис споткнулся о ржавое ведро, лежащее в пожухлой траве. Взмахнув руками, ухватился за березу. Кир подтолкнул его в спину, ученый побежал дальше.

— Ты застыл, и тебя надо было сдвинуть с мертвой точки, — пояснил Кирилл свои действия в самолете. — Вон туда, левее возьми.

Зашелестела листва на ветру. Денис обежал канаву, в которой лежала дохлая горбатая гиена. Впереди за березами показались здания из красного кирпича, с шиферными крышами.

— Чувствуешь, какая, э... тревога разлита в воздухе? — Денис перешел на шаг.

Пространство дрожало от напряжения, словно кто-то все туже и туже растягивал огромную пружину, и она готова была сорваться, разнести мир вдребезги.

Они вышли из рощи, пролезли сквозь дыру в сетке на бетонных столбах.

— Это железнодорожные склады. — Кир на ходу передвинул скорч из-за спины. — Сколько у тебя патронов?

— Только два, которые в оружии. Они разные: один...

— Знаю, с картечью и обычный.

Вдоль длинных зданий с раскрытыми воротами тянулись рельсы. Внутри были штабеля с трубами и поддоны, полные ящиков и картонных коробок. На рельсах стояли грузовые вагоны.

За рощей застучал пулемет. Порталов стало меньше, но они все еще вспыхивали и гасли, некоторые пропадали почти сразу, другие оставались висеть, мигая неоновым светом. Один возник внутри склада, рядом с поддоном, уставленным картонными коробками, — зашипел воздух, они посыпались, несколько втянуло внутрь.

— Куда теперь? — запыхавшийся Денис замедлил шаг.

— Не знаю, просто идем дальше.

За вагоном с песком обнаружилась стрелка, где выходящие из ворот склада рельсы примыкали к основной ветке. На пути стояла дрезина — платформа на четырех колесах, с железной тумбой и сиденьями. На тумбе были рычаги, кнопки и педали.

— Давай на нее! — скомандовал Кирилл.

Позади дрезины на высоте пояса висел портал — самый небольшой из всех, что Киру приходилось видеть, всего около метра в длину.

— Не уверен, что это безопасно, — начал ученый, но Кирилл, решивший раз и навсегда избавиться от всяких сомнений в своих действиях, уже запрыгнул на дрезину.

— Проверь стрелку — проедем или надо перекидывать?

К порталу шел ощутимый ток воздуха. И форма и цвет у воронки были привычные, только размер удивлял. Сквозь зеленый туман проступали знакомые очертания — ствол, ветки...

— Дерево, — сказал Денис, забравшись на платформу. — Там дерево, а дальше забор. По-моему, это обычная яблоня.

Кир сдвинул рычаг, нажал на педаль.

— Хочешь сказать, этот портал внутренний? Может такое быть, чтобы портал вел в тот же мир, где находится?

— Понятия не имею, никогда не задумывался над этим. Стрелка установлена так, что мы можем проехать.

Денис ухватился за ограждение платформы, когда загудел мотор и дрезина дернулась. Кирилл потянул рычаг, дрезина тронулась с места. Он сел позади тумбы. Машина проехала сквозь ворота, и склады остались позади.

— Со стороны Серпухова к Москве идет железнодорожная ветка. Не знаю, она это или какая-то вспомогательная, но пока что мы движемся в нужную сторону.

— Все равно не успеем.

Они посмотрели на запад. Солнце, наполовину ушедшее за горизонт, напоминало вход в оранжево-розовый тоннель, ведущий из купола.

— Интересно, что там? — пробормотал Кир. — Тройное кольцо танков, суровые генералы с рациями, ученые, стратегические совещания?

Денис покачал головой:

— Даже не представляю, что сейчас творится снаружи. Такое событие повлияло на ситуацию во всем мире, ведь отрезана не просто часть России — столица. Экспериментируют, роют тоннели, пытаются к нам пробраться, посылают добровольцев, забрасывают что-то сквозь купол...

— А он бьет их молниями, — подхватил Кир.

Он положил скорч на пульт, намотал ремешок на запястье. Выстрелы на аэродроме были уже не слышны, склады и вагоны остались далеко позади. Ветка пологой дугой шла между кустами, в которых жужжала мошкара. Стало прохладнее.

— Внимательно смотри по сторонам, — предупредил Кир. — У меня семь патронов в магазине к помповику и в кармашке на кобуре три пары, с картечью и обычных. Дать тебе два?

— Не надо.

Оглянувшись, Кирилл добавил:

— И не вздумай прыгнуть отсюда и попробовать убежать. Не обижайся, но я тебя поймаю, надаю по голове и посажу обратно.

— Я не обижаюсь, — сказал Денис. — Это пустая, бессмысленная эмоция. И прыгать я не буду, потому что осознал свой страх, держу его в узде.

— Тогда держи крепче.

— Посмотри! — ученый приподнялся.

Кусты закончились, ветка шла через поле, и прямо на пути росла высокая, по плечи, трава. В ней желтели крупные бутоны, усеянные красными пятнышками. Форма у них была необычная, вытянутая, отчего они напоминали крошечные крокодилы головы.

Рельсы ныряли в самую гущу зарослей, дрезина быстро катила к ним.

— Я плохо разбираюсь в ботанике, но уверен, что на Земле такое не растет. Вернее, теперь уже растет, но...

— Короче, это что-то неземное, — заключил Кир. — Если через порталы сюда попадают варханы, животные, то почему бы не попадать семенам...

— И насекомым. Почему ты не останавливаешься?

— Зачем? — удивился Кирилл.

— Ты что, собираешься ехать через это?

— А что еще делать?

— Но там может жить все, что угодно. Или кто угодно. Слышишь стрекотание? И какие-то хлопки... Надо остановиться и обойти заросли!

— А как с дрезиной, здесь бросить и дальше пешком? Мы не проехали и пары

километров.

Когда он увеличил скорость до предела, Денис попытался прыгнуть, но не успел: дрезина влетела в заросли, передком подмяв траву. Толстые мясистые стебли упруго сгибались и с сухим треском распрямлялись позади. Денис схватился за пистолет, Кир поднял скорч.

Что-то замелькало в воздухе, и ученый ойкнул, когда на колени ему шлепнулся кузнечик с длинным подвижным хоботком и прозрачным зонтиком на стебельке, торчащем из спины. Зонтик радужно поблескивал и трепыхался.

— Убери его! — взвизгнул Денис, прижав руки к груди.

— Ты же ботаник! — Кирилл взмахом приклада сбил насекомое на пол. — Изучай природу!

Денис с омерзением кинулся топтать кузнечика. Второй запрыгнул на пульт, третий пронесся между ними. Необычайно высокая трава шелестела со всех сторон, в ней порхали, прыгали, стрекотали и шипели. Нечто крупное, извивающееся и многоногое метнулось под дрезину, блеснув влажной чешуей. Под колесами чвякнуло. Денис, превратив кузнечика в бледно-зеленое пятно на досках, и сам стал бледно-зеленым. Он сполз между сиденьями. Кир сорвал куртку и отгонял назойливых насекомых. Кузнечики не просто прыгали с места на место, их зонтики с тихими хлопками быстро двигались вверх-вниз, помогая хозяевам летать.

Наконец дрезина вырвалась из чужеродных зарослей. Кир перевел дух, вытряхнув из куртки последнего зеленого гостя, снова сел за пульт управления. Денис выпрямился, глядя на оставшийся позади клочок иного мира.

— Это было ужасно! — с чувством произнес он. — Кирилл, ты прав в своей решимости, нам обязательно надо добраться до места и запустить вирус, а иначе вся планета превратится в... чужую реальность.

— Интересно, сколько вообще этих реальностей? — спросил Кирилл. — По словам Омния, в нашей системе их четыре. А сколько таких систем?

— Теоретически, инфляционных пузырьков в Мультиверсуме должно быть бесконечное множество.

— Бервалд, помнишь это слово? Кажется, оно переводится как «мертвый мир»?

— Да, «бер» и «валд».

— А еще Омний произносил другое — «вархонт». В той пещере на их базе мне несколько раз казалось, что Омний не договаривает, скрывает от нас что-то. Что такое «вархонт»? Похоже на «вархан». «Хонт» — никогда не слышал?

— Нет, этого слова я не знаю. Как долго нам ехать?

Поле заканчивалась, дальше железнодорожная ветка шла по насыпи. Солнце целиком ушло за горизонт, и купол быстро тускнел. Порталы мигающими пятнами усеивали пространство вокруг — казалось, мир смотрит на двух людей тысячами равнодушных зелено-синих глаз.

— Скорость небольшая, но если ничего не помешает, в Подольске будем когда стемнеет, — сказал Кирилл.

ГЛАВА 30

Заканчивались вторые местные сутки, как Максар почти не спал. Надо было хоть немного отдохнуть. Он скинул подушку с койки, лег, не раздеваясь и не снимая сапог, подложил под голову руку и заснул почти мгновенно. Комната примыкала к центральному залу второго подземного этажа. В полу зала было круглое отверстие, и такое же — в потолке, и в следующем тоже. Через них шли три вертикальные штанги, в нижней части к ним подвижно крепилась легкая платформа с люлькой, где рос Сиб.

Перед сном Максар спустился, надев защитный шлем, в лабораторию. Там двое землян наблюдали за работой купольного генератора и развитием Святой Машины. Она уже была

ростом с Максара — почти взрослых размеров. Висящее между серебристыми лепестками энергетическое ядро то угасало, то разгоралось тревожным огнем, мириады крошечных молний посверкивали в нем.

Проснулся мастер-комендант от звука шагов в коридоре.

Он сел, подумав, что надо все же поставить снаружи пару охранников. А еще подумал, что спал дольше, чем рассчитывал.

— Комендант?

— Входи.

В комнату шагнул Сафон, и Максар встал, поправляя китель.

— Уже вечер?

— Почти ночь. Еретики не найдены ни на одном из объектов, указанных рабом, но в цехах мануфактуры есть следы их недавнего пребывания. Фелиз передал: заметно, что они ушли в спешке. Их ищут по всей округе, недавно пришло сообщение, что в карьере обнаружены несколько машин, в том числе две, на которых ездили наши разведчики. Те, одного из которых прошлой ночью убили выстрелом из разрядника. На карьер сбросили бомбы, но еретиков с землянами не оказалось и там. Далеко без своих машин они уйти не могли. Клерик говорит, что его отряд идет по следам и вот-вот догонит их.

На столе у койки стояла упаковка с бутылками земной воды, Максар открыл одну, сделал несколько глотков.

— Раз еретики бросили машины, — продолжал Сафон, — значит, не собираются уезжать. Хотят остаться в этом районе, но стать незаметными.

— Либо попытаются сбить нас со следа и уйти пешком. Они могут сойтись с партизанами на юге, вернуться и вместе атаковать Центаврос.

— Тебе еще не доложили? Несколько наших отрядов провели там совместную операцию. Партизаны у купола разгромлены. Но я все равно прикажу наблюдателям у периметра удвоить бдительность. И отправлю к клерикам еще штурмовиков.

Командер замолчал, и Максар обернулся, застегивая воротник.

— Что-то еще?

— Помнишь землянина, приехавшего к нам на работы, он рассказал про нападение на его обоз? Его земное имя — Еф-Им. Мастер велел ему заняться подсчетом материалов. Восточная часть фундамента отдана под склады, там временные навесы, и землянин обнаружил в том месте что-то необычное. По-моему, это важно. Посмотришь? Я доложу остальное по дороге.

Захватив светильник, они поднялись на поверхность и зашагали к складам.

— Много оружия? — нахмурился Максар, выслушав объяснения Сафона.

— На самом деле нет. Полтора десятка местных автоматов, пять скорчей, десять дробовых пистолетов. И припасов тоже не очень много, но все равно: что это означает?

Через минуту Максар тоже задал себе подобный вопрос. К тому времени они стояли под длинным навесом, где на поддонах были сложены стойки для строительных лесов и колеса от кранов-рам. Одной стороной навес примыкал к нижнему ряду блоков, составляющих стену Центавроса. Здесь поддонов не было, в бетоне темнела ниша шириной в полметра и двухметровой длины.

— Кто-то накрыл ее досками и жестью, — пояснил Сафон, наклоняя светильник к нише. — Еф-Им сказал, что нашел тайник случайно, когда пересчитывал колеса. Еще два дня назад на этом месте стоял тяжелый поддон. То есть, скорее всего, оружие спрятано минимум трое суток назад.

Максар поднял один из лежащих в тайнике автоматов. Прислушался к шуму стройки, доносящемуся со всех сторон.

— Кто-то еще видел это?

— Кроме нас с тобой и землянина — нет. Ну и тех, кто устроили этот тайник.

— Где этот Еф-Им?

— Сказал, что у него есть подозрения, и ушел искать другие тайники. Услужливый

человек, он пригодится нам. Я не понимаю, Максар, что все это значит?

Комендант бер'Грон положил автомат обратно, достал из тайника скорч, отщелкнул магазин. Покрутив его в руке, сказал:

— Для тайника специально оставили нишу в фундаменте. Земного оружия тут больше, его надо было доставить сюда или выкрасть с нашего склада. Сложить, накрыть тайник...

Под навес с пыхтением вбежал коренастый бородатый землянин и с ходу замахал руками, заговорил взволнованно.

— Молчать! — приказал Сафон на лингвейке, и бородач смолк.

— Как вы общались? — спросил Максар.

— Мастер подвел его ко мне, когда рядом был Фелиз. А сейчас... Мне кажется, он хочет сказать, что нашел еще тайник.

— Два тайника, судя по жестам, — поправил Максар. — С этим землянином я сейчас пойду к Эйзикилю, а ты отправляйся к Гебрилу Вишу. Приведи его ко мне.

Сафон уставился на коменданта:

— Ты думаешь...

— А разве может быть иначе? Гебрил вездесущ, так про него говорят. На строительстве он наблюдает за всем, все контролирует. Разве такие тайники можно устроить без его ведома? А сайдонцы? Вспомни, сколько их Гебрил приказал доставить сюда на работы. Мы не придали этому значения, но подумай, зачем они в таком количестве, если можно брать рабов, манкуратов и вольников вроде этого землянина?

— Я понял. — Сафон, схватив Еф-Има за плечо, подтолкнул к Максару.

— Иди за ним. За ним, ты понял?

Землянин, показав на мастера-коменданта, несколько раз кивнул. Сафон поставил светильник возле ниши и двинулся прочь, но Максар окликнул его:

— Возьми с собой пятерых берсергов.

Командер обернулся:

— Взять воинов?

— Да, Гебрила окружают его люди. Лучше захвати семерых, самых сильных. И будьте настороже.

Сафон вышел из-под навеса. Сделав короткий жест в сторону землянина, Максар направился обратно к алтарю, и Еф-Им, подхватив светильник, засеменил следом.

Комендант спустился на занятый темниками верхний подземный этаж. В зале с внедрителем стояли пять коек на колесиках, с захватами для рук и ног, на трех лежали сайдонец, пожилая женщина и дряхлый старик. Последние то ли спали, то ли были мертвы, а сайдонец дергался, бился затылком о железо. Склонившийся над ним молодой темник в кожаном фартуке пытался прижать беловолосую голову к койке и приставить к глазу жертвы какой-то прибор.

— Все они подопытные? — спросил Максар.

Второй помощник стоял возле внедрителя, а Эйзикил медленно прохаживался вдоль стены, заложив руки за спину и морща лоб.

— Именно так, мастер-комендант. И мне постоянно не хватает человеческого материала.

Максар подошел к столику у стены. На нем лежал разрядник, двуствольный и с короткими стволами, — такого он раньше не видел.

— Что это?

— Опытный образец токера, созданный еще до того оружия, которое я подарил тебе. Мастер-комендант, мы провели интересный эксперимент. Прежде чем ты уничтожил земного ребенка, он убил моего помощника, ты видел, сломал тому шею. Мы подключили тело к машине. И тело встало на ноги.

Максар молча смотрел на Эйзикила. Тот продолжал вышагивать вдоль стены.

— Да, встало! Наши мозговые алгоритмы в разные годы считаны с сознаний особо выдающихся бойцов Орды после какого-нибудь тяжелого ранения, прямо перед их кончиной.

Это своего рода воспоминания... Возможно, какое-то из них и заставило сердце снова биться, хотя шея была свернута? Он... оно, это тело, то есть мой помощник, попыталось набросить на нас. Хорошо, что после случая с земным ребенком мы держим наготове оружие.

— И где тело?

Эйзикил небрежно махнул в сторону двери за койками.

— Пока что бросили в кладовой. Так вот, если бы у помощника не были сломаны позвонки — вполне возможно, что он жил бы и дальше. Если внедритель применить к телу, имеющему несовместимые с жизнью повреждения, то оно способно воспрянуть, но долго не протянет. Но если с помощью моей машины реанимировать того, кто едва скончался, в чьем мозгу еще не начались фатальные изменения и кто не имеет чрезмерно серьезных ранений, то, возможно, он будет жить дальше. На кого-то внедритель подействует, на кого-то нет. Какие перспективы открывает перед нами эта технология Проклятых, развитая нами! Но я слишком много говорю. Ты пришел, чтобы что-то мне сообщить, мастер-комендант?

— Этот землянин нашел на складах тайник с оружием, — Максар показал на стоящего в дверях Еф-Има. — Позже он обнаружил еще тайник или два. Спроси у него: где?

Эйзикил задал вопрос на местном языке и, когда бородач ответил, перевел его слова. Через старика Максар передал Еф-Иму приказ искать другие тайники — но осторожно, чтобы никто не понял, чем он занят, — и отпустил землянина. Когда тот ушел, комендант сказал:

— Я подозреваю, что это...

— Там снова стреляют? — Эйзикил поднял голову.

Старик-подопытный на койке задергался, лязгая захватами, зарычал. Пленный сайдонец снова стал колотиться головой о железо.

— Там стреляют! — повторил Эйзикил. — Где-то рядом, над нами. Нельзя открывать стрельбу на Эгалите, прямо над Святой Машиной!

— Я отправил Сафона за Гебрилом, неужели тот... Оставайтесь здесь! — Схватившись за токер, Максар выбежал из зала.

* * *

Хорек не смог раздобыть оружие и очень переживал из-за этого. Уже ночь, а он не сделал ничего из намеченного, ствол не украл, в логово Одноглазого не забрался... даже не знал пока, где это логово!

Надо спуститься обратно, решил он. Пошарить в подземельях, всяких комнат там полно, что-нибудь полезное найдется — а заодно и сыщется гнездо Главного Демона.

Тем же путем, через недостроенную башню и проем в фундаменте под ней Хорек снова проник к месту, где наблюдал за убийством девочки. Прополз немного дальше, за пролом в потолке коридора, и через зарешеченное окошко увидел кое-что очень, ну просто очень интересное.

Под ним открылся зал с круглыми дырами в полу и потолке, сквозь которые тянулись вертикальные штанги.

Еще внизу была серебристая машина, а у дальней стены — койки, пустые и с прикованными людьми. Три демона в темном, которых Хорек уже видел, — двое молодых и старик — разговаривали возле машины. До мальчика донесся скрипучий голос, старый демон произнес: «Доминатус хомус люпус эст» или что-то вроде этого.

Прямо под окошком был стол, обычный такой, прямоугольный, и на нем лежал разрядник с двумя стволами.

Именно два — не один, не куча, как у многоствола, а пара стволов, непривычно коротких, из-за чего оружие напоминало обрез.

Хорек в него сразу влюбился. Даже сильнее, чем в многоствол Главного. То оружие большое, а значит, скорее всего, для Хорька тяжеловато. А это компактное, наверняка легкое, и при том — два ствола, не один! Приклад короткий и узкий, как раз для его плеча, и

ремешок с блестящей пряжкой.

Он замер, любуясь смертельной игрушкой. Вот это да, вот это офигительная штука! С такой можно спрятаться в логове Одноглазого и запросто убить его. Многоствол тоже неплохо бы забрать, а дальше использовать оба оружия. Из многостола — по пулеметным гнездам стрелять, если залпом, он их будет сносить начисто, а из обреза — по демонам, которые забегают внизу, засуетятся, когда Истребитель с высоты начнет зачистку территории.

Как же его достать? Хорек прижался лицом к решетке.

Трое демонов по-прежнему беседовали возле машины. Приглушенные звуки выстрелов проникали сверху — мальчик обратил на них внимание только сейчас, потому что они усилились. Демонов выстрелы явно беспокоили, они часто поднимали головы, прислушиваясь. Старый подошел к круглой дыре со штангами, поглядел вниз — и заволновался еще сильнее. Он едва не подскочил, показал в дыру и крикнул что-то одному из молодых. Тот быстро вышел из зала.

Второй молодой демон был беловолосый, в кожаном фартуке и круглых темных очках. Когда старый вернулся к машине, оба они вновь оказались спиной к Хорьку, и тот осмотрел решетку. Кажется, она откидывается, как дверца... А вот и защелка. Он сдвинул ее и очень осторожно начал поднимать решетку. Если скрипнет — будет плохо.

Но решетка не скрипнула, и Хорек выставил голову.

Стол был прямо под ним. Спрыгнуть? Нет, услышат. Но вот если он повиснет на руках, то между подошвами и столом останется сантиметров двадцать. Хорек разожмет пальцы, присядет, схватит обрез, перекинет ремешок через голову, тут же подпрыгнет, схватится за край, подтянется — это он умел лучше всех в классе, целых двенадцать раз подтянуться мог — и залезет обратно. Решетку прикроет и быстро-быстро поползет прочь. Конечно, темные демоны пропажу заметят, но не сразу, обрез небольшой и лежит в стороне, под стеной. Хорек спрячется в логове Одноглазого, под кроватью или в шкафу — никто не догадается там искать.

Или все-таки не надо? Весь план был какой-то не очень убедительный даже для самого Хорька. И опасный.

Со вздохом он стал закрывать решетку, но взгляд снова уперся в обрез. Ух, какая заманчивая вещь! Обязательно надо заполучить такую штуку, он просто обязан ее спереть. Темные демоны заняты разговором, ковыряются в своей машине, к тому же выстрелы эти вверх, да еще прикованный старик на столе постоянно дергается, лязгает, скрипит — в общем, ничего они не услышат и не увидят.

Додумывал Хорек, уже повиснув на руках. Демоны оставались на прежнем месте, старик колотился и рычал, выстрелы не смолкали. Он засопел и разжал пальцы.

Спрыгнул.

Присев, схватился за обрез.

Стол под ним накренился.

Дальняя от стены ножка подломилась, стол опрокинулся и стукнул углом в пол. Хорек скатился кубарем, но обрез не выпустил. Растянулся на полу. Вскочив на колени, вскинул оружие.

И не успел выстрелить — бросившийся к нему беловолосый демон врезал тупым носком сапога Хорьку в подбородок.

Потом его ударили еще несколько раз, вырвали обрез, вмазали прикладом по голове.

Очнулся Хорек уже прикованный. Поднял гудящую голову. Он лежал на спине, руки и ноги раздвинуты. Подергался, скосил глаза — на запястьях железные кольца, как у наручников. Рабочую куртку с него так и не сняли, и захваты прижали к кистям длинные рукава из грубой ткани. Койка стояла не у стены, а под длинным покатым выступом на серебристой машине. Из выступа торчала пара прутьев с серебряными тарелками на концах.

Два темных демона склонились над ним.

— Отпустите! — засипел Хорек с такой ненавистью, что беловолосый даже слегка отпрянул. — Отпустите, гады!

Но старый на его вопли не обратил никакого внимания. Он сдвинул тарелки, сгибая пруты. Прохладный металл с двух сторон прижался к голове Хорька.

— Я тебя убью! — выдохнул Хорек. — Убью, сволочь, убью!!!

Машина зажужжала, металл перестал быть холодным...

И после этого все очень сильно изменилось.

ГЛАВА 31

Четыре взрыва донеслись со стороны карьера. Лабус прислушался... все, тишина. Гранаты не так звучат, это больше похоже на бомбы. Может, их сбросили на машины? Если так — прощай спецавтобус, а ведь Костя вложил в машину столько сил! Разбомбив транспорт, варханы спустятся в карьер, не обнаружат тела и продолжат поиски чужого отряда. От карьера до пустыря не так уж и далеко...

Костя снова занялся своим делом. Вместо штатного пламегасителя на СВД стоял глушитель, который полностью убирал вспышку и прилично гасил звук выстрела. Винтовка, ремешок которой был привязан к ветке, «пшикнула» — и на бетонной стене метрах в ста от Лабуса появилась очередная выбоина.

Он прятался в кроне старой акации, рядом была ограда, за ней — заводская столовая, на крыше которой дежурили двое варханов, а дальше задняя стена цеха с разбитым окном под крышей. Костя уже несколько минут стрелял в нее, аккуратно кладя особые пули со стальным сердечником «елочкой», от земли до окна. Столовая находилась ближе к ограде, а на заводе грузили машины из каравана, и сквозь шум охранники не слышали удары пуль в бетон. И уж тем более они не могли расслышать «пшиканье» снайперской винтовки.

Закончив, он глянул на часы, на небо и покачал головой. Солнце садится — а они еще не начали, только готовятся. Раздался шорох. Костя схватился за пистолет в кобуре, но перевел дух.

Подошедший к дереву Алексей показал брезентовый сверток:

— Принес.

— Что с той стороны?

— Машины собрались уезжать. У тебя как?

— Я закончил. А вон и они идут.

Пятеро омовцев в камуфляже и темно-зеленых шлемах быстро шли вдоль забора. Шагающий впереди сержант Каримов поднял руку.

— Значит, колонна уже выезжает, — пояснил Алексей. — Мне отсюда не видно, что с охраной?

— Двое на крыше, как и раньше.

— Тогда начинаем.

Курортник поспешил к забору, а Костя устроился поудобнее и снова прицелился. Над столовой один вархан сидел, свесив ноги, второй прохаживался за его спиной. Костя поднял винтовку, скользнув взглядом по стене цеха. Выбоины от пуль, чердачное окно... Вот и семафор — железный куб на длинной стойке с перекладинами, — торчит прямо посреди крыши.

По словам Ильи, если оттуда дадут тревожный сигнал, подмога к варханам может прийти так быстро, что нападающие не успеют покинуть территорию на захваченных машинах. Это и будет основной заботой омовцев — не позволить охране включить семафор.

За все время возле него никто не появился, то есть постоянное дежурство варханы там не несут. Костя опустил винтовку. Леха и омовцы стояли под забором, один присел, упершись в него руками, Каримов поставил ногу омовцу на плечо. Оглянувшись на дерево, вскинул руку.

Лабус переместился левее и выше, чтобы не закрывала листва, тоже поднял руку — и резко опустил ее.

Затем приник к прицелу. «Пшик! Пшик!» — когда Каримов, а следом Леха перемахнули через забор, оба охранника над столовкой были уже мертвы.

В свертке, который принес Курортник, лежали колышки от маскировочной сетки. Штыри при помощи обычного камня, на бегу подхваченного с земли, он стал вколачивать в выбоины от пуль СВД. Первый, второй, третий... Поставил ногу — снова вбил — поднялся — еще колышек... Леха взбирался не очень быстро, но без остановки, следом полз сержант. Один штырь выскочил из-под его ноги, Каримов повис... пополз дальше... Железка стукнула по шлему нижнего омовца, отскочила, боец мотнул головой — и ухитрился на лету подхватить ее. Добравшись до прорехи в «елочке», с размаху всадил в стену.

Костя продолжал контролировать обстановку. Гудение двигателей стихало: прибывший из города транспорт, так сильно задержавший их, уезжал. Лабус очень надеялся, что машины, которые стояли в заводском дворе, когда они подошли к пустырю, остались на месте, иначе им просто не из чего будет формировать свою колонну, и вся затея провалится. Хотя она и так уже почти провалилась: вот-вот наступит ночь, они не успевают доехать до Центавроса прежде, чем там появится Илья с партизанами. А те не могут долго оставаться возле стройки — противник быстро засечет их.

Что-то мелькнуло сверху, Костя вскинул винтовку. По перекладинам на стойке семафора полз вархан.

Тихое «пшик!» — и он упал.

Лабус приподнялся на суку, когда с противоположной стороны завода донеслись выстрелы. Что происходит?! Терианцы должны скрытно пробраться между складов и атаковать только после того, как омовцы, выведя из строя семафор, подадут сигнал с крыши завода!

Подъем по колышкам от МКС они отрабатывали на учениях, но сколько ни тренируйся, таким способом быстро на большую высоту не заберешься — Леха с омовцами еще не достигли крыши.

Выстрелы участились. Стойка семафора на крыше начала складываться — да она телескопическая! И никого не видно! Костя дернул винтовку, позабыв, что она пристегнута. Матерясь сквозь зубы, распустил ремешок, рванулся кверху, треща ветками и раскачивая крону. Он лез, а ящик опускался. Еще немного... Лабус встал на толстую ветку, вскинул СВД и в прицел увидел двух варханов на крыше.

Они раскрыли ящик семафора, и там загорелся красный огонь. Один быстро заработал руками, что-то вращая, ящик стал подниматься. Сейчас дадут сигнал! Костя выстрелил — не попал — еще раз — один боец упал. Второй развернулся, подняв оружие, но где прячется снайпер, он не знал и пальнул в белый свет. Ящик, поднявшийся на треть длины стойки, полыхнул красным, когда шторы на его торце разошлись.

Алексей взлетел через край крыши, и второй вархан свалился после двух выстрелов — Курортника и Лабуса. Вскоре там оказались Каримов с остальными, они быстро сориентировались и стали опускать ящик. Леха, повернувшись к акации, дал сигнал двумя руками: *Сюда!* Потом левой сделал круговое движение: *В обход!*

Повесив винтовку на плечо, Костя спустился и побежал вдоль ограды. Выстрелы на другой стороне заводского двора стали реже и вскоре совсем смолкли. Когда Лабус добрался до ворот, туда подошли Леня Костилов, Явсен и Яков.

— Что случилось? — во двор вбежал Лабус.

— Группа Юриана напоролась на кого-то между складов, — пояснил Яков. На лице его поблескивали золотом очки, в руках был автомат.

Прибывшая из центрального лагеря колонна загрузилась и уехала в том же составе, а три выкрашенные синей краской грузовика, пара броневинов, пять тачанок и три мотоциклетки по-прежнему стояли во дворе. Между ними лежали две женщины из отряда Юриана, высокий старик и Базилио с обрезом в руках — все мертвые. Леня Костилов на бегу махнул стволом «винтореза» в сторону дверей цеха, под которыми валялись охранники.

— Это я их! Смог бы так с СВД отработать?

— Еще лучше смог бы! — бросил Лабус.

Тихо рокоча, через ворота проехал мотоцикл с Веней Григоренко и Аней. В коляске лежали передатчики экстра-связи.

Из дверей завода выскочили сержант Каримов, Курортник и двое омовцев, подбежали к машинам. Предупреждая вопрос Лабуса, сержант сказал:

— Наверху двоих поставил, внутри все вычистили. Проверим, что на складах.

Юриан лежал на пропитавшейся кровью земле под стеной, голова его покоилась на коленях Веты, рядом стояли Голубки и Ковбой с пулеметом. С крыши склада свешивалась продырявленная пулей голова вархана. Судя по звуку шагов и редким окликам, остальные терианцы рассыпались вокруг. Вета положила голову брата на землю и подняла глаза на землян и Явсена. Лицо ее застыло, губы были плотно сжаты.

Тени окутали заводской двор, купол стал темно-зеленым — вот-вот наступит ночь. Лабус повернулся к Лехе с Каримовым, но не успел ничего сказать: из-за угла склада вынырнул Игорь Сотник.

— Что внутри?

— Чисто, — доложил Каримов. — Они успели подать сигнал, хотя ящик был наполовину опущен. Не знаю, засек его кто-то или нет.

Игорь осмотрелся. Темная волна была за спиной, но сколько ни бросай туда взгляд — не увидишь. И все же она ближе, теперь уже совсем близко, вот-вот накроет его...

В вечерних сумерках шанс на то, что вспышку семафора заметили, повышался, и он сказал:

— Уезжаем немедленно. Якову, скажи, чтобы собрали всех возле машин.

Яков заговорил с Явсеном, тот — с Ветой, и она, выпрямившись, переливчато свистнула.

— Такой у них сигнал сбора, — пояснил Яков.

— Все к машинам! — Игорь быстро зашагал обратно. — Заберите тела наших.

Курортник с Лабусом, переглянувшись, подступили к Юриану и вместе с Ветой подняли мертвеца. Со всех сторон земляне и терианцы направились к грузовикам.

— Не успеем ничего погрузить в машины, — сказал Лабус. — А это значит, что нас раскусят еще на подъезде к периметру. Что это за грузовая колонна без груза?

— В темноте издали могут не заметить, что кузова пустые, — без особой уверенности возразил Курортник. — Но скорее всего — придется таранить и прорываться с боем, как с самого начала и предлагал сержант.

* * *

Они не знали, что из двух малых баз, расположенных неподалеку от завода, одна была закрыта, потому что не так давно Максар бер'Грон приказал командеру Сафону забрать весь ее личный состав для охраны Центавроса. Если бы эта база еще работала, подмога появилась бы на складе в течение пятнадцати минут, когда колонна с него еще не выехала.

На второй базе сигнал увидели, но ее отделяло от завода в два раза большее расстояние. Оттуда выехали броневики, тачанки и мотоциклетки. Примерно на полпути до цели они встретили машины, на которых двигались клерики и штурмовики, выделенные для поисков Сафоном.

На первой тачанке сидели Фелиз и раб, в своей прошлой жизни звавшийся Ростислав Борисович Лагойда. Две колонны остановились на перекрестке, появившийся из броневика капитан и вышедший навстречу Фелиз коротко поговорили, после чего машины клериков повернули вместе с колонной — туда, где был замечен тревожный красный сигнал.

Они достигли завода всего через несколько минут после того, как земляне и терианцы покинули его. Наступила ночь, машины поставили так, чтобы фары освещали двор и склады. Затрещали факелы, синим светом разгорелись светильники. Немного времени понадобилось на то, чтобы осмотреть территорию. Тела, гильзы, кровь...

Фелиз, Лагойда и капитан с базы сошлись посреди двора.

— Мы возвращаемся, — объявил капитан. — Световышкой передадим сообщение в главный лагерь, что мануфактура атакована.

— Нет, — сказал Фелиз. — Надо искать тех, кто ее атаковал.

Капитан чувствовал себя неуверенно, так как вообще-то не обязан был подчиняться темнику, но хорошо понимал, что боевой отряд Гильдии рыскает по округе не просто так. Фелиз добавил:

— Мы ищем отряд терианских еретиков, объединившихся с местными воинами. На мануфактуру напали они.

— Зачем? — спросил капитан.

Как правило, Фелиз игнорировал раба, лишь в редких случаях обращался к нему. Сейчас был именно такой случай, и он спросил на земном языке:

— Что думать ты?

Рост Лагойда отлично понимал: единственный способ выжить — оставаться полезным. Очень полезным. А какую пользу может принести оккупантам землянин? Знание географии, образа жизни, понимание психологии...

Он попытался вообразить себя на месте тех людей, с которыми расстался совсем недавно. Для чего они напали на завод?

Капитан и Фелиз смотрели на него. Ну же, думай! Зачем? Лагойда представил себя внутри автобуса, вспомнил уверенный голос Сотника и как Яков говорит: «Ну вот, Игорек, я считаю...» — что он может считать, этот толстяк? Что предложить? А что предложит Сотник? Завод был перевалочным пунктом, отсюда не только доставляли цемент, сюда привозили камни, кирпичи, части обрушенных домов, и все это отправляли дальше на стройку. Значит, здесь были грузовики и транспорт охраны. А теперь территория пуста.

Они забрали машины? Но ведь свои бросили в карьере, причем в баках еще оставался бензин. Почему? Бывшие союзники боялись, что тот транспорт засвечен. Хотели покинуть район на машинах, которые не вызовут подозрений у пилотов, постоянно летающих над этими местами.

Они собираются уехать отсюда — сам Рост Лагойда так бы и поступил.

— Я думаю, — начал он, но тут другая догадка возникла в его голове, и Лагойда запнулся. Сглотнув, едва не выкрикнул: — Думаю, они хотят напасть! Напасть, понимаете? Атака на Центаврос! Для этого им нужны машины, как у вас. Это маскировка!

Молодой темник с двузубцем на виске смотрел на него в упор, и Лагойда пояснил уже спокойней:

— Машины нужны еретикам, чтобы беспрепятственно... — он замаялся, подумав, что последнее слово собеседник вряд ли поймет. — Еретики едут к Центавросу. Ты понял?

Под взглядом Фелиза он снова заволновался и повысил голос, закончив едва ли не криком, потому что был уверен: не только комфорт, но и само существование разумного живого организма по имени «Рост Лагойда» висит на волоске:

— Они едут к Центавросу! Сейчас! Едут! Центаврос!

Фелиз сказал несколько слов капитану, тот нахмурился и поспешил к броневику.

— Не доедут, — сказал темник. — Сейчас мы догнать еретики.

ГЛАВА 32

— Их быстро теснят.

Сафон присел за большим осколком упавшего с лесов бетонного блока, одной рукой он держал скорч, а второй прижимал платок к рассеченной скуле. Рядом с ним и Максаром были трое штурмовиков в одежде из мягкой черной кожи, с белыми костями и черепами, вышитыми на воротниках.

— Гебрил точно мертв? — осведомился Максар.

Бетонный обломок лежал рядом с южной стеной Центавроса, рабочие как раз

собирались устанавливать блок, подняли его кран-рамой, а когда началась перестрелка — упустили.

Сайдонцы с присоединившимися к ним землянами-рабами, прячась за укрытиями и отстреливаясь, отступали вдоль шатров, откуда по ним вели огонь. Стреляли и со стороны Центавроса: бойцы Сафона перебегали с места на место, преследуя бунтовщиков.

— Мертв, — заверил Сафон. Из-за раны он говорил невнятно. — Я сам застрелил Гебрила, когда его помощники бросились на нас. Максар, мы сосредоточились на внешней угрозе — и проглядели внутреннюю.

Положив токер на сгиб локтя, комендант молчал. Бунт наверняка готовили давно. Если бы землянин Еф-Им случайно не обнаружил тайник или не донес о своей находке... Сиб вот-вот поднимут в центр алтаря — и бунтовщики наверняка рассчитывали начать атаку сразу после этого, в последний момент взяв оружие из тайников. Их не так уж мало, и они внутри, прямо на территории стройки, им не надо прорываться сквозь периметр, к тому же, увидев, что происходит, к сайдонцам присоединилось бы гораздо больше, чем сейчас, рабов. В результате быстрого наскока они могли уничтожить Сиб! У Гебрила имелась взрывчатка, использовавшаяся на стройке, он приказал бы сбросить ее вниз через пробитый сквозь подземные этажи колодец, предназначенный для подъема машины в центр Эголита, — тогда конец и купольному генератору.

Но теперь Гебрил Вишу мертв, и атака захлебнулась. Сайдонцы отступают, осталось лишь добить их.

Максар выпрямился, Сафон последовал его примеру. Наступила ночь, со всех сторон горели прожекторы. Когда от периметра впереди донесся стук пулеметов, Сафон кивнул:

— Все, их зажали.

Отняв пропитавшийся кровью платок от лица, он осторожно провел пальцами вдоль раны.

— Теперь и я... То есть и мое лицо, комендант...

— Ты осквернен, как и я, — спокойно согласился Максар, наблюдая за бунтовщиками. Укрываться от ведущегося со всех сторон огня было тяжело, с каждой секундой сайдонцев оставалось все меньше. Плохо только то, что стрелкам на периметре пришлось повернуть стволы в сторону стройки.

— А что, если эти бунтовщики связаны с терианцами? — предположил Максар. — Может, планировалась двойная атака? К тому же партизаны...

Сафон возразил:

— Насколько мы знаем, партизан больше нет, а на крышах домов вокруг прячутся наши наблюдатели. Они подадут сигналы, если к стройке приблизится отряд.

— А если наблюдателей сняли? Пошли разведчиков, чтобы проверили... В чем дело?

Проследив взгляд коменданта, Максар обернулся. Сайдонцев прижали к западной стороне периметра, а с восточной к нему катили три синих грузовика, с ними тачанки и пара броневинов.

— Очередная строительная колонна, — сказал Сафон.

Штурмовики подняли автоматы, увидев бегущего со стороны алтаря человека в темных одеждах, но опустили оружие по знаку Максара.

Молодой помощник Эйзикила закричал издали:

— Святая Машина! Она готова, мы поднимаем ее! Мастер-комендант, час настал! Сейчас Эйзикил раскроет большое Око и замкнет Кольцо миров!

Максар бер'Грон слышал его, но смотрел в другую сторону. На два грузовика и на знакомые тачанки клериков позади них.

Колонна приближалась к периметру, но происходило что-то странное. Почему-то машины не тормозили.

Они разгонялись.

ГЛАВА 33

У лежащего на боку посреди улицы полицейского автомобиля был разворочен кузов. Диски оплавилась, шины раздулись.

Кирилл с Денисом выглянули из-за машины. Впереди был расчищенный от домов участок, там стреляли, в свете прожекторов сновали фигуры. Широкое, темное основание будущего Центавроса окружали строительные леса, в которых тоже мигали вспышки выстрелов.

— Что происходит? — спросил Денис.

— Понятия не имею. — Кирилл передвинул чехол с ноутбуком, прижал локтем к боку. — Но там настоящий бой. Может, те, кто должны были встретить нас, не дождались и напали? Хотя зачем?

— Они потеряли с нами связь. Могли решить, что мы так и не появимся, и атаковали.

Впереди что-то взорвалось, снап пламени взметнулся сбоку от Центавроса, и большая секция лесов начала крениться. По площади раскатился лязг, когда она упала. Отдельные части, будто кости, рассыпались, стуча, по земле.

Кир приподнялся на цыпочках, вглядываясь.

— Кажется, там кого-то окружили и теперь давят со всех сторон. Видишь пулеметные гнезда по периметру? Вон в тех трех стволы повернуты к стройке.

Все вокруг мелко затряслось, и он схватился за теплую, вздувшуюся пузырями шину. С момента возвращения на Землю через портал в диспетчерской вышке Кир успел привыкнуть к дрожи, пронзающей мир, — но сейчас она резко усилилась. В груди екнуло, заныли зубы, заложило уши. Денис ахнул, отступил от машины. Кирилл тоже попятился.

— Портальный шторм усиливается! — Ученый присел, расставив руки.

Содрогнулась земля. Сзади, слева над домами, в глубине варханской базы, справа между деревьями — везде начали закручиваться разноцветные воронки.

Прожекторы на базе разом погасли. Из центра ее, окруженного большим треугольником уложенных тремя рядами бетонных блоков, с басовитым гудением поднялась колонна изумрудного света. Она соединила землю с небом, пульсируя, посылая вверх сгустки сияния, которые вливались в купол и расходились кольцевыми волнами, высвечивая на пути всю огромную покатуую громаду, расширялись, скатывались к горизонту и там гасли.

Гудение смолкло. Колонна отпала от купола, стала укорачиваться, будто проваливалась в землю.

— Это не буря! — прошептал Денис. — Они раскрывают Главный Портал!

Колонна начала распадаться на отдельные клочья света, закружилась, пропала — и гигантская клокочущая воронка вспыхнула посреди базы. В центре ее бурлил, изрыгая пузыри изумрудного сияния, туманный шар. Его окружал венец молний, словно щупальца вокруг ротового отверстия чудовищного подводного монстра.

Загорелись прожекторы. Выстрелы зазвучали вновь — сначала робко, но с каждой секундой все чаще, настойчивее, злее.

Кирилл ударил кулаком по шине, и надувшийся от жара резиновый пузырь на ней лопнул, выпустив поток горячего воздуха.

— Заработал! Нам надо туда!

Денис замороженно глядел на Главный Портал. Облизнув губы, он спросил:

— Как ты хочешь попасть на базу?

— Проползем между пулеметами.

— Ты сошел с ума. Посмотри, они стоят двумя рядами, зигзагом. В каждом гнезде по два или три вархана. Прожекторы, свет от портала — ты не проскользнешь между ними, это невозможно!

— Но другого пути нет! — закричал Кирилл. — Они сделали что хотели, замкнули это чертово Кольцо! Идем!

— Я не пойду, Кирилл, это просто безумие.

— Эй, вы! — раздалось сбоку, и Кир одной рукой схватился за катану, а другой за

пистолет в кобуре.

Рядом стояли двое: похожий на охотника мужчина лет сорока, в «горке», с охотничьей двустолвкой в руках, и молодой парень в джинсовом костюме и кедах, вооруженный автоматом Калашникова. Под расстегнутой курткой виднелась футболка со смутно знакомым логотипом.

— Что вы тут делаете? — спросил он.

Шальная пуля, прилетевшая со стороны базы, ударила в кабину машины, и все четверо пригнулись.

— Быстро к тому дому! — добавил парень.

Он ткнул автоматом в сторону жилого здания неподалеку. Незнакомцы расступились, Кир с Денисом пробежали между ними, и сзади раздался топот.

Через пустой темный подъезд они поднялись на крышу. Здесь возле низкого бордюра присела, поставив на него локти, девушка в бриджах и клетчатой рубашке. Она мельком глянула на гостей и снова приникла к биноклю, направленному на базу. Рядом на раскладном туристическом стуле сидел плотный широкоплечий мужик с седыми усами и коротким ежиком волос, в камуфляжных штанах и тельняшке. Между пальцами левой руки тлела толстая сигара, в правой он держал снайперскую винтовку с длинным стволом, сошками и необычной формы прикладом.

В стороне лежали три мертвых вархана — Кирилл решил, что раньше здесь был их наблюдательный пост.

— Кто такие? — пророкотал седоусый.

— Гражданский, товарищ майор, — доложил парень в джинсе, в то время как Охотник отошел к бордюру. — У самой базы торчали.

Майор окинул их скептическим взглядом.

— Где столько стволов раздобыли? Да еще и меч клоунский на боку...

— По-моему, они на базу хотели проникнуть, — добавил парень.

Майор сделал пренебрежительный жест, описав тлеющим кончиком сигары светящийся круг, и вставил ее в зубы.

— У нас, конечно, каждый человек на счету, но эти двое хлюпиков... Короче, гони их в шею, Илья.

— Хороший у вас ствол, — заметил Кирилл. — КСВК, должно быть, варханские самоходки навывлет дырявит, да?

— Ну! — удивился майор, не вынимая сигары из зубов, пыхнул дымом и напряженно уставился на Кира. — Откуда такие слова знаешь: КСВК, варханы?

— Это неважно. Нам как можно быстрее надо попасть на их базу.

— Во как решительно. И зачем?

— Главный Портал необходимо отключить, а мы знаем как. Не только его, все порталы.

Глаза Ильи блеснули. Уставившись на Кира, он тихо спросил:

— Как?

— Я компьютерщик. Хакер. — Кирилл хлопнул по чехлу с ноутбуком. — Это — варханский ноутбук с вирусом. Надо подключить его к машине, поддерживающей портал, запустить вирус, он завалит всю их систему. По крайней мере, мы на это надеемся. И еще уберет купол.

— Ты Кирилл, что ли? — спросил Илья. — А это?..

— Денис, — встрепенулся ученый. — Откуда вы нас знаете?

— Петрович! — парень повернулся к майору. — Это те самые! Те, ради которых мы все затеяли, понимаешь? Им действительно надо туда — как можно быстрее!

— Та-ак... — Майор бросил сигарный окурочок, встал и растоптал его, пристально разглядывая Кирилла с Денисом. — Они? А как здесь очутились?

Шагнув к бордюру, он прислонил к нему винтовку. Длинная автоматная очередь донеслась с базы, потом раздался взрыв, и снова застучали одиночные.

— Портал раскрылся за Серпуховым, — пояснил Кирилл. — На дрезине мы доехали

почти до Подольска, потом тащились пешком. Дважды едва не напоролись на патрули, пришлось отсиживаться, поэтому пришли поздно.

Разглядывая варханский лагерь, майор произнес:

— Между гнездами не проползти, засекут, их специально так и поставили. Но мы можем... Маришка, а?

Девушка, как оказалось, не только наблюдала за базой, но и слушала разговор за спиной. Оглянувшись, она сказала неуверенно:

— Наверное, можем. В гнездах, которые прямо напротив дома, всего пять человек. Если их быстро завалить...

— А у нас два магазина, — кивнул майор. — Патронов хватит и еще столько же останется.

Он ссутулился, опустил голову, раздумывая. Все смотрели на него. Взяв винтовку, майор сказал:

— Вы четверо — вниз. Возле ментовской машины остановиться и посмотреть сюда. Мариша даст знак — сразу бегом вперед. По прямой, между теми двумя гнездами, ясно?

Молчащий все это время Охотник с двустволкой, положив ее на сгиб локтя, спросил:

— А дальше нам с Ильей че, Петрович?

— Если прорветесь, проведите этих двоих, куда они скажут, и прикрывайте, пока они не сделают свое дело. — Майор опустился на колени возле бордюра, разложил сошки винтовки. — Еще вопросы? Нет? Так чего стоите — бегом вниз!

— За мной! — Илья, на ходу проверяя магазин автомата, устремился к лестнице.

Возле перевернутой машины они посмотрели на дом — и на фоне купола, по которому продолжали расходиться световые кольца, увидели Маришу. Она подала им знак и мгновенно пропала из виду.

Они снова побежали, Илья и Охотник по бокам, Кирилл с Денисом между ними. Все, кроме ученого, подняли оружие.

Два пулеметных гнезда были прямо впереди — подковы из камней и мешков с песком. Стоящие за ними варханы повернули стволы в сторону базы. Один боец оглянулся, увидел бегущих людей, закричал... Выстрел с крыши они не услышали, но голова вархана просто исчезла, словно ее и не было, снесенная крупнокалиберной пулей из винтовки майора.

Вархан упал. И тут же, получив пулю между лопаток, исчез из виду его напарник.

С соседнего гнезда бегущих тоже заметили, но развернуть пулемет не успели — Илья и Охотник открыли огонь. Когда варханы спрятались за камнями, пуля из КСВК пробила их, оставив в подкове дыру, куда можно было просунуть два кулака. Еще один выстрел с крыши... бойцы так и не показались.

В стороне, на третьем гнезде, заработал пулемет. Очередь пошла сбоку, прыгнувший Илья опрокинул Кирилла, схватив за ногу Дениса, рванул — ученый тоже упал. Потом свалился Охотник, задержался, суча ногами: в него попало несколько пуль.

— Ползем! — заорал Илья прямо в ухо Киру. — Быстро!

Пулемет захлебнулся, когда они были уже между гнездами. Одиночными выстрелами зарявкали скорч, и сзади хрипло кашлянула двустволка Охотника.

— Теперь бегом! Прикрываю! — Илья вскочил на колени, уперев приклад в плечо, начал стрелять короткими очередями, быстро водя стволом из стороны в сторону.

Кир с Денисом побежали. Впереди бетонные блоки лежали тремя рядами, в нижнем был широкий проем, где поставили треугольную раму, но еще не сделали створку дверей. Кирилл заскочил в него первым.

В центре бетонного поля высились соединенные арками башни. Между ними сиял Главный Портал.

ГЛАВА 34

Машины ехали попарно, впереди — грузовик и БМП, за ними два грузовика, потом две

тачанки. Улица, озаренная светом горящих над крышами и между домами порталов, вела к перекрестку, на котором надо было свернуть влево. После этого, судя по карте, до цели останется меньше полукилометра по прямой.

Первым грузовиком рулил Курортник, быстро освоившийся с примитивным управлением варханской машины, с ним в кабине сидели Ленья Костиков и сержант Каримов, а в кузове находились Игорь, Лабус и Веня Григоренко.

Поправив висящую за спиной винтовку, Костя вошел в приземистую дверцу, соединяющую кузов с кабиной. Каримов, поставив между коленями трубу РПГ, выглядывал в окно, Ленья Костиков держал «винторез». Издалека доносились выстрелы.

— Партизаны, — сказал Каримов зло. — Их засекли и теперь давят. Быстрее, прапорщик!

Алексей молчал. Костя покосился на Каримова, на затылок Лени, нагнулся к Курортнику и негромко сказал:

— Это дело для смертников, сам понимаешь.

Тот никак не отреагировал, но Костя знал: напарник слышит и хорошо понимает, что он хочет сказать.

— Так что, может, попросаемся?

Одной рукой удерживая руль, Курортник вторую поднял над плечом, согнул в локте и едва не попал пальцами Косте в лицо. Тот пожал ему ладонь.

— В такие минуты очень хочется быть верующим, — сказал Алексей, быстро оглянувшись. — Но у меня даже сейчас не получается.

Лабус молча отступил и захлопнул дверь. Из кабины долетело:

— Прапорщик, а ты все же попробуй быстрее!

Игорь с Веней присели у задней стенки, подняв автоматы. Рядом ехала БМП, в нескольких метрах за ней катили два грузовика. За рулем одного был Яков, в кабине с ним — Явсен и Ковбой, а в кузове трое омовцев; другим управляла Вета, рядом сидели Голубки. В двух тачанках, трясшихся позади всех, было по четыре терианца.

Костя опустил на корточки возле сидящей в углу кузова Ани и спросил, зная, что не услышит ответ:

— Как ты?

Девушка молча глядела ему в лицо — не сквозь, как раньше, а в лицо, словно узнавала!

— Аня... — начал он, но осекся, когда из-за домов, мимо которых они проезжали, прорвался рев моторов.

До перекрестка, где надо было свернуть, оставалось метров триста. Из-за продуктового магазина с разбитой витриной вынеслась тачанка, за ней — черный броневик, следом еще три тачанки. В них сидели варханы, некоторые в свободных темных одеждах, другие в черной коже.

Костя вскинул пистолет. Вражеские машины, резко свернув, поехали по тротуару. Башня черного броневика начала поворачиваться, но угнанная с завода БМП выстрелила первой. Первая тачанка варханов взорвалась. Черный броневик наехал на нее, подмяв колесами тела, прокатился по обломкам. Из ствола его пушки плеснулось пламя, снаряд врезался в борт БМП повстанцев. Машина просела на левый бок и остановилась, окутавшись дымом.

Грузовики и тачанки неслись дальше. Игорь с Веней открыли огонь из автоматов, варханы стреляли в ответ. С одной тачанки повстанцев упал водитель, и она врезалась в дерево, и тут же в нее въехала другая.

Черная башня начала поворачиваться к грузовикам.

Распахнулась ведущая из кабины дверца, и в кузов прыгнул Каримов с РПГ в руках. Сержант перегнулся через бортик, положив трубу на плечо, крикнул:

— Прапор, держи меня!

— Как держать?! — Лабус бросился к нему.

— Нежно!

Костя, присев, обхватил сержанта за ноги, тот нагнулся дальше, целясь. Черная БМП выстрелила, он — тоже, струя раскаленного газа прошла над головой Лабуса, и оба снаряда нашли свою цель.

В последний миг Лабус успел кинуть взгляд на кабину другого грузовика и увидел за стеклом Якова в поблескивающих золотом маленьких круглых очках. Рядом маячили лица Явсена и Ковбоя. Потом снаряд пробил дверцу, и в кабине полыхнул огонь.

Ну а выстрел Каримова снес черную башню. Броневи́к катил дальше, сшибая стоящие на пути урны, круша лавки и ломая деревца. Из рваной дыры в корпусе выскочил смуглый парень в темных одеждах, кувыркнулся, уходя от пуль Сотника и Вени. Следом, тряся головой, показался второй человек...

— Лагойда! — Костя от неожиданности едва не упустил сержанта. Когда он втащил Каримова обратно в кузов, предатель уже скрылся из виду, спрыгнув за черную БМП вслед за смуглым варханом.

Прокатившись еще несколько метров, обезглавленный броневи́к встал. Три вражеские тачанки на скорости обогнули его и понеслись дальше.

В колонне повстанцев остались лишь два грузовика. Курортник резко повернул руль, то же самое сделала Вета — и взгляду открылась центральная база варханов. Там горели прожекторы, сновали фигурки людей и мелькали вспышки выстрелов. Там шел бой.

— Костян! — заорал Каримов, суясь в кабину. — Другую трубу! Прапор, гони!

Все вокруг задрожало, и Алексей, до предела утопив в пол педаль газа, сдавил руль так, что побелели костяшки. Вибрация пронзила обмотанную полосками кожи «баранку» под его пальцами, сиденье, кабину, грузовик, улицу, весь полуразрушенный город, весь мир вокруг.

Над базой вспыхнула огромная изумрудная воронка.

Одна из вражеских тачанок приостановилась, чтобы подобрать смуглого, и рванулась дальше, взвизгнув шинами. Впереди варханы, стоящие за полукруглыми ограждениями из камней и мешков с песком, увидели несущиеся прямо на них грузовики и открыли огонь из пулеметов.

Сжавшаяся в углу кузова Аня вдруг всхлипнула — тихо, но Лабус услышал ее.

— Ляг! — крикнул он, вставляя в ПМ новый магазин. — Ляг и не вставай!

Подняв вторую трубу на плечо, Каримов выстрелил — камни, составляющие стенку гнезда справа, разметало взрывом. Грузовик Курортника вырвался вперед и первым пересек периметр. Из целого гнезда по нему дали очередь почти в упор, пули пробили переднее колесо, пошли выше.

Машину начало разворачивать. Алексей, вскрикнув от боли в ноге, навалился на руль. Заднюю часть грузовика все сильнее заносило, стонала подвеска, дробно хлопала пробитая шина. Кренясь на борт, машина неслась к строительным лесам. Работники и охранники базы разбегались с ее пути. Один вархан упал, целое колесо прокатилось по телу.

Из пулеметного гнезда все еще стреляли, когда машина Веты врезалась в каменную стенку и обрушила ее, раздавив стрелков. Вета крутанула руль в одну сторону, в другую, и грузовик, прокатившись по камням и телам, стал замедлять ход.

А первый, боком ударившись о строительные леса, остановился. Через миг рядом, почти ткнувшись кабиной в его кузов, встал второй. Терианцы и земляне открыли огонь по тачанкам преследователей. Одна, продырявленная пулями, наехала на обломки гнезда, подскочила и перевернулась, две другие резко затормозили, развернувшись бортом к врагам. Клерики и штурмовики попрыгали за свои машины и тоже начали стрелять.

Накренившиеся леса нависали над грузовиками, сквозь штанги и балки бил изумрудный свет Главного Портала. В пистолете Кости снова закончились патроны, а магазинов больше не было. Убедившись, что невредимая Аня сидит в углу кузова, Лабус стащил со спины СВД. Оттолкнув его, из кабины выбрался Леня Костиков, поднял «винторез».

— Идите дальше! — крикнул сержант Каримов, пригнувшись за бортом, в который били пули, и вставляя гранату в трубу. — Раздолбайте на хрен эту машину, а этих мы

задержим!

— Слева другие! — ответил Сотник.

— Вижу! Там кто-то стреляет по ним, сзади! Может, партизаны? Бегите, ну! Костян — ты тоже!

— Есть! — гаркнул снайпер.

Игорь и Леня полезли через борт. Из кузова выбрался, сильно хромая, Курортник с «бизоном» в руках, и Лабус повернулся к нему:

— Что с тобой?

— Сквозь дверцу ногу прострелили. Ничего, перетянул жгутом. Иди, мы отсюда прикроем.

Лабус медлил, и Алексей, сунув ему в руки «бизон», толкнул к бортику.

— У меня АК в кабине! Пошел!

Повесив СВД за спину, Костя перемахнул через борт.

— За Аней присмотри! — крикнул он напоследок.

Под колесом на одном колене стоял Вень Григоренко, глаза его сверкали, он кричал и посылал короткие очереди по тачанкам. Привалившись спиной к его плечу, рядом сидела раненая Вета и стреляла из скорча в варханов, которые, прячась за толстыми стойками лесов, приближались к грузовикам сбоку.

— Лабус — контролируешь левый сектор, Леня — правый! — приказал Сотник.

Через основание лесов, словно сквозь бамбуковую рощу, они побежали к свету Главного Портала.

* * *

Неожиданное нападение помогло бунтовщикам-сайдонцам и примкнувшим к ним рабам. Часть окруживших их варханов повернули стволы в другую сторону, к эпицентру перестрелки, вспыхнувшей у лесов, что позволило мятежникам вырваться из окружения. Одни разбежались, пытаясь укрыться среди барakov, шатров, навесов и складов, другие поспешили к месту, где неизвестные столкнулись с охраной лагеря. Бой распался на множество мелких стычек, перестрелок и рукопашных, вспыхивающих то здесь, то там. Загорелся шатер, потом другой. Прозвучало несколько взрывов. Из двух барakov, сломав двери, посыпали рабы, которых Сафон приказал запереть после начала бунта. Некоторые сайдонцы, а следом и варханы полезли на леса, и вспышки выстрелов замигали высоко над землей.

Посреди этого хаоса, окруженная тремя высокими башнями, между верхушками которых раскинулись металлические арки, горела ярким изумрудом огромная воронка. Нижняя ее часть находилась в паре метров над землей, где стоял Сиб. Энергетическое ядро в серебристых лепестках сверкало, поток молний, расширяясь, бил вверх, вливаясь в воронку. Вокруг Святой Машины, головами к ней, навзничь лежали темники. Они пели глухими голосами, не попадая в такт друг другу.

С трех сторон к Сибу приближались Кирилл с Денисом, Игорь Сотник с двумя снайперами, а еще — Максар бер'Грон, сопровождаемый, помимо командера Сафона, тремя штурмовиками. Всем им предстояло увидеть друг друга через считанные секунды.

Гимн войны, состоящий из выстрелов, взрывов, криков и стонов, разносился над центральным лагерем Орды. Сквозь пробитый в вертикальных перекрытиях колодез звуки проникали вниз, в помещения под алтарем.

В круглом зале верхнего этажа Хорек открыл глаза.

ГЛАВА 35

Над Гиперией ветер собирал тучи.

Механические колесницы, одной из которых управлял Вотан бер'Зар, неслись через

каменистую равнину к широкой прямой трещине — Бездне, как называли ее варвары-гиперианцы. На дне, исторгая волны жара, клочкотала огненная кровь земли. Пришедшие из земель за Бездной варвары, ночью вставшие лагерем на другом берегу, заканчивали наводить переправы.

Колесница Вотана двигалась в середине ряда. Облаченный в кожаные доспехи, он стоял позади прикрученного к днищу выгнутого щита высотой по грудь, одной рукой сжимая рулевой рычаг, а другой — длинный боевой бич. Близость битвы наполняла его сердце ликованием. Порыв горячего ветра сыпанул в лицо колкую пыль Гиперии, и Вотан оскалился, высоко подняв бич.

Темные тучи ползли в багровом небе. Гиперианцы спешили перейти Бездну, чтобы встретить пришельцев на другой стороне. Отряды варваров, вооруженных дубинками, пращами, щитами и костяными мечами, состояли из пеших бойцов и воинов на двухколесных повозках. В повозки были запряжены черные быки — горбатые, густо поросшие шерстью, с закрученными винтом рогами. На концах рогов поблескивали острые железные колпаки.

Рев боевой трубы разлился над каменистой пустошью. И тут же красный электрический огонь полыхнул на конце шпилья, торчащего из багажника головной колесницы, где ехали командер и двое его рабов. По этому сигналу все колесницы увеличили скорость. Вотан вдавил педаль — мотор загудел, задрожало железное днище под ногами.

Повозки варваров были сплетены из сухого тростника, который рос на берегах Потока, и обмазаны красной глиной. Смешанная с клейкой грязью южных гейзеров, она становилась такой крепкой, что могла защитить даже от пуль. Из колес торчали острые колья, корпуса опутывала лоза-колючка. Ревя и улюлюкая, воинство гиперианцев подкатывало к Бездне, ручьями текло по переправам и на другой стороне вновь сливалось в темное, волнующееся море, над которым посверкивали клинки и огненные снаряды пращей.

Вотан оглянулся. Низко над пустошью висел Корабль, похожий на огромную чечевицу из светлого хитина, с несимметричными буграми и впадинами. Выпуклая нижняя часть его раскрылась чудовищной пастью, от которой к земле тянулись аппарели. По ним спускались пешие — им предстояло вступить в бой сразу за колесницами.

Снова взревела боевая труба. И тут же три электрических огня полыхнули на колеснице командера: желтый, потом зеленый и опять желтый. Это означало, что надо перестроиться широким клином.

Колесница Вотана находилась рядом с командной машиной, то есть почти в центре, и он вновь утопил педаль газа. Те, что ехали по сторонам атакующего фронта, начали отставать, а середина выпятилась вперед. На острие клина двигался командер, Вотан был слева.

Гиперианцы кричали, размахивая мечами и секирами; фыркали быки, копыта дробили камни, повозки подскакивали на ухабах. Некоторые варвары раскручивали над головами огненные кольца пращей.

Прямо на Вотана неслись два быка, запряженные в повозку, которая была в несколько раз больше других. Там уместились с десятков варваров, корпус плотно обматывала лоза, чьи тонкие колючки могли пронзить даже бронекожу доспехов.

— Я — Вотан! — проревел воин, снова оскалившись, и вдавил гашетку на конце рычага.

Под днищем залязгала патронная лента. Из ствола, торчащего на носу колесницы, вылетели пули. Открыли огонь и с других машин.

Крупнокалиберное оружие могло поворачиваться лишь вместе с колесницей, и Вотан, замахиваясь бичом, чуть сдвинул рычаг. Машина качнулась, очередь пошла вбок. Пули подбили ноги быка, тот с ревом ткнулся мордой в землю, повозка за ним опрокинулась.

Вотан обогнул ее, не снижая скорости. Краем глаза увидел, как несколько запущенных из пращей огненных снарядов взрываются на колеснице командера, как через борт прыгают горящие рабы... Миг спустя он был в гуще боя. Притормозив, Вотан ударил электробичом

сразу трех пеших гиперанцев.

Вспышка, фонтаны трескучих искр. Двое упали, а третий, великан с каменной секирой, бросился к колеснице и вцепился в борт. Его поволокло по камням. Вотан снова открыл огонь — пули из ствола в упор били по телам варваров, оказавшихся перед машиной. Позволив бичу повиснуть на охватывающем запястье ремешке, он схватился за кинжал с волнистым лезвием.

Варвар влез в колесницу, и Вотан встретил его ударом клинка в лицо. Кто-то бросился на него сзади, а потом...

...Видение растаяло, как парок, вырывающийся изо рта на морозе. Хорек открыл глаза. Хотя еще не совсем Хорек: больше чем наполовину он был Вотаном бер'Заром, воителем Орды, чьи предсмертные воспоминания наложила на его сознание машина-внедритель.

Он рычал, дергался, лязгая цепями. Багровое небо Гиперии стало потолком круглого зала, красные горы на горизонте — стенами, а Корабль, из недр которого текла Орда, — серебристой машиной на гнутых ножках, стоящей возле круглой дыры в центре зала.

Хорек поднял голову. Рядом на койках неподвижно лежали старик, женщина и беловолосый мужчина. Сверху доносились выстрелы.

Слова, еще недавно так много значившие для него — Гиперия, Бездна, колесницы, — теряли смысл, стоящие за ними образы тускнели, стираясь из памяти.

Мышцы свело судорогой, потом его начало трясти. Засопев, он снова попытался сесть и прохрипел, скалясь:

— Я — Вотан!

Порыв горячего ветра сыпанул в лицо колкую пыль Гиперии, потолок стал небом, а стены — горами, круглая дыра в полу вытянулась, обратившись темной трещиной Бездны...

— Вотан! — взревел он и рванулся.

И снова очутился в круглом зале. Задергался, колотясь затылком о койку. Как же освободиться?! Цепи он порвать не мог, ни будучи Хорьком, ни принимая личину Вотана бер'Зара.

Но зато он мог кое-что другое. Согнув кисть и просунув пальцы под широкий длинный рукав «взрослой» куртки, Хорек дотянулся до пики, прижатой ремешком к запястью так, что кончик рукояти торчал почти до середины ладони.

Выстрелы сверху стали чаще. Едва не вывихнув пальцы, Хорек выдернул оружие из-под ремешка, повернул, едва не упустив, и ткнул концом в узкий выступ на железной клешне, сдавившей кисть. Сжав пику покрепче, большим пальцем придавил пирамидку на торце.

Щелчок, лязг... выступ сдвинулся, клешня раскрылась, и Хорек вскинул руку, привстав, схватился за второй захват.

Люди на койках не шевелились. Освободившись, он сел, свесил ноги. Порыв горячего ветра дунул в лицо... И уже не Хорек, а Вотан спрыгнул с койки. Вотан, а не Хорек упал на четвереньки, когда ноги отказались слушаться, и, рыча от ненависти к тем, кто его приковал, поковылял к серебристой машине.

Но до нее добрался не воитель бер'Зар, а земной ребенок. Горячий ветер сдул багровое небо и горы у горизонта, словно мираж, обнажив стену и потолок круглого зала. Он снова попытался зарычать — вместо грозного звука получился жалобный скулеж. Хорек не понимал, что с ним происходит, но он видел машину, ту самую, которая сделала что-то с его головой. Выпрямившись, он врезал по ней кулаком. Кулак заболел. Две трети Хорька и одна треть Вотана совместно навалились на машину, толкнули ее к круглой дыре. Рыча и сопя, выкрикивая грозные боевые кличи на древнем языке и всхлипывая, они спихнули машину между вертикальными штангами.

Потом Вотана стало еще меньше, а Хорька больше. Мальчик наклонился над дырой.

Под ним был другой зал, а ниже — первый этаж, на пол которого рухнул внедритель. Машина треснула, в стороны полетело что-то серебристое.

Хорек поднял голову. Колодец заканчивался круглой железной плитой, которая по трем штангам могла опуститься до пола подземного этажа. Сквозь кольцевую щель между краем

плиты и проломом в потолке верхнего этажа лился бурлящий изумрудный свет, иногда в нее проскальзывали молнии, извиваясь, секли воздух и пропадали.

С гудением, едва донесшимся сквозь треск молний и свист, подъемник поехал вниз.

* * *

— Ты видишь это? Чувствуешь?!

Пространство больше не вибрировало, но в каждом атоме висело напряжение, словно мир вошел в резонанс с чем-то более колоссальным, мощным, чем он сам.

— Кирилл, ты чувствуешь...

— Да заткнись ты! Не отставай!

Они бежали через бетонное поле к трем башням и сияющему омуту Главного Портала между ними. Кир оглянулся — Ильи не было.

Все вокруг стало более контрастным, четким, выпуклым. Кириллу пришла в голову аналогия из его прошлого существования, из «жизни-до-Нашествия» — кто-то, не иначе Великий Небесный Сисадмин, переставил игру-реальность на более дорогую видеокарту. Появились текстуры, которые раньше просто не были видны, *разрешение мира* увеличилось.

Они пробежали мимо колонн. Увидели пятерых варханов, включая лысого офицера с повязкой на глазу, слева, а далеко впереди — трех человек. Услышали выстрелы с обеих сторон.

Кирилл на бегу пригнулся. Вокруг портала шел круговой поток воздуха — чем ближе, тем сильнее он бил сбоку. Человеческие фигуры исчезли из виду в изумрудных волнах.

Нижняя часть воронки была прямо над ними — словно покатый свод из густо-зеленого стекла, в толще которого стремительно пролетали изумрудные облака и сверкали молнии.

Кирилл поднял скорч, разглядев впереди круглую дыру в бетоне, закрытую железной плитой. На плите стоял Сиб, увенчанный сияющей сферой. От нее шел вертикальный поток молний, расширяясь, вливался в воронку портала.

Он присел, когда из-за Сиба показались двое в темных одеждах. За ними возник третий — раньше он лежал на бетоне и его не было видно в волнах изумрудного сияния. Двое незнакомцев казались молодыми, а последний был стариком. Он склонился к основанию Сиба, поворачивая что-то на корпусе.

— Темники, — прошептал ученый сзади. — Это их ученые.

Они поползли дальше. Где-то рядом раздались выстрелы, и старый темник засуетился.

Вдруг одна из металлических арок, протянувшихся на головокружительной высоте между верхушками башен, лопнула. Дальняя башня начала крениться.

До Сиба оставалось несколько метров, когда старик провернул широкое кольцо на корпусе машины. Одновременно один из молодых нажал кнопку на пульте подъемника — и круглая плита поползла вниз вместе с темниками и машиной. Цвет энергетического ядра стал ярче, насыщеннее. Поток бьющих из него молний удлинился, по-прежнему вливаясь в воронку, которая не сдвинулась с места, когда Сиб начал опускаться.

— На алтаре перестрелка, — зашептал Денис. — Темники решили, что здесь опасно и надо затаиться...

Не дослушав, Кир выстрелил, передергивая рычаг скорча, вскочил и бросился вперед. Один молодой упал, второй присел. Плита опускалась, Сиб уже на две трети исчез из виду. Старик поднял оружие, похожее на двустольный обрез, и Кир снова повалился навзничь.

Воздух над ним прошили два алых разряда. Денис тоже упал. Вскочив, они побежали дальше. Сиб пропал, поток молний бил из круглого колодца, напоминая ножку гриба, шляпкой которого была воронка портала.

Поток был узкий и не занимал все пространство колодца. Добравшись до круглой дыры, Кир смог заглянуть в нее.

Волосы на голове шевелились, в них трещали искры, кожу покалывало. Он направил скорч на темников, но выстрелить побоялся: стрелком он был не ахти и мог зацепить Сиб,

который вместе с плитой уже почти опустился на цокольный этаж.

Денис опустился на бетон рядом.

— Кирилл, я не...

Кир посмотрел на него. В свете портала глаза ученого казались ярко-зелеными. Левое веко дергалось.

— Боишься? Силой я тебя не стащу, решай сам.

Кир сел на краю, повернувшись, обхватил штангу ногами и скользнул в колодец.

* * *

Максар узнал высокого светловолосого мужчину — командир земных воинов, которого едва не убил сержант из разрядника. В сопровождении двоих вооруженных землян светловолосый вынырнул из-за дальней башни в тот момент, когда Максар, Сафон и трое штурмовиков вышли на край Эгалита возле другой Вега Ареа.

Комендант бер'Грон держал токер в руках и потому выстрелил сразу.

На другой стороне алтаря Костя Гордеев первый заметил появившихся из-за башни варханов. Толкнув бегущего слева Сотника, он повалился вправо, на Леню.

Шесть алых разрядов ударили в башню позади них, и та с треском накренилась, пыхнув жаром. Застонали металлические арки, соединяющие ее вершину с двумя другими Вега Ареа, одна лопнула.

Игорь дал короткую очередь в направлении, откуда прилетели разряды, и покатился вбок. По бетону вокруг защелкали пули. Лабус отполз, увидел стоящего на одном колене Костикова с поднятым «винторезом», крикнул: «Назад!» Леня выстрелил и отскочил, когда башня стала падать прямо на него.

Она рухнула, разлетелись обломки. Все трое очутились позади упавшей постройки.

— Леня, прикрывай! — приказал Игорь, вставляя в АК последний магазин. — Лабус, за мной!

Штурмовик рядом с Максаром упал без вскрика, получив пулю в лоб. Комендант, Сафон и двое бойцов отскочили за башню.

— Сафон, возьми одного, идите в обход, — приказал Максар. — Противник за упавшей башней.

— Среди них есть хороший стрелок... — начал командер.

— Я прикрою, выполняй!

Сафон сделал знак штурмовику. Максар, высунувшись, дал залп разрядами по тому месту, где позади упавшей колонны залегли противники. Сафон с бойцом побежали по широкой дуге, вдоль края Эгалита, чтобы оказаться за спиной землян.

— Двигайся между мной и вражескими стрелками, прикрывай меня! — приказал Максар последнему штурмовику, высокому и широкоплечему, с волосами стального цвета.

Они высочили из-за башни — и комендант увидел, что двое из трех землян мчатся прямо к Сибу.

Он бросился наперерез. Штурмовик рванулся перед ним, прикрывая. На ходу боец дважды выстрелил из скорча, в ответ прозвучала очередь, штурмовик качнулся, но продолжал бежать: бронежилетка частично защитила от пуль.

Вокруг портала воздух закручивался тугим смерчем, поток бил сбоку, норовя опрокинуть. Поврежденный глаз пульсировал болью, как сразу после ранения. Волны изумрудного света, исторгаемого воронкой, были такими густыми, что мешали прицелиться, но Максар на бегу дал еще один залп по снайперу противников.

Леня Костиков поймал в прицел здоровяка в черной коже, когда бегущий следом вархан-офицер выстрелил из своего оружия. Если бы он попал, Лене пришел бы конец, но заряды ударили по рухнувшей башне, немного в стороне.

Жаром снайперу опалило правую половину лица. Затрещала бровь и волосы на голове, заслезились глаза. Правое ухо оглохло. Так и не выстрелив, Леня заморгал. Услышал топот с

той стороны, куда пришелся залп, все еще стоя на одном колене, развернулся — и ствол «винтореза» едва не ткнулся в штурмовика.

Леня выстрелил, пуля пробила бронежилетку и живот под ней.

Бегущий рядом с бойцом Сафон взмахнул кинжалом. За его спиной два мертвеца повалились на бетон. Сафон мчался дальше, преследуя двух спешащих к Оку землян. Он видел, что сбоку к ним приближаются Максар бер'Грон с последним бойцом.

Двое людей и двое варханов были уже близко к основанию портала — и друг к другу.

Патроны закончились одновременно в магазинах АК и «бизона». Нашпигованный пулями штурмовик наконец упал, но Максар не успел выстрелить еще раз — они с Игорем столкнулись и покатались по бетону. Лабус бросился к ним, но сзади на него прыгнул Сафон, который не решался стрелять, опасаясь зацепить коменданта.

Костя в последний момент почуял опасность, подался в сторону — и кинжал с волнистым лезвием, только что убивший Леню Костикова, лишь скользнул по шее сзади. Лабус перехватил руку над своим плечом, рванул и бросил Сафона через бедро.

Игорь, оттолкнув противника, встал на колени в паре метров от круглого колодца. Сквозь гудение потока он слышал, как через колодец кто-то ползет.

Максар тоже поднялся. В его руке был кинжал с длинным волнистым клинком, а у Сотника — армейский штык-нож. Они ударили одновременно.

Но Максар еще и выстрелил из револьвера, прямо сквозь кобуру, провернув ее на ремне.

* * *

В круглом зале верхнего этажа Эйзикил, стоя на краю опустившейся плиты, увидел, что один подопытный как-то сумел раскрыть захваты и освободиться. Старик навскидку выстрелил из двустольного токера. Разряды ударили в стену, а маленькая фигура метнулась вбок, за койки.

Плита остановилась. После инициации большое Око всегда оставалось в неподвижности, но Святую Машину под ним можно было перемещать на незначительное расстояние. Эйзикил предпочел бы опустить ее еще ниже, подальше от опасности, но не рискнул: энергопоток между ядром и Оком мог нарушиться.

Две койки с прикованными людьми опрокинулись, когда земной ребенок выскочил из-за них.

— Убейте его! — приказал Эйзикил, шагнув с платформы на пол зала.

Его помощники уже бежали к подопытному, у одного был пистолет, у второго, беловолосого, — сигур. Они набросились на Хорька.

И отшатнулись от него.

— Убейте! — закричал Эйзикил.

Один темник упал на спину. Из ложбинки под шеей торчала пика, вошедшая в тело так глубоко, что кончик выскочил с другой стороны и, пройдя между верхними позвонками, ткнулся в пол.

Получив сигуром в плечо, Хорек голой рукой вцепился в лезвие, вырвал рукоять из рук белобрысого, крутанув, вонзил сигур ему между ног. Провернул. Темник завизжал и упал.

Два тела лежали на полу. Весь забрызганный кровью, мальчик перешагнул через трупы. Сознание Вотана бер'Зара, берсера, великого воителя и патологического убийцы, почти растворилось в его собственном, но не сломало психику. Хорек был лучшим экспериментом того, кто теперь пятился от него, поднимая двустольный разрядник.

Эйзикил прицелился. Рывкнул скорч, и темник пошатнулся, когда пуля ударила в его спину между лопаток. Выпустив двустолку, Эйзикил едва не упал. Повернулся.

Хорек увидел, как со штанги за спиной старика спрыгивает кто-то длинноволосый, со скорчем в руках и круглой сумкой на боку. Мальчик бросился на темника, но поскользнулся на крови его помощников, упал и проехался по полу на пузе, вытянув руки.

Эйзикил, спина которого под бронежилеткой немилосердно болела, побежал из зала. Пальцы Хорька сжались на упавшем двуствольнике, он вскочил, поднял оружие, но не успел выстрелить: старик выскочил наружу.

Два темника лежали неподвижно. Длинноволосый парень стоял на подъемнике, раскрывая круглую сумку, то и дело с опасливым удивлением поглядывая на мальчика. Хорек решил, что здесь ему больше делать нечего, размазал ладонью кровь по лицу и бросился за гадом, который приковал его к койке и что-то сделал с его головой, отчего ему теперь было так мутно.

...Проводив взглядом мальчишку, похожего на безумного кровавого бесенка, Кир снова повернулся к Сибу. Вот оно, кольцо управления в основании машины, а вот и подсвеченные красным щели — гнезда для контактов. Он поставил кристаллический лэптоп на пол, вытащил провод из кармашка, начал разматывать. По выпуклой поверхности лэптопа расплылся мягкий зеленый свет.

Сквозь гудение энергетического потока сверху донеслось шуршание, и на плиту спрыгнул Денис.

— Когда я слезал, наверху началась стрельба, прямо у центра портала, — сообщил он, бочком обходя машину, и шагнул с плиты на пол. — По-моему, там сцепились четверо, хотя из-за этого света плохо видно, все как в зеленом тумане.

Кирилл молча занимался своим делом. Денис окинул взглядом зал, вздрогнул при виде двух мертвецов и побыстрее отвернулся. Присев перед Сибом, заметил:

— Не сюда, вот в это гнездо.

— Знаю, но я хочу проверить... — начал Кир.

Вверху прозвучали три негромких выстрела, и в кристаллический лэптоп ударили пули. Они проломили серебристую поверхность, внутри что-то взорвалось. Из дыр вылетела серебряная труха, и мягкий зеленый свет погас.

Денис ахнул. Кир отшатнулся, но тут же подался вперед и посмотрел в колодец. На фоне бурлящего изумрудного света маячила голова варханского офицера с повязкой на глазу. В каждой руке он держал по оружию — большой разрядник с шестью стволами и револьвер. Кирилл узнал вархана: четырехполосочник, который с другими офицерами приехал в лагерь на Красной площади. Хотя теперь на его плече алели пять полосок.

— Не двигаться! — заорал Кир и ткнул скорчем в Сиб. — Разнесу машину!!!

И отпрянул, пока его не подстрелили. Неизвестно, знает ли офицер русский язык, но понять, что Кирилл имеет в виду, несложно: если варханы попытаются сунуться сюда, он расстреляет Сиб, так же как офицер только что расстрелял лэптоп.

— Что теперь делать? — растерянно спросил Денис.

Пригнувшись возле колодца так, чтобы сверху его не было видно, но чтобы при необходимости без проблем попасть в Сиб, Кирилл осмотрел лэптоп. Кристаллическое устройство было мертво — они не могли загрузить вирус в сеть порталов.

ГЛАВА 36

Разделавшись с командиром врагов, Максар, стоя на коленях, огляделся. В стороне лежали два тела, Сафона и землянина, с которым тот столкнулся. Оба не двигались. Максар посмотрел на человека у своих ног. Комендант трижды выстрелил в него — в руку, плечо и живот — и располосовал ему лицо и грудь. И все же светловолосый был жив, он слабо шевелился, пытаясь перевернуться на бок. Быстро обыскав его, Максар отбросил в сторону штык-нож. Привстал, решая, оставить ли врага в живых. Можно, когда все закончится, построить солдат на Эгалите и попросить темника провести перед всеми ритуал Искупления — очень жестокую церемонию, совмещающую пытки и религиозное действо...

Ни к чему, лучше просто убить его. Око было прямо над головой, выпрямляться Максар не рискнул. Попятившись на коленях, направил в светлую голову токер, но услышал шум из колодца, куда темники опустили Сиб, и поспешил к нему.

Заглянув в колодец, Максар понял, что успел вовремя. Круглая плита остановилась на уровне пола верхнего подземного этажа. Возле Сиба находились двое незнакомцев, а еще там лежало небольшое круглое устройство, которое они, судя по всему, собирались подключить к Святой Машине.

Максар знал про «Скарлагос» и не сомневался: эти двое копаются в панели Сиба не случайно. Он лег, опустив в колодец руки с токером и револьвером. Толщина фундамента мешала увидеть зал верхнего этажа. Энергетический поток проходил рядом с головой, наполняя глазницу жгучей болью. Токер использовать нельзя, слишком опасно, и комендант прицелился из револьвера. Он попадет в головы обоих... Но вдруг в зале есть кто-то еще? Третий землянин может быть совсем рядом, он успеет вытащить устройство из зоны обстрела. Что, если у них есть возможность дистанционно подключить его к Сибу?

Поэтому три оставшиеся в барабанах пули он выпустил в круглое устройство. Люди внизу сразу исчезли, у одного в руках Максар успел разглядеть скорч. Землянин прокричал что-то — в голосе были испуг и угроза. Слов комендант не разобрал, но смысл понял: если он попытается спуститься, землянин начнет стрелять в Святую Машину. Успеет он вывести Сиб из строя или нет?.. Рисковать Максар не мог.

Отодвинувшись от колодца, он стал перезаряжать револьвер. Светловолосый лежал на прежнем месте, а те двое... Сафон там же, а землянин исчез.

Но сейчас ему было не до беглого мертвеца. Максар бер'Грон скользнул пальцами по повязке, пытаясь сообразить, что делать дальше. Поток зеленых молний бил из дыры в бетоне, вливался в kloчущую над головой воронку. Вмешательство еретиков и земных воинов изменило ситуацию в лагере: выстрелы до сих пор звучали со всех сторон Эгалита, иногда по краям алтаря появлялись люди, падали, ползли куда-то, скрывались из виду... Сайдонцев давно должны были раздавить, почему этого не произошло? Объяснение только одно: к ним присоединились рабы, решившиеся на мятеж после того, как увидели: хозяева лагеря не могут разделаться с бунтовщиками.

Перезарядив револьвер, Максар бер'Грон вернулся к колодцу, лег на краю и направил ствол вниз. Сейчас он был в патовой ситуации: если уйти — земляне могут разбить Святую Машину, если попробовать спуститься — услышат шум в колодце и все равно сломают Сиб.

С другой стороны, его присутствие опасно и для них, ведь когда они начнут стрелять в машину, Максар быстро слезет и уничтожит их из токера, который они видели в его руках. Каждый ждет, что предпримет противник... но время работает на Максара. Варханов в лагере много, скоро кто-то нагрянет сюда, и тогда он оставит своих дежурить наверху, а сам спустится по лестнице на краю Эгалита.

Менее дисциплинированный человек, не выдержав, бросился бы к лестнице прямо сейчас либо попытался соскользнуть по одной из штанг, но Максар бер'Грон не собирался допускать ошибок. Великое Кольцо соединило миры, и теперь ставки для него были максимально высоки. Он мог либо получить все — либо все потерять.

* * *

Рост Лагойда бежал что было сил. В конце концов, это ведь святая обязанность любого уважающего себя живого разумного организма: улепетывать со всех ног, если на то есть причины. Ну и возможности для бегства.

А они у Лагойды были. Можно сказать — большие перспективы открывались перед ним в этом смысле. Целый город возможностей, пустые темные улицы...

Лагойда бежал и прикидывал, как ему теперь устроиться. Искать нового хозяина вместо одноглазого? Но каким способом сделаться полезным? А может, переждать и утром вернуться в лагерь как ни в чем не бывало? Он объяснит, что ночью, выпав из тачанки, ударился головой и потерял сознание... Да, это лучший вариант. За ночь варханы разделаются со всеми врагами, которые теперь были и врагами Лагойды. В общем, он выкрутится, ведь он не просто живой, но и в высшей степени разумный организм.

Лагойда остановился, когда из-за домов донесся звук мотора. Попятился, лихорадочно оглядываясь, ища, где спрятаться, — и не успел: прямо на него вылетела тачанка с вышкой на багажнике. На вышке стоял многоствольный пулемет, за ним — беловолосый великан.

За рулем сидела молодая женщина, рядом крупный мужчина, с остроконечной седой бородой, в черном комбинезоне, а за ним стояли парень с хвостиком и краснолицый здоровяк со скорчем в руках. Лагойда узнал его — тот, с прыщами на лбу, который появился вместе с людьми капитана Сотника в подвале «Старбайта», а после пропал в портале.

А вот Багрянец не узнал Лагойду — он увидел человека в варханской одежде... то есть вархана!

После стычки на аэродроме, когда в кабинах двух самолетов они устроили засаду тачанкам и расстреляли их сверху, между ребрами Павла застряла пуля. Хорошо, что неглубоко — бронежилетка помогла, а потом Мариэна достала пулю и замотала бок повязкой. Правая рука двигалась плохо, но Павел сразу вскинул скорч.

Он выстрелил трижды.

Пули бросили тело на асфальт, и через миг живой разумный организм по имени Рост Лагойда перестал быть живым. Да и разума в нем совсем не осталось.

Убив вархана, Павел присел на стоящий у борта экстра-передатчик с дыркой от выстрела в серебристом боку. По дороге Омний сумел починить машину, но выйти с кем-нибудь на связь не получилось. Тачанка обогнула неподвижное тело, и Мариэна увеличила скорость.

— Стреляют, — сказал Павел четверем терианцам. — Слышите? Уже громче. Давай туда!

ГЛАВА 37

Старик оказался на редкость прыткий. Хорек уже трижды свернул, сбежал по лестнице, поднялся по другой, совсем узкой и темной. Шаги впереди становились то тише, то громче, но выстрелить в демона он все никак не мог: тот каждый раз успевал скрыться за очередным углом.

Хотя какого там демона? Теперь-то Хорек осознал: ерунда, никакие они не демоны, и даже не иностранцы, просто люди из другого мира.

Один раз Хорек чуть не выпустил разряды беглецу в спину, но тут его снова начало плющить. Мальчик упал и задергался. Такие приступы случались то и дело, после того как он слез с койки, но этот оказался коротким, и вскоре Хорек снова побежал.

Он почти догнал старика возле ржавой двери в конце коридора. Они находились где-то на самом краю этажа. Краска на стенах облезла, в потолке зияли трещины, в линолеуме дыры.

На груди старика горел синий медальон-шарик, только он и озарял коридор. Когда Хорек выскочил из-за поворота, беглец склонился над замком. Оглянувшись, нырнул в проем и захлопнул дверь.

Стало совсем темно. Клацнул замок. Подбежавший Хорек принялся хлопать по карманам, нашел спички, которые стырил еще в столовке школы, где они отсиживались после бегства из церкви. Чиркнул.

За дверью едва слышно загудело, из щели под ней полилось зеленоватое свечение. Мигнув, погасло. Осматривая замок, Хорек использовал вторую, третью спичку — и заметил рисунок, выпарапанный на двери. Круг с зубчиками, а внутри человечек...

Попятившись, он поднял двустволку и пустил заряды в замок. Пришлось стрелять трижды, прежде чем дверь расплавилась так, что он смог раскрыть ее.

В бетонной каморке никого не было.

Хмурясь, он вошел внутрь. Как же так? Может, тайный лаз тут где-то? Но где? Голые стены, ржавая труба с вентилем от пола до потолка, две полки со всякой ерундой — гнутыми гвоздями, горелыми бумажками, смятыми сигаретными пачками...

Труба есть, полки есть, а вот старика нет. Левая бровь Хорька приподнялась. Это было совсем несвойственно мальчику, но так иногда делал Вотан бер'Зар.

Куда же этот гад подевался? Хорек постучал по стенам, топнул по полу. Пожал плечами. Нет гада — и все тут, и ничего не поделаешь. Надо возвращаться.

Он вышел наружу. Прикрыв дверь, снова зажег спичку, поглядел на выцарапанный рисунок и побежал назад. В конце коридора свернул не туда, откуда пришел, а на лестницу. В круглом зале делать больше нечего, а вот наверху, где идет сражение, Хорек бер'Зар найдет чем заняться.

* * *

Темная волна засасывала его, тянула вниз, в омут бесчувствия, но Игорь еще сопротивлялся, еще пытался вынырнуть на поверхность.

Он с хрипом вдохнул воздух и открыл глаза. Воронка портала вращалась прямо над ним. Игорь перевернулся на бок, неловко подмяв под себя правую руку, и увидел сапоги варханского офицера, только что почти убившего его. Тот лежал возле круглого отверстия в бетоне, заглядывая в него. Из отверстия били молнии, вливались в состоящий из яркого изумрудного света диск, что стремительно вращался невысоко над ними.

Игорь кое-как согнулся, тихо постанывая от боли, задрал штанину, вытащил из чехла под ней нож и пополз к вархану.

ГЛАВА 38

— Ничего не вышло! — крикнул Денис, на корточках подбираясь к Кириллу. — Слышишь? Уходим отсюда!

Женщина, старик и молодой сайдонец на койках были без сознания. На полу лежали двое мертвых темников. Сиб стоял на том же месте, вверх с гудением били зеленые молнии.

Направив на машину скорч, Кирилл сидел по-турецки на таком расстоянии от плиты, чтобы его нельзя было подстрелить сверху. Он молчал. Денис, придвинувшись ближе, повторил:

— Кирилл, там двери и коридор — уходим!

— Надо хотя бы расстрелять машину.

— Но они услышат и сразу бросятся вниз. Пока не знают, тут мы или нет, будут ждать, а если начнешь стрелять — мигом полезут сюда. Мы должны уйти тихо.

Кирилл не двигался, уставившись на Сиб, пытаясь найти выигрышное решение — и не находя его. Ствол скорча был направлен на кольцо управления, волосы шевелились в потоке воздуха, закручивающегося вокруг машин. Что делать? Лэптоп сломан, его не починить. Есть еще один, куда загружен «портальный яд», — у Омния. Но Омния здесь нет, вообще неизвестно, жив ли терианец.

Раздался вздох, и он скосил глаза. Денис сидел рядом в такой же позе, поджав ноги.

— Что я говорю? — пробормотал он. — Уйти, сбежать... уснуть и видеть сны, и в вечном сне остаться! Нет, конечно, мы должны уничтожить эту машину. Стреляй в нее, Кирилл, я тоже выстрелю. — Он неловко потянул двустольный пистолет из кобуры. — Я надеюсь, дробь расколет корпус... Или нет? Лучше попробую в ядро, а ты давай по панели управления...

Кир быстро подался вперед, выглянув в колодец, — и сразу отпрянул. Пуля из револьвера, свистнув возле головы, ударилась о край платформы.

Он отодвинулся. Подобрав под себя ноги, положил оружие на линолеум и уперся в пол кулаками. Лицо его было очень сосредоточенным, в глазах плясали изумрудные искры.

— Что ты... — начал Денис.

— Сиди здесь! — Кирилл выпрямился, подхватив скорч. — Стреляй в машину, если что-то услышишь сверху.

— А ты куда?

— Вниз.

— Зачем?

— Там генератор, который будет поддерживать купол даже после уничтожения Сиб. Надо разбить и Сиб, и его. Не уверен, что пулями и дробью вообще получится... попробуем. Когда буду там, крикну — сразу стреляй.

— Кирилл, пока ты дойдешь туда, они могут спуститься.

— Делай, как я сказал! — Кирилл побежал к двери мимо коек с неподвижными людьми. Распахнул ее — и понял, что сунулся не туда. Перед ним была кладовка, где рядом с машиной экстра-связи лежал мертвый темник со свернутой шеей.

Он поспешил к двери на другой стороне зала, но на пол-пути остановился, как вкопанный, и даже рот приоткрыл — новая идея возникла в голове. Хлопнув ладонью по цевью скорча, Кир заставил караулящего возле колодца Дениса оглянуться.

— Что?! — вскинулся ученый.

— Я тут подумал, а если он все же жив...

— Кто жив?

— Ведь он тогда схватил передатчик... Дежурь там!

Кирилл бросился назад, вытащил из кладовки серебристую тумбочку, с трудом приподняв, отнес ближе к колодцу, поставил и сел рядом. Работу с передатчиком Омний показывал им в пещере на базе повстанцев, Кирилл тогда не зря интересовался, как подключать друг к другу различные приборы, как синхронизировать их, делать сетку... Он вдавил «ксилу» на боковой панели. Разгорелся зеленый монитор, и Кир стал нажимать другие кнопки-бугорки. Пальцы дрожали, сердце в груди грохотало, как отбойный молоток в гулкой пещере.

— Что ты делаешь? — спросил Денис, и тут по монитору поползли зеленые значки, а потом передатчик зашипел.

При связи между мирами сигнал мог декодироваться только в виде значков, но когда связь происходила между передатчиками, находящимися в одной реальности, устройства были способны передавать и звуковой поток.

— Кто... говорит?... — медленно произнес знакомый голос с терианским акцентом.

— Омний! — закричал Кирилл. — Это я, Кир! Мы возле Сиб!

Пауза. Приглушенно донеслись другие голоса — он узнал Мариэну, Багрянца, Гумачу, — затем из динамика раздалось:

— Нэш соединен в Кольцо. Включать «Скерлагос» сейчас, или конец времен настал. Быстро, Кир!

— Не могу, лэптоп разбит! Сломан, понимаешь? Но у тебя был другой — он цел?

— Целый, — сказал Омний. — Целый, но мы не быть возле Сиб. Мы быть далеко, ехать. Мы не можем... Стрелять впереди. Большой бой. Как нам к Сиб? Сейчас нет пути. Невозможен.

Кирилл глубоко вдохнул, посмотрел на Дениса, на зеленый монитор и выпалил:

— Вам не надо сюда! Мы подключим передатчик прямо к машине, и ты перешлешь нам вирус! Понимаешь, Омний? Передашь, как когда-то передал его на машину в лаборатории Айзенбаха! Это возможно? Мы можем запустить «Скерлагос» в Сиб через прямое подключение?

— Вот это идея! — Денис так заерзал от волнения, что офицер опять выстрелил сверху, и пуля пробила линолеум возле колена ученого.

Динамик молчал. Кирилл замер в ожидании решения беглого педанта.

— Ну же! — прошептал Денис и схватил серебристый провод от лэптопа, так и валяющийся возле круглой плиты. Попятившись, осмотрел штекер-иглу на конце — и воткнул в приемную щель на боку экстра-передатчика.

Из динамика донеслось:

— Можем. Так — можем. Включать! Включать, я начать сейчас...

Денис плюхнулся на живот, сжимая второй конец шнура, и пополз к подъемнику.

— Он целится, — предупредил Кирилл.

Денис оглянулся. Лицо разгладилось, страх покинул его. Он широко улыбнулся и протянул руку к Сибу.

Первая пуля пролетела мимо, вторая попала в запястье. Денис вскрикнул — но не отпрянул. Примерившись, воткнул шнур в красную щель-разъем под кольцом управления и только потом отполз назад. Сел, прижимая руку к груди. Между пальцами текла кровь, но он улыбался.

— Вархан может прострелить провод, хотя попасть ему будет трудно, — сказал ученый и повысил голос. — Омний, мы готовы! Включай!

Из колодца сверху долетели револьверные выстрелы.

* * *

Игорь понял, что больше ползти не способен, и воткнул нож в щиколотку офицера. Он подозревал, что под шароварами может оказаться кожаная броня, — но будущий Бер-Хан в гордыне своей не надел доспехов.

Максар замычал от боли, когда клинок вошел в ногу, задев кость. Оглянувшись, дважды выстрелил в Игоря из револьвера, сел и поднял токер, чтобы навсегда разделаться с врагом, — но увидел земного ребенка, вынырнувшего из волн света. Комендант привстал, и мальчишка ударил его носком ботинка по повязке, прямо по раненому глазу.

Стена самоконтроля рухнула, Максар закричал от боли и, вскакивая, наотмашь врезал новому врагу стволами токера по голове.

Сначала Хорек побоялся выстрелить из дуствольного разрядника, ведь он мог задеть командира, а потом уже просто не успел: удар отбросил его в сторону. Выпустив оружие, он свалился в колодец.

Увидев, как ребенок упал в круглую дыру, Максар повернулся к светловолосому, вокруг которого растекалась кровь. Поднял токер, чтобы с близкого расстояния дать залп в тело врага и превратить того в булькающее месиво на бетоне.

В колодце Хорек полз по штанге. Удар токером что-то сместил в шее, голова клонилась к плечу, и когда он пытался выровнять ее, позвоночник полыхал огнем. Мальчик выбрался наверх, с трудом встал и сзади подошел к тому, кто собирался убить его командира. Ни ножа, ни пики, ни пистолета, дуствольный разрядник валяется далеко в стороне... но у Хорька осталось последнее оружие, с которым он никогда не расставался.

Он прыгнул на Максара, обхватил его за плечи. Вскинув револьвер, тот пальнул через плечо и прострелил Хорьку ухо.

Но Хорек был воином почище многих берсергов. Он мог бояться, но не мог отступать. Он подался вперед, челюсти сжались, острые мелкие зубы прокусили горло врага. Револьвер с токером упали на бетон, Максар попятился, закинув руки за голову, вцепился в волосы Хорька, пытаясь сорвать его.

Собрав последние силы, Игорь Сотник дотянулся до револьвера, поднял и выпустил пулю в лицо Максара. Потом перевернулся на спину и уставился вверх неподвижным взглядом.

Пуля, пробив повязку, вошла в глазницу, и Максар бер'Грон прозрел. В его глазнице словно раскрылось Око, бурлящая энергия полилась под череп. Он увидел весь Нэш, мириады мерцающих нитей, на которых вспыхивали и гасли разноцветные капли света. За миг до смерти он понял, что его Бог недостижим — миров слишком много, Власть над всеми невозможна, и жизнь его была бессмысленна.

Бесконечная сеть порталов ослепила Максара, он попятился и возле колодца завалился назад. Хорек спрыгнул с него. Максар опрокинулся прямо на молнии и повис, раскинув руки. Энергетический поток начал приподнимать тело, все выше, выше — и втокнул его в портал. Силуэт несколько раз мелькнул там, вращаясь вместе с изумрудным светом, и пропал.

Хорек боком упал на край дыры, ребро хрустнуло. Он повис, соскальзывая, но обхватил ногами штангу и сумел выбраться.

Впереди умирал командир, и Хорек пополз. Ничего от Вотана бер'Зара не осталось в нем, он снова был маленьким испуганным ребенком. Он ухватил Игоря за плечо, подтянулся ближе и обнял его.

— Командир, я его убил! — всхлипнул Хорек. — Завалил гада! Командир, слышишь? Батя! Чего ты молчишь? Это я! Батя, слышишь? Это же я, Ваня! Командир, ну что же ты молчишь?

Голос слабел. Хорек прошептал что-то еще, положил голову на грудь Игоря и затих. Сердце в груди, к которой прижималось пробитое пулей ухо, не билось.

ГЛАВА 39

— Да что ж ты извиваешься, змеюка подколодная? — презрительно бросил сержант Каримов и отступил на шаг, балансируя на узкой штанге высоко над землей. Патроны у него давно закончились, зато в руке был нож.

А в руке медленно идущего к нему Фелиза — боевой двузубец, который тот носил в ножнах под одеждой. Костяная рукоять длиной около полуметра раздваивалась, дальше шли два изогнутых стальных стержня, заостренных и с кривыми шипами, которые разрывали сделанную двузубцем рану. Фелиз тихо шипел и покачивал плечами, то слегка приседая, то распрямляясь, приближался к сержанту.

Каримов надеялся, что кто-то из его людей еще жив, но уверенности не было. Бой продолжался — а точнее, сотни беспорядочных стычек, перестрелок и рукопашных, кипевших по всему лагерю.

Уловив движение внизу, сержант посмотрел туда. Далеко под ним между стойками лесов прапорщик Алексей Захаров дрался со штурмовиком — как и сержант ОМОНа, лишь при помощи ножа. Курортник ударил противника в живот, штурмовик тоже нанес удар. Оба упали, сцепившись, покатались в сторону и пропали из виду.

Руслан Каримов поднял взгляд на Фелиза, дожидаясь атаки. Сержант не был способен на сложные размышления и глубокие чувства, зато умел быстро и без затей разделяться с теми, кто стоял у него на пути.

Когда Фелиз наконец сделал выпад, Каримов отпрянул, провернулся на штанге. Острие двузубца царапнуло по бицепсу, прорвав рукав комбеза. Глаза Фелиза блеснули. Решив, что достал врага, клерик подался вперед — на это и рассчитывал сержант. Он перескочил на соседнюю штангу, а с нее, сделав два коротких шага, — обратно, и всем телом налетел на клерика.

И сбоку воткнул нож ему в шею.

Попытался выдернуть оружие, но не успел: Фелиз с шипением полетел вниз.

— От же гад ползучий! — высказался Каримов и тут же позабыл о Фелизе.

Покачнувшись, он расставил для равновесия руки, быстро прошел по штанге до конца и схватился за вертикальную балку. Взгляду открылись основание башни на краю Эгалита и человек в камуфляжном комбезе. Сержант узнал Лабуса, позади которого на бетоне лежали двое неподвижных варханов. Прапорщик пытался встать, цепляясь за башню, руки соскальзывали, он падал и снова приподнимался, двигаясь медленно, вяло, словно в беспамятстве. Из-за колонны к нему шагнул Курортник, обхватив за плечи, помог выпрямиться. Лабус завалился на него, повис.

И тут купол в вышине мигнул. Это было так неожиданно, что Руслан Каримов едва не свалился. Обняв стойку, он задрал голову. Купол разгорелся, все черное ночное небо стало зеленым. Молнии сновали по нему, образовав мигающую выпуклую сетку высоко над головой. Она начала расширяться: купол рос.

— Да вы охренели! — крикнул Каримов. — Там же войска!

Купол ширился, молний стало еще больше — а потом они погасли. Все, разом. На миг

купол вспыхнул нестерпимо ярким светом, так что сержанту пришлось зажмуриться, а когда Каримов снова открыл глаза, гигантского энергетического колпака в небе уже не было. Он исчез бесшумно, не оставив никакого следа.

— Твою мать! — высказался сержант.

И уставился на изумрудную воронку внизу. Она тоже менялась, темнела, вращалась все быстрее. Воздух пронзительно шипел, леса качались, людей со всех сторон поволокло по бетону. Перевернулась горящая тачанка, другая, опрокинулся навес, начали падать шатры... Воронка стала бледно-синей, потом черной. Громовой хлопок — и ее не стало.

Наступила тишина. Погасли прожекторы. Но темноты не было — в ночи повсюду горели пятна порталов. То один, то другой затухал, и новые на их месте уже не возникали.

Каримов сел на штанге, поплевал на ладони, обхватил ногами стойку и полез вниз.

ЭПИЛОГ СТРАННИКИ В МИРАХ

— Тебе не в чем себя винить. Не мог ты тогда ему помочь.

Голоса раздались за спиной, но Кир не оглянулся. Он сидел на краю колодца в центре алтаря, свесив ноги, и пересыпал из ладони в ладонь горсть бетонных крошек. Прожекторы по-прежнему не работали, но там, где были шатры, горел большой костер, да к тому же со всех сторон сияли порталы. Они постепенно гасли — только возле Эгалита их раньше было с десятков, а теперь осталось три.

Издали доносились выстрелы и гул моторов. Впереди несколько бывших рабов и сайдонцы, все — раненые и потому не участвующие в бою, поднимали последние тела, оставшиеся на краю алтаря, и уносили к костру.

— Мог, Леха, мог бы помочь. Если бы вернулся...

— Слушай, Костя, прекращай. Ты на себя посмотри — живого места нет. Ты уже ни на что не был способен после того, как сначала того офицера убил, а потом еще двоих. Я видел их тела возле колонны, и что ты с ними сделал — видел. А что они с тобой сделали, сейчас вижу. Цел остался, теперь вот ей помочь можешь — уже хорошо.

Бросив бетонные крошки в колодец, на дне которого горели синие огоньки, Кир обернулся. Света порталов хватало, чтобы разглядеть идущую к нему троицу. Лабус сильно хромал и опирался на грубо сколоченный костыль, одна рука висела на перевязи. Под мышкой Костя держал кирку.

На голове Курортника была повязка, на плече он нес лопату. Между спецами шла, глядя под ноги, девушка.

Они двигались с той стороны, откуда доносились выстрелы. Бой сосредоточился в одном месте, где-то за периметром лагеря.

В темном небе с гудением пронесся самолет.

— О-па! — сказал Лабус. — Ну все, очухались они там... Почему ж так долго?

— Купол, перед тем как исчезнуть, расширился, — пояснил Алексей. — Получается, накрыл всех, кто вокруг него находился. У военных электронику повырубало... Представляешь, какая теперь неразбериха? Но скоро подтянутся. Каримов с тремя своими бойцами поехали доложить, что здесь произошло.

Они встали над Кириллом.

— Стреляют... — он неопределенно махнул рукой.

— А то! — кивнул Лабус. Выглядел прапорщик совсем плохо, даже усы как-то поникли, голос у спеца дрожал. — Варханы в трех домах засели, партизаны их окружили.

— Партизаны таки появились?

— Подошли несколько отрядов. На звук боя. А перед тем, Леха вот говорит, к лесам тачанка из-за периметра вылетела, и в ней Павло наш, и еще терианцы какие-то, да с пулеметом, давай там гонять, косить врагов...

— Только это нас и спасло, — заметил Курортник. — Но Веня погиб. И Вета.

— Но Голубки живы! — добавил Лабус.

Он тяжело опустился на бетон, позвал: «Аня, садись», потянул девушку за руку. Она послушно пристроилась рядом, и тогда Кир вспомнил ее.

— Какая ж Аня? — сказал он. — Это Люда.

Лабус вскинул голову.

— Ты ее знаешь?

— Ну, вроде того.

— Как это «вроде»? Рассказывай!

— Да я только раз ее видел. Это лаборантка Бурового, ну, оттуда, снизу, где генератор построили.

Курортник, присевший было рядом с Лабусом, выпрямился.

— Кстати, надо нам вниз сходить, Костя. Что там сейчас?

— Там Денис, Омний и несколько терианцев, — пояснил Кир. — Я не стал спускаться, не хочу на них всех смотреть, а вы идите.

Он едва не добавил: «Идите и не мешайте мне думать».

— У меня только один вопрос, Кирилл. — Лабус с трудом выпрямился. — Что тут стряслось, ты видел?

— В смысле, где?

— Наверху, на алтаре этом. Здесь Хорек был? Ты его не знал ведь, да? Такой мальчишка лет десяти, рожица глуповатая, коротко стриженный.

— Психованный, — добавил Курортник.

— Не психованный, а нервный. Так он здесь был?

— Я не знаю, — развел руками Кирилл и поглядел в сторону трех порталов, горевших между башнями. — Какого-то мальчишку внизу, в зале, я точно видел. Потом он убежал за стариком, то есть за темником, как его Денис назвал, а потом...

Лабус с Курортником выжидающе смотрели на него.

— В общем, когда мы поднялись, тут был такой след. От тела вашего капитана — к portalу, который потом погас. Портал этот странный, двухцветный, мне показалось. Внутри багровый, а по краю вроде крапчатый, с желтыми пятнами. Вон, видите, один из тех трех примерно такой же расцветки, только бледней... Так вот, по-моему, уже после отключения большого портала здесь появились варханы. Но когда мы поднялись, они все были мертвы. Тела лежали так...

Кирилл помахал рукой, пытаясь воссоздать картину.

— Короче говоря, будто кто-то прошел прямо сквозь отряд штурмовиков, убивая их на пути. Голыми руками и, может, ножом, не знаю. Теперь-то тела унесли, а тогда... Короче, меня стошнило, хотя за последнее время насмотрелся вроде. След из крови и тел шел от вашего капитана к пятнистому portalу. И там пропадал.

— Не хочешь же ты сказать, что это Хорек? — насупился Лабус. — Ребенок!

— Ничего не хочу сказать, — заверил Кир. — Описываю, что видел. А что с капитаном?

Курортник похлопал по черенку лопаты.

— Похоронили вот. Другие тела они сжигают, это правильно, в общем, при таком количестве мертвецов, но Соту мы решили закопать.

Длинная пулеметная очередь донеслась с той стороны, где раньше звучали только одиночные выстрелы, и Лабус дернул себя за ус.

— Приперли их! Там такой майор — зверь. Когда еще партизаны появились, командование на себя взял, решительный мужик, всех построил, организовал.

Кирилл наконец решил задать вопрос, который вертелся на языке с самого начала.

— Что с Яковом? Я его так и не видел после возвращения...

Он был уверен, что знает ответ, — но, как оказалось, ошибался.

— Жив, — сдержанно улыбнулся Курортник. — Только обожжен сильно. Лицо, грудь...

Но выживет. А вот Явсена нет, сгорел в кабине.

С тяжелым рокотом над ними пролетел вертолет, следом еще два. Спецы помолчали, слушая удаляющийся рокот, и Алексей сказал:

— Пойдем, Костя, посмотрим, что внизу.

Лабус, оставив костыль и неловко нагнувшись, взял Люду за руку, поднял.

— Пойдем, Аня... то есть Люда. Вот же, а ведь привык уже, теперь переучиваться. Если ты из этой лаборатории, так, может, увидишь знакомое место — и память вернется. Ну ладно, Кирилл, еще встретимся.

Курортник махнул ему, Лабус кивнул, взял Аню под руку, и они пошли к лестнице.

— Сомневаюсь, — тихо сказал Кирилл вслед.

Он достал из ножен катану и несколько раз взмахнул ею, вернувшись к размышлениям, от которых его отвлекло появление спецов с девушкой. Сделал выпад, провел быструю серию ударов и остановился, заметив женщину на другой стороне Эгалита. Сначала ему показалось, что это Мариэна — такой же рост и прямые темные волосы, — но нет, незнакомка была старше и полнее. Беременная, понял он. Женщина внимательно смотрела в его сторону, сложив руки на выпирающем животе. Месяц этак восьмой, наверное. Что ей надо, чего смотрит? Она глядела еще несколько секунд, потом повернулась и медленно двинулась прочь.

Кирилл, смущенный этим пристальным взглядом и раздраженный своим смущением, засунул катану обратно в ножны. Стащив со спины скорч, отщелкнул магазин, присел и стал заряжать его патронами, которые извлек из сумки на боку. И сумку, и патроны он раздобыл недавно, как и длинный варханский нож, и боеприпасы к двустольному пистолету, и еще флягу с водой, и несколько галет, и вяленое мясо.

Он как раз успел закончить с магазином, когда неподалеку раздалось верещание. В свете трех горящих за башнями порталов по краю Эгалита мчался бородатый мужичок, спотыкался, падал, вскакивал и бежал дальше. Его догонял Илья с пистолетом. В очередной раз упав, бородач встал на колени, повернулся — ствол пистолета ткнулся ему в лоб. Он заголосил. Позади из темноты выдвинулась монументальная фигура в красном платье. Женщина остановилась, наблюдая за происходящим. Илья посмотрел на нее, на бородача — и ударил того стволом по лбу. Мужик с готовностью повалился на спину, словно только того и ждал. Перевернувшись, встал на четвереньки. Илья размахнулся и от души пнул его по толстому заду. Завизжав на всю округу, бородач на коленях пополз к женщине, обнял ее за бедра и зарылся лицом в пышную юбку. Женщина положила большие руки ему на голову, погладила. Илья в сердцах плюнул в их сторону, повернулся, махнул пистолетом Кириллу и побрел прочь.

Стало светлее, близилось утро. Выстрелы звучали реже, в той стороне начался пожар — судя по силе зарева, горели сразу несколько домов. Повесив скорч за спину, Кирилл проверил пистолет. Он уже принял решение, пора было идти, но Кир ждал того, кто принесет ответ на один важный вопрос.

Из колодца послышался шорох, стук. Над краем показалась голова забравшегося по штанге Дениса, и вскоре ученый вылез на бетон. Левое запястье было перемотано бинтом.

— Я у него спросил, — с ходу начал Денис, — припер, можно сказать, к стене. Ему некуда было деваться, я и выдал ему в лицо, как ты попросил: мол, что-то не так с варханами, слишком узкий набор эмоций они демонстрируют... Я сам, правда, не очень понимаю...

— Просто я наблюдал за ними в лагере, — Кирилл вложил пистолет в кобуру. — Они все будто деревянные какие-то. Ну как у азиатов, если замечал, обычно физиономии менее подвижные, чем, допустим, у славян. Почему? Не потому ведь, что у них лицевые мускулы слабо развиты, просто их так воспитывают. Почему все варханы такие же, а вернее, еще хуже — будто роботы какие-то? Омний ответил?

— Потому что в нашей системе миров на самом деле не четыре реальности, а пять, — сказал Денис. — Потому что есть еще бервалд, «мертвый мир». Настоящее его название — Вархонт. Предтечи использовали его как ссылку. Они разработали технологию превращения

людей в манкуратов как наказание для преступников. Преступников, как бы сказать...

— Умственно оскотили?

— Да, и ссылали в этот мир. Представляешь, превратить в тюрьму целую реальность? Варханы — потомки тех манкуратов, которые в один прекрасный день подняли восстание, захватили находящиеся в Вархонте порталные машины и вернулись, чтобы отомстить «проклятым», как они называли своих тюремщиков... и создателей. Манкураты эмоционально ущербны, и хотя генетически такая «психическая оскотленность» передаться не могла, но она вошла в их культуру. Они так воспитывают детей с младых ногтей — не показывать эмоций, сдерживаться, чураться открытого проявления чувств. Вот почему они казались тебе деревянными. А пеоны — потомки предтеч, и у них не принято упоминать Вархонт. По-моему, они попросту стыдятся того, что их предки делали когда-то.

Он замолчал, уставившись Киру за спину. Тяжелые шаги донеслись сзади, и Кирилл повернулся, заранее зная, кого увидит.

Павел Багрянов остановился рядом, барабанил пальцами по цевью АК.

— Привет, парни, — произнес он.

— Привет, — Кир с легким удивлением оглядел курсанта.

Тот как-то посуровел, а еще будто увеличился в размерах, хотя и до того был немаленьким. Раньше он напоминал Кириллу такого накаченного плюшевого мишку, а теперь стал похож на настоящего медведя — неповоротливого и грузного, но уже не туповатого хулигана, а опасного, пусть и не отличающегося острым умом бойца.

— Мариэна и Батур живы? И Гумача?

Павел задумчиво кивнул, поглядывая в сторону трех порталов за башнями.

— Они возле домов, где засели варханы. Помогают майору выкуривать гадов.

— А Леша? — спросил Денис.

Багрянец посмотрел на ученого, крылья носа раздулись. Он открыл рот, но не успел заговорить: над базой пронеслись два самолета. Когда рев стих, Павел сказал:

— Исчез он, парни. Потерял я его. Или он сам прыгнул.

— Не понял, — сказал Кирилл. — Как это?

— Да так! Вроде сиганул куда-то... Не ронял я его, честно! Как... как ветром сдуло, раз — и нету! Он вроде дернулся у меня в руках, да и соскочил.

— Куда соскочил? Хочешь сказать, он между порталами исчез?

Кирилл с Денисом переглянулись.

— Говорю вам: я в воронку эту ёксельную шагнул с Лешей на руках, а вышел уже без него! — Павел сжал кулаки, глубоко вдохнул и продолжал спокойнее: — Но не в этом дело, а в том, что я не представляю, жив он или мертв. Он вроде не дышал уже. А может, дышал, просто я не слышал... теперь не выяснить. Вот и хожу, переживаю.

— Но куда он мог деться? — все еще не понимал Денис.

— Куда-куда... туда. В глубину между порталами прыгнул.

— Некуда там прыгивать, там ничего нет.

— Ты откуда знаешь, что там есть, чего нет? Так, а ну вали отсюда, Эйнштейн! — разозлился Павел. — Тебя внизу ждут, вот и шагай туда!

Пожав плечами, Денис кивнул Кириллу и вернулся к колодцу. Усевшись и свесив ноги, повернулся, лег животом на краю, скользнул вниз. Когда он исчез из виду, Павел быстро повернулся к Киру, словно ждал, пока они останутся вдвоем.

— Слушай, я за тобой из-за башни наблюдал. Ты туда собираешься, да? Ну... наружу?

Кир рассеянно кивнул, раздумывая над тем, что могло произойти с Лешей. Павел обошел его, встал перед ним.

— Видишь, что у меня с собой? — здоровяк тронул пистолет на ремне. — И еще скорч, как у тебя, и автомат, и патронов кучу насобирав. Еда тоже имеется.

— Молодец. — Решив, что больше тянуть незачем, Кирилл зашагал к башням, между которыми горели порталы.

— Эй, ты не прикидывайся дураком! — Павел поспешил за ним. — Вроде не

понимаешь, о чем я!

— Да понимаю я все, просто ты мне не нужен, — сказал Кир. — Зачем? Я без тебя обойдусь.

— Может, и обойдешься, а может, и нет. По-любому я тут не останусь, мне тут больше делать нечего. А там... может, сразу разойдемся, но вообще-то первое время вдвоем будет сподручнее. Я Лешу хочу найти или хотя бы узнать у кого-то, было ли раньше такое, чтоб кто-то между порталами оставался, и если да, так что с таким человеком приключается. Но поначалу трудно будет, мы ж не знаем совсем, что там ждет, потому вдвоем лучше. Скажешь, не прав я?

Кир знал, что он прав. Как знал и то, что он сам поступает правильно. Интересно жить, когда впереди неизведанное, — и плохо, если в будущем тебя ждет только то, что уже было в прошлом.

Здесь у него не осталось ничего, о чем стоило жалеть. И никого, о ком надо вспоминать. Ни семьи, ни друзей, ни врагов... Ничего за спиной, а вот впереди, он был уверен, много всего.

Пройдя мимо колонн, Кирилл Мерсер остановился, и Павел Багрянов встал рядом. Над Москвой и областью разгоралось утро. Порталов, еще час назад мигавших по всему лагерю, было теперь гораздо меньше — но три по-прежнему сияли между башнями.

Кирилл покосился на Багрянца, решил, что первое время и правда можно путешествовать вдвоем, потом не спеша оглядел порталы.

— Какой предпочитаешь? — спросил он. — Зеленый, синий или багровый в крапинку?

* * *

Простреленное ухо пришлось замотать тряпкой, но путешественника больше беспокоила шея. Когда он пытался распрямить ее, позвонки будто сдавливало тисками. Шея опухла, хотя дышал он нормально и надеялся, что горло не повреждено.

Треснувшее ребро болело, глубоко вдохнуть не получалось. Ныли плечи, руки, рассеченная сигуром ладонь... все тело ныло.

Это не помешало ему обойти горячее болото, где из булькающей, молочно-белой трясины рос черный бамбук, миновать несколько иглообразных гор, пересечь рощу мертвых деревьев и заночевать в каменной развалюхе без крыши.

Путник жалел о потерянной пике, но зато у него был двуствольный обрез-разрядник, а еще он нашел длинную прямую палку, которую использовал как посох.

Небо этого мира было багровое, тучи в небе — тяжелые и темные, солнце — тусклый красный шар, а воздух теплый и душный.

Утром опухоль на шее почти спала, но ребро болело сильнее прежнего, да и в ухе пульсировала боль. Выйдя на берег небольшого озерца, путник напился мутной теплой воды. Разболелся живот, но это скоро прошло. После полудня он сбил посохом вспорхнувшую из камней птицу, выпотрошил, разжег костер, затушил в глине и съел.

А к вечеру, уже едва ковыляя из-за боли в боку, набрел на башню из черепов.

Черепя были большие и не совсем человеческие, более округлые, с овальными глазницами. Их скреплял засохший белесый раствор, возможно добытый из озера, откуда путник недавно пил воду. А может, из болота, которое он миновал вчера. Башню окружало пятно пожухлой желтой травы и низкая «черепная» ограда с проломами. У ограды стояла сплетенная из тростника повозка без одного колеса. На устилающей дно повозки шкуре он нашел рваную котомку, а в ней — ломти вяленого мяса, глиняную бутылку с легким терпким вином, связку сушеных грибов и мешочек с орехами. Возле повозки смердела полуразложившаяся туша, похожая на бычью, но с рогами, закрученными винтом. Из хребта торчал проржавевший волнистый клинок.

По стене башни, просовывая пальцы в глазницы и упираясь ногами в покатые гладкие лбы, путник забрался на круглую крышу, сел там и посмотрел вдаль. К ночи ветер из

горячего стал теплым, трава сухо шелестела под его порывами. Впереди высились красные горы, узкие, с острыми вершинами — тусклый круг солнца сползал за них, будто за частокол. С другой стороны мира небо темнело, в нем проступали алые крапинки звезд. В том направлении виднелась огромная прямая трещина в земле, воздух над ней дрожал от жара. Справа курились далекие сопки, слева закатные лучи поблескивали на волнах еще более далекого моря. А может, это был океан.

Путник спустился на землю. Через круглый проем он проник в башню из черепов и нашел там тростниковый тюфяк.

Он провел в башне четверо суток, постепенно набираясь сил. Он пил, ел и спал, иногда выбирался наверх и разглядывал мир. Порой в небе что-то пролетало, но так далеко, что неясно было даже, живые это существа или какие-то аппараты. Однажды над самой большой сопкой поднялись клубы огня и с той стороны донесся низкий гул.

Он выцарапал надпись на лобной кости одного черепа и так избавился от своего старого имени. Потом попробовал выбрать себе новое, но не смог ничего придумать. Да и зачем? Пусть его назовут другие, когда он встретит их, а о себе самом путнику достаточно было думать «я», в другой идентификации он не нуждался.

Ему нравился этот мир. Он был доволен собой и окружающим, вот что главное. Для полного счастья не хватало лишь одного.

На пятый день, собрав остатки снеди и повесив на пояс очищенный от ржавчины меч с волнистым клинком, путник отправился дальше, в сторону гор. Повязку с головы он снял, обнажив изуродованное ухо. Шея больше не болела и сгибалась нормально, хотя ребро пройдет еще не скоро.

Через несколько суток вино закончилась, еда тоже. Он ловил ящериц, поедая сырыми, захваченную в дорогу бутылку наполнял водой из ключей.

Спустя три дня путешественник вышел на большую скалу. Под ним в окружении конических гор лежала долина, утканная красными каменными столбами. Арки и подвесные мосты соединяли их склоны с многоэтажными домами из дерева и камня.

Примерно треть города была отделена извилистой дамбой, по желобу на вершине которой струился поток воды. На берегах горели фонари. Дамба начиналась у основания скалы, на вершине которой стоял путник, и пропадала между склонами в глубине долины. Казалось, течения там нет, но в некоторых местах лениво крутились водяные колеса, на треть погруженные в канал.

Алый диск солнца поднимался за спиной путешественника. Из долины впереди доносились первые, еще робкие, сонные звуки пробуждающегося города.

Он глубоко вздохнул. Крыши! Их там множество — квадратные, прямоугольные, треугольные, круглые, со шпильями, башенками и со всем прочим, что положено крышам.

Впервые с тех пор, как оказался здесь, он улыбнулся. Теперь он был по-настоящему счастлив. Предвкушая более близкое, более тесное, дружеское знакомство с городом, его обитателями и их великолепными крышами, безымянный странник легкой походкой зашагал вниз.

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Сергей Антипенков
ЗЕМЛЯ-ТЕРИАНА

Отгремели выстрелы внутри Старбайта, схлопнулся портал на Териану. Часть отряда главных героев по воле автора произведения (не без участия читателей, проголосовавших за такое отвлечение сюжета) отправились в иную реальность, оставив оккупантов ковыряться в развалинах. Что же дает такой поворот событий?

— Возможность отыскать первоисточник нападения — особенно если учесть, что на Териане присутствуют силы сопротивления, способные оказать помощь своим

иномирянским коллегам в борьбе против оккупантов;

— возможность изучить, так сказать, изнутри мир, из которого вышел враг;

— существует возможность дойти до одной из установок, питающих купол на Земле, — разрушение такой цели приведет к гибели экспедиционного корпуса, вооруженного не самыми современными оружием и техникой.

Разделение отряда на две группы позволяет охватить действием уже две локации, как бы размывая общее количество имен и действующих лиц. Согласитесь, поименно помнить всех бойцов в отряде и описывать их действия в одном месте несколько утомительно и тяжеловесно, теряется стремительность. Многочисленные фразы на тарабарском наречии слегка напрягают. Но вернемся к земной группе отряда — костяк его составляют военные с примкнувшей к ним «группой товарищей» в лице Лагойды и его телохранителей, а также пленного пеоны. Соответственно и цель у этого отряда уже не научные изыскания, а лагерь варханов, еще конкретнее — установка связи. Находится рассадник зла угадайте где — естественно, в Кремле, вернее в том, что от него осталось. Захват установки, определение цели-панацеи в этой локации — вот основные действия земной части отряда.

Отдельными кусочками идет путешествие малолетнего «охотника на демонов» Хорька — маленького человечка на большой войне.

Что можно сказать по этой части? Динамично продолжает действие первой книги, при этом рисуется новый мир, происхождения в котором главных героев сами по себе увлекательны. Ну а разбивка на два мира добавила динамизма, усилила интригу.

Андрей Малюков БЕРСЕРЫ НЕ МЕДЛЯТ

А ведь берсеры действительно не медлят — вторая часть получилась просто отличной! Особенно «вкусными» показались мне интриги варханов, всё это намечающееся противостояние темников в союзе с кланом Гронов против остальных, конфликт с вестницами... А как ловко Максар, стремясь к власти, «решил вопрос» Косты, разделившись заодно с проблемой Анги? Кому-то это всё может показаться слишком кровавым и жестоким, но у меня душа радовалась, когда я читал, как он подставил вестницу, превратив её в убийцу жирного коменданта. Теперь варханы из какой-то безличной силы превратились в настоящих, полноценных врагов, которые действительно внушают опасение своей мощью и коварством. Не забыты и люди из отряда Сотника, и Хорек, и терианцы... Все герои в этой части действуют, сюжет двигается вперед, проясняются новые обстоятельства, ситуация меняется, нет ни однообразия, ни чрезмерной суеты и сумбура.

В общем, конфликт развивается на «пять с плюсом», а что еще ждать от приключенческой книги?

Максим и Евгений Фетисовы КАК ДАЛЬШЕ ЖИТЬ — НЕПОНЯТНО, И РУШИТСЯ МИР

Как кубинские революционеры помогли повстанцам с Терианы?

Автор все глубже погружает нас в реалии партизанской войны, показывая разные стороны поведения народов, живущих на оккупированных территориях: это и пеоны, и отряды сопротивления, и доносчики, и те, кто просто продолжил жить и работать, приняв Нашествие как смену власти. Мы видим, как важно взаимодействие между партизанами и мирным населением. А ведь у каждой реальности есть еще и свои незримые герои, например, такие как Хорек. Полноту картине добавляют стычки с разведчиками, предательство, захват грузовых караванов и многие другие атрибуты партизанской войны.

Видно, что у двух реальностей много общего, и не только в поведении населения. Ведь через порталы миры обменялись семенами растений, насекомыми и даже животными!

Какой навоз лучше всего подходит для апгрейда ПК?

Автор еще ближе знакомит читателей с технической и физической «начинкой» мира Терианы. Он подробно разбирает устройство многих электронных приборов и механических приспособлений, рассказывает о своеобразном течении времени и даже затрагивает причину, по которой развитие Терианы пошло по такому странному пути.

Когда же, наконец, застрелится Денис?

Очень интересно предстает перед нами внутренний мир многих уже знакомых или совсем новых персонажей. В первую очередь — паника молодого ученого из «Старбайта», который от всего пережитого уже близок к умопомешательству. Своеобразную изюминку добавляет сержант ОМОНа Руслан, который просит ничего не рассказывать о мирах и не разносить «прочий бред» среди его подчиненных, чтобы не поднимать панику из-за непознанного. Для него и остальных бойцов отряда варханы — всего лишь противник. Ведь так проще, потому что как вести себя с противником, их учили.

Выводы:

А итог таков: «Сближение» позволяет нам еще лучше узнать миры, персонажей, увидеть, как каждый из них находит свой смысл жизни. Хотите еще больше погрузиться в реальность «Нашествия» — милости просим. А если решили пропустить часть из-за отсутствия каких-либо серьезных сюжетных сдвигов, ну так ребята, кто ж так книги читает!

Андрей Бывшев ЗАХВАТ

Итак, развязка книги уже не за горами! Читателю предстоит пройти экстрас-курс «Диверсионных действий» под руководством Лукана и узнать, как обмануть Мастер-командера терианского Центавроса Нектора бер'Грона с помощью сигнального семафора. Оценить мастерство Батура в управлении Гранчем и понять, зачем в самолете кувалда. Насладиться выступлением воздушных гимнастов Лёши, Багрянца и Гумача под куполом Центавроса с применением пиротехники и стрельбой по мишеням. Далее в программе — синхронные прыжки в воду группы Нардиса, игры в прятки, догонялки с группой Сотника, а также вводный курс на тему «почему не стоит обижать землянок».

Все это и многое другое захватывающе и динамично описано в четвертой части, «Захват», ключевыми моментами которой будут авантюры, погони, перестрелки. И все — в непрерывном ДВИЖЕНИИ. А самое главное, автор подводит нас к еще не разгаданным секретам заключительной части интерактивного романа «НАШЕСТВИЕ»!

Екатерина Калашникова РАЗГРОМ

Эта часть сочетает в себе и трагизм, и любовь, и возмездие, и даже немного юмора.

Трагизм.

«Не доживем до утра», — осознаёт Сотник, но это не пугает его, ибо после потери всех близких Игорь преследует одну цель: освобождение Земли от варханов. Он умирает за неё, не зная, что Тоня выжила. Своей смертью Сотник обеспечивает жене и ребёнку свободное будущее без цепей и оков, без стрельбы каждую минуту, унижения, рабства и смерти на каждом шагу.

Возмездие.

Подлый Рост Лагойда, стремясь сохранить свою жалкую, бесполезную жизнь, только и мечтает о том, как найти нового хозяина, при котором он будет беззаботно существовать, и угодить ему. Но вместо этого находит только достойную его смерть: умирает от пули Багрянца, который принимает предателя за вархана. Проезжающие мимо земляне сразу

забывают про него и никогда уже не вспомнят.

Время покажет...

В финале проявляется истинная сущность каждого. Денис, все время страдавший от малейшей боли, боявшийся любых трудностей, понимает цену возможного поражения и всю ценность победы и ползёт к Сибу. И молодого учёного уже не волнуют такие мелочи, как попадающие в него пули.

Игорь, собравшись с последними силами, убивает Максара и умирает сам. Но тем самым спасает Хорька (в первой книге не очень понятно, почему автор уделяет такое внимание мальчишке, но теперь-то ясно, что А. Левицкий отвёл ему одну из главнейших ролей), Дениса и множество людей, которых ещё мог убить жестокий вархан за свою жизнь.

Война везде одинакова.

Прочитав эту часть, можно сравнить борьбу против варханов с Великой Отечественной войной: тоже есть партизаны; есть свои герои — люди, готовые отдать жизнь за освобождение от «фашистов» варханов; крепнет патриотический дух, вера в общее дело и победу; встречаются и предатели — «полицай» Лагойда, и «тайные агенты» — Габрил Вишу и Явсен.

В финале автор раскрывает идею «добро побеждает зло». На борьбу с варханами поднялись люди четырёх миров. Их объединила общая цель — освобождение от захватчиков, — и не помешали такие препятствия, как языковой барьер, постоянный гнёт варханов, отсутствие связи между мирами, недостаток ресурсов для сражения.

Разгром означает не только победу над врагами, но и уничтожение мечты, мировоззрения, плана и веры коменданта земного Центавроса Максара бер'Грона. В последние секунды жизни он понимает, что «власть над всеми мирами невозможна, и жизнь его была бессмысленна».

Конец или начало?

Роман, ставший культовым в Интернете
еще до выхода этой книги.

Роман, породивший цикл
реальных городских игр.

Книга о вторжении, о невероятной войне
в мегаполисе, о том, что будет с людьми
во время оккупации.

Книга о том,
что вскоре ждет всех нас.

www.ast.ru
www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-075809-8

9 785170 758098